

E.T.A. Hoffmann

*Leben und Werk
in Briefen,
Selbstzeugnissen
und
Zeitdokumenten*

Herausgegeben
von
Klaus Günzel

Verlag der Nation
Berlin 1984

Э.Т.А. Гофман

*Жизнь и творчество.
Письма,
высказывания,
документы.*

Перевод с немецкого.

Составитель,
автор предисловия,
послесловия
и вступительных текстов
к разделам
Клаус Гюнцель.

Москва „Радуга“
1987

ББК 83. 34-8

Г 74

Предисловие к русскому изданию А. Карельского
Комментарий Н. Литвинец
Перевод с немецкого Т. Ключевой
Редактор И. Голик

Г 74

Э. Т. А. Гофман:

Жизнь и творчество. Письма, высказывания,
документы. Пер. с нем. Составл. К. Гюнцеля. –
М.: Радуга, 1987. – 464 с.

Книга К. Гюнцеля "Э. Т. А. Гофман. Жизнь и творчество. Письма, высказывания, документы" – популярная биография выдающегося немецкого писателя, музыканта и художника (1776–1822). Жизнеописание одного из крупнейших представителей позднего романтизма построено на большом фактическом материале, включающем дневники и письма романиста, воспоминания о нем современников. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Рисунки Гофмана воспроизводятся по фотокопиям издательства "Ферлаг дер нацфон".

Редакция литературоведения и искусствоведения

©Предисловие, примечания и перевод на русский язык
издательство "Радуга", 1987

Г 4063000000-118 070-87
030(01)-87

ББК 83. 34-8

Жизненные воззрения Э. Т. А. Гофмана

Биография, предлагаемая вниманию читателя, необычна. История жизни великого немецкого романтика предстает здесь главным образом в документах – дневниках писателя, мемуарах современников и т. д. Но составитель книги, видный литературовед ГДР Клаус Гюнцель, не ограничивается хронологической и тематической аранжировкой этих документов, равно как и не довольствуется ролью простого их комментатора. Он ведет и свою линию – линию традиционного жизнеописания. На первый взгляд может показаться, что его собственный текст – тот же комментарий, только поставлен в начале каждого определенного хронологического отрезка. Однако внешняя сдержанность и скупость рассуждений Гюнцеля, их очевидная привязанность к цитируемым документам обманчивы: за ними скрывается вполне цельная концепция жизненного и творческого пути Гофмана. Просто она приобретает особую достоверность в силу того, что сразу же, будучи высказанной, подкрепляется свидетельствами из первых рук. Нам воочию демонстрируют, как взвешенное, спокойное литературоведческое истолкование рождается из первоначальной материи, в которой ничто еще не отстоялось, все находится в столкновении и брожении, все трепещет тем живым пламенем, которое когда-то, почти два столетия назад, поддерживало, питало и испепеляло реальную повседневную жизнь человека и художника по имени Эрнст Теодор Амадей Гофман.

Применительно к Гофману такая процедура обретает, пожалуй, особый смысл. Мало того, что он, подобно многим из его собратьев-романтиков, жил как бы в двух измерениях: в мире повседневных забот о заработке, службе, хлебе насущном – и в мире чрезвычайно напряженной, можно сказать,

взвинченной духовной активности. Мало того, что такое существование он осмыслял философски как извечную судьбу всякой гениальной натуры, как диалектику человеческого бытия вообще; он в своем итоговом произведении – романе "Житейские воззрения кота Мурра" – еще и придал этому раздвоению неслыханно дерзкую художественную форму, не просто поместив два разных жизнеописания под одной обложкой, но еще и демонстративно их перемешав. При всем при том оба жизнеописания отражают одну и ту же эпохальную проблематику, историю гофмановского времени и поколения, то есть один предмет дается в двух разных освещениях, интерпретациях.

Книга, изданная Клаусом Гюнцелем, в этом смысле как бы варьирует гофмановский канон. В ней тоже идут два течения – жизнь документированная и жизнь интерпретируемая, – только содержательная основа этой двухсоставной структуры уже иная: не горькая ирония, которая скрепляла роман Гофмана, а внимательно-сочувственное стремление понять и объяснить эту странную, такую разорванную и в то же время такую цельную судьбу.

Первый сборник повестей Гофмана вышел в 1814 году, когда немецкий романтизм уже миновал пору своего бурного расцвета. Как общее европейское духовное движение романтизм был вызван к жизни тем эпохальным переворотом, который ознаменовала французская буржуазная революция конца XVIII века. Эта революция, разрушившая систему феодально-сословных привилегий и выведшая на общественно-историческую арену массы третьего сословия, была поначалу воспринята молодым поколением как наконец-то открывшаяся эра всеобщей свободы. Но очень скоро оно увидело, что на смену феодальному засилью пришло засилье буржуазное, что вдохновлявшие революцию лозунги свободы, равенства и братства отнюдь не получили своего осуществления в реальности. В основе этого разочарования лежали те же причины, которые – уже применительно к народным низам – отмечал впоследствии, в 1889 г., Энгельс: "*Плебейское равенство и братство должны были быть только мечтой в такое время, когда речь шла о том, чтобы создать нечто прямо противоположное им, и, как всегда, по иронии истории, это плебейское понимание революционных лозунгов стало самым мощным рычагом осуществления этой противоположности: буржуазного равенства – перед законом и братства – в эксплуатации*"¹

¹ Маркс К. и Энгельс Ф.
Соч., изд. 2, т. 37, с. 126.

Романтическое поколение попыталось противопоставить прозаической буржуазности идеал человека духа, гениальную творческую личность. Революционный порыв к свободе соединился в их философии бытия и искусства с упованием на всемогущество художника-творца. Это особенно проявилось в немецком романтизме, возросшем на питательной почве отечественной идеалистической философии. Ранние немецкие романтики – так называемая "йенская школа": братья Фридрих и Август Вильгельм Шлегели, Новалис, Людвиг Тик, Вильгельм Генрих Вакенродер – на рубеже XVIII–XIX веков провозгласили искусство, духовную деятельность единственной преобразующей силой.

Но эти исходные посыпки очень скоро обнаружили свою этическую уязвимость: строя возвышенно-утопические проекты грядущего царства духа и поэзии как некоего высшего выражения гуманности, первые романтики в то же время решительно отвергли современный реальный мир как недостойную их забот сферу буржуазной пошлости и бездуховности. Мечтая о "человечестве грядущих поколений" (Гёльдерлин), они в современном им человеке видели лишь "филистера". С программой гуманизма вступала в противоречие элитарность позиции.

Но они сами распознали эту опасность. Всего через каких-нибудь пять-семь лет в немецком романтизме появилось противонаправленное течение, связанное прежде всего с именами Ахима фон Арнима и Клеменса Brentano (так называемая "гейдельбергская школа"). Йенскому культу гениальной личности гейдельбержцы противопоставили культ патриархальной народности, крайностям индивидуалистического самообожествления – крайность самоуничужения и растворения в "духе народном". Brentano уже в 1817 году перешел к самой экзальтированной религиозности и осудил свое искусство, искусство вообще как греховный соблазн, как эгоистическую интеллигентскую суетность.

Все это важно иметь в виду для осознания места и роли Гофмана в немецкой литературе его времени. Он пришел в нее, когда романтизм, казалось бы, уже испробовал все возможности и все их исчерпал. Как сказал тот же Brentano, "мы питались одной фантазией, и в отместку она наполовину пожрала нас самих". Это звучит как окончательный и не подлежащий обжалованию приговор.

И вдруг в повестях Гофмана – снова буйство фантазии, снова романтический художник-гений, снова откровенно артистическая игра. Что это – анахронизм? Искусственное самоомоложение романтизма? Возвращение на йенские рубежи?

Нет, здесь дело сложнее. Гофман самым непосредственным образом подключается к йенской традиции – это безусловно.

Зачеркивать ее он не согласен. Но и опыт Гейдельберга не прошел для него бесследно, его он тоже учитывает в полной мере. Он стремится к *синтезу* в самом точном смысле слова.

Иенцы возвысили романтического индивида до небес – это тезис. Гейдельбержцы низвергли романтического гения во прах – это антитезис. Гофмановский поиск синтеза прежде всего в том, чтобы не повторять крайностей тех и других. Его герой не витает в сферах возвышенных утопий, вне связи с реальностью, как, скажем, герой Новалиса; но он и не слился до неразличимости с другими людьми, не растворился в безымянном народном потоке, как герой гейдельбержцев.

При этом гофмановский синтез далеко не гармония, не уравновешенно-спокойная золотая середина. Напротив, Гофман резче, чем кто-либо другой, акцентирует дисгармонию, разрыв. Романтическое двоемирие – противоречие между реальной жизнью и идеалом – декларировалось и до него; но именно декларировалось, а не изображалось. Во всей своей бытийной весомости и во всей конкретности художественного, *образного* воплощения оно впервые предстало у Гофмана.

Его вдохновенный, идеальный романтический герой – "энтузиаст", по его терминологии, – обмирщен, поставлен в гущу реальности. "Место действия в большинстве его произведений не идеализированное средневековье, как в "Генрихе фон Офтердингене" Новалиса, не романтизированная Эллада, как в "Смерти Эмпедокла" Гёльдерлина, а современная Германия, разве что романтико-иронически либо сатирически шаржированная – как, скажем, современные Гоголю Малороссия и Россия в "Миргороде" и "Петербургских повестях". Это отличает Гофмана и от гейдельбержцев, которые даже если изображали современную Германию, то чаще всего как народно-патриархальную, то есть в конечном счете тоже идеализированную (Брентано в "Повести о славном Касперле и пригожей Аннерль").

Двоемирие тут уже не подразумевается, а снова и снова воплощается в конкретных образах и ситуациях; две сферы – идеала и реальности – постоянно сталкиваются друг с другом.

Но в то же время было бы упрощением абсолютизировать этот будто бы роковой разрыв. Присмотримся к его знаменитой формуле, данной самим Гофманом: "Как высший судия, я поделил весь род человеческий на две неравные части. Одна состоит только из хороших людей, но плохих или вовсе не музыкантов, другая же – из истинных музыкантов". Рассуждение по-гофмановски и по-романтически иронично; под "хорошими людьми" тут, конечно же, подразумеваются те, кого романтики иначе называли филистерами. Однако прямой смысл

эпитета "хороший" и не исчезает совсем; более того, последующее разъяснение насчет "плохих музыкантов" даже конкретизирует формулу, сообщая ей смысл точной и объективной констатации. Нам дают понять, что эти "филистеры" – не исчадия ада и не воплощения порока, а *люди*. Под привычной поверхностью (насмешка над филистерством) затаилась еще ирония над романтической категоричностью в отношении к филистерству. Продолжение формулы лишь подкрепляет этот смысл: "Но никто из них не будет осужден, наоборот, всех ожидает блаженство, только на различный лад".

Опять-таки: на проверку невелико блаженство, ожидающее "плохих музыкантов" у Гофмана. Никто другой из немецких романтиков не создал такого убийственного паноптикума филистерского ничтожества, какой разворачивается перед нами в гофмановском собрании сочинений. Но в обвинительном приговоре, выносимом здесь мещанству, отсутствие музыкального слуха далеко не единственный и, по сути, не главный грех, как это может представиться поспешному суждению, воспринимающему гофмановскую формулу буквально. Потому и прячется в ней ирония, что Гофман не хочет элитарного высокомерия. Музыкантами рождаются, а филистерами становятся. И он, изощреннейший насмешник, карает пороки не врожденные, а приобретенные. Человек может или не может посвятить себя служению музыке, но посвящать себя служению кошельку и жлудке он не должен. Именно тогда происходят в нем необратимые извращения человечности.

Гофмановский паноптикум при ближайшем рассмотрении – больной *социальный* организм. Увеличительное стекло сатиры и гротеска безжалостно выхватывает в нем пораженные места, и то, что в первый момент кажется ошеломительным уродством, в следующий момент осознается как неумолимое действие закона. Так в знаменитой сказке о "крошке Цахесе" нам демонстрируется социальная механика закона отчуждения – присваивания реальных заслуг теми, кому они не принадлежат; так в "Песочном человеке" демонстрируется автоматизация общественного сознания; так в "Повелителе блох" вскрывается механизм правопорядка, извращаемого в угоду власти имущим. Лишь на этом фоне нам станет понятным фантазмагорический мир гофмановских оборотней, автоматов, двойников. В писательском отношении к нему – не только убийственная издевка, не только презрение "истинного музыканта"; в нем вообще *нет злорадства* – зато постоянно слышима и ощутима та же боль, которая прозвучала позже в знаменитом гоголевском восклицании: "И до такой ничтожности, мелочности, гадости мог снизойти человек! мог так измениться!"

В свою очередь отношение Гофмана к "другой части человечества", к "истинным музыкантам" тоже не только безоговорочное приятие. Казалось бы, все просто: двоемирие Гофмана – это возвышенный мир поэзии и пошлый мир житейской прозы, и если гении страдают, то во всем виноваты филистеры. Но на самом деле у Гофмана все не совсем так. Это – типичная исходная логика романтического сознания, и уж Гофману-то она знакома досконально, она им, как свидетельствуют приводимые Гюнцелем документы, испытана на себе. Но величие Гофмана в том, что он, все это перестрадав, сумел подняться над роковым противоречием, сумел понять, что модус трагически разорванного художнического бытия может оказаться и красивым самообманом, и даже красивой банальностью – если дать ему застыть, окостенеть, превратиться в непререкаемую догму. И вот с этой догматикой романтического самолюбования Гофман тоже воюет, во всяком случае, истово, бесстрашно ее анализирует, даже если он бывает вынужден, что называется, резать по живому. Легко было бы увидеть в горестных жребиях его героев-энтузиастов воплощение трагедии гения вообще – но это и была бы величайшая несправедливость по отношению к Гофману. Это та самая красивая банальность, которой он чурается. Докапываясь до причин страдания своих "истинных музыкантов", он обнаруживает их не только в окружающем филистерском мире, но и в самом сознании романтического гения.

В повести "Песочный человек" ее герой Натанаэль – несомненно, один из клана "энтузиастов" – одержим паническим страхом перед внешним миром, и эта миробоязнь постепенно приобретает болезненный, уже клинический характер. Невеста Натанаэля Клара пытается образумить его: "...мне думается, что все то страшное и ужасное, о чем ты говоришь, произошло только в твоей душе, а действительный внешний мир весьма мало к тому причастен... Ежели существует темная сила, которая враждебно и предательски забрасывает в нашу душу петлю... то она должна принять наш собственный образ, стать нашим "я", ибо только в этом случае уверуем мы в нее и дадим ей место в нашей душе, необходимое ей для ее таинственной работы".

Не дать темным силам места в своей душе – вот проблема, которая волнует Гофмана, и он сильно подозревает, что именно романтически экзальтированное сознание этой болезни особенно подвержено. Клара, простая и разумная девушка, пытается излечить Натанаэля по-своему: стоит ему начать читать ей свои стихи с их "сумрачным, скучным мистицизмом", как она сбивает его экзальтированность лукавым напоминанием, что у нее может убежать кофе. Но именно потому она ему и не указ:

она, выходит, убогая мещанка! А вот заводная кукла Олимпия, умеющая только вздыхать, оказывается Натанаэлю предпочтительней, и он влюбляется в нее, не видя, что это всего лишь хитроумный механизм, автомат.

В этой повести есть блистательные страницы, повествующие о том, как "благочестивые" жители провинциального городка не только принимают куклу в свое общество, но и сами готовы превратиться в автоматы. Но первым-то начал романтический герой! И не случайно эта гротескная история кончается подлинным безумием Натанаэля. Это история сознания, неспособного к верному, тождественному восприятию мира, ибо оно, выражаясь по-современному, романтически закомплексовано. "Фантазия наполовину пожрала нас самих", – сказал, как мы помним, Брентано. А в России это же положение дел пронизательно констатировал Белинский, высоко ценивший немецкого писателя: "У Гофмана человек бывает часто жертвою собственным воображения, игрушкою собственных призраков, мучеником несчастного темперамента, несчастного устройства мозга"¹. В этом, кстати, суть напряженной эстетической дискуссии, которая образует пространные промежуточные "сочленения" в цикле новелл "Серапионовы братья".

Один из самых страстных апологетов искусства, Гофман в то же время не удовлетворяется романтическим тезисом, что оно панацея от всех бед. Его художники – "истинные музыканты", "энтузиасты" – несчастны не только оттого, что филистерский мир их не понимает и не принимает, но и оттого, что они сами не могут найти "адекватного сознания", естественной и благотворной связи с реальным миром. Искусственно сконструированный мир – тоже не выход для души, уязвленной неустроенностью человеческого бытия.

В той гофмановской формуле о двухчастном мире не только ее "отрицательная" часть разделилась, как мы видели, на "плюс" и "минус"; неоднозначной предстает и категория "истинных музыкантов". Они для Гофмана объект не только сострадания, но и иронии – пусть сочувственной, но иронии. Двоится каждая из сторон "двоемирия"! А это и означает, что оно не абсолютно, что гофмановское представление о мире скорее *многогранно*. По меткому наблюдению исследователя, "мир у Гофмана един, но ему свойственна двойственность (Duplizität) и вообще принципиальная множественность... художник призван вобрать в себя и передать эту, почти не постигаемую разумом, сложность от-

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 2. М., изд-во АН СССР, 1953, с. 103.

крывшегося ему мира". И еще: "Гофман одинаково ощущает и засасывающий характер тины повседневности, и очарование обыкновенной жизни. Сила земной тяги всегда ощутима у Гофмана. Зная высочайшие страдания человеческой души, бесстрашно заглядывая в бездны отчаяния, он не остается глух и к успокоительной устойчивости банального"¹.

Как уже говорилось, сам Гофман в зените своего творческого пути придал идее двоимирия демонстративно обнаженную и заостренную форму в романе о коте Мурре. Внешне чисто механически сопрягая историю своего любимого героя, романтического музыканта Крейслера, с мемуарами ученого кота, Гофман сразу соблазняет нас привычным трафаретом двоимирия: Крейслер – энтузиаст, Мурр, конечно же, филистер. Но двоимирие тут же и расплывается, поманившие нас было четкие контуры оказываются оптическим обманом. Кот Мурр при ближайшем рассмотрении предстает не "классическим" типом филистера, а тоже "натурой незаурядной"², причем с явственным романтическим характером этой незаурядности, и его мемуары начинают функционировать как сознательная параллель жизнеописанию Крейслера – и параллель пародийная. Нужды нет, что при этом в истории самого Крейслера романтическое мироощущение подается в основном "беспародийно"³ – таким оно тут и должно быть: ведь пародии на пародии не создаются! Недвусмысленно ироническое зеркало и снимает как раз с истории Крейслера абсолютность, придает ей самой мерцающую двузначность – снова те же "плюс" и "минус", та же реальная сложность бытия⁴. А вот в небольшом этюде "Угловое окно", который диктовался писателем уже на смертном одре и явственная автобиографичность которого позволяет рассматривать его как истинное завещание Гофмана, необходимость внимания

¹ Ботникова А. Б. Пoesия и правда Э. Т. А. Гофмана. – В кн.: Hoffmann E. T. A. Auswahl. Moskau. "Raduga", 1984, S. 487, 493.

² Чавчанидзе Д. Л. Романтический роман Гофмана. В кн.: Художественный мир Э. Т. А. Гофмана. М., "Наука", 1982, с. 72.

³ Там же, с. 71.

⁴ Отсылаем читателя и к приводимому в книге Гюнцеля письму Гофмана 1820 г. к Й. Д. Симански, где пародийность линии Мурра в романе выражается автором вполне ясно.

к реальной жизни, захватывающая интересность ее для художника – даже если он и романтик до мозга костей! – утверждаются весомо однозначно, "прямым текстом".

Гофман, конечно, остался в немецкой литературе одним из главных ее романтиков; но его романтизм уже и взвешивает возможности нового, более широкого и беспристрастного – реалистического! – взгляда на мир. Во всяком случае, без присутствия реального земного мира, без "обыкновенной жизни" со всеми ее невзгодами и радостями он искусства не мыслит. Для Гофмана искусство – жизнь, и это во всех смыслах: он не только "жил искусством" или "жил для искусства" – он в своем творчестве всегда ощущал себя не только художником, но и человеком, со всеми вытекающими отсюда земными обязательствами. Чтобы понять это, достаточно прочесть хотя бы историю скандала вокруг его повести "Повелитель блох" – историю мужественной схватки писателя с высокопоставленными нарушителями закона. И вот этот человеческий смысл гофмановского литературного творчества, гофмановского романтизма выпукло представляет книга Гюнцеля с ее широкой документальной основой.

А. Карельский

Handbuch der Musik

Художник в жизни и в искусстве

Это могло быть в один из холодных декабрьских дней 1821 года. Генрих Гейне, студент юридического факультета Берлинского университета, шел по Шарлоттенштрассе и уже хотел было свернуть на Унтер-ден-Линден, как вдруг его внимание привлекло заведение совсем особого рода.

«Стой! Вот Кафе-Руаяль. Приветливого человека, который стоит в дверях, зовут Бейерман. Вот это хозяин! Ни капли лакейской угодливости, зато воплощенная любезная предупредительность. Поведения благородного, образован, однако при том служит неутомимо и ревностно - короче говоря, лучшего хозяина и быть не может. Войдем. Заведение отменное; впереди - самая превосходная берлинская кофейня, за ней великолепная ресторация. Место встреч эlegantных, образованных людей. Здесь можно часто увидеть интерес-

Подлинный случай в ресторане "У розы". Попрощавшись со своим другом Кунцем, Гофман стал свидетелем, как посетителя, который пригласил на танец свою даму, хватил (апоплексический) удар

www.rlln.!

нейших личностей. Но кто это там за столом, вон тот маленький юркий человечек с вечно подергивающимся лицом, с движениями забавными и в то же время жутковатыми? Это советник апелляционного суда Гофман, написавший "Кота Мурра", а высокий и важный господин, что сидит напротив него, – барон Лютвиц, который опубликовал в «Фоссише цайтунг» классическую рецензию на "Кота"...

Так молодой Гейне живо описал знаменитое Кафе-Руаяль в первом "Письме из Берлина". В последний, или, быть может, в предпоследний, раз сидел там "маленький юркий человечек с вечно подергивающимся лицом", развлекал и завораживая "движениями забавными и в то же время жутковатыми" своих товарищей по застолью, а когда письмо Гейне было напечатано, советник апелляционного суда Гофман лежал уже на смертном одре, осаждаемый грозными представителями прусского полицейского государства. Впечатление, которое произвел на Гейне этот странный, почти комичный и в то же время вызывающий необъяснимую внутреннюю тревогу, человек, почти целиком совпадает с многочисленными свидетельствами других его современников, бывших очевидцами шумных гофмановских пирушек в знаменитых берлинских ресторациях и винных погребках – у Мандерле и в "Золотом якорю", у Пуппа и, конечно же, у Люттера и Вегнера, где он проводил все ночи. Что же касается Кафе-Руаяль, то, будучи безнадежным должником, Гофман даже сочинял тексты, рекламирующие сие знаменитое заведение, подписывая зазывно-рыночные восхваления именем "Клеофаса Венцеля, почетного члена гастрономических обществ Берлина и Пекина", чтобы хоть чуточку поубавить огромную гору своих долгов. Многочисленные знакомые и незнакомцы, встречавшиеся на его пути, и в самом деле видели его только таким: кривлякой и шутником, быть может, духовидцем, общающимся с потусторонним миром, и горьким пьяницей. Лишь немногие (среди этих немногих был и студент Генрих Гейне) понимали, что имеют дело с величайшим немецким писателем. Пожалуй, именно его враги, эта свора из окружения шефа полиции фон Кампца, первыми поняли, кто скрывается под личиной злобного гнома берлинских винных погребков – мужественный человек, отважившийся выступить против наглых притеснений прусской реакции.

А вообще-то добропорядочным берлинцам нелегко приходилось с проклинаемым и прославляемым гражданином их города. В час, когда почтенный филистер натягивает на уши ночной колпак и отправляется в постель, советник королевского прусского апелляционного суда велел "затаскивать" уважаемых чиновников и добропорядочных людей в трактиры,

где принуждал их участвовать в шумных попойках. Так произошло, например, с благонамеренным редактором Фридрихом Вильгельмом Губицем, который поете такого вечера, по собственному его признанию, "всю жизнь терпеть не мог шампанского". Впрочем, подобными ночными проказами дело не ограничивалось. Среди бела дня строптивый судья сочинял свои заключения, воспринимавшиеся при дворе Гогенцоллернов и в министерствах отнюдь не с восторгом. В них он не устал требовать немедленного освобождения всех арестованных демократов и патриотов, хотя был нанят на службу Его королевским величеством совсем для других дел. Аккуратным каллиграфическим почерком заполнял он не только бумаги апелляционного суда, но еще и писал рассказы, с жадностью читавшиеся повсюду в Германии. Волшебный мир этих рассказов, яркий и увлекательный, чем-то напоминал атмосферу сказок "Тысячи и одной ночи". Ну, а то, что действие этих сказок и историй с привидениями разыгрывалось среди будней эпохи реставрации, делало их еще более увлекательными, хотя, впрочем, возрастало и недоумение их читателей. Уже "Житейские воззрения кота Мурра" остались во многом непонятными, в них увидели разве что занятную литературную шутку. А если еще добавить, что этот странный человек сочинил оперу "Ундина", триумфальная премьера которой состоялась в театре на Жандармском рынке, что он умел "удивительно похоже" несколькими штрихами набросать карикатуру на неприятного ему сослуживца, то получится совершенно сбивающий с толку портрет одного из самых необычных людей, когда-либо прогуливавшихся между Фридрихштрассе и Бранденбургскими воротами.

В самом деле, что общего имел он с эпохой, которую историки культуры снабдили безобидным ярлыком "бидермейер"? Что нужно было этому вечному дилетанту в истории немецкой литературы, которая потом почти целое столетие не знала, как с ним быть? Был ли он чем-то большим, нежели суетливым, вечно гонящимся за гонорарами создателем тривиальных историй? И если это в самом деле так, то куда его отнести? Был ли он, столь охотно цитировавший Лихтенберга и Руссо, с насмешливым рационализмом издевавшийся над блаженными часами отдыха обывателя, запоздалым сыном XVIII века? А может, он, скорее, завершал романтическую традицию, был в высшем смысле этого слова романтиком? Ведь как никто другой из его поколения умел он обнажить ночные стороны человеческого бытия, показать, как вторгается волшебство в земной мир. И разве не он одним из первых в свое время изображал человека и окружающий его мир со скрупулезной точ-

ностью, достигая тем самым удивительного правдоподобия и пролагая пути реализму XIX века?

Расхожими стали слова о глубоком дуализме, пронизывающем все творчество Гофмана, его поэтический мир особым двойным светом, об образах героев, которые у Гофмана отмечены печатью безнадежных противоречий. Действие его сказок происходит одновременно в чудесной Атлантиде и в Дрездене, в Джиннистане и в Берлине. Посредники в его сказках чувствуют себя как дома в обоих мирах: чудаковатый, но в то же время почитаемый обывателями тайный архивариус вполне может оказаться князем сказочного царства духов, а тайный советник и министр по особым делам, достигший высоких придворных почестей, – всего лишь отвратительным гномом.

Читатель постоянно сталкивается с двойственностью образов, с двойственностью места действия – в этом смысле действительно можно говорить о дуализме Э. Т. А. Гофмана, наметившемся к тому времени и у некоторых других романтиков, однако наиболее полное художественное воплощение получившем в "Золотом горшке", "Крошке Цахесе" и "Коте Мурре". Но здесь обращают на себя внимание некоторые важные особенности. Во-первых, неповторимый творческий облик Гофмана складывался отнюдь не под влиянием какой-нибудь литературно-эстетической программы, во-вторых, и сам этот творческий облик, и представления писателя о мире и человеке претерпели значительные изменения, так что в совершенствовании романтической традиции у Гофмана таится уже возможность частичного ее преодоления. Увы, подобные факты способны еще больше запутать наши представления об этом и без того сложном человеке, о его творчестве, сверкающем множеством граней.

Прежде всего стоит отметить, что этот человек, многосторонне, почти универсально одаренный, с самого начала ощутил и почувствовал в себе самом и в своем окружении тот самый дуализм, о котором позже так много говорили применительно к его творчеству. Уже в первых письмах другу детства Гиппелю он повествует о "благоговении и набожности, которые всегда царили в нашей семье", и тут же о "пятнах помета" на дядиных черных брюках: за великолепным фасадом почтенной семейной традиции прячется порой пошлое, жалкое и смешное. Уже в двадцатилетнем юноше, всему предпочитавшем наслаждение партитурой "Дон Жуана", улавливались беспощадно-точная наблюдательность и жесткая насмешливость. Едкая, безжалостная насмешка и одновременно мучительная тоска по миру возвышенной гармонии то и дело подводят читателя ранних писем к вопросу, кто же перед ним на самом деле: приверженец Вольтера или пророк наступающей романтической эпохи?

В посланиях единственному другу юности есть фраза: "Учение подвигается медленно и уныло – через силу делаюсь я юристом". Перспектива – малопривлекательная карьера прусского чиновника, "жалкое полунищее прозябание", навсегда закрывающее путь к вершинам Парнаса! Перед нами встает образ государственного советника, в порядке административного наказания переведенного в захолустный Плоцк в Польше. Днем в суде разбирает он дела мелких воришек, в ночные часы закликает за роялем дух Моцарта. Так повелось с тех пор: у поэта и музыканта Эрнста Теодора Амадея Гофмана был двойник – советник королевского прусского апелляционного суда Эрнст Теодор Вилггельм Гофман. Не только тайный архивариус Линдгорст был посредником между райской утопией и обывательским миром, погрязшим в пошлой погоне за наживой, но и его творец, писатель Гофман. Когда на пороге своего тридцатилетия он впервые столкнулся с искусством романтизма, все это уже было в нем самом, было прочувствовано и пережито. "О делах тоже можно рассказывать поэтически. Но чтобы свершилось подобное превращение, нужно много размышлять о поэзии вообще". Когда Гофман прочел эту фразу у Новалиса, он, должно быть, испытал потрясение. И все же соприкосновение с ранним романтизмом было для него, по сути, не чем иным, как подтверждением и осмыслением собственных переживаний и своего жизненного опыта.

Имя Моцарта уже упоминалось. Вот еще один необычный факт, с которым столкнется всякий, стремящийся воздать должное этому удивительному художнику. Ибо у колыбели Э. Т. А. Гофмана стояла не поэзия и даже не живопись, а музыка! Моцарт, создатель "Дон Жуана" и "Волшебной флейты", всю жизнь был для Гофмана путеводной звездой, символом высочайшего взлета человеческого духа, источником бесчисленных звездных часов среди людских бед и печалей, источником высокой радости в мире, полном горькой тоски, глубочайших унижений, даже страха перед мраком безумия. Гофман не уставал прославлять Моцарта, и это немного странно для писателя, возводящего в ранг поэзии язык немецкого чиновничества, для писателя, чей запутанный, вычурный иронический слог – по сути, единственный в своем роде. И, несмотря на это, музыка в течение долгого времени оставалась главным в его жизни: ей он посвятил многочисленные глубокие эссе, рецензии, заметки, написанные с большим знанием дела. Начав писать о музыке, Гофман открыл для себя слово как наиболее подходящую форму выражения. Именно благодаря музыке он нашел себя как поэт, она – необходимое условие становления его творческой личности. Одной из самых частых ошибок при

более поздних попытках оценить и интерпретировать его творчество является забвение того, что под личиной писателя здесь скрывается музыкант, подход к его творчеству с сугубо литературной точки зрения. Творческая роль музыки у Гофмана проявляется отнюдь не в сфере языка, который, как уже отмечалось, не очень-то гибок, с трудом подыскивает нужные слова, и тот факт, что сухой язык прусских канцелярий удивительным образом становится средством повествования о чудеснейших и невероятных событиях, лишь углубляет тайну прозы Гофмана. И уж насквозь музыкальны многочисленные переходы от поверхностно-реального к мифически-таинственному, к примеру превращение архивариуса Линдгорста в поднимающегося в небо коршуна в четвертой вигилии сказки "Золотой горшок", так что, пользуясь музыкальной терминологией, можно было бы говорить здесь о переходе из одной тональности в другую. Такое можно наблюдать и в поздних произведениях писателя: искусная композиция романа о коте Мурре и Крейслере, виртуозный контрапункт взаимно соотносимых жизнеописания Мурра и биографии Крейсlera, позволяющий нам в этой книге с удовольствием предаваться многозначительному искусству цитирования, напоминают, скорее, мастерски скомпонованную фугу, нежели роман, к которому можно подходить с мерками профессионального литературоведа.

Всюду, где Э. Т. А. Гофман говорит о музыке, чувствуется, насколько близок он был романтизму. "Только в царстве романтизма музыка чувствует себя как дома", – утверждает он в диалоге на темы искусства "Поэт и композитор". Пожалуй, можно сказать, что для этого художника музыкальное и романтическое полностью совпадали друг с другом. Не "Вольный стрелок", премьеру которого ему довелось пережить за год до смерти, но "Дон Жуан" был для него романтической из всех опер. Не стоит обольщаться, когда писатель Гофман с восторгом принимается говорить о "романтическом царстве духов", осуждающем нас "от убожества земного бытия". Прибегая к этой формуле, он наверняка не столь уж часто имел в виду романтическую школу Шлегеля и Новалиса, из круга которых лишь Людвиг Тик много значил для него всю жизнь. Эволюция Гофмана от "Кавалера Глюка" и "Дон Жуана" до "Житейских воззрений кота Мурра" и "Углового окна" свидетельствует, что писатель этот все более сильно и сознательно отступал от тех идей романтизма, которые после Венского конгресса в условиях начавшейся реставрации позднефеодальных порядков оказались особенно уязвимыми и взяты были на вооружение реакционными идеологами. Доказательства столь незаметного переноса акцентов во внутреннем движении его творчества в

изобилии дают поздние произведения Гофмана, особенно значительный спор о Захарии Вернере в четвертом томе "Серапионовых братьев" или реалистическая картина мира, набросанная парализованным писателем, которому "снова явилась жизнь во всей своей пестроте" *, после того как он понаблюдал людскую толчею в базарный день.

Вместе с тем ни в коем случае нельзя отрицать, что Э. Т. А. Гофман тысячами нитей существа своего был связан с романтизмом. Встреча с его идейным и художественным достоянием в начале варшавского периода сравнима с резким и одновременно счастливым пробуждением, хотя и была во многом подготовлена внутренними переживаниями писателя. Письма той поры, адресованные близкому другу Гиппелю, полны восхищения, которое испытывал возвращенный из своего изгнания государственный советник, впервые читавший "Странствования Франца Штернбальда". И вполне закономерно было то, что Гофман в лучших своих произведениях подхватил, продолжил и по-своему трансформировал наиболее существенные тенденции романтизма, прежде всего реалистические элементы, которые, как мы знаем, в нем, безусловно, имелись. Благодаря Гофману немецкий романтизм получил широкую известность и стал общеевропейским событием. Многие из того, что Гофман сделал неотъемлемой принадлежностью мировой литературы, уже ввели в обиход его романтические предшественники и современники. Но лишь благодаря Гофману этот богатый литературный ландшафт с его резкими взаимопереходами света и тени, волшебный и сверкающий, стал доступен многочисленным читателям от Парижа до Петербурга.

Сомнительная сфера жуткого и сверхчувственного, пристанище сомнамбул, двойников и автоматов, давно уже была областью романтиков: ученик Шеллинга Готхильф Генрих Шуберт подробно занимался этим в труде "О темной стороне естественных наук". Гофман извлек некоторые творческие импульсы из подобных сомнительных трактатов. Повести и рассказы, возникшие не без влияния подобных сочинений, принесли ему среди прочего репутацию "призрачного Гофмана", и в этом качестве он почти столетие бродил по многочисленным курсам истории литературы. Но и здесь надлежит проявлять осторожность. Во-первых, именно эта сторона его творчества является во многом отражением личного кризиса, пережитого писателем

* Гофман Э. Т. А. Угловое окно. Пер. А. Федорова. — Избр. произв. в 3-х томах, т. 2. М., 1962, с. 490.

в Бамберге на вершине его страсти к шестнадцатилетней Юлии Марк и в конце капельмейстерской карьеры, – то есть и то нечто выстраданное, а не только вычитанное из книг; во-вторых, именно фантастическое начало Гофман со временем все более ставил на службу общественной и социальной критике. Ибо не только и не столько в литературе находил он зловещее, уродливое и шутовское, но в еще большей мере в непосредственном своем окружении. Увиденный под таким углом зрения, мир лемунов "призрачного Гофмана" предстает отнюдь не как порождение большого сознания, не как дальнейшее развитие жутких романтических историй, но скорее как разоблачение дисгармоничных условий, подавляющих человека в столь безобидном, на первый взгляд, обывательском обществе периода реставрации, более того – как предвестник грядущего упадка буржуазного строя. Не следует забывать, что этот писатель не только завершал собой эпоху позднего романтизма, но и являлся современником Гойи, которому он во многом близок по духу.

Многие видели в творчестве Гофмана вершину романтической иронии и в качестве примера приводили "Принцессу Брамбиллу". Верно, Гофман любил саркастические выходки, демонстрировавшие абсурдность филистерских представлений об искусстве; он находил, к примеру, что Людвиг Тик блестяще высмеял их в своем "Коте в сапогах". Да и вообще развенчание филистерства было изначально важным для романтиков. Достаточно вспомнить хотя бы сатиру Клеменса Брентано "Филистер в доисторическую, историческую и послеисторическую эпоху". А знаменитое определение романтической иронии, данное Фридрихом Шлегелем: "Она – самая свободная из всех вольностей, потому что благодаря ей можно возвыситься над самим собой" * – эти строки автор "Принцессы Брамбиллы" прочтет не без удовольствия.

Гофман, несомненно, один из самых юмористичных и ироничных писателей в немецкой литературе. Характерно, что на одном из известных его автопортретов, который сопровождают "физиогномические пояснения", "сказочный мускул" отождествляется со "склонностью к иронии". Девятнадцатилетним, ничего еще не зная о романтической иронии, он называет придворного шута Тринкуло из шекспировской "Бури" своим предшественником. Насмешливыми, саркастичными, порой

* Шлегель Ф. Критические фрагменты. Пер. Ю. Н. Попова. – Эстетика. Философия. Критика. т. 1. М., "Искусство", 1983, с. 287.

даже циничными были впечатления, которыми делился юноша Гофман в своих письмах с Гиппелем; беспощадно ироничным остался он до конца своих дней. И гофмановский юмор, склонность его к насмешливому гротеску вовсе не были только литературным приемом. Это была позиция писателя по отношению к жизни и людям. И когда ассессор Хитциг дал Гофману почитать сочинения романтиков, он нашел в них подтверждение своим собственным мыслям. Гофман и в самом деле блистательно владел искусством романтической иронии, чего стоит, например, безумная путаница масок в "Принцессе Брамбилле". Но в этом буйном "каприччио" в манере Жакоба Калло Гофман с помощью юмора не только отменяет законы действительности, деформированной уже в самой своей сути, но одновременно ставит юмор на службу познанию, открывая перед двумя главными героями повести возможность перемен в них самих. Так писатель, чьи насмешки повергали в страх его противников, не только завершает традицию романтической иронии, но, творчески преобразуя, успешно использует ее для критики своей эпохи.

Можно привести и другие примеры того, как поистине удивительнейшим образом именно Гофман оказывается на рубеже двух эпох и каким великолепным документом переходного времени является все его творчество, так много воспринявшее от романтизма, доведшее основные романтические принципы до совершенства, хотя вряд ли справедливо будет целиком обозначать его только этим понятием. Гофман сам с присущим ему сарказмом высмеял подобные попытки строгой классификации, например, в тираде глупого парикмахера Белькампо из "Эликсиров сатаны": "...сперва позвольте мне с надлежащего расстояния, с должной широты и долготы присмотреться к вашей бесценной голове, вашей фигуре, походке, выражению лица, телодвижениям, и тогда я смогу вам сказать, к чему вы больше склоняетесь – к античному или романтическому, героическому, величественному, возвышенному, наивному, идиллическому, сатирическому или юмористическому; а затем уж я вызову на белый свет дух Каракаллы, Тита, Карла Великого, Генриха Четвертого, Густава Адольфа или Вергилия, Тассо, Боккаччо" *.

Уже при его жизни в Гофмане видели сатирика и юмориста. Шамиссо, например, называл его "ныне, бесспорно, первым нашим юмористом". Юмор этот, однако, резкий, насмешливый, порою язвительный и нередко агрессивный; с трудом удается

* Гофман Э. Т. А. Эликсир сатаны. Пер. Н. А. Славятинского. Л., 1984, с. 67–68.

писателю скрыть за ним глубокое внутреннее отчаяние. В конце бамбергского "несчастливого времени, наполненного ахероновым мраком", родилась весьма характерная для писателя "Крейслериана": "Какого художника занимали когда-либо политические события дня? Он жил только своим искусством и только с ним шел по жизни. Но тяжелое, роковое время зажало человека в железный кулак, и боль исторгает из него звуки, которые прежде были ему чужды" *. В этом отчаянном и в то же время честном признании – суть всего Гофмана, романтического поэта, провозвестника царства света, исполненного вечной гармонии, поэта, затравленного представителями бесчеловечной власти.

И все же большим, до сих пор по-настоящему не оцененным человеческим, художническим и моральным достижением этого писателя, прославившего у обывателей имморалистом, является тот обретенный в последние годы жизни внутренний синтез художественного предназначения и гражданской профессии, который и сам он, должно быть, не считал в полной мере возможным. С возвращением на государственную службу возросло понимание деспотического характера прусского реакционного аппарата насилия; опыт, накопленный судьей, проводившим следствия по делам демагогов, пригодился и в творчестве писателя. Лишь в этой последней фазе его недолгого творческого пути стало ясно, на что были направлены произведения этого писателя, не понятого его современниками, – на достижение внутреннего единства жизни и искусства. Достойная позиция, занятая советником апелляционного суда по отношению к придворной клике, правительству и полиции, гражданское мужество в борьбе за освобождение арестованных представителей интеллигенции проявлялись и в творчестве художника. И здесь гармония была недостижима простым устранением болезненных противоречий, зато можно было прийти к чрезвычайно плодотворному слиянию двух жизненных сфер, казалось бы, взаимно исключающих друг друга, – искусства и юриспруденции.

Этот последний шаг Э. Т. А. Гофман совершил вполне осознанно, судя по тем смелым и ироничным атакам, которые он предпринимает в "Крошке Цахесе", "Коте Мурре" и "Повелителе блох" на подручных прусского юнкерского государства. Проявляется это и в двух поразительных по силе документах,

* Гофман Э. Т. А. Крейслериана. Пер. П. Морозова. – Крейслериана. Житейские воззрения кота Мурра. Дневники. М., 1972, с. 52.

которые оставил смертельно больной писатель. После того как берлинским властям стала известна его резкая сатира на Кнаррпанти, Гофман на смертном одре продиктовал свою оправдательную речь, в которой с полной ответственностью требовал свободы художественного творчества: "Писателю, имеющему дело с юмором, должна быть предоставлена свобода легко и вольно перемещаться в своем фантастическом мире. Неужели обязан он, словно прокрустовым ложем, стеснять себя тысячами оговорок и мучительных сомнений насчет того, как могут быть превратно истолкованы его мысли?" При этом Гофман имел в виду отнюдь не безграничную художественную анархию, произвольно изменяющую действительность, что доказывает продиктованный им спустя несколько недель диалог "Угловое окно", где вечно пульсирующая жизнь, окружающая писателя повседневность провозглашаются нормой и основой всякого художественного творчества. Эти два завещания – оправдательная речь и рассказ "Угловое окно" – составляют вместе человеческое и художественное кредо Гофмана.

Легкая, поистине моцартовская веселость "Углового окна" могла бы породить иллюзию гармонии, словно обретенной в конце жизненного пути, если бы сам рассказ не вырос из реальности, в которой рождался юмор умирающего писателя: в основе его страдания, боль, понимание неизбежности ухода, но одновременно и мужественное противостояние разрушительным силам. И в конце наполовину утешительные, но в то же время горькие строки Горация: "Et si male nunc, non olim sic erit!" – "Плохо пусть сейчас – не всегда так будет!" * Жизнь этого великого мастера юмора окончилась столь же трагически, как и началась.

И кажется, будто жизнь Гофмана описала большую дугу от безрадостной, заброшенной кёнигсбергской детской прямо к смертному одру. Глубочайшее одиночество в начале и в конце бытия, музыка как единственное утешение в этом раннем и позднем одиночестве. Слезы, выступившие на глазах у трехлетнего мальчика, когда "тетя Фюсхен" играла на лютне, были первым признаком взросления, и вся дальнейшая его жизнь своими самыми счастливыми и светлыми часами обязана миру звуков. И даже в последние недели, когда парализованные руки отказывались служить ему, смертельно больной писатель, напевая

* Квинт Гораций Флакк.
Оды, кн. 11, 10 (К Лицинию
Мурене). Пер. З. Морозкиной. –
Оды, эподы, сатиры, послания.
М., 1970, с. 105.

итальянские канцоны, помогал себе скоротать мучительные ночи.

Одним из скрытых проявлений восторга перед гением Моцарта было то, что день рождения своего самого дорогого героя, капельмейстера Иоганнеса Крейсlera, в котором так много автобиографических черт, Гофман перенес на день Иоанна Златоуста, 27 января (день рождения Моцарта), тогда как сам он родился 24 января. Именно о Крейсlere в большом неоконченном романе последних лет сказано, "...что музыка со всей ее волшебной грустью, со всем ее райским восторгом истинно проникла в грудь мальчика и срослась там с тысячью кровеносных жил" *. Быть может, именно благодаря ей Э. Т. А. Гофману удалось приобщиться к столь страстно исконной гармонии, в которой ему было отказано судьбой. И все же не музыкант, а писатель Гофман пережил время; он оказал огромное и разностороннее влияние на европейскую литературу своего столетия. На долгом и тернистом пути из Кёнигсберга в Берлин рождалось неповторимое творчество, исключительное, единственное в своем роде, отвоеванное у жестокой и коварной эпохи, сформированное превратностями судьбы мужественного человека.

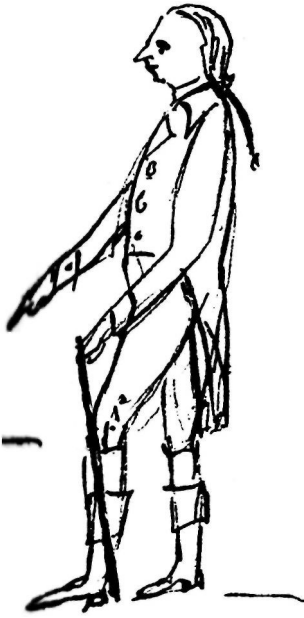
* Гофман Э. Т. А. Житейские воззрения кота Мурра. Пер. А. Голембы. – Крейсleriана. Житейские воззрения кота Мурра. Дневники. М., 1972, с. 184.

Первая глава

В узах семьи

Юность, подобная выжженной степи

Кёнигсберг был богатым городом. Расположенный в устье реки Прегель, он рассылал свои корабли по всему Балтийскому морю и пережил в XVIII веке время быстрого расцвета торговли и больших перемен. В нем поселилось много купцов, банкиров, владельцев мануфактур, основаны были сахарные заводы и другие небольшие предприятия.

Во время Семилетней войны в городе в течение четырех лет стояли русские войска. После окончания войны здесь начался расцвет торговли, развивался культурный обмен с великим восточным соседом. К середине XVIII века население Кёнигсберга насчитывало 60 тысяч душ. Кёнигсберг был столицей Восточной Пруссии, не входившей в Священную Римскую империю германской нации, которая к тому времени все более распадалась и приобретала мифический характер. Восточная Пруссия лежала за пределами империи, управлявшейся из далекой Вены римским кайзером, которому с трудом удавалось держать бразды правления. Так Восточная Пруссия, а вместе с ней и Кёнигсберг скоро стали трамплином для обретения власти Гогенцоллернами, которые подчинялись кайзеру лишь как курфюрсты бранденбургские, но не как прусские герцоги. 18 января 1701 года, почти в самом начале нового столетия, в кёнигсбергской дворцовой церкви был коронован курфюрст Фридрих III Бранденбургский, который с тех пор стал именовать себя Фридрихом I Прусским. Возведение в королевский сан

Гогенцоллернов было обставлено поистине барочной роскошью, за образец для подражания принят был французский "Король-Солнце": гремели фанфары придворного оркестра, ежевечерне в небо с треском взмывал разноцветный фейерверк. Пышная охота и жареная говядина, бесплатное угощение для народа дополняли праздник, положивший начало европейской династии, своею алчностью и манией величия более двух веков державшей в страхе Европу.

При Фридрихе II (1740–1786) Пруссия стала одной из великих держав в Центральной Европе; еще раньше его отец, прозванный "фельдфебелем на троне", создал боеспособнейшую армию на немецкой земле. Бесстыдное расширение власти королевского дома Гогенцоллернов привело к трем Силезским войнам и как результат – к аннексии Силезии. В процессе трех разделов Польши Пруссия с наглой беззастенчивостью стремилась отторгнуть все новые польские области, так что в конце столетия почти каждый третий житель прусского королевства был польской национальности. В эпоху "философа из Сан-Суи" Пруссия и в области внутренней политики оставалась авторитарным милитаристским государством, во главе которого стоял король, обладавший неограниченной властью и презиравший людей. Столпами режима были помещики-юнкеры и генералитет. Страна, чей стремительный, подобный комете взлет вся Европа считала чудом, забывая о горах трупов, на которых возникло это чудо, – такая страна была бесконечно далека от какого бы то ни было буржуазного прогресса.

Именно тогда сформировался пресловутый верноподданнический прусский дух, определявший жизнь в Кенигсберге. Правда, в городе была солидная бюргерская прослойка, которая, несмотря на полное политическое бесправие, по-своему умела извлекать выгоду из возвышения Пруссии, добившись значительного благосостояния. В городе был свой театр, выходили журналы, пользовавшиеся известностью во всех немецких землях, главным же был университет, ставший благодаря Иммануилу Канту центром просветительской мысли. Здесь же жил тайный советник Теодор Готлиб фон Гиппель, охотно создававший "сатиры на современное состояние христианской религии и ее учителей". Здесь любили музыку, и эта любовь вначале поддерживалась традициями протестантского канторства, потом же все более подхватывалась бюргерством.

Именно здесь, через четыре года после первого раздела Польши и за пять лет до того, как житель Кенигсберга Иммануил Кант обозначил дух времени как "выход человека из не-совершеннолетия, в котором он пребывал по собственной

вине", 24 января 1776 года родился Эрнст Теодор Вильгельм Гофман. Кёнигсберг был центром географического пространства, где бок о бок жили народы Восточной Европы – поляки, немцы, евреи, русские, литовцы, – вот почему среди предков писателя имелись не только немцы, но и поляки, даже венгры; почти все они были юристами. Отец писателя, Кристоф Людвиг Гофман (1736–1797), служил адвокатом при прусском верховном суде в Кёнигсберге. Это был необычайно способный, легко поддающийся настроению человек, не чуждый музам, но при том горький пьяница. Он женился на своей кузине Ловизе Альбертине Дерфер (1748–1796), бывшей чрезвычайно набожной, нелюдимой и слегка истеричной женщиной, насквозь погрязшей в пиетистских предрассудках. Неудивительно, что этот злополучный брак был расторгнут уже через несколько лет после рождения маленького Эрнста. Отец, чуждый бюргерским добродетелям, отбыл в Инстербург, в то время как Ловиза Альбертина Гофман с сыном вернулась к матери.

Здесь, в дерферовском доме, прошли детские и юношеские годы Эрнста Гофмана. Кроме матери, которая почти не заботилась о воспитании ребенка, его окружали бабушка Ловиза Софи Дерфер, строгий дядя Отто Вильгельм и тетя Иоганна Софи Дерфер – единственная, от кого мальчик получал хоть немного любви и заботы. Как в большинстве других бюргерских кёнигсбергских домов, здесь еще не был сделан решающий шаг от пиетизма к рационализму. Атмосфера дома была пропитана прусским верноподданническим духом, ограниченной и лицемерной моралью, направленной только на накопительство. Свобода могла здесь существовать лишь в мире мечты, и провозглашенный Кантом призыв к "выходу человека из несовершеннолетия, в котором он пребывал по собственной вине", остался неслышанным.

Вот каким воздухом вынужден был ежедневно дышать юный Гофман. Этот воздух отравил первое двадцатилетие его жизни, породил ненависть к буржуазной морали, косной и ограниченной. Воспитанием мальчика занимался почти исключительно старый и угрюмый дядя Отто Вильгельм. Этот образцовый прусский бюргер с его пуританским поведением очень скоро стал вызывать у необычайно наблюдательного ребенка не только злую насмешку, но и ожесточение. Прочитав "Тристрама Шенди" Стерна, юный Гофман насмешливо именовал дядю не иначе как "толстым сэром" или "горе-дядей". В образе дородного, постоянно читающего нравоучения дяди Гофман впервые столкнулся с бюргером, состоящим из одного лишь добропорядочного усердия.

Десятилетия спустя устами придуманного им двойника,

своего второго "я", капельмейстера Иоганнеса Крейслера, писатель подводит горький итог: "О, это величайшее заблуждение, ибо юность моя подобна выжженной степи, где нет ни бутонов, ни цветов, подобна выжженной степи, усыпляющей разум и душу своим безутешным дремотным однообразием" *. В биографии Крейслера, воспроизводимой зрелым художником на вершине его мастерства в "Житейских воззрениях кота Мурра", отразились горькие уроки страданий и редкие радости времен детства и юности, обретя свое достойное поэтическое воплощение.

К числу немногих радостей, выпавших на долю Гофмана в однообразной и безутешной его юности, принадлежали домашние концерты, которые устраивал дядя вместе с родственниками и друзьями. Именно они разбудили в маленьком Эрнсте любовь к музыке, позднее ставшей самой большой страстью его жизни. Писательский его талант складывался под влиянием музыки, предмета пламенного поклонения, до боли любимой, пронизывавшей и позже тысячами нитей поэтическое творчество этого столь разносторонне одаренного человека. Конечно, мальчик скоро понял, что в домашних музыкальных вечерах, устраивавшихся дядей, музыка служила лишь приятному развлечению и отдохновению от забот, создавала изящный фон для затхлого и по сути враждебного искусству жизненного уклада. Острое перо великого сатирика запечатлело позже это поругание музыки, возведя его до уровня антибуржуазного гротеска. Но и в "выжженной степи" собственного детства и отрочества юный энтузиаст благоговейно впитывал в себя произведения великих мастеров, и открывавшийся перед ним мир был несравненно богаче будней.

Радости, которыми маленький Эрнст был обязан "музыкальному царству духов", еще больше усилили в нем чувство глубочайшего одиночества и заброшенности. Уже ребенком он вынужден был вести трудное и обособленное существование, будучи вечно предоставленным самому себе. Он рано научился внимательно наблюдать за окружающими, подмечать и уметь использовать их слабости. Изначально в нем жил тот внутренний, почти непреодолимый разлад, который придал всей его последующей жизни такую напряженность. Это разлад между неподкупным, суровым, порой немилосердным и саркастическим восприятием действительности и робкой, скрытной, мягкой и ранимой душой.

Единственным человеком, перед которым раскрывалось

* Гофман Э. Т. А. Житейские воззрения кота Мурра. Пер. А. Голембы, с. 166.

сердце Гофмана, которому он поверял свои сокровеннейшие чувства, был пасторский сын Теодор Готлиб фон Гиппель, подружившийся с будущим писателем в 1787 году. Подробнее о нем будет сказано дальше. Десятилетия спустя, уже после смерти Э. Т. А. Гофмана, Гиппель написал воспоминания, в которых содержатся почти единственные свидетельства о юности писателя. Он был племянником упоминавшегося уже тайного советника и писателя Гиппеля. Этого известного представителя немецкого Просвещения и владельца ценнейшего собрания картин Гофман посетил в октябре 1794 года, предложив его вниманию две картины собственной работы, чтоб затем быстро и в замешательстве распрощаться со знаменитым человеком. Об этом маленьком событии, весьма характерном для Гофмана – робкого, по-детски застенчивого, юный любитель искусства рассказал на следующий день в письме своему другу, первом из сохранившихся писем писателя.

ПИСЬМО ТЕОДОРУ ГОТЛИБУ ФОН ГИППЕЛЮ

В последние дни октября 1794 года. Я пишу тебе эти строки, будучи очень недоволен миром: с одной стороны, мне чрезвычайно неприятно, что я не смог толком поговорить с тобой перед отъездом и сердечно попрощаться, с другой – меня злит, что я не был с тобой достаточно откровенен в деле, которое могло и тебя в какой-то мере заинтересовать. Теперь, когда все уже позади, я хочу поведать тебе о происшествии, чтоб хоть как-то облегчить душу. Ты ведь знаешь две мои последние работы, над которыми я много потрудился и не уставал повторять, что собираюсь анонимно предложить их какому-нибудь знатоку. Но ты и не догадывался, что этим знатоком окажется твой дядя, тайный советник фон Гиппель. Вчера я исполнил свое решение и послал их с дедушкиным слугой инкогнито, сопроводив лишь кратким посланием. Тайный советник велел передать, что ему вполне понравились мои работы и он желал бы познакомиться с художником. Не было человека более счастливого, чем я. Приложив все свои скромные усилия, чтобы выглядеть заправским художником, я отправился с визитом. Никогда меня еще не принимали столь учтиво. Он похвалил мои наброски, велел показать мне пастельный портрет Руссо, спросил, не доводилось ли мне прежде видеть все его собрание, в ответ на что я неосторожно ответил "Да!", что его, по-видимому, удивило; мне все еще казалось, что подходящий момент для главного вопроса не наступил. Наконец загадка разрешилась, он даже несколько раз повторил это. Он решил, что я послал

картины ему в дар. Как я смутился! Чисто машинально двинулся к двери, малодушно выбежал на улицу и бросился домой. Что подумает теперь обо мне тайный советник – он непременно вообразит за всем этим какую-нибудь скрытую цель. А вообще это была глупость с моей стороны, ибо для важной и решающей рекомендации вещи мои недостаточно хороши. В итоге он всего лишь посмеется надо мной. Вот и результат подобного происшествия: потратив массу времени и усилий, я выставил себя в смешном свете, – мысль эта для меня весьма поучительна.

Единственное, о чем прошу тебя, дорогой друг: напиши поскорее из Арнау. Как мне будет нынче недоставать тебя – ты был единственный, кто приносил мне радостные часы. Впрочем, и время, когда я буду лишен твоего общества, пройдет так же быстро, зато восторг встречи вечно таит в себе нечто в высшей степени радостное и приятное.

ТЕОДОР ГОТЛИБ ФОН ГИППЕЛЬ

Воспоминания о Гофмане

...Наш Гофман был предоставлен заботам бабушкиного семейства, которое составляли сама почтенная бабушка, мать, незамужняя тетка и дядя. Последние оказали самое большое влияние на его воспитание и образование, на все направление последующей жизни. Бабушка, пожилая статная женщина – все прочие отличались небольшим ростом, – была слишком дряхлой, чтоб принимать во внуке должное участие. Он искренне почитал ее, и даже манера, в какой он описывал подчас забавные сцены, происходившие между нею и ее сыном, советником юстиции, которого она все еще воспринимала как малолетнего и называла не иначе как Оттхен, – манера эта отличалась исключительным уважением, обходительностью и добродушием.

Мать постоянно болела. Даже ее внешность была воплощением слабости и душевного горя, которое, должно быть, подкосило ее. Гофман не любил говорить о матери, когда же этого нельзя было избежать, выражения его были исполнены сострадания и почтительности. Жизнь обеих женщин была ограничена четырьмя стенами их комнат, которые они не покидали. Друг Гофмана, его товарищ по играм, которого привечали в доме, вспоминает, что за десять лет ему довелось увидеть обеих женщин лишь три или четыре раза.

Тетя, напротив, была остроумной, общительной и веселой. Она единственная во всем доме понимала натуру Гофмана, заботилась о нем, любила больше всего на свете; она же его, собственно, и избаловала. Он на ее любовь отвечал верной привязанностью.

И даже в годы юности он исповедовался ей во всех своих слабостях. Именно ее имел в виду Гофман, когда Крейслер, рассказывая о своей юности, ставит ей трогательный памятник.

Необычайно резким был контраст между нею и дядей, советником юстиции Дерфером, который, не имея никакого представления о внутреннем мире Гофмана, стремился лишь приучить его к послушанию и порядку, дабы вывести на ту проторенную колею, по которой он сам шествовал с таким удовольствием. Дядя должен был вступить на поприще своего отца, старого консисторского советника. Однако первая попытка выступления в суде в качестве защитника – еще до реформы права при великом короле, в устной судебной процедуре – была для него настолько невыигрышной по сравнению с более сильным оппонентом, что он, стремясь уберечь себя от еще большего позора в будущем, тут же малодушно отказался от карьеры и вышел в отставку в чине советника юстиции, как раз к началу реформы.

Он получил приличное воспитание, но, будучи лишен способности превращать выученное в собственное достояние, немедленно почувствовал себя обделенным, как только пришлось действовать самостоятельно, а потому и предался диетически размеренному прозябанию, включавшему сон, еду и питье, и снова сон, и опять еду, да еще малую толику чтения и музыки, чтобы улучшить пищеварение. Как правило, раз в неделю, по средам, он навещал старых знакомых.

Вот в эти-то часы Гофман весь отдавался своему таланту. Тут же на свет божий извлекалось и пробовалось все, чего не позволяло присутствие дяди. Безумная, буйная музыка, переодевания, запретные книги, гимнастика – ведь они жили в одной комнате, и дядя не терпел отступлений от привычного уклада.

И конечно, не было у него наблюдателя более строгого, чем племянник, умевший уже на двенадцатом году с выгодой для себя употребить все дядюшкины слабости, то и дело разыгрывая его и вводя в заблуждение. Плохо лишь, что по мере осознания Гофманом собственного пути росла и его нетерпимость. Дядя тоже уже не испытывал былого доверия к юноше, которому в детские годы он прощал самые озорные выходки...

ПИСЬМО ТЕОДОРУ ГОТЛИБУ ФОН ГИППЕЛЮ

7 декабря 1794 г. ...Поскольку благочестие и набожность всегда царили в нашей семье, где полагалось сожалеть о содеянных грехах и ходить к причастию; вот почему толстый сэр, желая появиться в церкви в пристойном виде, накануне, в пятницу, весьма тщательно смыл пятна помета бесстыжей лас-

точки и следы жирного соуса от вкусного рагу со своих черных брюк, развесил их на солнышке под окном и потащил к другу – такому же ипохондрику. Тут возьми и случись сильный ливень. Заметив вымокшие брюки, я почувствовал в себе неодолимое желание подсобить дождю, опорожнив на сии злополучные брюки пять леек да три полных pots de chambre *. Все это прекрасно впиталось и сделало брюки столь тяжелыми, что их едва могла выдержать веревка. Как только сэр Отт вернулся домой, он немедленно направился за брюками. Правда, прозрачные слезы не потекли тут же по красно-коричневым щекам, однако жалобные вздохи выдавали смятение, охватившее его душу, а капли пота, выступившие, словно жемчужины, на багровом лбу, свидетельствовали о раздиравших его душу сомнениях. Три часа отжимал он свои парадные брюки. Вечером он сокрушенно сообщил о своей беде семейству, заметив при этом, что ливень содержал какие-то отвратительные примеси и вредные испарения, что неизбежно скажется на урожае: ведь целое ведро воды, выжатое из брюк, имело совершенно скотский запах. По поводу столь ужасающего бедствия скорбело все семейство, за исключением разве что тетушки, которая расхохоталась и тихонько заметила, что вонь, по всей видимости, произошла от растворения в воде вышеупомянутых примесей... Я разделял версию насчет ужасающего бедствия и даже подтвердил, что так всегда бывает, когда облака на небе светло-зеленого оттенка. Дядя с жаром защищал чистоту своих брюк, заявив, что они столь же непорочны, как его вера в святого духа. <...>

ТЕОДОР ГОТЛИБ ФОНГИППЕЛЬ

Воспоминания о Гофмане

...Итак, сходный нрав роднил друзей, несхожие задатки привлекали их тем сильнее, чем больше открывались друг другу их сердца.

Одна из затей дяди Отто благоприятствовала возникшей дружбе, которая иначе, при замкнутости дерферовского дома, надолго ограничилась бы простым школьным общением. Должно быть, дядя заметил, что Эрнст (так Гофмана звали в доме бабушки) отстаёт по латыни и греческому. Дядя решил последовать совету Ванновского, предложив племяннику чаще приглашать друга в дом как репетитора и наставника, конечно, если тот любезно согласится помочь в трудных науках. То, о чем давно уже условились оба подростка, было теперь тор-

* ночных горшка (франц.).

жественно решено семейным советом. Днем занятий была определена среда, когда дядя делал визиты. При желании можно было прихватить еще и субботу. Друзья (обоим по четырнадцать лет, наставник разве что на месяц старше) выдержали около четырех уроков, на которые отводилось послеобеденное время до чая, изысканно подававшегося тетушкой прямо в комнату, и тут Гофман принялся оживлять сухие учебные часы музыкой и книгами, извлеченными из ближнего дядиного шкафа, самой интересной была "Исповедь" Руссо. Вскоре уже Цицерон и Ксенофонт (особенно первый) стали казаться Гофману настолько безвкусными, что учебники раскрывались лишь на несколько минут, дабы прочесть отдельные предложения. Потом они вообще исчезли со стола, уступив место музыке, рисованию, книгам, а также мальчишеским играм, переодеваниям etc. *.

Когда погода позволяла играть в саду, игры мальчиков делались все более фантастичными. Все время отнимали рыцарские поединки. Щипы для них заимствовались, их приходилось с трудом снимать, а затем с еще большим тщанием водружать на место, чтобы дядя не заметал коварных царапин, свидетелей сражений у деревянных Марса и Минервы, украшавших середину сада. В моде были рыцарские романы, и бесстрашные турниры происходили возле кустов крыжовника, где юные рыцари из-за отсутствия коней сражались в пешем строю. Турниры обычно заканчивались тем, что Гофман, сраженный копьем противника (крепкой подпоркой для фасоли), валился навзничь. Рыцарские игры сменила мирная, но не менее романтическая затея. У друзей возник смелый план прорыть подземный ход к находившемуся неподалеку женскому пансиону, чтобы незаметно наблюдать за прелестными девушками.

Зоркость дяди Отто, который много гулял и работал в саду, чтобы улучшить пищеварение, положила конец гигантскому предприятию. Гофман сумел убедить его, будто вырытая яма предназначена для неведомого американского растения, и добрый старик заплатил двум работникам, чтобы те ее закопали. От великолепного плана, ради которого было пролито столько пота, друзьям пришлось отказаться.

Зима принесла с собой новые игры. Много материала дала "Естественная магия" Виглеба. Воодушевленные идеей воздухоплавания, друзья потратили много сил на то, чтобы запустить воздушный шар, старательно сшитый тетей из тафты. Все кончилось, однако, трагикомически: когда наполняли шар, в него случайно попало несколько капель соляной кислоты.

Повод для развлечений друзьям нередко давала несчастная

* Et cetera (*лат.*) – и так далее.

мать З. Вернера – безумная до самой смерти верила, что произвела на свет мессию. Часто слышались жалобы этой несчастной – она жила на верхнем этаже дерферовского дома. Поэт, ее сын, был старше обоих друзей лет на пять. Его странности вызывали у них удивление и насмешку, но поэт даже не подозревал об этом, вечно витая в облаках.

Последние два школьных года сильнее всего запомнились Гофману. Он полюбил классиков, возможно под влиянием друга, просидевшего рядом не меньше года и все больше сближавшегося с ним как в учебе, так и в сердечных излияниях. Талант Гофмана привлек внимание учителей, особенно Ванновского, который нередко полусерьезно, полушутя советовался с ним по вопросам искусства. В работах Гофмана привлекала живость изображения. Одноклассники не любили его, поскольку нередко попадались ему на острый язык.

И только с двумя из них он сблизился: с Фабером (впоследствии тайным архивариусом), с которым он усердно разучивал скрипичные дуэты, и с Матушевским, далеко превосходившим Гофмана тонкостью и чистотой рисунка, но уступавшим ему в точности и силе.

Матушевский жил позже в Италии и Париже, считаясь там неплохим художником. Наверное, его уже нет в живых. Гофман с симпатией вспоминает о нем в рассказе "Артусов двор".

В это самое время – на шестнадцатом или семнадцатом году – пробуждается первое чувство. Предметом воздыханий поэта была прекрасная, цветущая юная девушка одних с ним лет, учившаяся вместе с подругами в расположенной неподалеку французско-реформатской женской школе. Гофману приходилось на расстоянии следовать за ней из школы домой да изредка приветливо здороваться на улице (но так, чтобы это не бросалось в глаза). Вечерами он украдкой бродил возле ее дома, часами простаивал в мрачной тени старой ратуши, чтобы только узнать ее среди силуэтов, двигавшихся в освещенной комнате.

И конечно же, все женские головки, которые он теперь рисовал, были похожи только на нее, и все песни, которые он пел, были только для нее одной. А друг был – больше из сочувствия – верным его спутником.

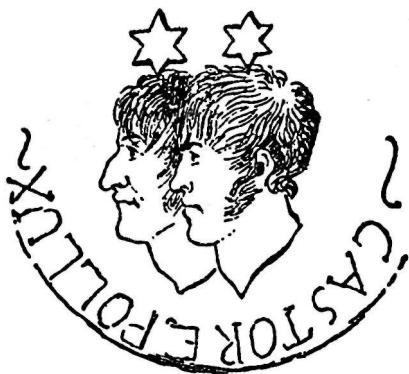
Насколько нам известно, он ни разу не перемолвился с ней и парой слов. Девушка – воплощение душевного и телесного здоровья – то ли не замечала этих идиллических воздыханий, то ли просто посмеивалась над ними.

Наверное, не стоило бы и вспоминать здесь о полудетском увлечении, если бы оно не свидетельствовало о раннем взрослении Гофмана и если бы не слова, которые он часто повторял в запальчивости, столь характерные для юного и зрелого Гофмана, каким

узнали мы его позднее: "Уж если я не смог заинтересовать ее своим внешним видом, пусть буду я самым безобразным (ему нравилось рисовать в своем воображении такой образ), лишь бы она заметила меня, лишь бы удостоила хоть единым взглядом".

Начало студенческой поры ничем особенным не отличалось. Из-за того, что он поступил в университет позже друга, близкое общение с ним прервалось с окончанием школы. Да и на лекциях они не встречались. Их учебные планы были столь же различны, как и характеры дядюшек, эти планы определявших.

Гофман рассматривал изучение юриспруденции (на сей раз совершенно в дядюшкином духе) как возможность начать быстрее зарабатывать на хлеб и покинуть бабушкин кров. Душа его тянулась к искусству. То, что не относилось к искусству или праву, средству прокормить себя в будущем, его не волновало. Он шел к цели наиболее прямым путем. Поэтому ему остались чужды лекции Канта — он откровенно заявлял, что ничего в них не понимает, хотя тогдашний обычай требовал, чтобы любой студент начинал постижение университетских наук именно с лекций Канта по логике, метафизике и этике. Легко догадаться, что большинство слушателей их не воспринимало и не усваивало. Наиболее доступные из его лекций — по антропологии и физической географии — посещались, как правило, лишь немногими.

Письма к Гиппелю

За десять лет до того, как юный Эрнст Теодор Вильгельм Гофман в соответствии с семейной традицией начал изучать право, он переступил порог реформатской городской школы в Кёнигсберге, где познакомился с пасторским сыном Гиппелем. Товарищеские отношения обоих школьников — росшего

без матери Гиппеля и Гофмана, рано познавшего одиночество и предоставленного самому себе, — стали началом дружбы,

Кастор и Поллукс (Гофман и Гиппель)

продолжавшейся всю жизнь: ее оборвала лишь преждевременная смерть знаменитого писателя и советника апелляционного суда. Позже Гиппель опубликовал часть писем, адресованных ему другом. Они были написаны через короткие промежутки времени, лишь за период с 1794 по 1806 год Гофман отправил своему другу около ста пятидесяти писем, из которых до нас дошла только треть.

Послания единственному близкому другу юных лет (как и позднейшие дневники) – это чрезвычайно интересные, с психологической точки зрения удивительно ценные документы, показывающие трудное и мучительное становление личности, трагически запутавшейся в противоречиях с окружающим миром и с собою. Как трогательно раскрывается здесь душа молодого человека, истосковавшаяся по пониманию, истинной дружбе и близости, как проявляется здесь растущая наблюдательность и недюжинный ум, умение острым, порой даже циничным, но всегда честным и неподкупным пером подметить пороки окружающих. Здесь уже проявляется противоречивость его темперамента, как, впрочем, и последующего художественного творчества. Эти письма пронизаны отвращением к бесчеловечному по сути своей обществу, окружавшему юного Гофмана. Он пишет другу Гиппелю, как страдает от разлада между идеалом и действительностью, от противоречия между кажущейся и подлинной сущностью вещей, от глубокой пропасти между высочайшими взлетами искусства и убожеством кёнигсбергских филистеров, короче, от "враждебного" или "злого принципа", которым позднее Гофман объяснял все, что мешало ему в жизни. И одновременно уже здесь проявляется стремление не просто живописать с юмором, иронией или сатирой разлад между идеалом и действительностью, но резко и непримиримо обозначить реальные его масштабы. Все это дает основание считать письма к Гиппелю первым художественным произведением Гофмана, дошедшим до потомства.

Теодор Готлиб фон Гиппель, ставший несколько десятилетий спустя советником-референтом при прусском канцлере Гарденберге и создавший весной 1813 года исторический призыв "К моему народу", неизменно помогал Гофману, нередко оказывавшемуся в весьма затруднительном положении, самоотверженно используя с этой целью свои правительственные связи в Берлине. И все-таки Гиппель, будучи преданным королю легитимистом, далеко не всегда понимал противоречивую, сложную натуру своего гениального друга. Многие адресованные ему письма Гофмана, эти уникальные свидетельства мятежного, беспокойного духа, с юных лет презиравшего окружающее его филистерское общество, сохранились лишь в копиях, сде-

ланных Гиппелем. Несомненно, последний, опасаясь цензоров и самого духа эпохи реставрации, по-своему редактировал, сокращал и приглаживал письма покойного друга. Показательно письмо Гиппеля Юлиусу Эдуарду Хитцигу, первому биографу Гофмана. Полгода спустя после смерти писателя Гиппель пишет: "...и, наконец, дорогой друг, советую Вам оберегать биографию от нападков цензуры. В том, что посылаю я Вам, даже сквозь увеличительное стекло не увидишь ничего предосудительного. Да и Вам самому нетрудно будет обойти рогатки, которые сможет выставить цензура". Подобная фраза достаточно проясняет ту спорную роль, которую друзья сыграли в сохранении для потомства, в интерпретации его собственных документальных свидетельств.

Но как бы то ни было, в Кёнигсберге Гиппель был единственным бесценным другом, которому Гофман мог поверять все переживания, связанные с искусством. Ему он писал о своем открытии "Дон Жуана", благодаря которому он впервые понял гений Моцарта. Ему он читал рукописи не дошедших до нас юношеских своих романов "Корнаро, мемуары графа Юлиуса фон С." и "Таинственный". В письмах Гиппелю встречаются также имена великих писателей, которыми особенно восхищался юный студент-правовед: Руссо, Стерн, Свифт, Гёте, Шиллер. Впервые проявляется именно здесь удивительная разносторонняя одаренность гениального дилетанта: "Жизнь в деревне рядом с другом имеет для меня необъяснимую прелесть... Вот если бы еще взять с собой фортепиано, ящик с красками и несколько особенно дорогих сердцу книг".

Художник Земан давал ему превосходные уроки живописи и рисунка. Кантору и соборному органисту Христиану Подбельскому обязан был он знанием музыкальной теории и великолепной игрой на фортепьяно. Позже он воздвиг в "Житейских воззрениях кота Мурра" памятник своему учителю музыки, создав образ мудрого маэстро Абрагама Лискова. И в лице Стефана Ванновского, ректора реформатской школы, Гофман нашел прекрасного учителя и по-отечески относившегося к нему наставника, который, быть может, первым разглядел своеобразную одаренность ученика, тактично вовлекая его в обсуждение проблем искусства.

Начав в пасхальные дни 1792 года изучать право в Кёнигсбергском университете, Гофман со всем прилежанием отдался подготовке к будущей профессии. И хотя позже чиновничья служба причиняла ему безмерные страдания, он стал усердным и неустрашимым судьей, опыту и познаниям которого немалым был обязан Гофман-писатель. В отличие от Гиппеля и большинства других студентов, он не ходил на лекции Канта. Это харак-

терно и для дальнейшего его развития: абстрактное философское мышление, направленное на создание "чистых" понятий, никогда не было его уделом. Родным домом для него стал театр, неподалеку от которого прошла его юность. Здесь с восторгом и восхищением впервые услышал он моцартовского "Дон Жуана", познал все очарование подмостков, заключавших в себе целый мир. Обо всем этом из глубин своего одиночества он мог поведать только Гиппелю, единственному другу.

ИЗ ПИСЕМ ТЕОДУРУ ГОТЛИБУ ФОН ГИППЕЛЮ

23 февраля 1795 г. ...Скоро придет весна, а за нею и лето. Вместо того чтоб поехать в Мариенвердер, ты останешься на все лето в Арнау. Ты увидишь вновь оживающую природу – каждая пробивающаяся травинка, каждая набухающая почка откроет перед тобой дух самой жизни. Ты будешь дышать вольнее очистившимся воздухом, заботы исчезнут, всеобщий порыв развеселит твою душу и возвратит должную гибкость уму. Скоро приблизится эта чудесная пора, и тогда я выберусь к тебе. Не на один день, нет, – я проведу у тебя несколько недель. Мы распределим наше время приятнейшим образом: занятия, прогулки, беседы будут сменять друг друга бесконечной чередой. Ведь у нас обоих единые цели: гармония наших душ доставит нам немало прекраснейших часов. Вдали от всего, что оскорбляет и раздражает нас, мы возвысимся душою над любыми пустяками. Друг мой, не могу описать, сколько мелких, почти незаметных нюансов будущего нашего удовольствия видится мне сейчас, когда я мечтаю о весне. Жизнь в деревне рядом с другом имеет для меня необъяснимую прелесть – нас ведь связывает давняя симпатия. Вот если бы еще взять с собой фортепьяно, ящик с красками и несколько особенно дорогих книг – плоды творчества в столь счастливые часы могли бы нам годы спустя напомнить милое прошлое. С каким душевным подъемом думаю я об этом – будто кто-то поднял мрачный занавес и предо мной открылся Элизиум. Как будут занимать нас весною подобные мечты! Какие важные решения примем мы тогда! Должен сказать тебе, что я становлюсь другим. Душа моя вновь окрылена, я способен к действиям, не зависящим от жалких мелочей. У меня много планов, твердые, непреложные решения зреют в моей душе...

1 марта 1795 г. Только что вернулся с маленького торжества, на которое был приглашен. Там я был болтлив – умен не по годам со стариками, набобен с верующими, галантен с дамами – а на самом деле так одинок, словно оказался в пустыне...

4 марта 1795 г. ...У меня есть теперь собственная партитура "Дон Жуана", она доставляет мне немало блаженства. Только сейчас я начинаю понимать мощартовский великий дух в композиции. Ты не можешь представить, сколько прекрасного открыва-ется исполнителю, когда он, не пропуская ни единой мелочи, глубоко изучает каждый отдельный такт, стремясь найти способ достойного музыкального воплощения. Нарастание мелодии до рокота, до громовых раскатов, тихая жалоба, взрыв неисто-вого отчаяния, величие и благородство героя, страх преступника, борьба страстей в его душе – все найдешь ты в этой неповтори-мой музыке, она всеобъемлюща и раскрывает перед тобой дух композитора во всех его проявлениях. Мне еще хотелось бы месяца полтора посидеть над "Дон Жуаном", а потом сыграть его тебе на английском фортепьяно – право, друг, ты бы слушал безмолвно с начала и до конца, а потом бы в твоей душе (не беда, что она немзыкальная) долго еще жили эти звуки. Ибо здесь ты ощутил бы еще большую красоту, нежели в комедии; в театре обыкновенно бываешь слишком рассеян, чтобы подме-чать все как следует.

Если приедешь в понедельник, то настоятельнейше прошу тебя: выезжай пораньше, чтобы успеть к десяти часам; тем самым ты окажешь другу, который любит тебя искренне и нежно, великую любезность, осчастливив его. Приходи сразу ко мне, тогда ты сможешь побыть у меня до половины первого. Хоть что-нибудь из "Дон Жуана" ты непременно должен услы-шать. Не пугайся моего пения, я уж постараюсь так модулиро-вать собственным голосом, что он не будет тебе неприятен...

1 мая 1795 г. Мой телесный недуг вновь вернулся – мигрень, недомогание и отвратительное кровотечение из носа. В прошлую ночь оно продолжалось полтора часа, сегодня опять, хоть и не так долго. Позавчера я боялся, что кровь может пойти горлом. Было очень плохо, я находился в полубомбочном состоянии – даже не могу его описать. Прогулки помогают, после них мне лучше. Знай я, что твой отец не будет иметь ничего против, в один из дней на следующей неделе отправился бы к тебе пешком поутру и, чтобы по меньшей мере насладиться вечером, вернулся бы лишь на следующее утро. Мне всегда кажется, будто у меня телосложение настоящего художника, а это значит, что вскоре мой организм будет уже ни к чему не пригоден и я стану нано-сить визиты, оставляя его дома.

...Меня доведут до отчаяния глупые ужимки подлой, рото-зействующей черни – я хватаюсь за палку! Подумай, беды наши противоположны: у тебя избыток фантазии, меня же захлесты-вает действительность...

Ты представить не можешь, как меня все это мучает – и

моя судьба, мое призвание. Учение подвигается медленно и уныло – через силу делаюсь я юристом.

22 сентября 1795 г. ...И вот! ...Позволь мне позаимствовать сейчас сравнение у моей возлюбленной музыки. Представь себе симфонию, сыгранную высочайшими виртуозами, на самых совершенных инструментах, представь себе самое проникновенное место адажио, исполненное пианиссимо. Твои чувства напряжены до предела – а тут выходит жалкий человечек и начинает на трактирной скрипке пикивать куплет из ничтожной уличной песенки. Скажи, разве ты не возмутился бы до глубины души? Тебя жестоко вырвали из сладостного, блаженного забвения, вызванного нежно-убаюкивающим адажио. Гнев, подогреваемый буйным темпераментом, немедленно заглушил бы все нежное в твоей душе, ты бросился бы на скрипача и в порыве ярости разбил бы его инструмент... Да что толку? Музыканты сбились с такта, мгновенья теплого чувства, которое одно делает исполнение прекрасным, улетели, и вот уже всё – брошенные в кучу ноты, расстроенные инструменты – говорит тебе: это прошло! Такова общая картина, такова первопричина моей тоски, источник бессонных ночей и бледности на лице! Где веселость, свойственная моему духу? – Скажи, мой друг, что это – судьба или простое стечение обстоятельств, которые, как мы знаем, субъективны; отчего передышки выпадают на мою долю для того лишь, чтобы смениться еще более горькими мучениями? Будто все объединились, чтоб сделать дни мои невыносимыми. Пошла уже десятая неделя с тех пор, как я сдал экзамен, но из Берлина нет никаких вестей, и я все еще не приведен к присяге. Только бы начать работать. Я многого хочу добиться – и приложу все мои силы. Если бы мне удалось все, что задумано, иные были бы весьма удивлены. Но об этом мне совсем не хочется сейчас говорить, потому что окружающие откровенно смеются мне в лицо. Вообще, бог знает, какая случайность или, скорее, какой странный каприз судьбы забросил меня в этот дом. Черное и белое не столь противоположны друг другу, как я и мои родственники. Боже мой, что это за люди! Я, впрочем, признаю, что порою бываю весьма эксцентричен, – но ведь и с их стороны ни грана терпимости. Толстый сэр, будучи для моей насмешки предметом давно исчерпанным, а для презрения слишком жалким, начинает выражать по моему адресу возмущение, которого я, право же, не заслуживаю. <...>

25 ноября 1795 г. ...Впрочем, склонность к живописи во мне угасла, а все потому, что в ней я не продвинулся настолько, чтоб она стала занимать все мои помыслы. Я лишь набрасываю карандашом виньетки сатирического или любовного содержания – они должны дать мне основу произведения, которое я шутиливо

подписываю именем Эвальда Тринкуло. Ты ведь помнишь, что в шекспировской "Буре" королевского шута зовут Тринкуло, так вот – он был моим предком.

По сути, здесь ты оказываешься довольно жалким существом – мнишь себя свободным и счастливым, но более, чем кто-либо иной, зависишь от условностей и капризов. Горько признаваться, что я иногда переживаю здесь гнусные дни. Если б я мог делать то, что хочу, я уж не торчал бы тут, но приказал бы выводку Мелузины и Аполлону прохрипеть мне двойную сонату из пивной бочки! Если б все зависело от меня, я стал бы композитором и имел бы надежду достичь успеха в своем деле, тогда как в избранной мною профессии я вечно останусь дилетантом. <...>

24 января 1796 г. Никогда еще мое сердце не было столь открыто добру, высокие чувства никогда еще так не полнили грудь – дух мой парит над телом, а болезнь и слабость напоминают о его оковах. Пошлым умам не дано понять мгновения высшего напряжения духа, они называют это расслабленностью, отсюда упреки, которые я терплю.

Мелкий сброд, что порой окружает меня, считает меня глупым; приходится признать, что иногда какой-нибудь неловкий оборот или угрюмый взгляд толкают меня в число несветских – *savoir vivre* * – людей. А между тем я еще ни разу не метал бисер перед свиньями и чувствую, что сам по себе кое-что значу. <...>

25 января 1796 г. ...Друг, душа моя сегодня рвется из тела, возвышенное чувство несет меня на крыльях отваги, дружба и любовь переполняют мое сердце; как бы хотелось мне пробиться – пусть даже силой – сквозь рой ничтожных мошек, сквозь строй людей-машин, что окружают меня пошлыми банальностями. <...>

13 марта 1796 г. ...Смерть нанесла нам столь страшный визит, что я с содроганием почувствовал ужас ее деспотического величия. Сегодня утром мы нашли мою добрую матушку мертвой. Она упала с постели – внезапный апоплексический удар убил ее ночью. Это было видно по лицу, искаженному страшной судорогой. Я знаю, ты в состоянии представить себе и прочувствовать подобную сцену. Вечером накануне матушка была бодрее обычного и ела с аппетитом – вот каковы мы, люди! Мучаемся, страдаем в течение своей короткой жизни, загадываем на будущее, строим все новые и новые планы, хотя, быть может, всего один жалкий день отделяет нас от смертного часа. Нам нена-

* Неблагодарного поведения (франц.).

вистны великие уроки смерти, изнеженный наш дух предпочитает цветущие розы, опасаясь, однако, их шипов. Ах, друг, кто своевременно не подружится со смертью и не станет с нею на короткой ноге, для того под конец приход ее будет мучителен. Думаю, что любимцев своих она хватает без долгих размышлений. А что кажется столь ужасным – всего лишь ее хитроумная уловка, воспитывающая нас, оставшихся в живых. Знаю, ты разделишь со мною мою боль и твои чувства, твое доброе сердце настроится, конечно, на реквием, который посвящаю памяти моей доброй матери.

Бог знает, какой почтовый шпик будет обнюхивать или даже читать это письмо – я ведь заклятый враг акциза и не хотел бы подробно распространяться о том, что может позднее быть представлено как контрабанда; и все-таки сердце теснит невозможность сказать тебе все так, как велит душа. Ты знаешь, что с горестями своими я привык бросаться тебе на шею, что я люблю, поделившись с тобой, увеличить даже малую толику радости, вот почему меня гнетет любое принуждение: и твоя поездка, и акцизная служба, все это ужасно. Лучше будет, если я процитирую отрывок из романа, над которым работаю в часы досуга, чаще всего по воскресеньям. Речь идет о наиболее важном для меня предмете.

"Как все-таки прекрасна дружба! Вашему полу, женщины и девушки, я не завидую. Вполне допускаю, что ваши изысканные чувства способны в тысячах тонких нюансов вдыхать наслаждение там, где мы с нашей грубой натурой поглощаем все разом; возможно, что наша любовь – лед Северного полюса в сравнении с жаром, который это чувство разжигает в вашем сердце, возможно, мы оказываемся бесчувственными чурбанами там, где дух и жизнь, словно электричество, насыщают ваше бытие. Но я не завидую вам, я горд мужским нашим даром, дружбой. Слышу ваши возражения из тысячи уст, торжествуя, вы заключаете друг друга в объятия: "А разве мы не любим друг друга?" Но простите, что я не делаю вам уступок ни в чем и даже немного смеюсь над вашими порывистыми объятиями. Множество причин подтверждает мою мысль о мужской монополии в дружбе; одна из них важна, но несколько нескромна, чтобы я стал ее тут упоминать. Рискую лишиться необходимой принадлежности мужского экстерьера, я не отважился бы открыть с трибуны сию причину пред женщинами, пусть сперва согласятся, что чувственность, меняющая все с непрерывной быстротой, определяет их поведение; дружба же ничего не свершает во имя чувственности, но только ради духа. Высшее ее наслаждение – благоволение к родственной натуре, блаженство обретения сходных помыслов, и уж коли мы нашли того,

кто нас понимает, в чьей груди с восторгом обнаруживаем мы те же чувства, а в голове – собственные идеи, кто с душой, открытой для добродетели и красоты, вступает вместе с нами и на цветущий луг, и на тернистую тропу, – каким новым кажется тогда мир, каким бесценным делается и собственное бытие. Героизм, противопоказанный женской натуре, возвышает нас до таких дел, которые мы в слабости своей не смогли бы совершить без сподвижника. Да, мой Теодор, мы оба не стали бы тем, кто мы есть, не соедини судьба наши одинаково настроенные сердца. Пока не пробил час рождения нашей дружбы, я влачил весьма жалкое существование в собственной келье. Дух мой был "пленником, которого посадили в темницу и неусыпно охраняли" пр. *".

Достаточно из "Таинственного"! Не обижайся на отдельные неудачные выражения, сегодня я уже не в силах ничего поправить. А Вы, господин акцизный инспектор или *inquisitor privatus* **, убедитесь лично, что нет здесь никаких выпадов ни против религии, ни против государства, ни против общественно-го и личного спокойствия сограждан; если же у Вас хватит терпения дочитать письмо до конца, Вы поймете в итоге, что вечером того дня, когда поутру находишь собственную матушку скончавшейся, нельзя замыслить ничего коварного!

Гравюра на дереве Беснара,
1817 год

Кора

Гиппель был посвящен и в первую любовь Гофмана, в его страсть к Доре Хатт, связанной несчастливим браком с виноторговцем на девятнадцать лет старше ее. Как бы то ни было, Дора была почти на десять лет старше пылкого почитателя искусств, обреченного изучать право. Молодая женщина двадцати

* *Perge, perge (лат.)* – и так далее, и тому подобное.

** Частный сыщик (*лат.*).

восьми – тридцати лет, она была, должно быть, удивительно хороша собой и к тому же обладала быстрым, живым умом. Если верить утверждению Гиппеля, она сама добилась благоклонности студента, у которого брала уроки музыки. Эта же ситуация будет повторяться и дальнейшем: все случаи страстной любви Гофмана к женщинам были неразрывно связаны с музыкой. Дора обучалась пению и игре на фортепьяно, как позже Юлия Марк в Бамберге, тоже ставшая его ученицей. А в последние годы жизни Гофмана его уже смиренная и потому не трагическая любовь отдана была юной певице Иоганне Эунике, изображавшей на сцене его Ундину.

Итак, пылкий двадцатилетний Кёнигсбергский студент боготворил свою Inamogata * "со всем нежным жаром внутреннего чувства" и в то же время с трагической горечью человека, которому условности не позволяли навсегда обладать любимой. Он называл ее "Кора" (должно быть, по названию весьма популярной в то время оперы Иоганна Готфрида Наумана), а еще своею "девой солнца". Впрочем, в любви к Коре проявилось все то, что вообще определяло чувства молодого и более зрелого Гофмана: он вынужден был скрывать свою страсть, насильственно подавлять ее проявления. Вот почему большое чувство столь часто переходит в неумную иронию, о чем говорит Гофман в одном из ранних писем Гиппелю: "Любому проявлению чувств к Коре у меня неизбежно сопутствует заготовленная под сурдинку какая-нибудь комическая выходка..." Любовь, с самого начала настроенная на высокую трагическую ноту, стала для Гофмана первым большим человеческим переживанием, однако указала ему тут же и границы, поставленные его окружением. Впервые в необычной его жизни индивидуальное переживание выросло до определенного социального опыта: Кора, возлюбленная, была рабой условностей, собственностью ненавистного буржуа, в руках которого находилось все – и деньги, и привилегии. Это событие, значившее для него гораздо больше, чем просто юношеский эпизод, во многом предвосхищает поздние взаимоотношения с Юлией. Конечно, Гофман был далек от понимания того, что личная его судьба по-своему отражает исторические и социальные закономерности. И все-таки характерно, что именно в то время, когда отношения с Дорой достигли своей высшей точки, резко возросло его неприятие кёнигсбергской бюргерской среды, превратившееся в чувство прямо-таки физического отвращения, в горькое осознание собственного одиночества.

Итак, это событие имело решающее значение. Как пред-

* Возлюбленную (*итал.*).

шественница Юлии, его бамбергского ангела, призрак Кору возникает и в более поздних произведениях. Самый прекрасный памятник писатель воздвиг ей в чудном образе баронессы Серафины, жертвы несчастливого замужества в новелле "Майорат". Единственное же непосредственное отражение данная любовная трагедия вновь обрела в письмах к Гиппелю, который, впрочем, в подобных вещах целиком разделял мораль своего времени. Вот почему именно эти письма позже особенно пострадали от красного гиппелевского карандаша: жертвой его пали почти все наиболее важные высказывания, и в дошедших до нас текстах ощущается лишь отблеск большой любви, определившей всю дальнейшую жизнь Гофмана.

В глазах кёнигсбергских обывателей любовь эта была всего лишь скандальной "связью", о которой вскоре заговорил весь город и которая ставила порой отчаявшегося юношу в довольно неприятные ситуации. Постепенно положение Гофмана в родном городе становилось невыносимым, и на семейном совете решено было послать двадцатилетнего молодого человека, сдавшего в июле 1795 года экзамен на государственного судебного следователя, а в марте 1796 года потерявшего мать, к дяде Иоганну Людвигу Дерферу, который занимал пост советника верховного суда в Глогау, в Силезии. В июне 1796 года Гофман покинул Кёнигсберг, связанный для него отнюдь не с добрыми воспоминаниями. Это произошло как раз в тот год, когда в далеком Бамберге родилась Юлия Марк. В последующие годы он всего несколько раз ненадолго заезжал в родной город. В один из таких приездов, в феврале 1804 года, из уст юной Мальхен Хатт, дочери Доры, он узнал о преждевременной смерти своей Inamogata. Он описал встречу с Мальхен в своем дневнике, и эта запись пронизана тяжелым ощущением от ужасного известия. Случилось это в тот самый день, когда кёнигсбергская газета, издававшаяся Гартунгом, поместила сообщение о смерти Иммануила Канта. Но гораздо больше, чем кончина известного философа, двадцативосьмилетнего Гофмана потрясла смерть "девы солнца", обретшей в более поздних произведениях свое художественное воплощение.

ТЕОДОР ГОТЛИБ ФОН ГИППЕЛЬ

Воспоминания о Гофмане

...Событие, о котором я не могу здесь умолчать, ибо оно оставило глубокий след в его душе, способствовало быстрому и раннему взрослению Гофмана. Оно приходится на время окончания университета и начало служебной карьеры... Очаро-

вательная женщина, любящая и тонко чувствующая искусство, одарила его своей благосклонностью, и он отдался первому чувству со всей страстностью юности. Несчастливый семейный союз, заключенный родственниками, связал ее, тогда еще почти ребенка, с супругом, который был старше вдвое. Через несколько лет Гофман начал давать ей уроки музыки, и два родственных сердца скоро охватило всепоглощающее пламя, разгоревшееся из сродства наклонностей и необходимости скрывать их отношения. Перед ним открылся новый мир, и одновременно он, словно утлео суденышко без руля и ветрил, оказался брошенным в открытом море на волю волн. Он обрел сердце, которое вправе был назвать своим, но которым не мог обладать; ежедневные свидания несли с собой и постоянную разлуку, а к полноте наслаждения примешивалось осознание неизбежной утраты.

Одновременно с высочайшими радостями любви ему была уготована и горькая мука.

Он остро ощущал, насколько той поре он был обязан познанием сокровенных глубин человеческой души, которая позже открывается в его произведениях, умением безошибочно различать женскую красоту и чистоту женского сердца, сохранившимся в нем и тогда, когда сам он считал себя безвозвратно погибшим, — все же сознание подобного положения вносило раздвоенность в его душу, и эту рану он чувствовал вплоть до самой смерти.

Очевидно, та пора породила в нем тоску по возвышенной любви, по идеалу возлюбленной, достойной его дружбы. И то, и другое воплотилось в *одном* образе, в самом высоком идеале, которого жаждала душа.

ИЗ ПИСЕМ ТЕОДОРУ ГОТЛИБУ ФОН ГИППЕЛЮ

12 декабря 1794 г. ...В такой изоляции, в такой отгороженности от мира я еще не пребывал со студенческих времен. Со мной общаются лишь те, что сами упорно этого ищут, им я уделяю минут десять, и баста. Думаю, что человек, плохо разбирающийся в людях, углядел бы в этом признак нелюдимости, однако то была бы ошибка. Я по-прежнему люблю людей, и если вновь и вновь начинаю ненавидеть тех, кто ненавидит меня, если при случае с удовольствием даю тумака тем, кто не отказался бы проделать то же со мной, если потешаюсь над теми, кто и в самом деле смешон, — все это вряд ли можно назвать человеконенавистничеством. Знакомства мои с дамами

сводятся к нескольким фразам в общем разговоре (за исключением одной из них), и ни с кем я не желал бы продолжить беседу; уроки прошлого сделали меня умным и предусмотрительным, былой опыт научил, что множество разговоров при отсутствии конкретных дел – признак слабоволия. В этом меня трудно упрекнуть, к подобной категории я не принадлежу. Я редко бываю среди людей, избегаю, насколько возможно, глупых остряков и болтунов и в конце концов надеюсь добиться, чтобы меня оставили в покое. Даже появление на балах, как теперь, так и в будущем, en masque *, подчиняется данным принципам. Настроение неопределенное; лишь один-единственный человек мог бы его понять, но он отнят у меня, по крайней мере на какое-то время. Итак, я постигаю искусство находить все в себе самом и надеюсь со временем отыскать, опять же в себе, нечто полезное... Однако вряд ли сердце мое утратит со временем чрезмерную восприимчивость к любому внешнему сообщению, к любому чувству: разум ведь никогда не способен помещать сердцу, но и сердце должно находить согласие с разумом – вот что я называю образованностью! Быть может, вскоре подобное настроение овладеет и твоей душой, тогда еще прочнее станет гармония, освящающая союз нашей дружбы. У Райденица нынче не принимают, занимаюсь чем угодно, и дни бегут все быстрее. Настроение у меня по большей части радостное, об этом ты можешь судить по моим бодрым письмам. Каждый вечер я засиживаюсь за полночь, нередко до часу; утром поднимаюсь в восемь. В подобном образе жизни есть элемент традиции, которой я всегда хотел бы следовать. Очень сомневаюсь, что люблю свою Inamorata со всей полнотой чувств, на какую способен, однако я не желал бы обрести предмет, способный пробудить дремлющие чувства, – это нарушило бы мой уютный покой, вырвав меня из состояния, быть может, кажущегося блаженства; я заранее пугаюсь, воображая множество неудобств, сопутствующих подобному чувству. Придут вздохи, тревожная неуверенность, беспокойство, меланхолические мечты, отчаяние pp. Поэтому я избегаю всего, что могло бы повлечь за собою нечто такого рода. Любому проявлению чувства к Коре у меня неизбежно сопутствует заготовленная под сурдинку какая-нибудь комическая выходка, и струны любви приглушаются так, что уже почти не слышно их звучания. Мои каникулы будут ничем не лучше твоего изгнания, я просижу все время взаперти и в лучшем случае несколько раз побеседую с моей Inamorata.

26 октября 1795 г. Мои маленькие концерты продолжают, а недавно я сочинил начало мотета. Однако ты вряд ли догада-

* В маске (франц.).

ешься, откуда текст, это "Фауст" Гёте: *Judex ille cum sedebit* pp. Слова девушки являются сопровождающим речитативом. И. полагает, что *Judex* pp. в полную силу звучания (так, как я его написал, – одна строфа только с тромбонами, фэготами и гобоями, а потом уже, как в фуге, с органом и другими голосами) произведет ужасное впечатление. Если б я жил в католической местности, я выбросил бы все речитативы, добавил несколько фуг и имел бы надежду услышать свое сочинение исполненным в церкви. Поупражнявшись больше в композиции, примусь за "*Claudine von Villa Bella*". Ты представишь себе не можешь, как сейчас взялась за меня фурия композиции – как в музыке, так и в писании романов pp. Самое лучшее – бросить в огонь все, что покажется плохим.

Желаю тебе когда-нибудь так полюбить девушку, как я свою *Inpatorata*, спокойным, нежным чувством, овладевшим нашими сердцами, впрочем, лишь после пережитых бурь. Это не буйство дикой, всепоглощающей страсти, но спокойное пламя глубокого чувства, привязывающего меня к ней. Чтобы все это при моих обстоятельствах не казалось смешным, нужно знать ее вполне, и лишь тебе, единственному, кто меня понимает, поверяю я все <...>.

10 января 1796 г. Три часа назад я получил твое письмо от 5 января и вот уже сажусь, чтобы ответить на него с беспокойным сердцем и множеством мучительных мыслей. Твой план насчет дальнейшего моего продвижения по службе меня растрогал, ибо свидетельствует о чистосердечности твоей дружбы. Мои отношения с ... прежние, быть может, даже более близкие, чем когда-либо. Неприятности и ссоры прекратились, после того как некое посредническое лицо перестало разыгрывать с нами глупые шутки. Ты учел все, кроме одного – что я ее безумно люблю и именно в этом заключается мое несчастье. Читая письмо, ты, возможно, сочтешь меня самым нерешительным человеком из всех, кого знал, – мне в известной степени совестно писать о том, что делает меня игрушкой меняющихся настроений, унижает в твоих глазах и представляет смешным. Я люблю ее и несчастлив, оттого что не могу обладать ею, оттого что даже в сладостнейшие мгновения любви мне все мучительно напоминает о том, что она не моя – и не может быть моею. Она, которую я люблю более всего на свете, без которой нет для меня ни счастья, ни радости, – жена другого, жена человека, трусливо охраняющего ее и не догадывающегося, каким сокровищем он владеет...

23 января 1796 г. ...Чтение бумаг – занятие для меня суховатое, вот почему я должен иногда разнообразить его, но отнюдь не при помощи хлама с последней ярмарки. Я читаю теперь

избирательно – "Дон Карлоса" прочел по меньшей мере раз шесть и теперь перечитываю в седьмой. Ничто меня не волнует так, как дружба Позы с принцем – думаю, вряд ли когда-либо описана была более возвышенная и подкупающе трогательная картина дружбы. Я читаю допоздна, и сцена меняется. Хатт – это Дон Филипп, она – Элизабет, я – Дон Карлос, ты – Поза, Р. – Эболи, С т . – Альба, Б. – Доминго, тетя – Мондекар и так далее. Не смейся только над бессмыслицей, в которой так много смысла. Ты не поверишь, сколь уединенно я сейчас живу – лишь небольшие концерты дают необходимое отдохновение...

Завтра воскресенье. Есть в этом некая закономерность, и я бы установил сей факт, даже если бы не увидел, как дяде понесли воду для мытья ног. Надо ложиться спать, ибо знай: по воскресеньям у меня расцветают искусства и науки, но для этого надо выспаться – говорю серьезно. По будням я юрист да еще чуть-чуть музыкант, но в воскресенье днем я рисую, а вечерами и допоздна превращаюсь в весьма остроумного автора...

31 марта 1796 г. ...Потерять ее – мысль эта пригибает меня к земле; сомневаюсь, что в горах Силезии буду дышать вольнее! Что еще способно удержать меня в этом городе, где я заперт в четырех стенах и где со святою простотой пытаются втиснуть дух мой в догматы предрассудков. Ах, дорогой друг, перечень всех мерзостей, ежедневно напоминающих мне о гнусном моем положении, займет весь лист. Молния какого разгневанного божества швырнула меня в круг этих людей! Мне не дают ни часу побыть одному. Со смертью матушки все стало вдесять раз нелепее, и до полуночи меня истязают длиннейшими нравочениями. Предпринять что-либо разумное я не в силах, короче, в этом смысле моя предстоящая поездка – нечто великолепное. <...>

ВЗГЛЯД НА ПРОШЛОЕ ИЗ ГЛОГАУ

Письмо Теодору Готлибу фон Гиппелю

29 августа 1797 г. ...Ты, пожалуй, единственный, кто не держал против меня дурного в мыслях и не называл меня дураком, когда я осмелился полюбить условностям вопреки. Ты один, даже осуждая, щадишь меня, тогда как другие с легкостью извергают проклятия. Только тебе я могу доверить то, что от других схороню в себе навсегда. Нужно самому любить, любить женщину такой, как она есть, чтоб поверить, что я до сих пор привязан к ней со всей страстностью первой любви, что самые мои сладостные и в то же время самые утешительные минуты –

те, что я провожу перед ее портретом, вспоминая золотое время. Что нас хотят разлучить, что сердце мое тысячу раз истечет кровью, но не обретет утешения, соединившись с ее сердцем, – все это я знаю и так, знаю и то, что дама, через посредство которой мы общались, вела себя непоследовательно; однако средства, к которым прибегают они сейчас, недостойны и наполняют меня возмущением против мошенницы, пытающейся теперь сдать мне фальшивые карты... Помнишь ли ты начало этой любви, мы тогда виделись редко, я был замкнутым и неразговорчивым; потом наконец рассказал тебе все, и ты с бесконечным тактом обратил мое внимание на то, как бросаются в глаза наши отношения, помнишь? А помнишь то веселое время, когда мы просили твоего камер-гусара-жокея-конюшого, но в первую очередь, конечно, парикмахера, завить нас и лучше причесать перед балом у Рюдигеров, да и перед другими домашними балами? Какими счастливыми были мы тогда... А как я проводил у тебя все дни до обеда, читая "Литературную газету" или "Библиотеку изящных наук и искусств", как потом мы гонялись друг за другом в домашних тапочках! Такие воспоминания ничто не омрачает. Часы прекраснейших мечтаний, которые я провел с нею, возносили меня в Элизиум, я вдыхал наслаждение, и цветочное море блаженства смыкало надо мною свои волны! Опьянение прошло, и я наткнулся на шипы там, где, казалось, были одни розы. Возьми у меня все воспоминания о былом, оставь лишь те часы, что я провел с тобой и с нею, – и я смогу блаженно мечтать о прошлом, когда меня придавит настоящее.

ПОСЛЕ СМЕРТИ КОРЫ

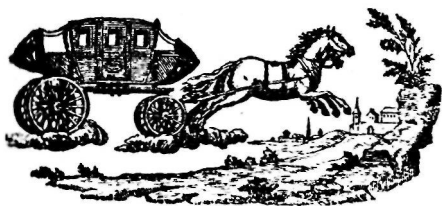
Из дневника

13 февраля 1804 г. – Небольшое событие... Нет, не так! Событие, важное для души и ума, возвышает нынешний день над унылыми его собратьями. Молодая цветущая девушка, прекрасная, как Магдалина Корреджо, с фигурой, как у граций Ангелики Кауфман, предстала вечером предо мною! Это была Мальхен Хатт, и у нее материнская грация. Передо мной стояло воплощение моих детских грез о предсуществовании моей *Inamorata*, сладкая незнакомая боль пронзила меня, она выразительно взглянула мне в глаза, понятно, я был для нее не менее интересен, чем она для меня. Мамзель Ринк-младшая представила ее, дядюшка бесконечно долго рассказывал о похоронах, напрасно старался я придать разговору иное направление, желал заключить цветущую девушку в объятия духа,

желал незаметно ввести ее в магический круг воображения – несколько восторженных мгновений вознаградили бы меня за невыносимое однообразие минувшей недели, – но ничего не вышло, Ринк все испортила своею свинцовой скукой.

...Я странно взволнован! Какой памятник воздвигнут здесь умершей! Он живее, чем обычно бывают *Castra doloris* *, потому что вместо мраморного ангела смерти здесь – живая грация... **

В Глогау

О своем переезде из Восточной Пруссии в Силезию Гофман подробно рассказал в одном достойном упоминания письме. Во время смены лошадей в Мариенвердере небогатая семья пуговичника на несколько часов окружила его человеческим теплом, которого ему так недоставало в педантичном семействе Дерферов. Когда в середине июня 1796 года Гофман вошел в дом своего дяди Иоганна Людвига Дерфера в Глогау, жалобы его на филистерскую тиранию семьи не смолкли; Гофман не избежал ее и здесь, несмотря на значительное расстояние, отделявшее его от Кёнигсберга. Дядя тотчас же холодно и невозмутимо посоветовал племяннику никогда больше не писать Коре: письма сосланного любовника могли бы послужить отягчающим обстоятельством на судебном процессе! Тем не менее на первых порах пребывания Гофмана в Глогау переписка с Дорой Хатт велась, хотя эти письма не сохранились. Ненадолго посетив родной город весной 1797 года, Гофман еще раз увиделся со своей *Inamogata* и даже строил тогда планы относительно ее развода. Однако в конце концов (точные обстоятельства

*Гравюра на дереве Беснара,
1818 год*

* Надгробия (*лат.*).

** Цитаты из дневников Гофмана даются в переводе О. К. Логиновой с некоторыми уточнениями по изданию: Гофман Э. Т. А. Крейслериана. Житейские воззрения кота Мурра. Дневники. М., 1972.

здесь неизвестны) эта первая большая любовь в его жизни угасла.

Два года, проведенные в Глогау (с 1796 по 1798), полны были разочарования и подавленности. Гофман по-прежнему оставался "рабом злополучных мелочей", страдал от ничем "не заполнимой пустоты", от "духовного бессилия", на которое обрекли его семья и нелюбимая профессия. В январе 1798 года он даже обручился – то ли с отчаяния, то ли покорившись неизбежной судьбе – со своей кузиной Минной Дерфер, дочерью дядюшки из Глогау, к которой наверняка не испытывал подлинной страсти. Казалось, Гофман уже смирился с тем, что придется разделить участь всех остальных его родственников.

Впрочем, его художественные склонности заглохли не совсем. Здесь, в Глогау, он свел знакомство с финансовым и таможенным чиновником Иоганном Самуэлем Хампе, который, как и неудовлетворенный молодой юрист, вынужден был вести ненавистное ему чиновничье существование, будучи в душе одаренным музыкантом. Дружбу, основанную на глубоком родстве душ, товарищи по несчастью сберегли до последних лет жизни Гофмана. Особое воздействие оказала на него встреча с художником Алоизом Молинари, которому Гофман помогал расписывать церковь Иезуитов в Глогау – "юристы на меня, возможно, обидятся". В одном из "Ночных рассказов", написанном двадцать лет спустя ("Церковь Иезуитов в Г."), Гофман поэтически осмысляет свои воспоминания об очаровательном Молинари; молодому любителю искусства, ведущему томительное существование в захолустном городке, кажется, будто он вступил в союз с темными силами. Не случайно именно демонический художник Бертольд, прообразом которого послужил Молинари, воплощает у Гофмана кризисное отношение к искусству. Его раздирают противоречия: он жаждет возвышенного, но обречен вечно ощущать горечь земного несовершенства. Через двадцать лет Гофман вновь оказался перед развалинами неосуществившихся планов; разбилась мечта о жизни свободного художника, и потерпевший неудачу капельмейстер вернулся в "государственное стойло".

"Знать, черт нас дурачит, подсовывая кукол с приклеенными ангельскими крыльями" *, – с содроганием восклицает художник Бертольд, – это мысль самого Гофмана, возникшая в

* Гофман Э. Т. А. Церковь Иезуитов в Г. Пер. И. Стребловой. – Искусство и художник в зарубежной новелле XIX века. Изд-во ЛГУ, 1985, с. 34.

свое время у зрелого не по годам судебного следователя в Глогау.

В июне 1798 года, всего через несколько месяцев после обручения с Минной Дерфер, Гофман сдал экзамен на референдария. Прежде чем отправиться вслед за дядей в Берлин (тот был переведен в столицу в чине старшего советника трибунала), Гофман совершил двухнедельное путешествие в Дрезден через Исполиновы горы. Об этом он живо и подробно рассказывал в письмах невесте, "которые, возможно, были интереснейшим созданием юности" (Хитциг), но, увы, безвозвратно утеряны. В Дрездене неизгладимое впечатление на него произвела картинная галерея; кстати, Гофман был в Дрездене в то самое время, когда собравшиеся здесь участники кружка ранних романтиков спорили об основных принципах романтического искусства; позже принципы эти нашли свое выражение в эссе Каролины и Августа Вильгельма Шлегелей "Картина". Гофман не знал о существовании этих молодых писателей; с произведениями Тика, Вакенродера и Новалиса он познакомился спустя шесть лет в Варшаве, когда период расцвета раннего романтизма был уже позади. Когда же новоиспеченный референдарий с благоговейным восхищением стоял перед картинами Рафаэля и Корреджо, он еще не догадывался о восхождении новых звезд на небосклоне отечественной литературы.

После двух недель, богатых впечатлениями и переживаниями, после короткого прощального визита в Глогау двадцатидвухлетний референдарий Гофман прибыл в Берлин 29 августа 1798 года, чтобы в будущем стать одним из его величайших поэтов.

ИЗ ПИСЕМ ТЕОДУРУ ГОТЛИБУ ФОН ГИППЕЛЮ

18 июля 1798 г. ...Я бежал из родного города в состоянии какого-то угара или опьянения – прощание с ним столь смягчило меня, что еще бы немного – и я выставил бы себя на посмешище и разрыдался. Зато после я был отчаянно весел, раза три подряд натягивал брюки задом наперед, много ел, а пил и того больше – ее я увидел в последний раз у окна. Должно быть, мой общий поклон соседям на все четыре стороны и последнее "прости", брошенное ей в окно, составили заключительную виньетку в главе о Кёнигсберге – в последний раз скромно стоял я перед ними, демонстрируя волосы, подстриженные в кружок, и дорожное платье.

Ничего не сообщаю о путешествии, дорогой друг, кроме

того, что ехал я с твоим земляком, который в Мариенвердере в течение двух часов, пока на почте меняли лошадей, всюду водил меня за собой и знакомил с разными дамами... Этот чичероне и попутчик, между прочим, пуговичник; у него хорошенькая жена – очень милое лицо, словно иллюстрация к Лафатеру, – расположения таких людей следует добиваться немедленно, если у тебя есть хоть малейшая склонность к портретным наброскам. Маленькая семья пуговичника собралась вокруг возвратившегося отца, тот всего лишь ездил в Кёнигсберг погостить и не был дома восемь дней – для их любви достаточно долгий срок. Один ребенок вскарабкался ему на шею, другой пристроился на колене, когда же отец семейства распаковал подарки – пестрые домашние туфельки для девочек и пироги-гостинцы, – радости не было предела. Младенец тоже проснулся в колыбели и лепетал, простирая маленькие ручонки к матери, она же с улыбкой разглаживала фалды мужнина черного сюртука, извлеченного из саквояжа, чистила его щеткой, снимала пушинки. Старик с удивительным лицом, изготовлявший за столом пуговицы, дополнил сцену радостным приветствием и доброжелательным наставлением мне и своему напарнику. Бросая на меня беглые взгляды, он сидел молча. Потом снял свою грубоватую шапочку и остался в хорошо сохранившемся парике с *Soeurtoire* *. Но вот принесли кофе в огромном кофейнике – жена оставила в покое черный сюртук и принялась мыть фарфоровую чашку. Чашка предназначалась мне, а фаянсовая – мужу. Старик жадно глядел, как лился коричневый напиток из кофейника, и радостно заулыбался, когда отец семейства неожиданным быстрым движением подвинул ему свою чашку, оборвав все вежливые возражения громким требованием подать ему другую. Малыши крутились вокруг стола с пирогами в руках – они не осмеливались попросить кофе и все же пока не принимались за пирог. Я кормил их из своей чашки: отламывая кусочки пирога, макал их в кофе и подавал на чайной ложке. Мать не могла позволить такого, а когда я стал настаивать, налила кофе им в мисочку, чтобы дети макали пироги туда. Тут уж настало всеобщее ликование – кофе пили все, и даже домашний кот, который мурлыкал, выгнув спину, и давно уже крутился под ногами, получил свою порцию сливок. Я настолько завладел доверием малышей, что они не хотели меня отпускать, когда пришли звать на почту. Я всех расцеловал и охотно запечатлел бы поцелуй Йорика на нежно-округлых губках жены – и как свидетельство собственного моего к ней расположения, и как знак приветия от всех

* Старомодной прической (*франц.*).

представителей искусств, коими я занимаюсь, дабы стать лучше, чем был бы я без них. Ты понимаешь меня! Но это вызвало бы переполох, и полицмейстер, которому наверняка обо всем стало бы известно, занялся бы расследованием факта сего поцелуя и ославил бы меня по всему свету. Как видишь, в Мариенвердере я стал сентиментальным, но в том повинен лишь профиль, как, впрочем, и фас жены пуговичника.

В среду, 15 июня, в шесть часов утра я предстал перед дядюшкой. Мои кузины – весьма образованные девицы, у второй вполне привлекательная фигура, лицом обе не хороши и не дурны, смесь интересных и непривлекательных черт, в целом же довольно симпатичны... Ныне я сталкиваюсь с главным вопросом, который читаю в твоём взгляде, – счастлив ли я, доволен ли? Увы, должен ответить, что никогда еще не был несчастливее, да еще столь долгое время; никогда еще не был в такой мере рабом злополучных мелочей, хотя временами во мне и прорывается веселость. Пойми, я насильно разлучен с существом, которое заполняло всю мою душу, которое могло стать для меня всем на свете. Я пожертвовал собою ради несчастных условностей, я бежал с кровоточащим сердцем – благодного гения искал я вдали от моего отечества и не нашел его!..

И это общество, которое призвано развеселить меня, смягчить боль разлуки с вами, милые мои. Скорее уж это удалось, пусть на несколько часов, семье пуговичника, нежели этим людям. Тетушка – прекрасная женщина. Она и кузен, очень непосредственный и живой мальчик, – единственные, кто дарит мне порою мгновения радости. Я кинулся дядюшке на шею со своими страданиями. Его утешения, его советы были холодны как лед – глубоко упрятанная внутренняя боль пожирает меня, губит цвет моей жизни, ибо кто мог бы сделать меня счастливее, стал мне отныне чужим! Представь, дядюшка посоветовал мне никогда больше не писать ей, дабы письма мои нельзя было приобщить ad acta *.

20 июля 1796 г. Я только что вернулся из церкви Иезуитов. Ее заново расписывают, и мне пришла в голову сумасбродная идея предложить свою помощь – юристы на меня, возможно, обидятся!..

22 января 1797 г. Хмурое, пасмурное утро – всю ночь бушевала буря и град грозил разбить окно. Сейчас все стихло, и только дорога в Брусте (деревушка в четверти мили от Глогау), насколько хватает взгляда, кишит богомольцами, поспешающими в церковь в Глогау. Вообрази себе длинную цепь, звенья которой – синие пальто! Столь благочестивыми, как эти бого-

*К делам (лат.).

мольцы, которых даже тяготы пути настраивают на набожный лад, оба мы, ни ты, ни я, не будем уже никогда – как теперь, так и в будущем. Впрочем, ты, пожалуй, еще сможешь – как часто ты меня упрекал за то, что я как испорченный горожанин не восприимчив к подобным вещам, – признаю!

В течение какого-то времени (не вечно же повествовать о воскресенье) я наслаждался общением с человеком, который вновь пробудил мой дух или, будь по-твоему, мою фантазию. Человек, какого я видел в своих мечтах, явился, словно призраком, он пролетел надо мною, будто добрый гений, разбрасывающий в воздухе лепестки роз. Он пользуется здесь дурной славой; подобно многим, он оставался долгое время непризнанным. Вообрази себе человека, который сложен, точно ватиканский Аполлон, зато голова как у Фиеско и в красивых глазах время от времени мелькает злорадство. Казалось, впечатление это еще более усиливают коротко подстриженные вьющиеся черные волосы. Во всей осанке что-то гордое – некоторое чувство превосходства, никогда не переходящее в самоуверенность. Человека этого звали Молинари, и он был художником. Ты знаешь меня, Теодор, знаешь мой восторг по отношению к искусству – не удивительно, что я попытался немедленно с ним сблизиться. Вскоре мне это удалось, и теперь я почти ежедневно провожу в его обществе несколько вечерних часов. Большую часть жизни он провел в Италии, получил в Риме прекрасное художественное образование. Когда-нибудь потом в беседе я расскажу тебе о нем побольше, теперь замечу лишь, что благодаря ему я невероятно продвинулся в искусстве. Огненным духом проникнуты все его произведения, и несколько искр этого огня разбудили и мой спящий гений – это подтверждают несколько девичьих портретов в папке, что у меня под рукой. <...>

Все было бы неплохо, если бы увлечение у меня, как всегда, не превратилось в страсть. Моя горячность, да, мое неистовство во всем, что дарует подобные ощущения, убивает во мне все хорошее. К черту летит жизнерадостность, разрушены мечты о счастье – в этом мы с Молинари похожи. Оба дети несчастья – оба испорчены судьбою и самими собой! <...>

ПИСЬМО ТЕОДОРУ ГОТЛИБУ ФОН ГИППЕЛЮ

17 сентября 1796 г. ..Мою боль, ощущение ничем не заполнимой пустоты, разрыв уз, связывавших меня с другом и с блаженством, – все это по утрам еще часа два можно прочесть на моем лице. Но тон мой настроен на две октавы выше, так что я не превращаюсь в несчастнейшего горемыку никогда, ни

при каких обстоятельствах. Едва только всходит солнце, лучи его согревают мою внешнюю оболочку, и я на что-нибудь еще гожусь, пока светит солнце или какой-нибудь иной свет. Но вечерами мною овладевает духовное бессилие, фантазия же неустанно следит за моими веками, чтобы, едва они опустятся, в ярких красках воспроизвести все неприятности, когда-либо случавшиеся со мной, и показать мне будущее, которое вполне достойно моего прошлого.

СПУСТЯ ДВА ГОДА

Письмо Теодору Готлибу фон Гиппелю

30 июня 1798 г. ...С карьерой юриста дела обстоят весьма *piànissimo* *. В минувшем феврале я подал заявление на сдачу второго экзамена. После обычных проволочек меня проэкзаменовали устно всего три недели назад, хотя реляцию об испытаниях я подал за полтора месяца. И только теперь я включен в число референдариев. Ныне мое положение изменится. Дядя стал тайным советником Верховного трибунала, думаю, в этой связи меня переведут в апелляционный суд, и надеюсь достичь там цели быстрее, нежели здесь. Намерен не позже чем через два месяца быть в Берлине, выбравшись, наконец, из захолустья, где одиночество порою, возможно, и шло мне на пользу...

ПУТЕШЕСТВИЕ ЧЕРЕЗ ИСПОЛИНОВЫ ГОРЫ В ДРЕЗДЕН

Из писем Теодору Готлибу фон Гиппелю

26 августа 1798 г. Будучи последний день в Глогау, спешу сообщить, что люблю тебя по-прежнему и что недавнее твое письмо, проникнутое настроением, которое когда-то в Кёнигсберге делало нас столь счастливыми, вновь осчастливило меня. Молчание мое покажется тебе необъяснимым. Чрезвычайно интересное путешествие, проходившее через часть Силезских гор, Либверду, Фридланд в Богемии и Дрезден, удерживало меня от писания. Сколько нового я увидел! Две недели наслаждался я красотами природы и искусства. Будет время, я расскажу тебе об этом подробнее. Я мог бы просто посылать тебе одну за другой части моего путевого дневника, который и так уже разделен на письма Теодору. Ты ведь всегда со мной и во мне. Ибо тебе рассказываю я каждый вечер о том, что видел, что меня особенно поразило...

* Очень слабо (*итал.*).

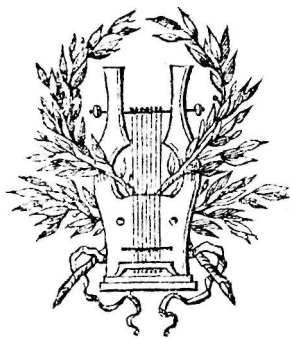
15 октября 1798 г. ...Мой дневник лежит неоконченным. К счастью, я записал материал еще во время путешествия. Это кокон с пятью листками, из которого позже я должен выткать произведение листов в пятнадцать. Путешествие, которое можно было бы назвать перелетом, не просто доставило мне удовольствие – оно было еще и поучительным. Шлифовка стекла, изготовление купороса, бумаги – словом, всему этому я мог научиться. Ты ведь знаешь, милый Теодор, что любая теория – всего лишь тень в сравнении с живым практическим исполнением; я никогда не забуду все, что хотя бы на мгновение увидел в путешествии.

Я вспоминал тебя, стоя у скалистой пропасти меж огромными отвесными стенами, громоздившимися с обеих сторон, – ели выше самых высоких мачт казались мне сверху низким кустарником, проросшим, будто мох, среди камней. Прямо передо мной со страшным громовым ревом с высоты двести футов срывался вниз Цакен. Позволь мне кратко описать эту местность. Из Шрейберхау, маленькой деревушки неподалеку от Вармбрунна, мы отправились лесом, который постепенно поднимался в гору в направлении Цакена. После двух часов пути я услышал вдруг необычный шум – то был водопад. Все сильнее звучал он в расселинах скал по мере того, как мы приближались к нему. Еще полчаса пути – и мы вышли из густого ельника, оказавшись прямо перед цакенским водопадом. Огромный водяной столб, казалось, падал в бездонную пропасть. Теперь предстояло спуститься, чтобы снизу увидеть водопад во всем его гигантском величии. Но так как скалы поросли гладким мхом, земля осклизла из-за дождей, да и сам по себе спуск был небезопасен, из всей компании я один решился последовать за нашим проводником, маленьким мальчиком. С трудом спустился я с приличной высоты и тут обнаружил вертикально висящую лестницу в 26 ступенек – ею пользуются при сплаве леса. Наконец-то я оказался в ущелье – неподалеку от Цакена, примерно футах в двенадцати над водой, тянулась узкая тропка. Я пошел по ней, чтобы приблизиться к той части скалы, что нависла прямо над серединой реки, и здесь уселся. Величие, благородство – не могу описать тебе ужасающей красоты открывшегося передо мной зрелища. Солнце искрилось в водопаде, похожем сейчас на расплавленное серебро. В водяной пыли, которой пронизан был воздух вокруг скального водоема, образовывались тысячи разноцветных радуг. Бросишь взор вокруг – с обеих сторон отвесно громоздятся скалы. Стены их гладкие, словно вырублены зубилом. Между этими скалами, образующими необозримо длинную дорогу, Цакен, уже после падения своего с головокружительной высоты, мчится среди скалистых берегов.

Вдали видны горы и долины, окутанные серо-голубой дымкой эфира, проглядывающие в солнечных лучах. Чтобы ты мог представить себе мощь цакенского водопада, добавлю, что двое мужчин подтащили к нему большой камень, дабы вода могла подхватить его вверху, – камень был сброшен, будто маленький мячик, и разлетелся внизу на сотни кусков. Я видел еще кохельский водопад. Этот не столь дик и романтичен, однако красив. Его можно сравнить с цакенским примерно как "Эмилию Галотти" с "Разбойниками" Шиллера. Водопад на Эльбе, который, должно быть, более всего напоминает рейнский и расположен неподалеку от Шнеегрубена, я, к сожалению, увидеть не смог по недостатку времени...

26 августа 1798 г. ...Завтра уезжаю из Глогау, и в среду, 29 августа, буду в Берлине. На конверте пиши: "Курштрассе, в доме мадам Патте". Так ни одно письмо не минует меня, ибо там я буду жить.

Как много суеты, ежели покидаешь навсегда какое-нибудь место. Тысячи мелочей, не предвиденных заранее, притягивают к письменному столу. Только одно скажу я тебе: "Ночь" Корреджо вознесла меня к небесам, "Магдалина" Баттони восхитила меня, и с глубочайшим благоговением стоял я перед "Мадонной" Рафаэля. Об античном зале, который украшают статуи из Анциума и Геркуланума, нечего и говорить...

Впервые в Берлине

Прибыв в последние дни августа 1798 года в прусскую столицу, референдарий Гофман впервые познакомился с атмосферой большого города. До тех пор немецкая литература не баловала вниманием эту область жизни, оказавшуюся столь важной в будущем.

В конце XVIII века Берлин насчитывал около 150 тысяч жителей. Со времени возведе-

ния Пруссии в ранг королевства он стремительно развивался. Уже при Фридрихе I, любившем роскошь, появились прекрасные здания, такие, как дворец и арсенал. В период долгого правления Фридриха II архитектор Кнобельсдорф построил оперный театр на Унтер-ден-Линден, выросли роскошные дворцы аристократов: Берлин превращался в привлекательную столицу страны, достигшей европейской значимости ценой беззастенчивого насилия, насаждавшегося королем. Возникла даже местная промышленность, которую, впрочем, нельзя было мерить европейскими масштабами: она работала в основном на потребу огромной армии. С окончанием жестокого правления Фридриха II после его смерти корона перешла к беззаботному, но суверенному и ничуть не менее реакционному Фридриху Вильгельму II. Постепенно наступил общий упадок нравов. Мракобесие, интриги фавориток, фривольность переняла у королевского двора и часть буржуазии.

Для культурной жизни города особое значение имели многочисленные салоны двух остроумных дам еврейского происхождения – Рахели Левин и Генриетты Герц. Здесь шумно дебатировались лозунги французской революции, которые принес вольный ветер с другого берега Рейна. Здесь встречались входящие в моду романтики – братья Шлегели, Людвиг Тик, Фридрих Шлейермахер, единодушно отвергавшие сионских стражей прогнившего и узколобого морального кодекса. Роман в письмах Фридриха Шлегеля "Люцинда", опубликованный берлинским издателем Фрелихом в 1799 году, во время первого пребывания Гофмана в Берлине, стал документом нового интеллектуального самосознания, направленного против морали позднего абсолютизма. С самого начала несло оно в себе и элементы кризиса, анархистского саморазрушения. Несмотря на новые течения, проявившиеся в духовной жизни города, Берлин оставался, по сути, большим гарнизоном, огромной казармой, откуда велось управление армией, потерпевшей первые ощутимые поражения в походах против молодой Французской республики. За год до прибытия в Берлин Гофмана на трон сел архиреакционный, ограниченный и закосневший в традициях Гогенцоллернов Фридрих Вильгельм II.

Бурлящая жизнь города, манеры его жителей, лишённые зачастую должной почтительности, импонировали Гофману. Он наслаждался разнообразными затеями пестрого общества, посещал салоны, театры, художественные выставки, концерты, сотрудничал в журналах. У своего кёнигсбергского земляка Иоганна Фридриха Рейхардта он пополнял музыкальное образование.

В лице Франца Гольбейна, певшего в сопровождении гитары под именем Франческо Фонтано и временно ангажированного

Ифландом в качестве актера, он обрел здесь друга; десятилетие спустя он снова встретился с ним, уже как с директором бамбергского театра. Для Гольбеяна он написал партию художника Тройенфельса в своем зингшпиле "Маска", текст и музыка которого были созданы в Берлине. Это первое дошедшее до нас драматическое произведение Гофмана. Молодой дилетант проявил здесь уже известное композиторское мастерство в трактовке ансамбля, хоров, оркестра, а также в инструментовке, хотя, конечно, целиком находился еще под влиянием итальянской оперы-буфф и Моцарта. Осенью 1799 года Гофман посылает королеве Луизе партитуру и либретто, прекрасно проиллюстрировав их рисунками, выполненными сепией. Королева направила его к Августу Вильгельму Ифланду, всемогущему директору королевского Национального театра. Последний, однако, не принял к постановке этот ранний музыкальный опыт Гофмана.

Кроме того, Гофман старался совершенствоваться в портретной живописи. Он копировал произведения античного искусства, завязал контакты с театральным миром, сложные законы которого сумел понять удивительно быстро. И все-таки занятия музыкой и живописью были поначалу лишь ни к чему не обязывающим любительством: тогда Гофман вряд ли помышлял о том, чтобы сделать искусство главной жизненной целью.

Первое пребывание в Берлине продолжалось всего два года: в 1800 году после сдачи экзамена на звание ассессора Гофмана перевели в Верховный суд в Познань. И хотя он очень неохотно расставался с Берлином, перевод в Познань наконец-то освободил его от уз семейства, которое до тех пор с педантичной подозрительностью наблюдало за ним, диктуя ему дальнейшие шаги и планы. Должно быть, он с некоторыми надеждами смотрел в будущее, когда летом 1800 года, после путешествий в Потсдам, Дессау, Лейпциг и Дрезден, вместе со старым другом Гиппелем отправился в Познань.

КАРЛ ГУЦКОВ

*Берлин – великий вертеп легкомысленных
и утонченных нравов*

Выход в свет "Люцинды" пришелся на самую волнующую пору в немецкой литературе. Задуманное в Йене было издано теперь в Берлине. Новая школа была по преимуществу критической, а критика обычно требует участия масс. Шлегели явились не одни, они привлекли Гёте, который призван был на практике доказать их утверждения. Они считали своей заслугой память об античности, средневековье и Шекспире и не скрывали отвра-

щения к тогдашней литературе, которая не в силах была что-то противопоставить такому обилию элегантности и учености. "Люцинда" – единственная удавшаяся попытка братьев вовлечь в художественное движение живую жизнь. Результатом было обвинение во фривольности, впрочем, упрек этот тогда значил менее, чем теперь, когда мы привыкли уже искать самовыражения вовне, а оттого и чувствуем себя больше привязанными к домашнему очагу. Берлин задавал тон в пошатнувшейся морали: тогда это был не нынешний пиетистский, верноподданнический и солдафонский Берлин, но резиденция правительства, погрязшего в сладострастном разложении, арена фавориток и интриг, великий вертеп легкомысленных и утонченных нравов. Пример трона поощрял любое распутство. Мода была революционной и по-гречески гениальной, добавьте всеобщее воодушевление искусством и художественной литературой – все это способно было заменить отброшенную Мосгеймову мораль, совсем заглушив оставшиеся угрызания совести. Уже первые письма из сохранившегося наследия Рахели дают яркую картину того

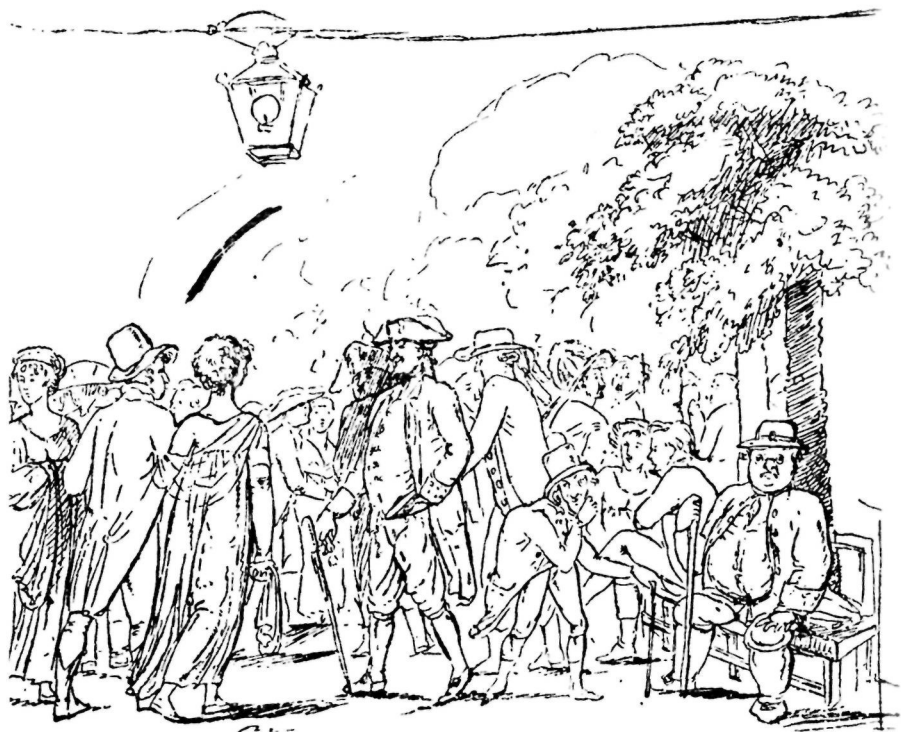
*Актер Унцельман в роли Паскэна
в зингшпиле Изуара
"Микеланджело". Берлинский
национальный театр, 1808 год*

*Гюнтер Казелиц в роли доктора
Бартоло в "Свадьбе Фигаро".
Берлинский национальный театр,
1808 год*

времени. Грудь была сильно оголена, одежды по-восточному широки, сладострастного покроя; некоторые Аспазии устраивали очаровательные приемы во время утреннего туалета, а молодые революционеры во главе с Каталиной, принцем Шметтау, метались с эксцентричными речами из одного будуара в другой. Литература была той веревкой, по которой (вместо

Танцовщик Беско в роли подмастерья портного в балете "Празднества в гостиничном саду". Берлинский национальный театр, 1808 год

Die Linden & Schildstr.

последней рецензии в "Орах") тянулась ввысь горячая и жадная страсть, коей недоставало лишь лестницы. Литература была тогда не столь максималистской, как ныне; ей приходилось приспособливаться, служа извинением легкомысленным нравам. Августейшая эпоха. <...>

ПИСЬМО ТЕОДУРУ ГОТЛИБУ ФОНГИППЕЛЮ

15 октября 1798 г. ...Твое чувство изящного найдет здесь, в великолепном Берлине, богатую пищу. Нынче здесь проходят художественные выставки в Академии искусств и механических наук; ты бы со мною вместе порадовался стараниям наших отечественных художников. Хаккерт (теперь он живет в Непо-

Улица Унтер-ден-Линден в Берлине

ле) прислал на выставку превосходные пейзажи, выполненные маслом. Но самая прекрасная вещь – "Семейство Юлия Сабина" кисти профессора Реберга из Рима, картина маслом (в натуральную величину). Юлий Сабин скрывался в пещере от преследований Веспасиана. Мучимый болью, он лежит на земле, положив голову на руки, сын стоит перед ним и плача просит есть, жена со слезами на глазах протягивает ему хлебную корку, она сидит на земле и кормит грудью младшего ребенка. Картина выдержана в стиле, достойном восхищения, великолепная итальянская манера письма. Финальная сцена из "Разбойников" Шиллера – рисунок Вольфа, выполненный тушью, – привлекла меня своей неподражаемой экспрессией. Год назад меня привели бы в восторг и многие другие картины – теперь я, можно сказать, избалован Дрезденской галереей, где видел шедевры разных школ. Я до сих пор испытываю трепет, мысленно возвращаясь в итальянский зал – представь себе помещение раза в два длиннее дома твоего дяди в Кёнигсберге, с огромными стенами, сверху донизу увешанными картинами Рафаэля, Корреджо, Тициана, Баттони и других. При виде всего этого великолепия я, конечно, очень скоро понял, что сам ничегошеньки не умею. Я выбросил краски и рисую теперь этюды, словно начинающий. Таково мое решение.

Только в портрете я, кажется, продвинулся вперед – в следующий раз непременно пришло тебе что-нибудь посмотреть. <...>

Прости, дорогой, мою болтливость – это ведь моя любимая материя! Если мне вновь посчастливится увидеть тебя – как много надо будет тебе рассказать! Спеши, спеши как можно скорее в мои объятия. Король собирается устроить блестящий карнавал. Дают двенадцать итальянских опер. Как тымотришь на то, чтоб приехать на карнавал?! <...>

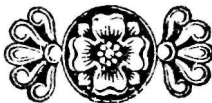
ПИСЬМО АВГУСТУ ВИЛЬГЕЛЬМУ ИФЛАНДУ

(с либретто зингшиля "Маска")

4 января 1800 г. В приложении к письму – либретто зингшиля, который я закончил еще в марте прошлого года. Друзья мои довольно благосклонно отозвались о произведении, полагая, что оно достойно публичного исполнения; однако, терзаемый сомнениями, я не отваживался до сих пор на подобную попытку. Недавно Ее величество правящая королева получили полную партитуру, а несколько дней назад они сооблаговостили передать, что настоятельно рекомендуют мне предложить Вашей милости постановку зингшиля. Далекий от какого бы то ни

было сомнения, от пристрастности по отношению к своему детищу, осмеливаюсь просить Вашу милость всего лишь ознакомиться с либретто и сообщить мне затем, не будет ли оно достойно, в сочетании с хорошей музыкой, постановки в здешнем театре. Если это в самом деле так, то я, слишком ощущая свое невежество в музыкальном мире, готов подвергнуть партитуру серьезному разбору, а потому лишь жду указаний Вашей милости. Если Вашей милости угодно будет принять произведение в будущем, то я готов передать театру в сроки, указанные Вашей милостью, выверенный, окончательный текст либретто и партитуру. Само собой разумеется, я не рассчитываю здесь ни на какие преимущества.

Обращаюсь к Вашей милости как к человеку, столь часто вызывавшему во мне искренние чувства благорасположенности, к человеку, который, обладая истинным пониманием искусства, не только не считается с *именем* (сколь часто превращается оно в расхожую монету случайной славы), но также дружески протягивает руку *тому*, кто желает пуститься в рискованное предприятие дебюта, без чего, как известно, не родился в мире ни один художник. Потому с безграничным доверием, заставляющим меня презирать обходные пути, прошу Вашу милость не причислять меня к жалкой категории профанирующих искусство дилетантов, которым отказывают немедленно, не вдаваясь в оценку их трудов, и оказать некоторое внимание моему произведению и самому автору. Я надеюсь, что Ваша милость будет иметь возможность убедиться в следующем: несмотря на некоторый вызов, лишь добросовестное критическое сравнение собственного сочинения с произведениями больших мастеров побудило меня к попытке заявить о себе как о композиторе. Занятость по службе помешала мне переписать рукопись еще раз. Ваша милость получит ее с некоторыми следами исправлений и путешествий к друзьям-критикам вне Берлина, за что прошу милосерднейше извинить меня. Ныне лишь от Вашей милости зависит, дать ли мне письменный ответ или назначить встречу, в результате чего мне выпадет счастье знакомства с человеком, которого давно уже искренне почитаю. Впрочем, настоятельнейше прошу Вашу милость пока нигде не упоминать моего имени...

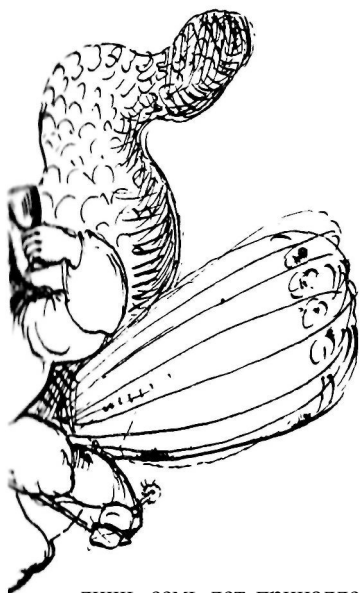
Вторая глава

Искусство и юриспруденция

Забродившее вино

Летом 1800 года двадцати-четырёхлетний ассессор Гофман занял квартиру в доме придворного типографа Георга Якоба Декера на познанской Вильгельмштрассе, незадолго до этого перестроенной по образцу берлинской Унтер-ден-Линден, с той же роскошью. Познань, один из старейших городов Польши,

лишь семь лет принадлежала прусской короне. В 1793 году, при втором разделе Польши, она вместе с так называемой Великой Польшей, остатками Куявии и Западной Мазовией с Плоцком, Данцигом и Торнем была аннексирована Пруссией. На этой территории проживал 1 млн. 150 тыс. человек. Таким образом, к концу столетия население Пруссии примерно на 40 процентов состояло из поляков. В то время как в новых провинциях прусская администрация проводила жесткую политику германизации, опираясь на сатрапов, которым дозволялось прибегать к любым средствам, кроме просветительских идей, в остальной части страны росла воля к национальной консолидации, сопротивление грабежу со стороны крупных европейских держав. В памятный день 24 марта 1794 года Тадеуш Костюшко провозгласил на краковской площади национальное восстание, которое после героической борьбы было подавлено превосходящими силами. В ноябре 1794 года русская армия под командованием Суворова захватила Варшаву: жертвами военных действий стали десять тысяч человек. Позже третий раздел определил траги-

*На иллустративе ко второй главе
гравюра по рисунку Гофмана*

*Толстяк в шлеме и со шпорами
верхом на крылатом драконе*

ческую судьбу народа, земли которого были поделены между Пруссией, Австрией и царской Россией.

Такова была историческая ситуация, когда ассессор Гофман прибыл в Познань. Он сразу почувствовал солидарность с не сломленным вопреки всему национальным духом поляков — черта эта нередко проявлялась и в более поздних его произведениях. В сущности, ему внушала отвращение жизнь завсегдатаев казино и трактиров, которую вели присланные сюда чиновники и офицеры и которая вольно или невольно определяла также его существование. Вскоре он стал членом познанской "Ресурсы", светского клуба, много лет спустя иронически изображенного в "Серапионовых братьях". Свобода, которой он теперь, после долгих лет пребывания в домашних сетях, мог наслаждаться в полной мере, не ослепляла его: он ясно видел духовное убожество прусской верхушки. Увы, и от пристрастия к крепким алкогольным напиткам, приобретенного в этой среде, он никогда уже не смог избавиться. К немногим друзьям, которых Гофман обрел в Познани, принадлежал государственный советник и писатель-сатирик Иоганн Людвиг Шварц, давно уже привлекавший пристальное внимание начальства; раздражение вызвал, к примеру, его памфлет "Принципы неразумного надзора". Музыка для его кантаты "К празднованию нового столетия" сочинил Гофман. Примерно в то же время была написана музыка к зингшпилю на слова Гёте "Шутка, хитрость и месть", представлением которого труппа знаменитого Карла Дёбелина торжественно открыла свои гастроли в старом городском театре.

В веселом и гостеприимном доме государственного советника Шварца Гофман, должно быть, познакомился с двадцатидвухлетней Михалиной Рорер-Тщицкой, дочерью городского писаря, уволенного после прусской оккупации из-за плохого знания немецкого языка. Миша, голубоглазая темноволосая красавица, сразу же понравилась равнодушному ко всему прекрасному ассессору; очарование хорошенькой польки он предпочел увядшей добродетели супруг и дочерей прусских советников юстиции. Прямым следствием этого знакомства, вскоре переросшего в отношения весьма доверительные, было расстройство помолвки с кузиной Минной, которая в далеком Берлине готовилась к созданию добропорядочного домашнего очага. Это было неслыханное пренебрежение моралью своего круга, проступок, который ему так и не простили, отомстив всевозможными сплетнями. Такое решение означало отказ от блестящей профессиональной карьеры, которой, бесспорно, мог бы способствовать тесть с именем Дерфера. С Минной его ничто не связывало, даже легкое влечение. С Мишей он жил в

"свободном браке". Она уже ждала ребенка к моменту, когда он обвенчался с нею по католическому обряду 26 июля 1802 года в познанской церкви Тела Христова. На склоне дней своих Гофман лелеял мысль рассказать о веселой и романтической жизни с Мишей в романе, который должен был носить весьма примечательное название "Предсвадебный медовый месяц Тимотеуса Шнельпфедера", – плану этому не суждено было осуществиться из-за ранней смерти писателя. Позднее стражи Грааля, которых немало было в истории немецкой литературы, якобы скорбели о том, что хорошенькая полька, не питавшая никакого интереса к литературным проблемам, была "в духовном отношении значительно ниже" Гофмана. Однако она, нисколько не сожалея, до конца разделила с мужем его трудную жизнь и всегда была ему верной опорой. Простая женщина целиком отдалась домашнему хозяйству, обычно очень скромному. И все же она – как истинная полька – сумела всем сердцем разделить необычную, полную внешних и внутренних противоречий судьбу своего спутника и создать ему, хотя бы в повседневности, некоторую надежность и внутреннюю опору. Гофман мог бы прожить долгое время только с такой женщиной.

Показательно, что примерно в то же время, когда Гофман выступил против диктата семьи, завязав близкие отношения с дочерью польского городского писаря, уволенного пруссаками, начался и его бунт против прусского государственного права, что привело к столкновению с Ancien régime *, имевшему далеко идущие последствия. То, что на первый взгляд могло показаться легкомысленной карнавальной причудой, было по существу выпадом против вредного духа абсолютизма. На познанском бале-маскараде в 1802 году Гофман распространял нарисованные им самим карикатуры, отличавшиеся, очевидно, поразительным сатирическим сходством. Тогдашний его друг государственный советник Шварц в своих "Записках из жизни делового человека, поэта и юриста" дает краткое описание к тому времени уже утерянных листов, свидетельствующее, сколь острыми и безжалостно-насмешливы были эти рисунки. Подобная выходка немедленно навлекла на Гофмана гнев Вильгельма фон Цастрова, одного из самых ограниченных и жестоких представителей прусского военного государства, кавалера ордена "Pour le mérite" **, пожалованного ему Фридрихом II уже в двадцатилетнем возрасте за "plan de campagne" ***. Теперь в чине генерал-майора он командует 39-м пехотным полком,

* Старым режимом (франц.).

** "За заслуги" (франц.).

*** План кампании (франц.).

размещенным в познанском гарнизоне. И этого юнкера, не так давно доведшего до самоубийства популярного адвоката Вильгельма Кютце (мотив травли – оскорбление офицера), не пощадил разящий карандаш Гофмана. Прямо ночью фон Цастров посылает срочную депешу в Берлин. Назначение Гофмана государственным советником верховного суда отменяется, строптивного карикатуриста переводят в порядке административного взыскания в захолустный Плоцк на берегу Вислы, где он оказывается отрезанным от культуры, от общения с друзьями. Покидая летом 1802 года Познань вместе с молодой женой, Гофман, должно быть, уже понимал, что нельзя безнаказанно высмеивать важных особ, начисто лишенных чувства юмора и вместе с тем смехотворных представителей абсолютной монархии "милостью божией". Двадцатишестилетний юрист вновь сталкивается с общественными запретами, как это произошло и раньше, хотя по другому поводу – уже в связи с кёнигсбергским возлюбленным Доры Хатт. Но он еще далек от того, чтоб в полной мере осмыслить происшедшее. И все-таки будущий сатирик понял, что общество можно заклеить убийственным, полным презрения смехом.

ИЗ ПИСЕМ ТЕОДУРУ ГОТЛИБУ ФОН ГИППЕЛЮ

6 октября 1800 г. Я страдаю уплотнением печени и, будучи убежденным противником любых лекарств и врачей, вынужден все же прибегнуть к помощи доктора, который, желая помочь мне стать на ноги, сочиняет ежедневно за моим письменным столом пространнейшие рецепты. В остальном жизнью вполне доволен, ибо, слава богу, уже наступил октябрь и я семимильными шагами приближаюсь к поездке в Берлин. Поскольку все неприятности не без основания я приписываю нынешнему своему переводу сюда, то и болезнь отношу исключительно на счет здешнего образа жизни, к которому черт знает как привыкнуть. Перегруженность работой, польская кухня, непереваримая для немецкого желудка, отсутствие развлечений, призванных беречь наши природные силы и сообщать духу бодрости и выдержку, – все это в течение длительного времени способно расшатать самое крепкое здоровье. На прошлой неделе я всерьез ощутил, что холостяку болеть невозможно – ты представить себе не можешь моей беспомощности. Некому исполнить скромнейшую твою просьбу, никто не подаст тебе даже тарелки супа.

Теперь я уже лучше приспособился к болезни, даже в доме обо мне заботятся, поскольку я сумел в какой-то мере расположить к себе жену государственного советника Шварца; она

печет вкусный пирог со сливами, а еще рецензирует в литературной газете романы. Он (то есть государственный советник Шварц) – человек далеко не глупый, написал весьма остроумную книгу "Принципы неразумного надзора" и тоже сотрудничает в литературной газете. Кроме того, Шварц – один из членов разогнанного ныне веселого кружка, собиравшегося в 1779–1780 годах и потом еще позднее в Хальберштадте. Общение с ним, как ты догадываешься, дарит мне немало приятных часов. Шварц намерен сочинить остроумную оперетту, я же собираюсь написать к ней какую-нибудь забавную музыку.

Весной 1803 года. ...После того как почти два года все обо мне судили превратно, я же считал ниже собственного достоинства пытаться перекричать попугайски твердящую одно и то же толпу и хоть как-то вразумить ее – после всего этого мнение света стало мне безразлично. Лишь в глазах некоторых я хочу оставаться таким, каков есть на самом деле, и, конечно же, ты первый в ряду немногих. Я уже хотел прежде написать свою биографию; ныне пишу ее для пользы тех, кто полагает, что любит и любим, кто намеревается вступить в священное состояние брака. Если б я создал эту автобиографию с тою же добросовестностью, что и Руссо, готовившийся предстать перед судом вечности со своей "Исповедью", Минна Дерфер дружески протянула бы мне руку – не для примирения, нет, ведь я не был виновен, когда все проклинали и ругали меня, обвиняя в неверности. Я силою разорвал отношения, которые сделали бы несчастными обоих – и ее, и меня. Если хочешь узнать все подробности, дабы убедиться в том, как мало заслуживаю я упреков, то тогда немедленно сажусь за письменный стол создавать свое прагматическое повествование...

ИОГАНН ЛЮДВИГ ШВАРЦ

Случай с карикатурами

Вскоре после этого в полк, расквартированный в Познани, прибыл новый генерал, которому не понравились существовавшие до тех пор зимние развлечения, и он начал устраивать балы, куда допускались лишь дворяне, офицеры и чиновники в ранге не ниже советника с семьями. Это весьма не понравилось судейским комиссарам, у которых были наиболее красивые жены, а еще молодым неженатым советникам, влюбленным, как правило, в этих жен, ибо принципы французской революции уже пустили корни и в Германии, так что все, претендовавшее на аристократичность, было ненавистно молодежи.

Вот почему среди молодых советников и некоторых их

единомышленников из числа низшего чиновничества сформировался кружок, душою которого стал Гофман. Кружок выработал свой план мести, осуществление которого пришлось на масленичный бал-маскарад – бал этот должен был продлиться три вечера подряд. Балы, устраиваемые генералом, продолжались всю зиму, и, естественно, на них случались забавные вещи – они-то и были подмечены заговорщиками и обращены в карикатуры, которые с присущим ему искусством нарисовал и размножил Гофман.

В галерею этих карикатур включались и другие лица, предназначенные стать мишенью всеобщей насмешки, представители местной знати, однажды скомпрометировавшие себя или имевшие несчастье не понравиться кружку. Один вполне достойный человек, которому местные сплетни приписывали противоестественную привязанность к своему егерю, был изображен с удивительным сходством в натуральную величину целующим ему руку. Двое молодых поляков, ведущих довольно разгульный образ жизни, мчались наперегонки, как на скачках, к конечной цели – тюрьме; толпа евреев, стоявших возле тюрьмы, кричала: "Оны вже едуть!" Молодая красивая, но бездетная дама, нередко совершавшая вместе с мужем верховые прогулки, скакала галопом мимо пустой колыбели. Другая молодая красивая дама, часто игравшая в любительском театре роли любовниц, изображена была за туалетным столиком, где стояли разные пузырьки и баночки с надписями: "jeunesse", "beauté", "fraîcheur"*. Подпись гласила "Графиня Орсина за утренним туалетом". Господин, сразу узнаваемый благодаря сходству, изображен был в момент, когда он пытался натянуть парик на свою лысую голову. Лысый череп был разделен на несколько участков, где обозначены были самые гнусные пороки. Подпись гласила: Newton couvrant ces plattitudes"**. Майор фон Шмидсек, которого обвиняли в смерти популярного Кютце, изображен был бородатым евреем в мундире своего полка и со шпорой на левом сапоге. Перед ним стоял толстый Кютце, буквально касаясь его животом, и произносил: "Place à un honnête homme"***. Сам генерал в мундире изображен был полковником барабанщиком; только вместо барабана на нем висел самовар, по которому генерал барабанил двумя чайными ложками: "К

* Молодость, красота, свежесть (франц.).

** Ньютон, прикрывающий свои пороки (франц.).

*** Место уважаемому человеку (франц.).

чаю! к чаю!" В бальной зале ряд пар выстроен был для экосеза. Легко узнаваемая благодаря неоспоримому сходству генеральша исполняла танец на каблуках высотой в шесть дюймов, а лица стоявших вокруг зрителей вытянуты были от скуки. Двое юнкеров, не имеющих средств оплатить наемный экипаж, но желавших с шиком появиться на балу, наняли инвалида, который ташил их на плечах в корзине.

Некий лейтенант, известный всем как заядлый картежник, представлен был в виде пикового валета, да еще с такой достоверностью, что тут же стал всеобщим посмешищем. Горняк, держа перед собой раскрытый нотный лист, вел под руку жену, в корзине у него сидел петух, который клевал жену в нарядный гребень, – все в этой картинке жило и не требовало пояснений.

Размноженные рисунки заполнили две папки. В первый же вечер на маскараде появились два торговца картинками. Они предлагали рисунки участникам маскарада и внимательно следили за тем, чтобы никто не получил карикатуру на самого себя. Когда кто-нибудь в одном углу смеялся над полученным рисунком и разъяснял его смысл окружающим, он и не подозревал, что в другом углу точно так же смеялись над ним самим.

Когда наконец все прояснилось и сам генерал узнал себя на рисунке, поднялся общий крик: "Хватайте торговцев! Держите их!" Но они в тот же миг исчезли без следа, ведь директор полиции тоже был на их стороне. Один из торговцев, наряженный цыганским бароном, привел мою Дорис на маскарад в костюме цыганки, бедняжка ничего не подозревала о заговоре; он удалился на несколько минут, обменялся костюмом с другом сходного роста и сложения, надев маску торговца картинками. Моя жена, уверенная в том, что спутник ее рядом, поняла свою ошибку лишь после того, как торговцы сбросили маски и один из них наспех напялил на себя костюм цыганского барона в соседней комнате; а потом он сам открыл ей обман, предпринятый в целях безопасности.

На следующий вечер торговцы картинками появились вновь; все сбежались к ним, чтобы получить рисунки, но остались с носом. Ареста они все равно избежали, и на этот раз по вполне понятной причине – высший полицейский чин был с ними заодно.

На третий вечер явился посыльный апелляционного суда, который развесил объявления о розыске с целью незамедлительного ареста скрывшихся преступников, публичке разъяснялась вся гнусность преступления торговцев картинками и предлагалось всем, кто хоть что-нибудь знает, сообщить об их местонахождении. Посыльному тоже удалось благополучно ускользнуть.

Однако на следующее утро генералом был послан прямой донос Его величеству королю, где и я обвинялся в причастности к заговору, ежели не в самом прямом подстрекательстве.

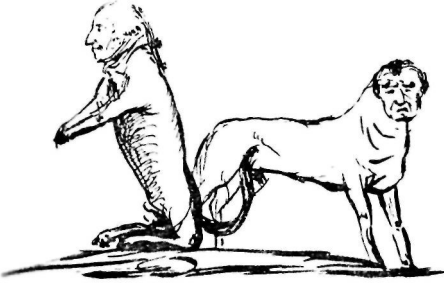
ВОСПОМИНАНИЯ О ПОЗНАНИ

Письмо Теодору Готтлибу фон Гиппелю

Плоцк, 25 января 1803 г. ...Ты пишешь в своем недавнем письме, будто наша последняя встреча в Данциге не вызвала, как бывало, чистого, ничем не омраченного настроения, признаний в искренней дружбе. Но, друг мой, забродившее вино не может иметь хорошего вкуса, а я тогда действительно пребывал в состоянии брожения – в душе моей уже несколько месяцев бушевала борьба противоречивых чувств, намерений пр. Я хотел забыться и стал одним из тех, кого директора школ, проповедники, дядюшки и тетушки называют непутевыми. Ты знаешь, что излишества всегда достигают высшего предела, если им предаваться из принципа, со мною же было именно так. Я жил, если можно так выразиться, среди чрезвычайно веселого братства – последние сверкающие молнии, которые мы метали, оказались столь гениальными придумками, что опалили волосы и бороды обидчивым людям, коих мы напрасно сочли безобидными. Они взъярились и позаимствовали на берлинском Олимпе такие ответные молнии, что ныне и зашвырнули меня сюда. Здесь умирает всякая радость, здесь я погребен заживо.

...Что уже год, как я стал государственным советником, следует из вышесказанного, однако из этого вовсе не следует, что уже девять месяцев, как я женат – сообщаю тебе об этом особо! Быть может, ты случайно получил из Берлина весть о трагическом исходе второго любовного эпизода в моей жизни? ...Ныне я живу как кающийся грешник или, точнее, так, как должен жить каждый христианин: с надеждой уповая на будущее. Представь себе, друг, каково мне теперь, если я вынужден отказаться от всего, что пробуждает во мне любовь к искусству, и в первую очередь от общения с недюжинными людьми, которое формирует вкус! Я впал бы неминуемо в отчаяние или, скорее, отказался бы давно от должности, если б не милая моя жена, скрашивающая все невзгоды, которые здесь доводится испытывать сполна, и укрепляющая дух мой так, что он оказывается способен выдержать стопудовую ношу нынешнего дня и еще сохранить силы для будущего.

В изгнании

Плоцк, древний город на Висле со множеством церквей и монастырей, пережив в далеком прошлом эпоху своей исторической значимости, пришел к тому времени в запустение и упадок. Это был город, где "умирает всякая радость, где я погребен заживо". А. К. Голше, тогдашний старший государственный

чиновник в Белостоке, дал по-прусски точное описание древнего города, атмосфера которого не избавляла молодого государственного советника Гофмана от ощущения, будто он в ссылке. Все здесь пришло в упадок в еще более устрашающих размерах, чем в Познани; после того, как хищническое хозяйствование собственного дворянства разорило страну, она была окончательно разграблена Пруссией: с поляками обращались как с населением колоний. Круг повседневного общения Гофмана ограничивался немногими прусскими чиновниками, несколькими офицерами, неким полевым священником фон Шевеном, чью "весьма характерную шведскую физиономию" он запечатлел в дневнике: "Идеал незамутненности!"

Среди этих "дюжинных людей", в "глуши, исподволь опустошающей душу", Гофман начинает 1 октября 1803 года вести дневник, теперь он общается с самим собой. К дневнику возвращается он снова и снова с длительными перерывами вплоть до весны 1815 года. Дневник этот полон наиболее непосредственных и по-человечески впечатляющих признаний в немецкой духовной жизни. В противоположность большинству писем дневники не имеют адресата и, в отличие от художественных произведений, не предназначаются для публики: здесь человек, полностью предоставленный самому себе, униженный и не понятый окружением, ведет беседу с самим собою, в неприкрашенном виде записывает собственные наблюдения, переживания, раздумья, отражающие противоречия его собственного "я". Дневник становится у Гофмана одним из первых свидетелей появления "двойников", что в бесконечных вариациях населяют его позднее творчество. Днем это был государственный советник,

*Два старейших советника
прусского окружного управления
в Варшаве – Маргграфф и фон
Клёбер*

вынужденный придерживаться строгих манер, образцовый, здравомыслящий чиновник. Но после – в одинокие ночные часы, отданные искусству, – к чиновнику присоединяются художник, музыкант, поэт; чужие, неведомые, они оказываются отражением и двойниками первого "я", ведут с ним доверительно-жутковатые диалоги. Здесь ставится под сомнение идентичность творческой личности во времена, не дающие свободы творческому порыву, в обществе, изгоняющем этот порыв в ночь, заполняющую промежутки между днями с их тяжким трудом. Мотив двойника, звучащий поначалу в плоцком дневнике диссонансом, таит в зародыше не только большую часть будущего творчества Гофмана, он оказывается ключом к противоречивой сущности этого человека, ведшего напряженное и трудное существование меж пыльных судебных дел и фантазмагорий сверкающего поэтического мира, в современной ему действительности и ее отражении, пережитом в видениях.

При нем была нелюбимая профессия, вынуждавшая его ежедневно вершить суд над неимущими поляками и евреями, неопикуемой нищетой превращенными в воров и укравателей краденного. Он, однако, относился к профессии юриста чрезвычайно серьезно: единодушные свидетельства современников представляют его нам как исполнительного, корректного и проницательного чиновника. И хотя он стонал под ношей в общем-то презируемого им занятия, деятельность эта оказалась весьма ценной для его более позднего художественного творчества. В то время как другие романтики искали убежища в обманчивом царстве мечты, диаметрально противоположном действительности, деятельность юриста постоянно сталкивала Э. Т. А. Гофмана с нуждами его времени, вновь и вновь открывала перед ним противоречия реальной жизни. "Меня захлестывает действительность", – писал Гиппелю в свое время кёнигсбергский студент.

Со старейшим своим другом Гофман встретился тогда единственный раз. В январе и феврале 1804 года он ненадолго приехал в Кёнигсберг и был глубоко потрясен, узнав о смерти своей бывшей Ипатогата. 15 февраля 1804 года, в среду на первой неделе великого поста, он уехал и больше никогда не возвращался в столь не любимый им родной город. По дороге в Плоцк он заехал в имение Лейстенау, где Гиппель вел вполне благополучное существование крупного помещика-землевладельца. И хотя уже тогда ясно обнаружилась противоположность в образе жизни обоих друзей, они все-таки строили какие-то планы, к примеру, собирались весной 1807 года совершить вместе путешествие в Италию. Долгое время поездка эта была средоточием всех помыслов Гофмана, затем, однако, была

принесена в жертву неблагоприятному стечению обстоятельств. Тоску по Италии ему так никогда и не суждено было утолить. Он, прекрасно владевший итальянским языком и даже многими его диалектами, сумевший в "Принцессе Брамбилле" воссоздать итальянскую душу с глубоким ощущением своего внутреннего родства с нею, так никогда и не увидел этой страны.

Планы, которые он строил вместе с Гиппелем, включали издание "Записной книжки за 1805 год"; Гофман еще долгое время после возвращения в Плоцк занимался этим. Здесь он сочинил "Письмо монаха своему столичному другу", небольшое эссе, в котором на примере хора в "Мессинской невесте" Шиллера исследовалось соотношение декламации и пения в драме. Эта весьма существенная проблема, которой Гофман часто касался в последнее время, была затем решена в музыкальной драме Рихарда Вагнера. Эссе было первым опубликованным произведением Гофмана: в конце сентября 1803 года оно появилось в журнале "Дер Фраймутиге" Августа фон Коцебу в Берлине. Также для Коцебу, установившего премию за лучшую комедию, была написана веселая пьеса "Награда", которая хотя и привлекла внимание жюри, но не получила денежного вознаграждения. Впрочем, Гофман тогда и не стремился еще стать писателем – музыка более чем на десятилетие стала для него смыслом жизни. Живя в Плоцке весьма уединенно, он занимался прежде всего теорией музыки, продолжал совершенствоваться в композиции. Появились мессы, мотеты и хоралы. Несмотря на горький познанский опыт, Гофман и в Плоцке рисовал карикатуры на прусских чиновников, "погрязших в тине пошлости", к примеру не дошедшую до нас карикатуру "Ребенок-великан". Портреты, зарисовки ваз из собрания лорда Гамильтона свидетельствуют, что он пытался совершенствоваться в живописи.

И все-таки в апреле 1804 года пришел конец испытаниям. Гиппель и еще некоторые благожелательные берлинские друзья добились перевода опального государственного советника в прусский верховный суд в Варшаве. С глубоким облегчением покидал Гофман ненавистный Плоцк, томительное пребывание в котором сумел выдержать лишь благодаря молодой жене, искусству и вину.

А. К. ФОН ГОЛШЕ

Описание города Плоцка и окрестностей

Королевский город Плоцк расположен на правом высоком берегу Вислы, в плодородной местности. В городе 389 домов – 27 каменных, 20 деревянных с черепичной крышей, остальные де-

ревянные, крытые дранкой или соломой. Здесь много строят – заложено новое предместье для немцев, главным образом низших чиновников; там возводят каменные дома в определенном порядке, так что город разрастается вверх по Висле. Население (кроме военных) насчитывает около 2578 душ, 731 из них евреи.

В церквах и монастырях недостатка нет, здесь имеются: 1) соборный капитул и церковь с девятью прелатами и двадцатью одним каноником; 2) доминиканский мужской монастырь и церковь с двадцатью четырьмя монахами; 3) реформатский мужской монастырь и церковь с девятнадцатью монахами; 4) норбертинско-премонстрантский женский монастырь с церковью и тридцатью восемью монахинями во главе с прелатом-монахом премонстрантского ордена; 5) монастырь и церковь Сестер милосердия; 6) миссионерское собрание с церковью; 7) гимназия пиаров и монастырь с церковью; в гимназии учатся бесплатно сто тридцать воспитанников; 8) приходская церковь; 9) церковь Троицы; 10) церковь св. Мартина.

Собор и церковь – красивые здания, придающие городу великолепный вид, особенно со стороны Вислы.

Для судебных палат государственное здание пока еще не возведено, поэтому заседания проходят в епископском дворце, сам же епископ живет в Пултуске. Данного здания вполне хватило бы для обеих палат, ибо хотя окружное управление пока находится в Торне, в следующем году оно будет переведено в Плоцк. Епископ охотно уступил бы это здание за небольшую плату – ему оно без надобности, поскольку в Пултуске жить еще лучше. Будет ли так или построят новое здание – пока не решено. Курии, или квартиры прелатов и членов капитула, плохие, зачастую одноэтажные и деревянные.

Город удобно расположен для торговли; здесь ведется обширная торговля зерном вниз по Висле с Данцигом, а также вверх по реке всем необходимым. Большинство горожан живет земледелием, которое, однако, ведется весьма плохо.

Большим неудобством для города является недостаток питьевой воды. Хотя здесь 18 колодцев, вода в них нехороша и ее по большей части приходится доставлять из Вислы вверх по крутому склону. Местные жители надеются поправить дело рытьем колодцев.

Дальше от реки леса мало, его зачастую приходится привозить с другого берега Вислы, где лесов много. Лес зимой перевозят по замерзшей реке, а летом сплавляют вниз по Висле, поэтому все предпочитают запастись дровами зимой. Из-за того, что их тяжело поднимать вверх по крутой горе, они обычно стоят дорого.

Несмотря на неудобства, местность эту все же следует

осваивать, ибо здесь должна быть резиденция обеих судебных палат, здесь много богатых доходных мест и расквартирован также стрелковый батальон Хинрихса, на строительство гарнизона которого тоже израсходованы немалые суммы. Кроме двух судебных палат, здесь заседает окружная судебная комиссия, которую, правда, могут перевести, если будет переведено окружное управление. Здесь же находится окружной суд.

ИЗ ПИСЕМ ТЕОДОРУ ГОТЛИБУ ФОН ГИППЕЛЮ

3 октября 1803 г. ...Большое путешествие! Я искренне и сердечно прошу тебя сосредоточиться ныне на том, что нам предстоит увидеть, узнать, изучить, собрать на всю жизнь! Нам как раз исполнится по 30, ты сам назначил этот срок, пусть же он будет и моим!

Ты пишешь, что бродишь среди низкорослого кустарника, так что приходится склоняться к нему, – я здесь брожу по болоту среди низких колючих кустов, до крови терзающих ноги. В приличном обществе я не могу появиться, пока не отмоюсь основательно после болота, в котором даже брюки промокают – это отвратительно! Можешь представить, каких усилий стоит не провалиться туда совсем!

Пока председатель не нагружает меня, как вьючного осла, готового испустить дух под ношей, я чувствую себя вполне прилично в своих четырех стенах. Папки с бумагами зашвыриваю в соседнюю каморку и принимаюсь рисовать, писать музыку и стихи, что получится, – пока, конечно, получается плохо. Но тем больше удовольствия мне это доставляет, ведь психологический феномен как раз в том, что плохие художники и поэты более всего радуются собственным уродливым созданиям, тогда как большим поэтам, производящим на свет своих Амогинос*, те доставляют намного меньше радости!..

10 декабря 1803 г. ...Я совершенно забросил живопись, потому что, если хоть немного позволил бы себе предаться этой страсти, ее внутреннее всепожирающее пламя спалило бы меня, будто греческий огонь, – в назидание окружающим я мгновенно превратился бы в кучку пепла, подобно сказочной принцессе, которая боролась с саламандрой, метавшей ей в сердце невидимые головешки! Музыка с ее мощными взрывами – это нечто большее, чем бутафорский гром на подмостках: огнедышащая гора Габриэли, Везувий в натуре. С нею можно без опаски познаться поближе, вот почему я избрал ее своею спутницей и

* Любимцев (*итал.*).

утешительницей на сем тернистом, каменистом пути! Воистину, дорогой друг, в нынешнем уединении я спускаюсь, точнее, поднимаюсь в укромнейшие уголки, где муза открывает перед посвященными книгу тайн. *Если же говорить прозой*: я усердно занимаюсь теорией музыки, и эти занятия, а также общение с женою, которая, слава богу, свыклась с нашей уединенной жизнью, – вот и все, что одаривает меня порою светлыми мгновениями. Друг, с которым можно воспарить надо всем, что терзает и мучает, был у меня лишь тогда, когда мы жили рядом.

Ты тоже не совсем счастлив, и здесь у нас одинаковая судьба: мы оба не на своем месте. Что стали бы мы делать, когда б вдруг явился добрый гений и разорвал цепи, связывающие нас с жалкой повседневною (а может, цепи эти в конечном итоге всего лишь игра нашего воображения?)? Я взял бы, наверное, посох странника, отправился в Италию и выучился на композитора, но скверно было бы, если б я, обратившись к тому, для чего создан, не сумел своим искусством добиться большего, чем теперь, добиться лучшей участи!..

ПИСЬМО АВГУСТУ ФОН КОЦЕБУ

(с комедией "Награда")

22 сентября 1803 г. Автор прилагаемой комедии "Награда" выбрал среди множества сюжетов, являвшихся ему, простейший: его разработка и обусловила изначально несложные характеры персонажей. Удалось ли автору *тем не менее* сделать целое интересным – сей вопрос предстоит решить ареопагу, что произнесет к Михайлову дню сего года приговор бедным сыновьям муз, взыскивающим назначенной премии.

Если же "Награда" не добьется премии, то автору, находящемуся на расстоянии сотни миль от резиденции, все же доставит несказанную радость, коли Ваша милость уделит внимание его поделке.

Автор надеется уже сейчас получить известие "quid valeant humeri aut ferre recusant" *, ибо, живя уже несколько лет в глуши, вдали от критического Олимпа, познав, естественно, демона самолюбия, он то и дело терзается сомнениями касательно самого себя... Коли же всё произведение сочтут лишь орфогра-

* "Что могут вынести плечи, что не поднимут они" (лат.). – Квинт Гораций Флакк, "Наука поэзии" (К Пизонам). Пер. М. Гаспарова. – Оды, эподы, сатиры, послания. М., 1970, с. 384.

фической ошибкой, автор посвящает его тому из членов ареопага, кто носит локоны или завивает волосы – бумага для этого достаточно хороша и мягка.

ИЗ ДНЕВНИКА

1 октября 1803 г. Позавчера я наконец собрался, хотя давно уже помышлял об этом, систематически и по-настоящему вести дневник – в качестве начальной даты беру сегодняшний день. Собственно говоря, я полагал, что могу начать радостно, наслаждаясь полученной свободой: то обстоятельство, что сегодня первое число, было для меня делом второстепенным – невторостепенным было письмо из Берлина, запечатанное черным сургучом и содержавшее известие, что дядюшка скончался от воспаления легких в ночь с 24 на 25 сентября. Слезы не хлынули у меня из глаз, я не кричал от ужаса и боли, однако облик человека, которого я почитал и любил, неотступно стоит перед моим внутренним взором, и видение не покидает меня. Целый день душа моя в смятении – нервы настолько напряжены, что я при малейшем шорохе вздрагиваю...

С усилием закончил я последние рисунки с ваз, мне это удалось.

Боже милостивый, почему именно дядюшка должен был умереть в Берлине, почему не...

На прошлой неделе ночью послышался стук в дверь, моя жена уверяет меня, что это дядюшка приходил проститься, нынче я склонен поверить в нечто подобное и вместе со всеми мечтателями спрятаться за гамлетовским изречением. Впрочем, дела мои, кажется, устраиваются неплохо. Шметтау очень обнадежил меня насчет возможного перемещения!

Как долго я надеялся! Сегодня я смотрю на будущее сквозь траурный флёр. Смерть дядюшки невероятно расстроила меня – дурное начало, – однако *non olim sic erit* *. Жена отправилась спать, и меня охватывает детский страх в пустой комнате. Я считаю это проявлением слабости. Как хочется, чтоб скорее наступило утро, – пусть хотя бы пролегла ночь между таким событием и продолжением шума из ничего, этим жалким фарсом, из которого, однако, состоят все человеческие дела и занятия, тогда вещи, наверное, предстанут в более благоприятном свете. Держу пари, что следующая страница будет звучать лучше.

* Не всегда так будет (*лат.*) – Гораций.

Мало радостей, однако, видел старик, трудами он довел себя до смерти – такова была расплата за долголетнюю службу, – о, ремесло юриста сопряжено с большими неприятностями: чем старше становишься, тем больше появляется работы – совсем как у Уленшпигеля. Если б я не задался целью стать концертмейстером или...

2 октября 1803 г. Сегодня в полдень слушал у монахинь-норбертинок мессу – музыка была блестяще исполнена, они ухали, правда, как совы – часть "Incarnatus" * из d-Moll была очень хороша. Монахиня пела так, словно у нее следовало бы учиться, и это действовало на меня неотразимо. Что бы я почувствовал, когда б мне довелось услышать Шик, Маркетти – о если бы вновь услышал я мессу в Дрездене! Я плакал бы, наверное, как ребенок! Днем у Гильтебрандта много говорили о переводе – он настаивает, что нужно держать это в тайне! После обеда написал кузену и Фоке грустное и смиренное письмо, потом весь вечер провел весьма неразумно за чтением "Магии" Виглеба и даже вознамерился со временем изготовить куклу-автомат на пользу и радость всем толковым людям, что у меня бывают. Quod deus bene vertat! ** Что за мысли приходят мне в голову! Еще одна отличная мысль! С моими музыкальными идеями обстоит так же, как с видениями флорентийского мученика Савонаролы, историю которого я читаю в эти дни: сначала в голове творится нечто невообразимое, затем я принимаюсь поститься и молиться, это значит оказываюсь за роялем, закрываю глаза, отгоняю от себя все пустые мысли и пытаюсь воспроизвести музыкальные фразы, звучащие в сознании, – вскоре тема звучит уже отчетливо, я подхватываю и записываю ее, словно Савонарола свои проповеди. Неужели другие композиторы творят так же? Вот чего никогда не узнает прусский государственный советник в Плоцке!

Я по-прежнему пребываю в расстроенном состоянии...

Я должен непременно написать Гиппелю!

17 октября 1803 г. Работал целый день. Увы, я все больше превращаюсь в истинного государственного советника. Кто мог бы предположить такое еще три года назад. Муза ускользает – архивная пыль застит взгляд на мир, делает его мрачным и пасмурным!

Дневник мой становится странным, ибо он – свидетельство того жалкого состояния, в которое я здесь погружаюсь. Где мои высокие намерения? Где мои прекрасные идеи в искусстве?

* (И) воплотившегося (лат.).

** Да изменит господь все к лучшему! (лат.).

Всемогущий Б(ейме), проси за меня! Вознеси меня из этой долины скорби в райские кущи на берегах Эльбы, дай мне увидеть хотя бы издалека Рейн, как Моисей однажды увидел землю обетованную!

26 октября 1803 г. Увидел себя впервые напечатанным в журнале "Дер Фраймютиге" – раз двадцать окидывал листок умиленным, полным отцовской любви и гордости взглядом. Славное начало литературной карьеры! Теперь нужно создать что-нибудь очень остроумное!

6 января 1804 г. Утром сессия – докладывалось дело Серасовского. С 4 до 10 часов в "Новой ресурсе" – с Бахманом и Ланге выпили епископского. Ужасное напряжение вечера. Нервы необычайно взбудоражены пряным вином – накатывается страх смерти – двойник...

15 января 1804 г. Днем обедал у военного советника Хакебека с Рейхенбергом и краснолицым упитанным попиком, полевым священником фон Шевеном – весьма характерная шведская физиономия, выглядит он *circiter* * так:

Письмо Теодору Готлибу фон Гиппелю

24 февраля 1804 г. Я чувствую, что поднялся над мелочами, которые меня окружают, вокруг мерцает и сверкает мир, полный магических явлений. Словно вскоре должно случиться что-то великое – из хаоса должно выйти

какое-то произведение искусства! Будет ли это книга, опера или картина – *quod diis placebit* **. Как ты думаешь, не задать ли мне однажды министру юстиции вопрос: а что, если я создан художником или музыкантом? <...>

Карикатура на полевого священника фон Шевена

* Примерно (лат.).

** Как угодно богам (лат.).

Счастливые дни в Варшаве

Двадцативосьмилетний государственный советник, все еще по-настоящему не осознававший, кем он "создан – художником или музыкантом", нашел в столице так называемой "Южной Пруссии" богатейшее поле для развития своих разнообразных художественных дарований. Его тогдашний коллега, а позднее первый биограф Юлиус Эдуард Хитциг особенно ярко, как непосредственный свидетель, запечатлел варшавские годы жизни писателя. Но, читая восторженные описания Хитцига, следует помнить, что Варшава в те годы отнюдь не была лишь веселой Аркадией для молодых художественно одаренных натур. Число жителей бывшей польской столицы уменьшилось со времени прусской оккупации, имевшей место всего восемь лет назад, со 100 000 человек до 64421. Обнищание неимущих классов сопровождалось ростом преступности и проституции. В 1805 году в приютах для бедняков проживало около 500 человек, в сиротских приютах – свыше 400 детей, в тюрьмах находились 377 арестованных. Высокие прусские покровительственные пошлины свели на нет значение Варшавы как торгового центра между Востоком и Западом. Упадку экономики и морали способствовало и отчуждение польской культуры через насильственное онемечивание. В эти трудные годы, грозившие полным уничтожением национальной самобытности поляков, крупный театральный деятель Войцех Богуславский превратил сцену в форум польского национального самосознания.

Гофман, сначала, в июне 1804 года, поселившийся в квартире на Фретагассе, не мог не наслаждаться после ссылки в Плоцк всевозможными развлечениями и переменами, которые сулил ему город. Богуславский поставил на сцене его зингшпиль "Веселые музыканты" на слова Клеменса Брентано. Театры, литературные кружки, концерты и балы-маскарады создавали тот "пестрый, чересчур шумный, сумасбродный, нелепый мир", о котором он, очарованный и почти что испуганный одновременно, писал другу Гиппелю. Будучи достаточно материально обеспеченным благодаря своему заработку советника, он нашел

*Гравюра на дереве Фогеля,
1818 год*

здесь досуг и вдохновение, чтобы развивать собственные художественные наклонности. В Варшаве он создал зингшпиль "Непрошенные гости, или Каноник из Милана", начал сочинять оперу "Любовь и ревность" (на сюжет пьесы Кальдерона "Цветок и перевязь", переведенной с испанского Августом Вильгельмом Шлегелем). И много лет спустя он продолжал считать это сочинение одной из лучших своих партитур. Здесь он написал симфонию Es-Dur и некоторые камерные музыкальные произведения. В Варшаве он стал одним из основателей "Музыкального собрания" и распisał фресками дворец, в котором оно разместилось. На концертах собрания, где он впервые получил возможность дирижировать, наряду с произведениями Глюка, Гайдна, Моцарта и Керубини была исполнена как-то раз даже одна из симфоний Бетховена. Здесь он завершил мессу в d-Moll, на которую его вдохновило рождение единственного его ребенка, дочери – он дал ей имя Цецилия в честь покровительницы музыки. Встречи с интересными людьми тоже весьма способствовали тому, что быстро пролетевшие годы пребывания в Варшаве стали одним из столь редких в жизни Гофмана счастливых периодов: в "Понедельничном обществе" он встречался с советником юстиции Генрихом Лёстом, писавшим стихи, с полевым священником Грооте, с весьма общительным государственным советником Конрадом Якоби. Здесь же повстречался он с Юзефом Эльснером, гениальным основоположником польской национальной музыки, учителем Шопена. Здесь подружился на всю жизнь с Францем Антоном Моргенротом, служившим в военной и земельной палате, а также ломбарде и прекрасно игравшим на скрипке. Моргенрот, как и Хампе, знакомый по Глогау, был душой, родственной Гофману. Позднее он целиком посвятил себя музыке и стал концертмейстером дрезденской придворной капеллы.

Особое значение для дальнейшего духовного развития Гофмана имела дружба с молодым ассессором варшавского суда, крещеным берлинским евреем Юлиусом Эдуардом Итцигом, который, приняв христианство в 1799 году, стал называться Хитцигом. Именно благодаря ему Гофман впервые познакомился с произведениями романтиков, открывшими перед ним новый, дотоле незнакомый мир. Впервые прочел он Новалиса, Тика, Брентано, переводы произведений Кальдерона, сделанные Августом Вильгельмом Шлегелем. Хитциг, подружившийся в Берлине с поэтами "Союза Полярной звезды" Фуке и Шамиссо, стал для Гофмана проводником в мир романтических идей, которые подействовали на него, словно колдовские чары. Но ни в это время, ни позже Гофман непосредственного участия в романтическом движении не принимал. Для него "романтическое"

значило прежде всего музыкальное, и Гайдн, Моцарт, Бетховен были для него "романтиками". Почти всюду, где он говорит о "романтическом царстве духов", речь сводится к музыке.

Характерно, что именно Хитциг познакомил в те годы Э. Т. А. Гофмана с драматургом-романтиком Захарией Вернером, склонявшимся к драме рока. Вернер, как и Гофман, служил прусским чиновником в Варшаве и был уже известным писателем. Гофман написал музыку к его пьесе "Крест над Балтийским морем". Однако эксцентричный человек, впадавший то в мистицизм, то в безудержную чувственность, не мог быть долгое время его другом: уже несколько лет спустя Вернер спокойно бросил на произвол судьбы оставшегося без средств к существованию государственного советника, впавшего в крайнюю нужду. Но и в сравнительно безмятежные варшавские дни во время торжественно обставленных публичных чтений Вернера Гофман выступал как некий саркастический *Advocatus diaboli* *. Позже он увековечил эти сомнительные мероприятия в развернутом споре о Захарии Вернере в "Серапионовых братьях".

Увлечательная варшавская интерлюдия оборвалась внезапно. Под ударами наполеоновской армии рухнула Пруссия Фридриха Вильгельма, а ее армия, до тех пор считавшаяся непобедимой, была уничтожена в октябре 1806 года под Йеной и Ауэрштедтом. В Берлин вступил Наполеон, который "был в Германии представителем революции, распространял ее принципы, разрушал старое феодальное общество" **. Впрочем, это был жадный до добычи завоеватель. Через несколько дней, 28 ноября, французские войска в сопровождении частей "Польского легиона" появились в Варшаве. "Великая катастрофа!" – кратко заметил Гофман в записной книжке. Вскоре после этого прусские учреждения были распущены, поляки возлагали большие надежды на воссоздание собственного национального государства. Берлинское правительство бросило своих чиновников в бывших оккупированных областях на произвол судьбы: Гофман, как и многие его коллеги, оказался без работы, без средств к существованию. Когда его квартира была конфискована французскими оккупационными властями, он перебрался на чердак "Музыкального собрания", где продолжал дирижировать на концертах даже в дни подступающей нужды. В январе 1807 года он отправил Мишу и маленькую Цецилию к познан-

* Дух отрицания (букв. "защитник дьявола" (*лат.*)).

** Энгельс Ф. Положение в Германии. – К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., т. 2. М., 1955, с. 563.

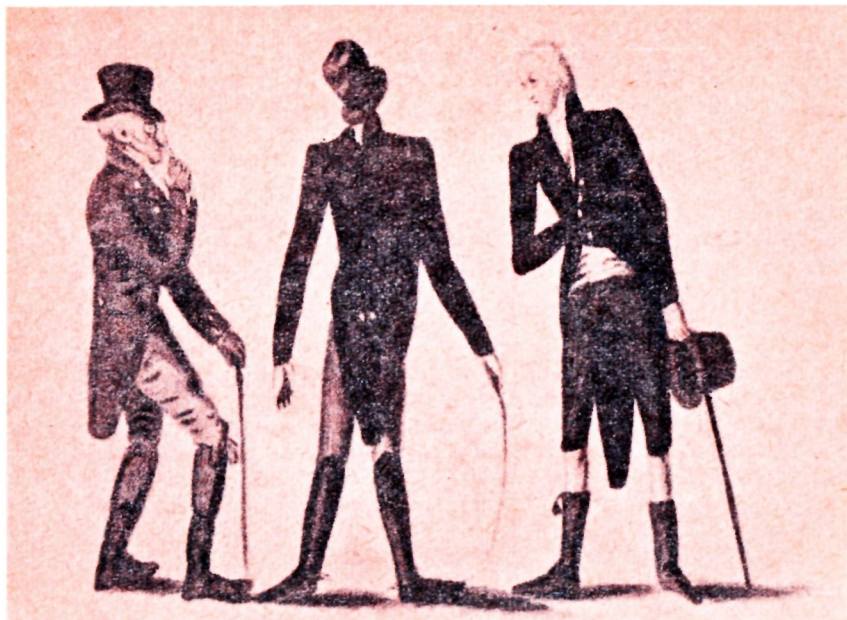

ским родственникам. Попытки продолжать светскую жизнь в Варшаве вопреки неблагоприятным обстоятельствам внезапно оборвала болезнь: тяжелая нервная горячка привела его к краю могилы. Сюда добавились денежные заботы: железная поступь истории превратила его, как и многих его тогдашних товарищей по несчастью, в "деклассированный элемент".

Впрочем, Гофман был полон решимости использовать этот поворот судьбы в собственных целях, раз и навсегда вырвавшись из мерзкого "государственного стойла" и окончательно сделав музыку главной своей профессией. Неумоимо работая над партитурами, несмотря на болезнь и нависшую над ним бедность, он пытается скопить денег для жизни в Вене или Берлине, где надеется найти счастье как вольный художник. Наконец, когда французы поставили его перед выбором: либо присягнуть на верность Наполеону, либо покинуть город в течение восьми

*Четверо старейших чиновников
варшавского окружного
управления.*

*В центре председатель Мейер и
директор Хойолл, слева и справа
советники Маргграф и Клёбер*

дней, Гофман принимает решение. В середине июня 1807 года в возрасте тридцати одного года он покидает Варшаву, где провел несколько счастливейших лет своей жизни, снискал первые успехи как художник и композитор и, наконец, пережил временное завершение ненавистной чиновничьей карьеры.

ЮЛИУС ЭДУАРД ХИТЦИГ

Гофман в Варшаве

Когда Гофмана перевели в Варшаву, это был город, открывший множество возможностей подобным натурам. Немецкое господство не сделало Варшаву немецким городом. Скорее, у нее было весьма своеобразное, какое-то даже неевропейское обличье, так что человек, попавший в сей новый мир из в высшей степени упорядоченной Пруссии, так называемой "старой страны", в первые недели не переставал удивляться. Широкие

*Трое младших советников
варшавского окружного
управления: Зибенхаар, фон
Гольденберг, Шартов*

улицы поражали соседством прекрасных дворцов в итальянском вкусе и деревянных домишек, грозивших в любую минуту обрушиться на головы их обитателей. Азиатская пышность странным образом уживалась с прямо-таки эскимосской неряшливостью. Пребывающая в вечном движении публика являла самые резкие контрасты, словно в карнавальном шествии: длиннородые евреи и монахи разных орденов в своих одеяниях, отрешенные от мира монахини строжайших уставов в глухих, не допускающих любопытных взглядов одеждах; стайки молоденьких полек в ярких шелковых накидках, нередко переключаются через весь рынок; почтенные усатые поляки в подпоясанных кафтанах, с саблями, в желтых или красных сапогах; молодое поколение, одетое по последней парижской моде; турки и греки, русские, итальянцы, французы в разноликой толпе; при этом терпеливая сверх всякой меры полиция, не препятствующая никаким народным развлечениям, так что на площадях и улицах то и дело натыкаешься на маленькие кукольные театрики, пляшущих медведей, цирковых верблюдов и обезьян, перед которыми из любопытства равно застывают на месте и элегантнейшие экипажи, и простые разносчики. Были и настоящие театры – национальный на польском языке, вполне приличная французская труппа, итальянская опера, немецкие комедианты, с которыми по крайней мере можно было поставить все что угодно. Балы-маскарады устраивались чрезвычайно оригинально, с выдумкой, а места, удобные для загородных пикников, находились в непосредственной близости от города – чего только тут не открывалось взору, чего только не мог набросать быстрый гофмановский карандаш! В первом письме Гиппелю из Варшавы он пытается передать самые непосредственные впечатления от этой пестрой картины. На самом деле до июня 1804 года Гофман предавался исключительно созерцанию, он не искал и не завязывал новых знакомств. Но за это время он нашел себе настоящего друга, общение с которым, возможно, не прошло бесследно для его дальнейшего творческого пути. Вместе с Гиппелем он, надеюсь, достоин считаться одним из самых преданных гофмановских друзей, пусть даже ему не довелось присутствовать при самых последних его часах и кончине.

Это был Хигциг, позже ставший советником по уголовным делам апелляционного суда в Берлине. Он начинал свою карьеру в 1800–1801 годах в Варшаве в чине референдаря окружного управления (тогдашнего верховного суда провинции), затем с 1801 года и до лета 1804 года он служил в берлинском апелляционном суде. В начале июня 1804 года вступил в Варшаву ассессором коллегии, в которой Гофман состоял советником. Хитцигу довелось много слышать об этом необыкновенном

человеке; история с познанскими карикатурами была тогда еще повсюду жива в памяти, однако именно характер этой истории, да и сама внешность Гофмана, вовсе не располагавшая к сближению, удерживали от намерения искать с ним знакомства. Уже прошли многие совместные заседания, но они еще не беседовали друг с другом более, чем того требовала работа. Но однажды случилось так, что оба вместе вышли из управления и направились домой. Дома их стояли рядом, и по дороге Гофман спросил мнение вновь прибывшего о ком-то из коллег. Хитциг ответил кратко: "Скучен, как мерный аршин", и едва он произнес эти слова, как мрачное до того лицо Гофмана оживилось, а сухие односложные реплики превратились в весьма добродушный диалог. Одному из знакомых Фальстафа тоже предстояло стать его другом, но пока он не нашел такого в Варшаве, сколько бы других удовольствий она ему ни сулила, вот почему радость открывающейся возможности духовного общения заслонила все предшествовавшее. Новообретенный друг способен был привлечь Гофмана гораздо более, нежели личными своими достоинствами, знакомством с другими остроумными и весьма любезными людьми, с которыми он прежде общался в Варшаве, например с Иоганном Якобом Мнионом (ныне, к сожалению, покойным), с Вернером, автором "Сынов долины", с полевыми священниками Грооте и Греймом и другими; в этот круг друзей он ввел Гофмана, и тот был принят с теплотой и признанием. Кроме того, перед приездом в Варшаву Хитцигу выпало счастье, которого Гофман как раз был лишен; он провел несколько лет в Берлине, где тогда читал свои лекции Август Вильгельм Шлегель, и благодаря удачному стечению обстоятельств познакомился с новейшими произведениями литературы, а отчасти и с их создателями, в то время как Гофман в Познани и Плоцке вел то беспутное и суровое, то монашески уединенное существование, без всяких связей с лучшим обществом. Чего только не поведал ему новый друг, какие незнакомые миры открыл он перед ним, повествуя о книгах из собственной библиотеки – о "Штернбальде", о шлегелевских переводах из Кальдерона и о многом другом. Сюда добавились и некоторые интересные визиты его берлинских знакомых, к примеру Удена, долгое время бывшего прусским посланником в Риме, путешествовавшего по Греции Бартольди и других. Все это воодушевляло Гофмана – после вынужденного поста в Плоцке он был теперь снедаем ненасытной жаждой более возвышенных радостей. Гофман буквально купался в блаженстве, и, хотя в Варшаве по сравнению с более поздними годами создано было сравнительно немного, он, несомненно, именно там воспринял многое из того, что было им переработано позднее.

Общение новых друзей в этот период гофмановского расцвета выглядело и внешне приятнейшим образом. Оба жили, как уже говорилось, в домах, вплотную примыкавших друг к другу и на одинаковой высоте, так что можно было переговариваться через окно; оба обыкновенно работали до глубокой ночи. Когда на улицах становилось тихо, что в Варшаве обычно происходило довольно поздно, то по сигналу, который Гофман подавал на большом и красивом концертном фортепиано в своей комнате, окна раскрывались, и он нередко до рассвета играл свои фантазии для друга, жадно внимавшего ему вместе со своей юной женой.

ИЗ ПИСЕМ ТЕОДОРУ ГОТЛИБУ ФОН ГИППЕЛЮ

11–14 мая 1804 г. Я прибыл в Варшаву, поднялся на третий этаж палатца на Фретагассе, 278, обнаружил там любезного начальника, президента, который задирает нос всего на $\frac{1}{8}$ дюйма над горизонтом и имеет три ордена, а еще целую свору коллег, так что ныне я корплю над докладами и донесениями. В Варшаве необычайно многолюдно, особенно на Фретагассе, где всюду процветает торговля мукой, крупами, хлебом и овощами. Вчера, на Вознесение, я собрался было сделать что-нибудь для души, отбросил прочь бумаги, уселся за фортепиано, чтобы сочинить сонату, но вскоре оказался в положении "Musicien engagé" * Хогарта! Прямо под моим окном возник какой-то спор между тремя продавщицами муки, двумя ломовыми извозчиками и слугой лодочника; все спорщики произносили свои тирады на редкость ожесточенно, взывая к справедливому суду мелочного торговца, лавка которого располагалась тут же внизу, в подвале. В это время как раз ударили колокола приходской церкви, затем в церкви беннонитов, потом у доминиканцев – всё поблизости от дома. На кладбище у доминиканцев (как раз на возвышенности перед моим домом) какие-то исполненные надежд конфирманты изо всех сил колотили в старые литавры, отчего по зову могучего инстинкта залаяли и завыли собаки во всей округе – в этот момент весело подъехал вольтижер Вамбах в сопровождении янычарской музыки, а ему навстречу с другой улицы устремилось стадо свиней. Невероятная кутерьма посреди улицы – семерых свиней переехали! Сплошной визг! О! О! Кто придумал это тутти для мучения нас, проклятых! Отбросив бумагу и перо, я натянул сапоги и

* Вбешенного музыканта (франц.).

кинулся прочь из безумного хаоса – через Краковское предместье, под гору, в новый мир! Священная роща обняла меня своей тенью! Я был в Лазенках! Приветливый дворец, будто юный лебедь, отражался в светлом, как зеркало, озере! Зефиры сладострастно веяли сквозь цветущие деревья – как приятно было бродить по аллеям, осененным листвой! Вот обитель, достойная любезного эпикурейца!

Как мне живется в Варшаве, спрашиваешь ты, дорогой друг? Пестрый мир! Чересчур шумный, сумасбродный, нелепый – и всё вперемешку. Где взять время, чтобы писать, рисовать, сочинять музыку?! Уступил бы мне король Лазенки, вот там было бы хорошо!..

26 сентября 1805 г. ...В течение года, что я тебе не писал, я вел приятную жизнь художника: сочинял музыку, рисовал и, между прочим, довольно хорошо выучил итальянский. Романский диалект понимаю совершенно и прилично говорю. Зима уйдет на то, чтоб лучше овладеть навыками речи, а также изучить различные диалекты (венцианский, неаполитанский и так далее). Да вот только русские, наверное, не позволят, чтоб я долго оставался здесь. Благодаря частым и неожиданным зарисовкам прямо с натуры рука у меня обрела уверенность...

Вот тебе течение моей творческой жизни! В декабре прошлого года я сочинил музыку к поистине гениальной опере Клеменса Брентано "Веселые музыканты", которая в апреле этого года была представлена в здешний немецкий театр. Текст не понравился – "для большой публики это, что называется, не в коня корм", как говорит Гамлет *. О музыке они отозвались более благосклонно, назвав ее страстной и в то же время продуманной, вот разве что слишком критичной и необузданной. В этой связи в "Элеганте цайтунг" меня назвали человеком, понимающим толк в искусстве!! Прекрасно было принято даже и то неприятное обстоятельство, что там действуют итальянские комические маски – Труфальдино, Тарталья, Панталоне. Увы! Святой Гоцци, в каких уродцев превращаются здесь даже привлекательнейшие образы веселого озорства! Весна предоставила мне досуг, укрепляющий разум и душу; я совсем не работал, лежал, размечтавшись, под высокими буками в Лазенках и Вилянуге, самое большое – делал наброски с натуры. Лето принесло с собой лавину дел и домашних забот: жена родила мне в июле дочь. Я велел окрестить ее Цецилией и завершил работу над мессой, которую считаю лучшим своим произведением.

* Шекспир В. Гамлет, принц датский. Акт второй, сцена вторая. Пер. Б. Пастернака.

Ее исполнят в день св. Цецилии у бернардинцев, если война не прогонит нас отсюда. Сейчас я как раз пишу оперу на французском материале, здесь выражен свободный французский дух, их комический, грациозный гений. Она называется "Непрошенные гости, или Каноник из Милана". Собираюсь послать ее в берлинский театр, ибо я начинаю обретать некоторую известность.

Таков, единственный мой друг, тот образ жизни, что я здесь принял; ты видишь, что музы все еще ведут меня по жизни как святые заступницы и покровительницы; им предаюсь я целиком, и они не сердятся, если непреложные обстоятельства оставляют на их долю лишь отдельные блаженные мгновенья, когда я обращаю к ним свою душу. Часто, слишком часто жизненный путь художника именно таков, что *подавляет* его, но не способен *задавить*...

Ты уже читал "Странствования Штернбальда" Тика? – In casu quod non *, то прочти поскорее книгу этого истинного художника! <...>

ЮЛИУС ЭДУАРД ХИТЦИГ "Музыкальное собрание"

...Одному из прусских чиновников, любителей музыки, пришла мысль основать музыкальное увеселительное общество, которое одновременно могло бы служить воспитанию будущих певцов и певиц. Он сумел привлечь к этой затее Гофмана, и тот, видя усердие и успешность, с какими приобретались все внешние предметы оформления сего общественного института, со своей стороны во многом способствовал осуществлению плана. Не успели мы оглянуться, как в ту же зиму, когда только родилась эта идея, был уже оборудован для проведения концертов (пока только как арендуемое помещение) прекрасный дворец Огинского, а также основана школа вокального искусства с двумя преподавателями – один для солистов и один для хора.

Первые концерты превзошли все ожидания; но в них Гофман, кажется, не принимал особого участия. Однако когда, задумав поднять дело на должную высоту, купили пострадавший от пожара дворец Мнишков, чтоб заново отстроить его с должным вкусом, то здесь Гофман увидел для себя обширнейшее поле деятельности и отдался новому начинанию со всей присущей ему энергией. Он не только разработал план расположения

* Если нет (*лат.*).

комнат и внутреннее их убранство в восстанавливаемом здании, но и позаботился о росписи. Часть росписей он сделал собственноручно, для прочих создал образцы, выполненные другими художниками.

С началом теплых дней весной 1806 года Гофмана нельзя было застать в его квартире. Если его не было в управлении, то он наверняка сидел в лесах в новом помещении музыкального собрания в заляпанной краской блузе художника, посреди банок с красками, предварительно запасшись бутылкой венгерского либо итальянского вина, и беседовал с друзьями, которые нередко сюда наведывались. Невероятно быстро и без ущерба для основной своей работы он расписал многие помещения, к примеру библиотеку, украсив ее бронзовыми горельефами; кабинет он выполнил в египетском стиле, ухитрившись среди превосходных изображений египетских божеств поместить карикатуры на некоторых членов собрания, удачно замаскировав их звериными хвостами, крыльями и другими подобными вещами. Нередко случалось, что торговцев, намеревавшихся заключить какой-нибудь контракт, направляли из его дома прямо во дворец Мнишков, те с трудом разыскивали его среди множества комнат, а потом не верили своим глазам, когда, предъявив распоряжение председателя, каковым поручалось ему вести данное дело, видели, как он быстро слезал с лесов, мыл руки, опережал их и, действуя пером столь же умело, как и кистью, за несколько часов набрасывал на бумаге судебный документ по самому запутанному делу, причем так, что даже самый строгий судья не нашел бы к чему придраться.

Третьего августа 1806 года, в день рождения прусского короля, новое здание было торжественно открыто и в великолепном двухъярусном зале состоялся первый концерт.

Здесь публика впервые увидела Гофмана за дирижерским пультом; все поразились, как спокойно и достойно он при этом держался, будучи вообще-то подвижным как ртуть. Заданный им темп был быстр и страстен, но без всякого нажима; позднее в городе говорили, что, будь у него получше оркестр, он не знал бы себе равных по части интерпретации моцартовской музыки. Уже тогда он знал Моцарта до мельчайших нюансов, умел нагляднейшим образом продемонстрировать красоты его музыки и к тому же объяснить их словами. Наряду с Моцартом любимыми его мастерами были Глюк и Керубини, в церковной же музыке – старые итальянцы и Гайдн. Он постоянно изучал их творчество и с охотой беседовал на эту тему. Тогда же он исполнил одну из симфоний Бетховена, которой восхищался.

О ПОЛЬСКОЙ МУЗЫКЕ

Характер народа живо проявляется в песнях и танцах, и два национальных танца поляков, мазурка и полонез, истинно и четко передают основные черты нации. Насколько темпераментная мазурка с ее движениями, требующими незаурядной физической силы, с ее чудными, смелыми переплетениями являет нам бурный порыв беспокойного, жаждущего перемен народа, настолько полонез – истинное выражение рыцарственности, непременно предполагающей романтическое служение даме, более чем где-либо сохранившееся в Польше.

Чтобы увидеть это собранное, словно в фокусе, сияние полонеза, следует непременно понаблюдать за танцующей парой в Варшаве. Ничего нет проще, чем ритмический шаг этого танца (это даже не те па, которым учит танцевальное искусство); однако в самой церемонной манере вести даму, во взглядах и позах партнеров ясно ощущается тот внутренний романтический настрой, что и теперь доносит до нас отзвуки пурпурно-золотых, давно минувших лет. Рецензент, много лет проживший в Варшаве и нередко посещавший балы и маскарады, наблюдая там за танцующими, представлял себе при виде полонеза, исполняемого молодым, красивым, сильным мужчиной с привлекательнейшей дамой (чаще всего так и было), все развитие рыцарского романа времен короля Артура, прочитывая в причудливых поворотах, то и дело вплетаемых в канву танца при сохранении свободной простоты шага, все испытания, выпадающие на долю любящей пары, из которых она, светлая, чистая, прекрасная, выходила наконец во всем своем величии.

Музыка танца должна вытекать из его характера, вот почему настоящие польские полонезы выражают именно такой романтический настрой, и в этом их высшая прелесть. Лейтмотивом проходит тема величия, присущего именно рыцарству; однако в нее вплетается то темными, то светлыми тонами горячая, пылкая страсть – безмерное горе – восхищение, торжество любви...

ЮЛИУС ЭДУАРД ХИТЦИГ

Катастрофа

...И если ныне в Варшаве разыгрывается чудовищный спектакль, то он далеко еще не достиг своей высшей точки. Это началось, скорее всего, тогда, когда показали первые вестники

приближения огромной французской армии. Вначале явились парламентарии, которые проследовали через город в Прагу, туда, где находилась ставка русского генерала, – должно быть, для ведения переговоров о сдаче Варшавы. Затем прибыли отдельные раненые, и оставшиеся прусские войска в полном боевом снаряжении заняли посты. Был обнародован королевский приказ, призывавший к спокойствию; управление Варшавой после отхода войск передавалось князю Юзефу Понятовскому. Все это вызвало среди населения крайнее беспокойство; и вот однажды утром, пробудившись ото сна, жители узнают, что пражский мост горит, а пруссаки с русскими ушли. Караулы оказались заняты горожанами, лавки закрыты; все сидели по домам. Повсюду в городе воцарилась страшная тишина; немцы испытывали страх перед французами и поляками, поляки и многочисленные евреи опасались беспорядков со стороны черни. Но все пока оставалось спокойным, и Гофман с друзьями в урочный час появился в управлении, где некоторые поляки уже надели белые кокарды – старый национальный символ.

Вскоре первые отряды конников Мюрата под предводительством Мильо вступили в Варшаву. С заседания коллегии, к которой принадлежал и Гофман, вытребованы были председатель и директор; их отправили к командующему в предместье для получения распоряжений. Вся коллегия напряженно ждала их возвращения. Они явились с листком, на котором значилось лаконичное указание: "Il est défendu sous peine de mort d'entrer en correspondance avec l'ennemi" *. Узы, связывавшие их с отечеством, разорваны были в единый миг, не имело смысла совещаться дальше. Через несколько дней Матьё Фавье, *Ordonnateur en chef* ** армейского корпуса Мюрата, именем императора распустил прусское управление, и Выбицкий, бывший в Париже вместе с Костюшко, организовал вместо прежнего управления новый верховный суд, состоявший из одних поляков.

Гофмана все эти перемены занимали весьма мало, хотя он принадлежал к числу тех немногих, кого новые обстоятельства затронули самым неприятным образом, он ведь не мог искать прибежища ни у кого из родственников.

Договорились разделить остаток наличности в кассе, дабы деньги не достались врагу, пропорционально заработку каждого.

* Под страхом смертной казни запрещается вступать в сношение с неприятелем (франц.).

** Главный офицер связи (франц.).

Это давало возможность просуществовать какое-то время. А кроме того, в его комнате наконец перестали скапливаться горы бумаги, которые постоянно росли, как ни прибирайся. И не было больше ни заседаний, ни сроков – целый день можно было бродить по улицам, смотреть, слушать. Был ли кто тогда счастливее, чем он! Едва распустили управление, как он потащил одного из друзей в городской суд, чтобы на сей раз зрителем присутствовать на заседании.

Отныне каждое утро в десять часов он появлялся в одной из рестораций, дабы созерцать парад, который Наполеон устраивал ежедневно почти четыре недели кряду; потом шли слушать мессу в церковь бернардинцев, одну из самых красивых в Варшаве, где Гофман всегда был желанным гостем: он пел в хоре тенором, и после окончания мессы монахи имели обыкновение угощать завтраком всех участников. Вечера проводили в Музыкальном собрании.

В этом дворце генерал-интендант французской армии Дарю реквизировал для себя гостинные нижнего этажа. Многие чиновники из его окружения увлекались музыкой, и, как только первая суматоха улеглась, концерты возобновились. В них теперь принимал участие и наполеоновский капельмейстер Паэр – к огромному негодованию Гофмана, которого раздражала слащавость Паэра как во внешности, так и в музыке.

До тех пор все шло не так уж плохо. Но вскоре и Гофману довелось испытать тяготы войны. Как раз незадолго до прихода французов он переехал в прекрасную квартиру в самом богатом районе Варшавы, Краковском предместье, со временем он надеялся уютно устроиться в новом жилище и начал уже обставлять его с присущим ему вкусом. Однако, поскольку владелец дома был богатым человеком и в доме оставалось немало свободного места, в нем расквартировали французских солдат. Это обстоятельство не могло не сказаться на квартирной плате, а финансы Гофмана находились в плачевном состоянии. Он вынужден был освободить квартиру и вскоре довольствовался пристанищем в пустой мансарде Музыкального собрания, которую ему с готовностью предоставил директор. Здесь он обитал со своею женой, племянницей, которую воспитывал (симпатичной девочке было тогда лет двенадцать), и дочкой, родившейся в Варшаве. И хотя жили они довольно тесно, но, как ему казалось, вновь счастливо. Под крылышком Дарю, квартира которого считалась священной территорией французской армии, он свободен был от всевозможных общественных повинностей, от которых страдали другие. Прекрасная библиотека Музыкального собрания в любой момент была к его услугам, а свое фортепиано он велел поставить в комнате, где

занимался квартет. Большого и не требовалось, он вполне мог не думать о французах и о собственном будущем.

Между тем французская армия перешла на новые позиции, и из Варшавы в Познань как раз отправляли несколько денежных обозов с французским эскортом. Подобной возможностью охотно воспользовались многие прусские чиновники, в том числе и Гофман, чтобы отправить жен и детей к родственникам.

Теперь, после того как и Хитциг с семьей в марте 1807 года отправился на родину, Гофман оставался в Варшаве в маленьком кругу друзей, среди которых, кроме упомянутых, следует назвать еще тогдашнего советника юстиции Леста, к которому Гофман очень благоволил из-за его веселого нрава и особого таланта общения.

В этом кругу Гофман вел довольно размеренную жизнь, пока не заболел нервной горячкой, вызванной, по-видимому, тревожностями последних месяцев. Поначалу болезнь казалась безобидной, но вскоре появились симптомы, внушающие тревогу, так что друзья сочли необходимым ухаживать за ним и дежурить по ночам у его постели. Тут уж было трудно угодить ему, ибо болезнь более всего усилила присущую ему чувствительность и раздражительность, нередко в бреду горячки он жаловался на страдания, причиняемые ему теми, кто за ним ухаживал. При этом он имел привычку обозначать их теми или иными музыкальными инструментами. "Сегодня мне сильно досаждала флейта", – восклицал он, имея в виду некоего икс, который говорил тихо и как-то очень грустно, или: "После обеда меня все время мучил несносный фагот. Вечно он входил не вовремя или тащился следом" – тут он имел в виду игрека, говорившего грубым басом.

"Ведь они все меня не понимают, – сказал он как-то ночью Кульмейеру, состояние его тогда было особенно тревожным, – мне, право, приятно, что вы здесь; я уже давно хотел разобраться с вами красоты "Волшебной флейты". Сегодня после обеда, лежа в одиночестве, я прослушал всю оперу".

И с необычайным красноречием, не дав опомниться пораженному слушателю, он с начала и до конца в бреду проанализировал великое произведение.

Счастливая его натура превозмогла тяжелую болезнь, и, поскольку последние из оставшихся друзей, Кульмейер и Лест, один за другим покинули Варшаву, в нем тоже пробудилось желание поискать новую сферу деятельности в другом месте. Хитцигу, который находился тогда в Берлине (а Гофман туда и стремился), город этот казался малоподходящим для карьеры начинающего художника, и он избрал для своего друга Вену, прислав в Варшаву рекомендательные письма к влиятельным

родственникам, понимающим толк в искусстве. Гофман с воодушевлением принял этот план, но осуществиться ему не суждено было из-за отсутствия денег, так что в начале лета 1807 года Гофман отправился в новые странствия – вначале в Познань, к своим, а затем в Берлин.

ИЗ ПИСЕМ ЮЛИУСУ ЭДУАРДУ ХИТЦИГУ

20 апреля 1807 г. Вскоре после Вашего отъезда я вновь заболел и вынужден был сидеть дома; в конце концов болезнь так овладела мною, что по вечерам я распространял вокруг себя фосфорический блеск, потому доктор и принялся всяческими средствами очищать мне кровь, чем занят и до сих пор. К тому же денег в кассе сильно поубавилось, так что я не могу решиться на поездку и вынужден просиживать здесь, будучи не в состоянии их раздобыть. Впрочем, советник юстиции Кауш, у которого, к сожалению, тоже нет наличных, изъявил готовность подписать любое мое долговое обязательство, как если бы это был его собственный вексель. Вот Вам единым духом, дорогой друг, все неприятности, задерживающие меня в Варшаве; мчаться ли мне отсюда на всех парусах, ибо Вы наверняка пришли к убеждению, в какой степени возможно для меня начало карьеры в Берлине и, что самое главное, смогу ли я найти там хоть малейшую материальную поддержку? От Вашей дружбы, проявления которой я видел столь часто, ожидаю *точных* известий, чтоб затем иметь возможность принять необходимые меры!

С новыми силами и юмором, непонятным мне самому, работаю теперь над оперой с надеждою, что то будет *первое* мое произведение, которое поставит какой-нибудь большой театр, ибо весьма хорошо ощущаю, сколь она оставила позади все мои прежние сочинения! Текст – не что иное, как "Цветок и перевязь" Кальдерона. Небо до сих пор поражало меня невероятной слепотой, и я не видел истинных арий, дуэтов, терцетов pp. в великолепной пьесе – во время болезни меня внезапно озарило. Пьеса у меня превратилась в оперу сама собою, с весьма незначительными изменениями, сокращениями и вставками.

Комическая сторона материала в высшей степени поэтична, так что в музыке следует лишь взять такой тон, как у Моцарта в "Così fan tutte" * и "Фигаро"; именно это соответствует теперь

* Так поступают все женщины
(итал.).

состоянию моей души. С тех пор как я сочиняю музыку, заботы забываются нередко сами собой, а с ними и весь мир – ведь тому миру, что рождается из множества гармоний в моей комнате, не нужен никакой мир вовне. В том внешнем мире сейчас идет такой страшный дождь, что мы здесь, в Варшаве, скоро будем ездить по улицам в гондолах, впрочем, на это никогда не решится протонотариус Краузе – не из страха утонуть, а из прирожденной боязни совершить нечто необычное...

14 мая 1807 г. ...Еще не зная всех преимуществ Вены, следуя лишь Вашим описаниям, в мечтах и стремлениях я был уже там; это особый вид вдохновения, во сне и наяву я переносился мыслями в Вену, именно там вступая на поприще художника. Но увы, теперь предстоит преодолеть главную трудность, которая в безотрадные часы кажется непреодолимой и, должно быть, в конце концов продержит меня в здешней трясине, покуда я в ней не утону. О бедственных моих обстоятельствах я писал Вам еще в первом письме; мне необходимо, как Вы и рекомендуете, занять хотя бы пятьсот талеров, пусть даже большую частью в ценных бумагах, дабы иметь возможность перенестись в свой Эдем, но это дело почти неосуществимое. Кауш – единственный, кто в курсе моих кёнигсбергских дел, хотя у меня и нет документов на сей счет; так вот он, сам не располагая наличными деньгами, вызвался подписать любое мое долговое обязательство, как если бы это был его собственный вексель. К тому же примерно с месяц назад мне удалось занять двести талеров наличными. Единственный человек здесь способен помочь в моем затруднительном положении, но какая-то особая робость и вполне обоснованное опасение погрешить подобной просьбой против деликатности, тем более в первые недели знакомства, заставляет меня молчать. Вы легко догадаетесь, что этот человек – советник юстиции Кюс... Какой-нибудь посредник (для этого великолепно подошел бы старый Лёст) мог бы сыграть здесь решающую роль; а тем временем я сижу здесь и строю в мечтах – напрасно – новые планы! В Кёнигсберг я писал трижды, но так и не получил ответа: должно быть, мои письма не дошли. Второй раз уже в моей жизни случается так, что, едва я собираюсь войти, мне указывают на дверь, и требуется истинное мужество, чтоб не пасть духом навсегда!..

Ответьте мне как можно скорее, мой единственный сердечный друг. Ваши письма утешают и ободряют меня! Мое положение и в самом деле отчаянное. <...>

В крайней нужде

"Достоин сожаления, что год праздного пребывания в Берлине столь отрицательным образом повлиял на его характер, хотя он вновь целиком посвятил себя музе. Он начал отвыкать от домашней жизни, которая была столь дорога ему в Плоцке и Варшаве, она стала теми добрыми узамы, которые необходимы бы-

ли ему, дабы умерять свою безудержную фантазию. Он привык ни во что не ставить свои дела, жить сегодняшним днем, строить воздушные замки и предаваться безмерному легкомыслию". Так добропорядочный Гиппель, который и в эти трудные времена мог позволить себе роскошь быть добропорядочным, позднее упрекал Гофмана! Однако положение Гофмана, которое уже в последние варшавские недели было "в самом деле отчаянным", ухудшилось еще более по приезду в Берлин, когда в гостинице "Адлер" на Дюнхофплатц у него украли почти все деньги, добытые в долг. Нищим беглецом, которому ничего иного и не оставалось, как ни во что не ставить свои дела, очутился он в городе, где тяжело сказывалось поражение в войне и ежедневно росли цены на хлеб. Бежавший король с остатками двора закрепился в далеком Мемеле, в то время как 7000 правительственных чиновников, лишившихся места и предоставленных самим себе, осаждали берлинские учреждения в надежде испросить хотя бы скромное пособие – среди них и Гофман, напрасно посылавший прошения во всевозможные инстанции. В салонах, где, несмотря на уныние, по-прежнему устраивались чаепития, он встречал Карла Фридриха Цельтера, Адельберта фон Шамиссо, Иоганна Готлиба Фихте, Августа Фердинанда Бернгарди, Карла Августа Фарнхагена фон Энзе, Августа Вильгельма Ифланда, Фридриха Шлейермахера. Но ни один из этих людей не в состоянии был помочь ему. Берлин с его начавшимся ростом дороговизны был не тем городом, где малоизвестный молодой художник мог вступить на поле будущей своей деятельности и добиться процветания.

Для своих рисунков Гофман не находил покупателей, для музыкальных сочинений – издателей, заинтересованных театральных

директоров. Он сделал иллюстрации к драме Захарии Вернера "Аттила", но официальный заказ на них был предоставлен другому. Вернер, который был весьма зажиточным человеком и располагал многочисленными возможностями помочь Гофману, довольно низко бросил его на произвол судьбы, цинично задав в итоге единственный вопрос: "А о боге вы иногда думаете?"

Гофман нарисовал "Коллекцию гротескных образов на темы спектаклей королевского Национального театра в Берлине", но не нашел для нее издателя. Страдая от жесточайшей нужды, он снабдил три рисунка весьма многозначительным комментарием: "То, что вызывает дивный смех, желанно всегда, но особенно во времена, когда хочется покинуть мрачное окружение и войти в фантастический мир, где правит шутка и где серьезность превращается всего лишь в комическую маску".

Музыкальные произведения, созданные в тот трудный год в Берлине, тоже удивительно оптимистичны, темпераментны и никак не выдают жалких условий, в которых пребывал тогда их создатель. Здесь несколько фортепианных сонат, опера "Напиток бессмертия" и песни. "Trois canzonettes à 2 et à 3 voix. Paroles italiennes et allemandes avec accompagnement de piano forte composées par E. T. Hoffmann" * вышли в мае 1808 года у Веркемейстера в Берлине. Это была первая работа, опубликованная им под собственным именем. За исключением аванса в двадцать фридрихсдоров, композитор получил в качестве гонорара лишь тридцать бесплатных экземпляров.

Зажиточное берлинское общество вызывало в Гофмане раздражение. Переложив основную тяжесть поражения на беднейшие слои населения, оно по-прежнему предавалось легкомысленным утехам. Особенно отвращало тогдашнее берлинское искусство, музыкальная и театральная жизнь. В Национальном театре дирижерской палочкой размахивал Бернгард Ансельм Вебер, скорее скверно, чем достойно распорядившийся наследием великих мастеров. Глюк и Моцарт отданы были на потребу обществу, думавшему лишь об удовольствиях и развлечениях, людям, которые уже вынесли приговор забвения событиям недавнего прошлого. Сомнительно-балаганное берлинское искусство Гофман позже изобразил в новелле "Кавалер Глюк" на фоне краха Пруссии.

Страдая от холода, в полном одиночестве, он с трудом

* "Три канцонетты для двух и трех голосов. Тексты на итальянском и немецком языках в сопровождении фортепиано. Сочинение Э. Т. Гофмана" (франц.).

перебывался зимою 1807–1808 годов. Тогда же он познал голод: целые дни и недели лишь черствый хлеб. Из Познани Гофман получил известие о тяжелой болезни Миши и смерти маленькой Цецилии, единственного ребенка. Переживая вновь и вновь приступы нервной горячки, он находился на грани катастрофы. В тот тяжелейший год Гофман нашел нечто вроде тихого пристанища у прекрасной незнакомки, воспоминания о которой позднее воплотились в образ советницы Бенцон в "Коте Мурре": она была "уже на четвертом десятке; некогда замечательная красавица, еще и ныне, впрочем, не лишенная привлекательности..." * Слух, будто у нее был ребенок от Гофмана, утонувший во время купанья в тринадцатилетнем возрасте, относится к области легенд. Гиппель впоследствии не устал попрекать своего друга этой загадочной связью. Но в то трудное время Гофман отнюдь не стремился искать опору в мещанской морали и условностях, видя ежедневно, как умирают от голода люди, околеваяют в водосточных канавах. Он потянулся к человеческому теплу и спасительному покою туда, где сумел их найти.

Через несколько месяцев положение его стало безнадежным. Чтобы окончательно не опуститься, он вынужден был срочно покинуть Берлин. В ответ на несколько восторженное объявление, в котором он предлагал услуги "как директор какого-нибудь театра или частного оркестра", ему предложена была должность капельмейстера бамбергского театра. Он незамедлительно выехал из Берлина, которому предстояло стать его новым домом лишь в третий приезд, и отправился на несколько месяцев в Глогау. Там он, будучи гостем старого своего друга Иоганна Хампе, сочинил прекрасную кантату для хора "O sanctissima" **, о которой упоминается в предпоследнем фрагменте записок Крейсера в "Коте Мурре". В Глогау же, под свежим впечатлением берлинских невзгод, возник замысел "Кавалера Глюка". Может быть, тогда он даже набросал вчерне эту новеллу. В конце августа Гофман отправился на несколько дней в Познань, где ему с трудом удалось вырвать из-под опеки родственников свою жену: те отнюдь не доверяли будущей карьере бывшего государственного советника, ставшего ныне капельмейстером.

* Пер. А. Голембы. В кн.:
Гофман Э. Т. А.
Крейслериана. Житейские
воззрения кота Мурра. Дневники.
М., 1972, с. 126. Далее цитируется
это издание.

** "О святейшая" (лат.).

Эрнсту Теодору Вильгельму Гофману было тридцать два года накануне решающего поворота в его судьбе. Юность была позади, глубокие внутренние переживания и серьезные исторические события, свидетелем которых он стал, обусловили раннюю зрелость, сформировали новые взгляды и наложили отпечаток на весь его облик.

Все это еще ждало будущего своего освоения и воплощения в предназначенной ему сфере творчества – в художественной литературе.

ПИСЬМО ЮЛИУСУ ЭДУАРДУ ХИТЦИГУ

Середина июля 1807 г. ...Вчера с половины восьмого до половины девятого был у мадам Леви, множество гостей пили там чай с ромом и вели рассудительные беседы, с девяти до половины двенадцатого в ответ на приглашение направился к Винцеру и просидел там; опять-таки было много народу, и все пили ром с чаем. Я познакомился с Бернгарди (у него весьма приятное лицо), со Шлейермахером, но прежде всего с композитором Шнейдером, он играл хорошие вещи на хорошем венском фортепиано, а потом предложил некой мадам Зебальд исполнить несколько ариетт – собравшиеся несколько раз вступали хором, например, подхватывая припев "Как будто влюблена!". Дорого дал бы, чтоб увидеть или услышать представленную как оперу жизнь премьер-министра или протектора Академии изящных наук и искусств господина графа фон Фло; однако ж этого не произошло!..

ПИСЬМО ВЕЛИКОМУ КАНЦЛЕРУ

Генриху Юлиусу фон Гольдбеку

14 августа 1807 г. Угнетаемый стеснительным положением, никогда прежде мне не ведомым и ныне достигшим высшей точки, осмеливаюсь обратиться к Вашему превосходительству с мольбой о помощи. Безвинно лишившись службы и жалованья, я пребываю в положении худшем, нежели большинство моих коллег, ибо совсем не располагаю состоянием и не имею родственников, которые могли бы поддержать меня. Мне не удалось также сразу найти род занятий, который дал бы возможность содержать себя. Незначительная сумма, которую удалось спасти после крушения в Варшаве, ушла на пропитание; меня ожидают

тяжкие лишения, и это заставляет обратиться к Вашему превосходительству еще прежде, чем Его величество король примут окончательное решение о выдаче пострадавшим компенсации. Я осмеливаюсь лишь покорнейше просить Ваше превосходительство о временном предоставлении мне суммы в 100 рейхсталеров, третьей части полагающегося мне жалованья, которое так и не было выплачено, из каких-нибудь фондов, в коих нет недостатка. Сия сумма уберегла бы меня от нужды и позволила бы смиренно ожидать дальнейших распоряжений...

ИЗ ПИСЕМ ТЕОДОРУ ГОТЛИБУ ФОН ГИППЕЛЮ

20 октября 1807 г. Уже много месяцев, со времени страшной катастрофы, причинившей, должно быть, и тебе массу неприятностей, мы ничего не слышали друг о друге. Не думаю, чтобы ты оставил свое прежнее место жительства, а потому пытаюсь послать тебе известие в Лейстенау. Ты знаешь, конечно, что сразу после вступления французов в Варшаву прусские чиновники были уволены; но, поскольку тогда еще можно было хоть как-то надеяться на перемену обстоятельств, я, по примеру многих моих коллег, оставался на месте, покуда в начале июня нас не поставили перед выбором: либо подписать акт подчинения, содержащий присягу на верность французам, либо оставить Варшаву в течение восьми дней. Ты легко можешь представить себе, что все честные люди предпочли последнее. Жену свою я еще в январе с надежной оказией отправил к матери в Познань, дабы уберечь ее от бедствий столь близкой войны; и вот, поскольку мне решительно отказали в выдаче паспорта в Вену, где была надежда устроиться, я прибыл в Берлин и здесь перебиваюсь пока с трудом. Ты знаешь, что состоянием я не располагаю и рассчитывать могу лишь на собственные дарования; однако здесь, в опустевшем и обедневшем Берлине, вряд ли возможно эти таланты развить, единственная моя надежда — устроиться директором какого-нибудь оркестра, я уже принял для этого все меры, но, увы, пока безрезультатно!

Если бы удалось переехать в Вену, куда я располагаю серьезными рекомендациями и где много частных оркестров, это было бы, наверное, счастьем для меня, но на подобное путешествие у меня совсем нет средств! <...>

Если можешь, помоги мне советом и делом, ибо, не вдаваясь в подробности нынешнего моего существования, могу тебя заверить, что требуется немалая стойкость, дабы не отчаяться совсем! Не дает мне пасть духом лишь одна утешительная

мысль: если бы я нашел подходящее место, музыкальные мои сочинения обеспечили бы мне положение в высшей степени благоприятное!

Ответь мне, как только сможешь...

12 декабря 1807 г. ...Ты совершенно прав, мой дорогой друг, потерянным, навсегда потерянным я не вправе считать время, проведенное в неволе. Помимо того, что у меня было достаточно досуга для внимательного изучения теории, мне в последнее время удалось написать и исполнить вполне серьезные произведения. В Варшаве исполнялись мои оперы и мессы, но известности я не приобрел в силу того, что Варшава – город, где нет никакого соперничества в области искусства. Главным же образом потому, что мне, помимо искусства, приходится исполнять официальные обязанности, я привык глядеть на вещи широко, был, если можно так выразиться, далек от эгоизма, делающего несносными профессиональных художников. ...

Фихте и Шлейермахер снова здесь, Вернер скоро тоже вернется в Берлин. Фарнхаген, Шамиссо, Винцер, Роберт – эти имена тебе наверняка незнакомы, однако я рекомендую их как в высшей степени талантливых молодых людей, способных в будущем дать нам много хорошего. Скоро, к примеру, в этом кругу выйдет роман о жизни художника, способный затмить все, написанное в подобном роде до сих пор. Увы, я слишком мало могу общаться с этими людьми, поскольку вновь погружен в изучение старых шедевров, партитуры которых сумел разыскать. Ты не можешь себе представить, единственный мой друг, какую тихую, уединенную жизнь художника веду я здесь, в Берлине. В маленькой моей комнатенке, окруженный старыми мастерами – Фео, Дуранте, Генделем, Глюком, – я нередко забываю все, что столь тяжело гнетет меня, и лишь когда вновь просыпаюсь утром, все тяжкие заботы возвращаются!..

ПИСЬМО ЮЛИУСУ ЭДУАРДУ ХИТЦИГУ

22 августа 1807 г. Когда в последний раз Вы были здесь, то застали меня в довольно подавленном настроении – Вы должны отнести это исключительно на счет внешних обстоятельств. Я сейчас пребываю в таком положении, которое не может не страшить меня, да и нынешние известия из Познани отнюдь не утешительны: моя маленькая Цецилия умерла, а жена при смерти! И тем не менее вновь пробуждаюсь к жизни, так что способен даже размышлять, как выжить в этом bona

расе *. Больше всего я хотел бы устроиться капельмейстером в каком-нибудь театре; вероятно, следовало бы дать рекламное объявление в "Райхсанцайгер". Где выходит "Райхсанцайгер"? Что надо сделать, чтобы поместить объявление? Сообщите мне об этом, пожалуйста, дорогой друг, и скажите, подходит ли для моих целей прилагаемый текст или же следует кое-что добавить либо, напротив, сократить?

ОБЪЯВЛЕНИЕ ДЛЯ КОМИССИОННОЙ КОНТОРЫ
Г-НА ЭРИХА В ЛЕЙПЦИГЕ И ДЛЯ
"АЛЬТЕМАЙНЕР РАЙХСАНЦАЙГЕР"

Конец августа 1807 г. Лицо, располагающее большими познаниями в области музыкальной теории и практики, автор незаурядных сочинений, неизменно принимаемых аплодисментами, бывший директор серьезного музыкального заведения, лишившийся должности в результате войны, желал бы устроиться директором театра или какого-нибудь частного оркестра. Знаком с созданием декораций и костюмов, вообще театральное дело знает досконально; помимо немецкого, прекрасно владеет французским и итальянским языками, образован не только в области искусства, разбирается и в литературе, так что мог бы с успехом возглавить театральную режиссуру. При ближайшем знакомстве можно легко удостовериться в сих похвальных талантах, для чего просьба обращаться с письмами, не облагаемыми почтовым сбором, к г. с. ** Гофману в Берлин, Фридрихштрассе, 179.

ИЗ ПИСЕМ ТЕОДУРУ ГОТЛИБУ ФОН ГИППЕЛЮ

12 апреля 1808 г. ...Ты утешил меня, вновь вселив мужество для борьбы с невзгодами, с жестоким гнетом обстоятельств. Ты еще убедишься в моем энтузиазме художника, который никогда не даст погаснуть мечте, я верю, что еще вырвусь из этой нищеты; а пока что ты представить не можешь, до какой степени бесчисленные мелкие материальные лишения вроде дурной еды, отказа от привычек, которые вырабатываются у тебя в хорошие времена, к примеру стакан доброго рома поутру, влияют на душу, вызывая подавленность и уныние.

* Славном мире (*итал.*).

** Государственному советнику.

В том, что ты любезно примешь меня в своем доме, я не сомневался; а кроме того, ты обещаешь мне тихое местечко и фортепиано. Это для меня самое главное, и если я должен буду приступить к работе в Бамберге с первого октября, то я готов, если ты позволишь, провести несколько летних месяцев у тебя и завершить ряд больших сочинений, над которыми теперь размышляю. От тебя я потом отправлюсь в Познань за женой, а уж оттуда в Бамберг.

Ты можешь себе представить, как нуждаюсь я в помощи наличными деньгами; если бы ты мог прислать перед пасхой или после нее около 100 ртлр *, я сумел бы выехать из Берлина. Ты избавил бы меня от забот гораздо более тяжелых, нежели тебе кажется. Мне и теперь недоставало бы самого необходимого, если б у Веркмейстера (предметы искусства и музыкальные товары) не были напечатаны три мои канцонеты со словами на итальянском и немецком языках, за них я получил аванс в два фридрихсдора; правда, чистого гонорара (ты можешь себе представить такое?) я не получаю вовсе, только тридцать бесплатных экземпляров. Из Швейцарии и Бамберга за свой тяжкий труд я пока ничего не получил. <...>

7 мая 1808 г. Как случилось, что ты совсем не даешь о себе знать? Мне ничего не удается; из Бамберга, Цюриха и Познани я не получил ни феннига. Работаю до изнеможения, о здоровье уже и не думаю, а не зарабатываю ничего. Не стану тебе описывать свою нужду; она достигла крайней степени. Вот уже пять дней я ничего не ел, кроме хлеба, — такого еще никогда не было. Сейчас с утра до ночи сижу и рисую иллюстрации к "Аттиле" Вернера, который будет издан в "Реальбуххандлунг". Еще не известно, поручат ли мне сделать все гравюры на меди; если это удастся, заработаю четыре-пять фридрихсдоров, которые уйдут на оплату жилья и мелкие долги. Если сможешь помочь, пришли фридрихсдором двадцать, а то бог знает, что со мной будет. Впрочем, мой контракт с директором бамбергского театра теперь уже подписан, с первого сентября я вступаю в должность, так что в августе должен буду уехать. Мое единственное желание теперь — скорее вырваться из Берлина и отправиться в Бамберг. Но для этого нужно немало средств, ведь для поездки еще надо привести в порядок свой гардероб. Как только мне удастся заработать денег, я сразу же постараюсь хотя бы частями вернуть тебе мой большой долг. Не мог ли бы ты, уж если ты отложил большую сумму, одолжить мне еще двести талеров? В таком случае я не только избавился бы от

* Рейхсталеров.

нужды, но и имел бы возможность отправиться в Бамберг! Друг мой! Не покинь меня в беде! Бог свидетель, как тяжело я переживаю, что приходится обращаться к тебе с подобными просьбами! <...>

Примерно 10–12 мая 1808 г. Несколько дней назад я чуть было не сошел с ума из-за отсутствия самого необходимого, помню, что в этом состоянии я написал тебе! Хорошая еда и довольно спокойная ночь позволили мне прийти в себя и дали возможность еще горше осознать свое бедственное положение. Поистине требуется сила духа, граничащая с героизмом, чтоб сносить все те горькие беды, что не перестают преследовать меня. Из заказа рисунков для вернеровского "Аттилы" ничего не вышло, о чем я писал тебе в предпоследнем письме. Вернер – и это мой друг! – заявил, что лучше для него будет делать рисунки некий Штуди, нежели я!..

Примерно 25 мая 1808 г. Нет! Я не теряю присутствия духа, потому что могу рассчитывать на тебя и твердо, искренне убежден, что, как только Берлин останется у меня за спиной, все страдания мои кончатся, обратившись в радость и благополучие. В столь беспомощном положении, как в последние восемь дней, я еще никогда не был; случайно об этом догадался один мой знакомый, бывший государственный советник Фридрих, который встретил меня в совершенном отчаянии в Тиргартене; будучи сам в стесненных обстоятельствах, он все же разделил со мною последние свои деньги...

Твое мнение о Вернере полностью совпадает с моим; и все-таки согласись, что в "Аттиле" есть великолепные сцены, хотя и в этой пьесе можно найти пошлость и безвкусицу. К разряду последней я отношу весь первый акт в "Кресте", сцены с Преголлой (за немногими исключениями) "Кто будет хранить теперь мой огонек" и бесконечно глупую сцену с лодчицей. Ты лично знал Вернера? Я полагаю, да! О его гнусной жадности, которой не должно быть места в душе художника, Ифланд недавно рассказал весьма примечательный анекдот. Когда в Берлине должны были поставить "Освящение силы", Вернер за одну лишь передачу рукописи, которую он сразу же велел напечатать, получил из театральной кассы пятьсот талеров мелкой монетой – бесспорно, огромный гонорар. Сгребая их в кучу, он с кисло-сладкой миной наклоняется к Ифланду и шепчет: "А я-то полагал, что золотом, господин директор!" Ифланд как-то весьма образно выразился, заметив: "Когда я беседую с Вернером о его пьесах для нашего театра, мне все время чудится протянута золотая пятерня!" (будто лапа дьявола). Впрочем, здешний театр, куда ради гастролов никто не ходит, ныне находится в столь плачевном состоянии, что акте-

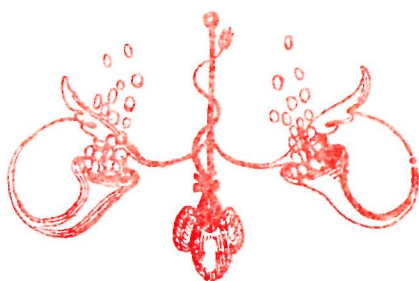
рам не выплачивается жалование, сам же Ифланд заявил Comité administratif *, что "если он не получит значительных дотаций, то вынужден будет закрыть театр".

Из-за хлеба, цена которого теперь недоступна беднякам (а иногда его и вовсе нет), в течение нескольких дней здесь были волнения, вскоре, однако, усмиренные конными и пешими патрулями!..

* Административному комитету
(франц.).

Третья глава

Бамберг

L. J. A. Hoffmann 7. 11. 18.

В старой епископской резиденции

Бамберг – древний имперский и епископальный город во Франконии, живописно расположенный в долине реки Регниц, с роскошными домами местной знати и зажиточных горожан, с собором, основанным императором Генрихом II, и прекрасным – в стиле барокко – замком Померсфельден и неподалеку.

Пышный расцвет епископской резиденции издавна противопоставлял Бамберг соседнему Нюрнбергу, вольному имперскому городу, рано ставшему протестантским. Со времен секуляризации и упразднения епископата Бамберг был присоединен к новому королевству Бавария, став отныне резиденцией герцогской линии династии Виттельсбахов: пытаясь содержать собственный двор, герцог Вильгельм Баварский, монарх без владений, по сути, прятал свое политическое бессилие за внешним великолепием.

Бамберг стал местом паломничества романтиков. Здесь бывали великий Фридрих Вильгельм Шеллинг со своей будущей женой Каролиной, а также Генрик Стеффенс и Готхильф Генрих

*На иллустритуле к третьей главе
рисунок Гофмана*

Процессия в Бамберге

Шуберт, представители романтической натурфилософии. Здесь работал и умер Фридрих Готлиб Ветцель. В Бамберге работал несколько лет редактором Георг Вильгельм Фридрих Гегель. Еще до того, как романтизм оформился в духовное направление – за полтора десятилетия до приезда в город капельмейстера Гофмана, – здесь нередко появлялся молодой Вильгельм Генрих Вакенродер со своим другом Тиком и, глядя на старинные церкви, "переносился в новый и загадочный мир" *. Именно здесь в воззрениях юного Вакенродера дух католицизма впервые соединился с просветленным миром старонемецкого искусства, что стало позже программным положением всего романтизма. Вакенродер славил Нюрнберг как город изобразительных искусств "в память о нашем достопочтенном предке Альбрехте Дюрере" *, католический же Бамберг – как источник музыки, которая ныне призвана стать самым романтическим из всех искусств. Здесь сливались воедино искусство и религия – два тесно взаимосвязанных основных понятия романтизма. Вот почему Бамберг оказывается тем местом, где вакенродеровский композитор Иозеф Берглингер умирает "в расцвете лет... после того как в святой день он с сильнейшим напряжением сил и горячностью исполнил в соборе ораторию" **. Вакенродер создает отнюдь не образ города, прозябающего в немецком убожестве где-то между средневековьем и новым временем, но восторженную стилизацию религиозно-эстетического толка, некое духовное средоточие, явно не от мира сего. Стоит только сравнить "сердечные излияния" этого наивного, рано ушедшего из жизни писателя, что стоял у колыбели романтизма, с яркими и разоблачительными, точно увиденными описаниями Бамберга и его жителей, оставленными нам Э. Т. А. Гофманом, и мы воочию увидим глубокую пропасть, отделяющую создателя капельмейстера Крейсера от мечтательных ранних романтиков.

Новый капельмейстер Гофман прибыл со своею женою в город на Регнице 1 сентября 1808 года, еще не подозревая, что именно здесь ему предстоит провести важнейшие годы своей жизни. Быстро разочаровавшись в существовании "свободного художника", обескураженный ужасным состоянием бамбергского театра, которым управлял бездарный "предприниматель" Генрих Куно, на все лады унижаемый и эксплуатируемый буржуазными меценатами, владельцами роскошных бюргерских домов, он стал завсегдатаем бамбергских пивных,

* Вакенродер В. Г. Фантазии об искусстве. Пер. С. С. Белокриницкой. М., "Искусство", 1977.

** Там же, с. 111.

чаще всего его видели в небольшом заведении "У розы". Гофман, жестоко высмеивавший гротескно-анахроническую призрачность герцогского "двора", поначалу желавший только одного – сделать искусство главным смыслом своей жизни, – становится в этом обществе не просто аутсайдером, но его злым, порою циничным, однако же весьма точным наблюдателем. Вокруг него вскоре образовался кружок интересных людей. Среди них был виноторговец Карл Фридрих Кунц, ставший затем его первым издателем и после смерти Гофмана написавший о нем читающиеся как роман воспоминания, врач Адальберт Фридрих Маркус и Фридрих Шпейер, познакомившие будущего автора "Магнетизера" и "Эликсиров сатаны" с явлениями сомнамбулизма и магнетизма. И все-таки Гофман оставался непонятым: бамбержцы не подозревали, с кем сживали они за одним столом. Однако годы жизни в Бамберге были решающими для автора "Фантазий в манере Калло", вообще для развития Гофмана как писателя. Здесь, в Бамберге, он понял, что именно слово раскрывает перед ним возможности выразить любовь и презрение, свой причудливый юмор, все свое существо, все то, что глубоко его затрагивало.

ИЗ ПИСЕМ ЮЛИУСУ ЭДУАРДУ ХИТЦИГУ

1 января 1809 г. Мой приезд в Бамберг сопровождался некоторыми довольно неприятными событиями, но самым скверным было то, что положение в театре оказалось совершенно иным, нежели я предполагал, доверяясь письмам графа фон Содена. Соден передал не только режиссуру, но и вообще все дела некоему Генриху Куно, сам же переехал в Вюрцбург. Сей Г. К. – невежественный высокомерный ветрогон, действовавший поначалу столь необдуманно, что теперь театр готов развалиться, публика между тем не желает более терпеть безобразия, которые творятся в здешнем театральном деле. Можете представить, сколь мало могу я быть полезен в таких условиях, несмотря на искреннюю мою любовь к подлинному искусству, на все мои идеи и планы; вряд ли я сумею довести все это хоть до какой-то степени совершенства. По этой же причине вот уже два месяца я совсем не занимаюсь капельмейстерскими обязанностями, лишь сочиняю случайные вещи вроде маршей и хоров в пьесах, за что мне причитается 30 флоринов в месяц, которых я ни разу не получил, ибо из-за безграничной безалаберности директора театральная касса все время пребывает в самом жалком состоянии. Нынешнее мое положение неприятно мне тем более, что в Бамберге имеется публика, о которой может

лишь мечтать театральный директор, сочетающий в себе подлинную образованность со вкусом и талантом. Если бы как следует поставили "Веселых музыкантов", они бы здесь имели большой успех, но об этом подробнее после! Теперь о вещах более приятных. Я был тут совсем одинок, поскольку Соден в Вюрцбурге, а единственный человек, которому меня рекомендовали, – президент граф фон Зекендорф – обо мне вовсе не беспокоился. А между тем волею счастливого случая уже на второй месяц своего пребывания здесь я получил известность у лучшей части публики. Во главе этого общества находится генеральный комиссар барон фон Штенгель, человек исключительно гуманный и прекрасно разбирающийся в искусстве. Можете себе представить мое удивление, когда при первом же визите, который я ему нанес, он настолько углубился в теорию музыки, что мне показалось, будто я беседую с хорошим капельмейстером; скоро мне удалось проявить свои музыкальные познания, и я получил доступ в лучшие дома в качестве учителя пения, теперь жизнь моя по крайней мере обеспечена, ибо платят мне хорошо и аккуратно. Как радостно было мне обнаружить здесь, в южной Германии, столь сильную восприимчивость ко всему истинно прекрасному. Повсюду, куда я вхож, имя Тика в большом почете, да и у нашего друга Вернера в этом городе есть свои почитатели; в доме графини Ротенхан, где я обучаю пению *пятерых* дочерей, наткнулся на издание "Аттилы" (можете представить себе, с каким смешанным чувством). Когда я упомянул о своих отношениях с Вернером, пришлось рассказать все, что я только знал о его прежней жизни и нынешнем развитии таланта. На следующий день я продемонстрировал свой карандашный набросок и сказал: вот так он выглядит. Портрет сразу же привлек внимание, сейчас его как раз перерисовывает графиня Габриэла, милая шестнадцатилетняя девушка. Если здешний театр вовсе прекратит свое существование, то уроками и сочинением музыки я все-таки смогу заработать на пропитание и не покину прекрасный Бамберг до тех пор, пока не найду постоянной работы в каком-нибудь княжеском или королевском оркестре – подобная перспектива, быть может, откроется (в этом уверяют меня здешние мои благожелатели). Между прочим (смейтесь надо мною вволю, дорогой друг!), я написал стихи для здешнего театра. Дело обстояло так. Здесь находится дочь герцога Баварского, принцесса Невшательская (ее муж, как известно, в Испании). Господин Куно решил отпраздновать в театре день ее имени и поручил мне сочинить пролог. Я набросал в общем-то довольно сентиментальную вещицу, сочинил столь же чувствительную музыку, ее исполнили, там было все: звуки рога, раскаты эха, горы, реки, мостики, деревья, вырезан-

ные инициалы, цветы, венки — публике понравилось необычайно, и в знак исключительной благосклонности я получил от принцессы-матери 30 каролинов за доставленное удовольствие,

"Дело с концом! Ваш покорный слуга!"

Bernier.
Poète de l'école des Nuits

коих мне с избытком хватило для того, чтобы стать на ноги. При одном из пассажей пролога – "Я шла – летела – пала ей в объятия!" (необычайно красивая градация) – в герцогской ложе со слезами умиления обнимались мать с дочерью, публика при этом аплодировала довольно иронически; но потом пролог понравился и публике, его представления жаждали и на следующий день; герцогские особы появились в ложе и вновь при том же пассаже обнялись с неподдельными рыданиями, по поводу чего публика выразила свой восторг многократными аплодисментами. Мне казалось, в тот момент целое – театр и публика – удивительно слились в *одном* порыве, отчего сразу исчезло досадное противостояние исполнителей и зрителей; душа моя ликовала, хотя тогда я еще не получил своих 30 каролинов, лишь несколько милостивых взглядов вниз, в сторону оркестра. Теперь я некоторым образом имею доступ ко двору, пою в концерте и собираюсь обучать пению супругу герцога Пия, как только она избавится от катара, который обыкновенно случается с нею (так уверяет гофмаршал) в середине марта, когда их светлость изволят принимать на террасе чуть меньше солнечных лучей. <...>

25 мая 1809 г. Не сердитесь за долгое молчание, ибо наряду с известной леностью к писанию писем, которая, должен признаться, присуща мне издавна, я живу нынче в состоянии исключительной занятости, время летит, мне недостает досуга, чтоб подробно, как того хотелось, рассказать друзьям обо всем. Гнусная война вновь принесла много потерь и разрушила большую часть планов и надежд. Еще когда французы и австрийцы подходили к городу, всех охватил ужас, многие из знатнейших здешних семейств с герцогским домом во главе покинули город и до сих пор не вернулись. Из-за этого не состоялись мои уроки пения, я лишился многих учеников. Добавьте к этому, что мне не уплатили театральное жалованье, и Вы представите себе, сколь трудно было мне продержаться. А между тем дела мои должны наладиться и уже налаживаются. Именно теперь или никогда вправе я создать свой "Relatio ex actis" *, устранив тем самым первопричину всех бед. Нынче все спокойно, мы живем как будто бы в условиях полного мира, и это позволяет надеяться, что положение мое станет лучше. Для этого нужно немного, жизнь здесь сравнительно недорога, я такого и представить прежде не мог. Вообще я очень доволен нынешним своим местопребыванием. Здесь все словно создано для спокойной, уеди-

Захария Вернер, читающий
Гофману свою драму "Сыны
долины"

* Документальный отчет (лат.).

ненной творческой жизни, позволяющей отойти от театра, начало же литературной карьеры открывает передо мной весьма приятные перспективы. Несколько слов и о том, и о другом! Что касается театра, то здесь все произошло революционным путем, вполне в духе времени, всевозможные этапы пройдены были с беспримерной быстротой. Еще в феврале господин Куно заявил обществу, что он неплатежеспособен и вынужден оставить театр. Общество во главе с драматическим режиссером, господином Опелем, воспротивилось подобным действиям, дошло до судебного разбирательства, вынудившего честного господина директора продолжать спектакли, предоставив заведовать кассой выборному общественному комитету. Можете представить, что и от этого толку было мало. Все опять было близко к краху, теперь уже выступили трое главных кредиторов господина Куно и повели такие речи: необходимо во что бы то ни стало спасти господина Куно и его театр, ибо только так сможем мы вернуть свои деньги, поэтому управление мы берем на себя, гарантируя всем жалованье в течение лета за вычетом 30 процентов. Бедные актеры и Ваш друг-капельмейстер согласились в несчастливое время, когда победу одерживают большие оперы с неперемными приезжими знаменитостями, и все завертелось по-новому. Новые директора между тем проявили свою сущность вполне: скряжничали и скопидомничали, позволяли себе несурзные выходки, грубость, в результате те, кто мог заработать на жизнь иным путем, ушли из театра, в том числе и я. Мой контракт, в котором, к счастью, есть оговорка насчет предупреждения о расторжении договора за шесть недель, истек в прошлый понедельник, и от моей театральной карьеры не осталось ничего, кроме звания капельмейстера, которое я намерен сохранить и в будущем. Новая дирекция состоит из кондитера, винодела и еврея, торгующего шелком!! А чтобы Вы получили представление о духе, который царит ныне в театре, прилагаю экземпляр афиши с декорациями к "Чертовой мельнице".

Что касается моей литературно-художественной карьеры, то здесь сделан новый шаг: редакция лейпцигской "Музыкалише цайтунг" торжественно (за) ангажировала меня своим сотрудничеством. Это, естественно, пусть останется между нами. Вы сможете прочесть мой дебют в № 20 (ni fallor *) в феврале sub titulo ** "Кавалер Глюк"; это сочинение Вам кое в чем покажется странным, Вы заметили, наверно, что отдельные места Рохлиц исправил по-своему; я позволил это сделать, хоть мне и было непри-

* Если не ошибаюсь (лат.).

** Под названием (лат.).

ятно. Остальные мои работы – рецензии практического характера, которые Вас вряд ли заинтересуют. Если в будущем Вам случайно попадетса сочинение об оперных партитурах, то обратите внимание на него. Что же до моей практической работы, то есть сочинения музыки, – лишь сейчас я могу по-настоящему заняться ею, до сих пор я был вынужден не *сочинять*, но *марать музыку*, к примеру аллегорические балеты pp., отнимавшие у меня время и охоту...

АМЕЛИЯ ГОДЕН

Воспоминания об Э. Т. А. Гофмане

Отец мой как врач переживал немалые трудности с этим своенравнейшим пациентом, который, страдая спазмами желудка, пытался лечить их по собственному почину ромом и коньяком, не забывая при этом, однако, жаловаться доктору на плохое самочувствие. В ответ на угрозу выставить его за дверь он давал клятвенные обещания впредь придерживаться врачебных предписаний и просил избавить его от повышенной нервозности, после чего опять все шло по-старому. Его повышенная экзальтированность проявлялась в приступах подлинного отчаяния, если случалось нечто, вызывающее его неудовольствие. По обыкновению он решительно восставал против всего, что было ему противно, и в состоянии подобной необходимой обороны, как сам он ее называл, мог делаться весьма грубым и насмешливым. Вообще, все, кто мешал ему, становились его врагами; те же, кто, в довершение всего, пел или музицировал поблизости от его дома, становились врагами смертельными. Он легко приходил в ярость и тогда принимался жаловаться на людей и судьбу – впрочем, на свой собственный лад, ибо то, что другой считал бы настоящим злым роком – потерю из-за войны должности советника и последовавшую за этим нужду, – для Гофмана было всего лишь шуткой судьбы, притом весьма удачной шуткой, ведь этот путь привел его к давно желанной профессии музыканта. Здесь ощущал он единственную здоровую струю в своем бытии; уже то, как говорил он о своем прежнем существовании "бумажного человека", уже сами эти слова, насмешливо слетавшие с губ, ясно давали понять, что даже нынешнее жалкое состояние бамбергского театра, где он служил капельмейстером, представлялось ему неизмеримо выше его прошлого.

Не столь уж частые встречи врача со строптивым пациентом превратились в постоянное дружеское общение. Отец мой, будучи тогда еще холостяком, любил вечерами просиживать

Сцена из новеллы "Враг музыки"

у Кауэра, хозяина заведения "У розы", отдыхая после утомительной дневной практики. В этом ресторанчике за столом для завсегдатаев блистал и искрился ум Гофмана, воспаляя других, словно электричеством. Его необыкновенно живые и остроумные шутки не ограничивались словом; нередкое применение находил и его дар рисовать забавные карикатуры при помощи всего нескольких штрихов, дар, сыгравший роковую роль в его судьбе и давший повод для перевода его из Берлина в прибалтийские провинции. Иные наброски мелом достойны

были увековечения, однако их приходилось смывать губкой со стола, за которым сидели веселые кутилы. Как часто потом многие вспоминали те незабываемые вечера! Когда уже взрослой девушкой я танцевала на балах гармонического общества в том же самом доме, у того же самого хозяина, я часто слышала о "временах Гофмана", которые, наверное, полны были для мужчин неопределенной притягательной силы, исходящей от стакана с благородной влагой и от приятной компании, собравшейся за столом. Сия притягательная сила выростала до подлинно высокого наслаждения благодаря центру, от которого исходили яркие лучи.

Летом отец мой нередко встречался с Гофманом в Альтенбурге, развалинах замка неподалеку от города, где с высоты открывался вид на один из самых красивых и веселых ландшафтов в Германии. У замка, получившего свое название еще в VIII веке, была богатая история: в конце XVIII столетия он перешел в частное владение к архиепископу Карлу фон Шенборну, который позже передал его в дар своему лейб-медику Фридриху Маркусу. Маркус сразу велел обсадить старую рыцарскую крепость прекрасными садами и приспособил под жильё обе круглых башни, чтоб самому или с друзьями проводить там летние дни и вечера, когда выдавался досуг. Будучи племянником Маркуса, мой отец нередко встречался там с Гофманом для бесед.

Гофман иногда неделями жил в альтенбургской башне, тогда у него постоянно было творческое настроение. Если он оставлял перо, то брался за кисть; стены башни покрылись фресками из жизни графа Адальберта фон Бабенберга, которому замок обязан был своим вторым именем. Художник-любитель необычайно похоже изобразил там самого себя и некоторых друзей Маркуса в виде рыцарей, берущих в плен Бабенберга. Как живо помню я эти настенные картины, они и до сих пор у меня перед глазами! Прошло уже почти полвека, а в памяти не поблекли ни отдельные образы, ни общее яркое, красочное впечатление. К сожалению, ветер и влага не пощадил бесценных фресок, к тому же около двух лет после смерти Маркуса замок не имел хозяина. А когда он отошел к магистрату, реставрировать фрески было уже слишком поздно.

Маркус питал к Гофману живой интерес, при этом он ни в коей мере не собирался в одиночку наслаждаться искрометным умом своего друга, он ввел его во многие семьи, общение с которыми считал полезным, интересным для Гофмана. Уважаемый всеми, известный врач был вхож повсюду, к его словам и суждениям прислушивались; он умел ломать предубеждения, бороться с тупой кастовой ограниченностью тех, кто считал

главным условием приема в высшем обществе не личные качества человека, но его положение. Как бы то ни было, среди публики имела хождение вполне достоверная легенда, будто имя Гофмана прежде числилось в чиновничьем календаре и он даже был советником; однако в Бамберге в нем привыкли видеть неимущего капельмейстера городского театра, находящегося к тому же в весьма плачевном состоянии. Потом, когда театр и вовсе потерпел финансовый крах, на Гофмана смотрели лишь как на учителя музыки, рисовальщика декораций, литератора. Кому могло прийти в голову, что следует опасаться языка этого маленького человечка, вечно ходившего в одном и том же поношенном, хотя и хорошего покроя, фраке коричнево-каштанового цвета, редко расстававшегося даже на улице с короткой трубкой, из которой он выпускал густые облака дыма, жившего в крошечной комнатенке и обладавшего при этом столь саркастическим юмором? Кто из этих светлостей и сиятельств додумался бы пригласить к себе подобный человеческий экземпляр, если бы благожелательный Маркус не отворил ему многие двери? Увидевший с самого начала знакомства незаурядность Гофмана, Маркус считал необходимым хоть немного вознаградить

*Королю целуют руку, присягая
на верность*

друга за тысячи мучений, которые испытывал он из-за бездарности учеников и учениц, из-за мелочного отношения к его любимому, великому искусству.

КАРЛ ФРИДРИХ КУНЦ

В ресторане "У розы"

Эти вечера по праву можно назвать предшественниками знаменитых вечеров в Берлине в заведении Лютгера и Вегнера, о которых повествует нам Хитциг, – и здесь, и там хозяин получал изрядный доход. И по нынешний день владелец ресторана "У розы" господин Кауэр благодарно вспоминает Гофмана: не будь тот его посетителем, он был бы теперь беднее на много тысяч гульденов, ведь само присутствие Гофмана неизменно притягивало сюда многих посетителей. Без преувеличения можно сказать, что за один вечер, ежели на нем присутствовал Гофман (еще в обед к нему посылали узнать об этом), несколько десятков гостей выпивали больше, чем целое гармоническое общество, помещавшееся в том же заведении (где пребывают и по сей день), со всеми его зваными вечерами и балами. Гофман веселился, немало потешаясь над обществом, которое, поглощая жирных каплунов во время своих званых обедов, кормило других обещаниями (говоря шекспировским слогом) и слишком многого требовало от хозяина, никак не поддерживая его материально. <...>

Гофман редко пьянел, сколько бы ни пил на этих пирушках... Да и то это случалось лишь тогда, когда его хорошее настроение было чем-то испорчено, например если за столом оказывался кто-нибудь из тех, кто, как он говорил, прозаически продал душу дьяволу, либо из тех, что продолжали чинно сидеть либо глуповато улыбались, не понимая шутки, даже когда он рассказывал какую-нибудь очень смешную историю и общество раздражалось безудержным смехом. На таких он сердился, нередко даже приходил в ярость, и лишь тогда умерял свой пыл, когда я, неизменно восседая рядом с ним, несколько раз привычно наступал ему на ногу. Но совсем успокоиться он не мог и нередко в отместку громко задавал мне вопрос, который достаточно хорошо был слышен и тому, кого имели в виду: "Что вы думаете, дорогой, о глупости? (При этом он бросал недвусмысленный взгляд на того, кого это касалось.) Что касается меня, то я от нее без ума". Обычно это помогало; в иных случаях требовалась большая доза словесного пороха, например: "Вы полагаете (громко), что за столом, где сидит множество умных и веселых людей, найдется место и пошлым,

поверхностным педантам (любимые словечки Гофмана)?" Зачастую этого заряда было достаточно, и тот, кого имели в виду, либо исправлял свою ошибку, либо откланивался.

Яростные вспышки гнева случились у него за все время лишь несколько раз, тогда он был сильно расстроен, причем его намеки на того или иного неприятного человека не достигли цели – в таких случаях он несколько приподнимался со стула, стучал рукой по тарелке и вполголоса, но все же достаточно слышно говорил как бы про себя, водя вилкой по тарелке: "Дражайший, вы, справа в углу, вы даже не представляете, как я вас почитаю, хоть вы и осел; однако не окажете ли вы мне бесконечную любезность и не будете ли столь добры удалиться!" Это, конечно, оказывало действие, и несколько раз я наблюдал почти электрический эффект от подобного удара обухом.

КАРЛ ФРИДРИХ КУНЦ

Домашняя жизнь Гофмана

За время пребывания в Бамберге Гофман лишь однажды сменил квартиру, заняв через несколько лет *ту* единственную, в которой прожил все оставшееся время. Множество приезжих, интересующихся нашим другом, неизменно просят проводить их туда, дабы хоть снаружи осмотреть комнату, в которой Крейслер – Гофман жил, сочинял музыку, писал свои литературные произведения, фантазировал; чтобы увидеть окошко, из которого гениальный жилец ежедневно обозревал окрестности и справлялся о погоде, с наслаждением покуривая трубку.

Квартира эта находится на театральной площади, прямо против театра. Владелец маленького, тесного, но приветливого домика жив до сих пор. Это придворный музыкант Вармут, вышедший давно на пенсию. Он занимает комнатку *partette* *, *dito* ** наверху живет его семья, а над ними обитал наш друг со своей супругой. Взглядам приезжих открывается чердачное окошко. Там была спальня Гофмана. Хотя жилище немного тесновато, здесь вполне удобно и уютно, к тому же Гофман всегда жил в мирных и добрых отношениях с хозяевами. Во многих письмах ко мне он вспоминал о них с уважением и любовью.

Когда я заходил к нему, крошечная комнатка нередко

* В нижнем этаже (*франц.*).

** Там же (*франц.*).

давала повод для забавных фантазий, особенно привлекала Гофмана четырехугольная дыра в потолке, шириной примерно в два фута, своего рода окошко в верхнюю спальню. О ней он рассказывал удивительные вещи.

Владелец дома собирался заделать дыру, отнюдь не украсившую, по его мнению, комнатку, однако Гофман воспротивился – тогда исчез бы повод для всевозможных шуток. Дыра служила не только для переговоров с женой, когда он, к примеру, был в спальне, а жена внизу, но и для разных смешных сюрпризов вроде свешивающегося вниз длинного полотенца или нечаянно сброшенной пары сапог.

Насколько покойно чувствовал себя всегда наш герой в доме, настолько мешало ему и раздражало окружение, я нередко бывал свидетелем того, как он злился.

Летом особенно, когда окна были распахнуты, ему мешал работать шум на площади, но больше всего – скверно музицирующие соседи; выходя из себя, он отшвыривал перо в сторону и убегал из дома в рощу Терезиенхайн, расположенную поблизости. <...>

Жизнь Гофмана с женою можно было бы назвать счастливой, по крайней мере никакие раздоры не нарушали семейного мира.

Она была проста, скромна, непритязательна и добродушна, терпелива и уступчива при неожиданных переменах его настроения; она не была близка ему духовно – но этого и не требовалось для его домашнего счастья, поскольку он терпеть не мог ученых женщин. Но следовало бы упомянуть еще об одной особенности Гофмана...

Дело в том, что всюду он старался представить свою жену как исключительно остроумную, начитанную и критически образованную женщину – мне он в первую очередь и самыми разными способами старался внушить это. Поговорив с нею четверть часа, можно было убедиться, что это не совсем так, но Гофмана нельзя было уязвить сильнее, нежели дав понять ему, что друзья не разделяют его мнения на сей счет.

В самом деле, порой это бывало просто невыносимо, он пытался всячески провести свою навязчивую идею, *заставив* друзей поверить в свою жену как в этакое ученое, критически мыслящее евангелие. В частых наших беседах и спорах на литературные темы его главный рефрен в случае несовпадения мнений был: "Довольно, моя жена думает точно так же" или "У нас с женой мнения об этой книге совпадают". Спор обычно тем и заканчивался.

Порою приходилось проявлять исключительное терпение, щадя его, не обращая внимания на надменность, что, признаюсь, бывало нелегко...

Помимо часов, посвященных работе, Гофман не так уж много

времени проводил в обществе жены, зато любил брать ее с собою на загородные прогулки или отправляясь вечером ко мне.

Я мог бы живописать благосклонному читателю немало таких вечеров, особенно зимою. Замечу лишь, что до ужина мы по обыкновению читали вслух, а после за пуншем вели оживленные беседы далеко за полночь.

О вечерах, которые мы проводили не дома, а в ресторане "У розы", читатель уже получил представление.

Живя в Бамберге, наш друг по-настоящему никогда не болел, не лежал в постели; временами он страдал сильными желудочными спазмами, от которых излечивался сам — хотя и при помощи довольно опасного средства, — выпивая через короткие промежутки времени изрядные порции коньяка, рома или арака, и редко случалось, чтобы спазмы продолжались более одного дня. Его врач и друг, доктор Шпейер, предостерегал от подобного лечения, которое легко могло вызвать катар желудка, но напрасно! Гофман обычно ссылался на Фридриха Великого, которому пытались внушить, будто крепкий кофе подобен яду, однако тот остался при своем и, к тому же в изобилии потребляя пряности, дожил до преклонных лет.

Den 14 März 1808

Zugabe von dem Komponisten selbst. Von Goethe geschrieben mit C. Schindler in Meidels in Leipzig den 15. März 1808

Музыкальное царство духов

Здесь, в Бамберге, Э. Т. А. Гофман все еще чувствовал себя только музыкантом, и музыка была средоточием его помыслов. Не в последнюю очередь проявилось это и в том, что в 1805 году он изменил свое третье имя Вильгельм на Амадей, в честь Моцарта. Вообще Моцарт вместе с Глюком и италья-

янскими композиторами XVIII века были его путеводными звездами. Позже к ним добавились Бетховен и Спонтини. Большое количество произведений, созданных в Бамберге, позволяет сделать вывод, что, завершая собою романтизм в литературе, Гофман стоял у истоков романтизма в музыке. Это и музыка к драматическим спектаклям, балетам, один мизерере, канцонетты и другие музыкальные произведения, мелодрамы ("Дирна", "Саул"), оперы ("Аврора"), хоры и камерная музыка – всего около тридцати двух больших и малых произведений. О том, в какой мере он еще воспринимал тогда свою литературную продукцию как способ выгодного заработка, говорят строки его письма от 29 января 1809 года, где он предоставляет полную свободу сокращений в "Кавалере Глюке" Фридриху Рохлицу, редактору "Альгемайне музикалише цайтунг": "Я бесконечно далек от всякого писательского тщеславия".

Однако именно произведения, написанные для популярной в то время "Альгемайне музикалише цайтунг", ознаменовали приход автора к истинному его призванию – литературе. Свою писательскую карьеру Гофман начал как рецензент музыкальных произведений. Благодаря блестящему анализу сочинений Бетховена, Глюка и многих современников Гофман не только стал одним из основателей немецкой музыкальной эстетики и критики XIX века, но и нашел собственный путь к художественному слову. Это свершилось уже в короткой, мастерски написанной новелле "Кавалер Глюк", которой Гофман начал свою деятельность в газете. Вначале он просто собирался покритиковать музыкальную жизнь Берлина, а также жалкое исполнение Моцарта и Глюка оркестром капельмейстера Бернгарда Ансельма Вебера. Однако писатель сопоставляет современную ему буржуазную действительность с гуманистической перспективой, с высокими требованиями большого искусства, отвергая тем самым эту действительность. Образованные буржуа предстают как презренная чернь в искусстве, недостойно распоряжающаяся великим наследием. Критическая музыкальная сатира превращается в художественное произведение, где буржуазная враждебность искусству воплощена при помощи нового, смелого метода повествования, будучи высвеченной ярким трагическим гротеском.

В "Кавалере Глюке" Гофман-писатель в полную силу проявил художественное мастерство перед читательской публикой своего времени. И все же музыка по-прежнему оставалась для него наиболее желанным из всех искусств. Навсегда покидая в апреле 1813 года город на Регнице, он увозил с собою либретто оперы "Ундина", незадолго до того сочиненное поэтом Фуке.

ИЗ ПИСЕМ ФРИДРИХУ РОХЛИЦУ

12 января 1809 г. (Приложение к "Кавалеру Глюку".) Я осмеливаюсь представить на Ваш суд небольшое сочинение, в основу которого положено истинное происшествие в Берлине: возможно ли принять его к публикации в "Музыкалише цайтунг"? Подобные вещи мне приходилось читать в вышеупомянутом издании, к примеру чрезвычайно интересное сообщение о безумце, умевшем замечательно импровизировать на фортепиано. Быть может, я сумел бы вступить в более тесные отношения с редакцией газеты и иногда присылать ей свои сочинения, а также рецензии на небольшие вещи? Ваша милость исключительно обязали бы меня, если сочли бы для себя возможным заинтересоваться моим предложением и ознакомили бы меня с условиями, на которых это было бы возможно. Основная мысль прилагаемого сочинения безусловно будет верно понята Вашей милостью. <...>

29 января 1809 г. Условия, на которых Вы предлагаете мне сотрудничать в "Музыкалише цайтунг", абсолютно, как я и представлял, соответствуют сути дела и весьма лестны для меня. Симфонии, увертюры, квинтеты, а также фортепианные сонаты, квартеты и трио, из церковной музыки в лучшем случае маленькие мессы – все это я могу здесь слушать довольно часто и в неплохом исполнении, что позволяет выносить суждение с должной основательностью. При этом само собой разумеется, что в случае отсутствия партитуры я обязан записать на слух вызывающие сомнение места. Что же касается сочинений иного рода, то время от времени я позволю себе побеспокоить Вас вопросом насчет избранного мною предмета, хотя, конечно, никогда и не подумаю выразить неудовольствие, если редакция откажется принять что-либо из моих вещей. Позволю себе заметить, что, к примеру, отдельные неудачные предложения насколько не должны препятствовать восприятию целого – их я попрошу Вас вычеркивать не церемонясь. Вообще буду Вам благодарен, досточтимый господин надворный советник, если Вы внимательно отнесетесь к моим сочинениям, сократив все длинноты, как Вы это теперь уже делаете с "Кавалером Глюком" – моя рукопись в результате только выиграет. Я бесконечно далек от всякого писательского тщеславия и склонен думать о любом художнике только хорошее, если сразу же отчетливо не выявится противоположное. Достойный осуждения выпад против Вебера вызвала во мне лишь глубокая досада, которую испытал я в Берлине, видя, как издеваются над возвышенными шедеврами Моцарта в театре и слыша о них столь пошлые суждения, будто речь шла об эскизах начинающего. <...>

ИЗ РЕЦЕНЗИИ ГОФМАНА

"Симфония № 5 в с-молл Людвига ван Бетховена"

Перед рецензентом одно из важнейших произведений мастера, инструментальные сочинения которого, бесспорно, занимают ныне первое место; рецензент полностью увлечен предметом своего повествования и надеется, что ему не поставят в упрек, если, преступая обычные границы оценки, он постарается выразить словами чувства, переполняющие его душу.

Говоря о музыке как самостоятельном виде искусства, следует иметь в виду только инструментальную музыку — пренебрегая любой помощью, любой примесью другого искусства, она во всей чистоте выражает неповторимую сущность данного вида искусства, обнаруживаемую лишь в ней одной. Она — самое романтическое из всех искусств, можно сказать; почти *чисто* романтическое. Лира Орфея отворила врата царства теней. Музыка раскрывает пред человеком неведомое царство; мир, не имеющий ничего общего с чувственным миром, окружающим нас, — здесь человек отбрасывает конкретные чувства, чтобы отнестись невыразимому. Как мало понимали эту особую сущность музыки *те* композиторы, что пытались изобразить эти поддающиеся определению чувства или даже события, подходя с пластическими мерками к искусству, по сути своей совершенно противоположному пластике! Такого рода симфонии Диттерсдорфа, равно как и новейшие *Batailles des trois empereurs* * etc. **, достойны полного забвения как нелепые ошибки. В хоре, где соответствующая поэзия словами выражает те ли иные страсти, магическая сила музыки действует подобно волшебному эликсиру, несколько капель которого придают любому напитку изысканное великолепие. Страсть, воплощенную в опере, — любовь, ненависть, гнев, отчаяние, etc. — музыка облекает пурпурным сиянием романтизма, и даже то, что мы воспринимаем из самой жизни, уводит нас в царство бесконечного. Волшебная сила музыки столь велика, что, воздействуя на нас все мощнее, она способна разорвать узы любого другого искусства.

И конечно, не только расширением выразительных возможностей (совершенствованием инструментов, ростом мастерства музыкантов), но и более глубоким, проникновенным познанием сущности музыки объясняется тот пьедестал, на который гениальные композиторы вознесли ныне инструментальную музыку. Гайдн и Моцарт, творцы новой музыки, впервые пока-

* Битвы трех императоров
(франц.).

** И так далее (лат.).

зали нам ее во всем великолепии, но кто любил ее сильнее всех и проник в сокровеннейшую ее суть, так это Бетховен. Инструментальные сочинения всех трех мастеров дышат единым романтическим духом, проистекающим из глубокого понимания сущности искусства; однако сам характер их произведений заметно различается.

У Гайдна преобладает веселый, детский нрав. Его симфония уводит нас в необозримые зеленые дубравы, в пеструю, веселую толпу счастливых людей. Юноши и девушки проплывают в хороводах; смеющиеся дети, прячась за деревьями и кустами роз, шаловливо бросаются цветами. Жизнь, полная любви и блаженства, до первородного греха, вечная юность; ни страданий, ни боли, лишь сладостное, меланхолическое томление по любимому образу, парящему вдали, в блеске вечерней зари, не приближаясь, но и не исчезая, и, пока все так, ночь не придет, потому что сама она – вечерняя зоря, пламенем которой освещены и горы, и дубравы.

В глубины царства духов уводит нас Моцарт. Нами овладевает страх, но это страх без муки, он лишь предчувствие бесконечного. Любовь и грусть слышатся в милых голосах, ночь царства духов исчезает в светлом пурпурном блеске зари, и в невыразимой тоске мы устремляемся за образами, манящими нас к себе, в вечный хоровод облаков, в иные сферы. (Вспомните симфонию Моцарта в Es-Dur, известную под названием "Лебединая песнь".)

И музыка Бетховена открывает перед нами царство необъятного неизвестного. Раскаленные лучи пронизывают глубокую ночь, и мы замечаем огромные тени, колеблющиеся вверх и вниз, все теснее смыкающиеся вокруг нас и изгоняющие из души все, кроме бесконечной тоски. Желание, стремящееся ввысь в ликующих звуках, вдруг низвергается в глубины и пропадает совсем, а мы, охваченные восторгом духовидцы, продолжаем жить в музыке, которая вбирает нас в себя, не разрушая любви, надежды, радости, теснящих нам грудь полногласной гармонией страстей.

Вкус к романтике редок в наши дни, еще реже романтический талант; поэтому лишь немногие владеют ныне той лирой, что уводит в дивное царство бесконечного. Гайдн романтически изображает человеческое в повседневной жизни; он вполне понятен большинству. Моцарт обращается к сверхчеловеческому, чудесному, живущему в глубине души. Музыка Бетховена пробуждает благоговение, страх, ужас, боль – ту тоску по бесконечности, что составляет сущность романтизма. Бетховен – композитор чисто романтический (а потому истинно музыкальный), вот отчего, наверное, вокальная музыка, не допускающая

неопределенной тоски, требующая лишь страстей, обозначенных словами, однако изображенных так, будто они тоже из царства бесконечного, ему удается менее, инструментальная же его музыка редко нравится толпе. Именно толпа, не понимающая всей глубины Бетховена, не отказывает ему в высокой степени фантазии; напротив, обычно в его произведениях видят лишь создания гения, который, не заботясь о форме и выборе содержания, предался пылу сиюминутного воображения. Между тем продуманность его произведений столь же глубока, как у Гайдна и Моцарта. Он отделяет свое "я" от царства звуков в душе, он повелевает им как безраздельный властелин. Подобно тому как геометры от эстетики нередко жаловались на полное отсутствие истинного единства и внутренней взаимосвязанности у Шекспира, где лишь углубленному взору открывается прекрасное древо, почки, листья, соцветия и плоды которого произошли от единого ростка, точно так же лишь вдумчивое проникновение во внутреннюю структуру бетховенской музыки открывает нам всю глубину мысли мастера, присущую подлинному гению и питающуюся постоянным изучением своего предмета. Глубоко в душе Бетховен романтик, и этот романтизм он выражает в своих произведениях с настоящей гениальностью и силой мысли. Рецензент нигде не ощущал это сильнее, чем в данной симфонии, которая более всех других раскрывает романтизм Бетховена благодаря непрерывному нарастанию до самого финала, неотвратимо влекущего слушателя в волшебное царство бесконечного. <...>

КАРЛ ФРИДРИХ КУНЦ

Э. Т. А. Гофман и "Дон Жуан" Моцарта

К произведениям, особенно любимым нашим другом, принадлежал "Дон Жуан", эта лучшая из опер, которую ставили часто и с высокой степенью совершенства.

Я согласен был с ним, что в смысле игры Гольбейн является лучшим Дон Жуаном из всех, кого мы когда-либо видели, что он превосходит даже Бешорта. Нельзя представить себе более точного понимания этого характера; никто еще не изображал его с таким искусством, такой грацией движений, такой благородной осанкой, выдержанной от начала до конца. Гофман не отрицал, что, когда он работал над своим "Дон Жуаном", перед его внутренним взором неизменно стоял образ Гольбейна, как, впрочем, его Юлия при обрисовке донны Анны.

Его почитание этой оперы порой переходило границы разум-

ной оценки, а иногда и вообще пределы фантазии. Никогда не забуду, какой поток слов обрушил он на меня, уговаривая пойти на представление оперы, я же полон был глубочайшей скорби, пережив несколько дней назад смерть ребенка. Друг, все утешающие слова которого не оказывали на меня никакого действия, уверял, что единственное средство хоть на время отрешиться от скорби – пойти с ним на спектакль. Весь день я отказывался. Вечером, когда приблизилось начало представления, он произнес: "Друг, непременно приходите; пусть мне не суждено будет никогда больше переступить порог вашего дома, пусть вы не увидите меня больше, если – я ведь вас хорошо знаю – благодаря божественной музыке бессмертного мастера хотя и не забудете вашу скорбь, но на несколько часов испытаете облегчение и просветление. Приходите – я не осмеливался бы звать вас ни на какую другую оперу в мире, но здесь я уверен в своих словах. Приходите!" И поскольку я все еще раздумывал, как поступить, он взял меня за руку и потащил за собой.

По пути он размышлял о возвышенной красоте, о самых волнующих моментах великого произведения, связывая это с моей утратой, и все так поэтично, что, запиши он тогда эти слова, они, вероятно, были бы лучшим из сказанного им о музыке.

Увертюра началась; друг, сидевший рядом со мною, изо всех сил старался передать мне чувства, переполнявшие его, то жестом, то словом, указать на самые высокие моменты – глаза его были полны слез. Я хорошо понимал его и признаюсь, эта божественная музыка оказала на меня большее воздействие, чем все доводы разума, все слова утешения!

Тот вечер я вовеки не забуду; никогда столь ясно я не видел, с какой высокой, священной серьезностью предан был Гофман искусству музыки: оно одно жило в нем и было евангелием его души, говорило его устами, завораживало.

ПИСЬМО ЮЛИУСУ ЭДУАРДУ ХИТЦИГУ

15 августа 1812 г. Ваше недавнее письмо, известие о Фуке и "Ундине" вызвало во мне поистине детскую радость. С письмом в кармане обежал я всех друзей, и господин Кунц поднял бокал с благороднейшим рейнским вином за мой союз с Фуке, за объединившее нас произведение искусства. Я осел, если не сочиню достойной музыки, и пусть тогда от меня отвернутся все доброжелатели, все друзья. Как должен я благодарить Вас, милый, дражайший друг, за все Ваши хлопоты! Я в полной мере чувствую, какое редкое счастье выпало мне на долю: сам Фуке пишет

либретто к моей музыке! Посылаю Вам открытое письмо к нему, а также план будущей оперы. Смею просить Вас доказать ему (Фуке, не плану оперы), что в оперных сюжетах непременно должна преобладать сжатая краткость. Не осмеливаюсь ничего утверждать категорично, дабы не показаться самонадеянным. Впрочем, его стихи так музыкальны, что само переложение на музыку нисколько меня не беспокоит; если у него есть сомнения насчет терцетов, квартетов pp., то для ориентировки лучше всего обратиться к любому оперному либретто Шиканедера, именно этот homuncio * быстрее других сообразил, что в данной форме более всего требуется композитору...

ПИСЬМО БАРОНУ ФРИДРИХУ ДЕ ЛА МОТТУ ФУКЕ

(с наброском либретто оперы "Ундина")

15 августа 1812 г. Под счастливой звездой оказались ныне мои музыкальные опыты, ибо, как меня уверяет друг мой Хитциг, Вы сами, господин барон, намерены переработать свою великолепную, задушевную "Ундину" для моего музыкального сочинения. Не могу передать словами, насколько я прочувствовал всей душой истинную сущность романтических персонажей этой повести. Ундина, Кюлеборн pp. еще при чтении воплощались в звуки в моем сознании, и я полагаю, что в какой-то мере постиг их, проникнув в таинственную их природу, полную чудес. Убеждение, что "Ундина" предлагает готовый материал для оперы, было, таким образом, не плодом раздумий, оно проистекает из самой сущности произведения. Вы, господин Фуке, попросили представить Вам подробный план оперы, и в первую очередь ход исторического ее движения в моем понимании. Исключительно Ваше желание подвигло меня написать сие приложение, сцена за сценой воспроизводящее ход событий и передающее общее музыкальное движение. Думаю, излишне уверять Вас в том, сколь далек я от мысли ограничивать великолепного поэта: да позволено мне будет лишь заметить, что если некоторые события окажутся опущенными из-за невозможности охватить все в рамках сцены, если покажется, что некоторые нюансы утрачены, то музыка, назначение которой – раскрыть перед человеком таинственное духовное царство романтизма, поможет все это восполнить при помощи чудных звуков и аккордов. Во сне и наяву вижу и слышу я прелестную Ундину, неутомонного Кюлеборна, блестящего Гульдбранда

* Человек, человечиска (*лат.*).

pp.; надеюсь, Вы простите меня, господин барон, за настоящую просьбу побыстрее прислать мне либретто – она объясняется нетерпеливым желанием поскорее начать сочинять музыку.

Театральное призвание Э. Т. А. Гофмана

Гофман решительно вмешивался в создание либретто "Ундины". Поэту Фуке он давал важные советы, касающиеся драматургической эффективности действия, постоянно ссылаясь при этом на пример Эмануэля Шиканедера, написавшего текст к "Волшебной флейте" Моцарта. Немногие немецкие поэты того времени были так знакомы с миром театра, как Э.Т.А.Гофман. Поначалу это даже удивляет: ведь сам он почти ничего – за исключением опер – не писал для сцены. Еще в молодые годы – в Берлине и Варшаве – Гофман близок был к театру и изучил его сложный организм. Поэтому вскоре после своего приезда в Бамберг он разглядел бесхозность Куно и сразу же отошел от опустившегося балагана.

Звездный час для театрального призвания Гофмана наступил осенью 1810 года, когда управление бамбергским театром взял на себя Франц фон Гольбейн; писатель знал его еще со времен своего первого пребывания в Берлине. Гольбейн, сам будучи видным актером и певцом, одним из наиболее выдающихся исполнителей роли моцартовского Дон Жуана, предложил Гофману занять пост помощника директора, режиссера, заведующего репертуаром, оформителя сцены и художника по декорациям; здесь уж могла проявиться вся многогранность его таланта. Целыми днями Гофман неутомимо репетировал с актерами, применяя новые методы режиссуры, о которых позднее рассказал в "Необыкновенных страданиях одного директора театров". После спектаклей он нередко трудился еще над декорациями, которые, судя по свидетельствам современников, – особенно в пьесах Кальдерона – достигали высокой степени

*Гравюра на дереве неизвестного
художника, 1819 год*

сценического воздействия. Еще важнее было влияние Гофмана на репертуар; театр не уступал теперь по этой части ведущим немецким театрам, к примеру берлинским и веймарскому. Первейшей заслугой Гофмана стало открытие Кальдерона для бамбергского театра; он ничего не знал тогда о гётевских опытах в Веймаре, посвященных великому испанцу. Одним из первых среди деятелей немецкого театра он понял значение Клейста. Так, 1 сентября 1811 года, за несколько дней до самоубийства поэта, он поставил на сцене "Кетхен из Гейльбронна", правда, к глубокому своему огорчению, в обработке Гольбейна. Умело составляя репертуар, он пытался отвлечь публику от безвкусных пьес Коцебу, Мюльнера и Юлиуса фон Фосса, которые ставились тогда чаще других, заложить основание немецкого национального театра.

Из гофмановских театральных заметок и новелл, немислимых без опыта, накопленного на бамбергской сцене, можно было бы составить своего рода краткий курс драматургии. Со знанием дела отдавался Гофман разным сторонам своего театрального призвания – он занимался формированием вкуса у театральной публики и созданием репертуара, распределением ролей, проблемами постановки, выдвинул даже требование "думающего актера". При этом работа в бамбергском театре отнюдь не была для неимущего капельмейстера лишь средством обеспечения себе хотя бы скромного достатка – он извлекал и огромную внутреннюю пользу для себя. В театральной среде разыгрывается действие многих поздних его рассказов, достаточно упомянуть, например, "Необыкновенные страдания одного директора театров", "Синьора Формику", "Принцессу Брамбиллу". Изменение представлений Гофмана о театре отражало его художественную и мировоззренческую эволюцию. В Бамберге он во многом еще находился под влиянием романтизма – в "Берганце" провозглашал магическую власть сцены, которая "освободит" человека "от всякой земной муки", позже, придя к новым общественным воззрениям, уже видел в театре средство изменения человека и действительности.

Несмотря на тогдашнюю приверженность романтическим представлениям, деятельность Гофмана сделала гольбейновский период "золотым веком" в истории бамбергского театра. Будучи режиссером и заведующим репертуаром, Гофман поднимался здесь до таких высот, которых много позже достигли только Рихард Вагнер и Мейнингенский театр.

*Гофман и советник медицины
Маркус*

10-1354

ИЗ ДНЕВНИКА

27 января 1812 г. Утром много работал в театре. Днем – большая декорация "Открытия Америки", вечером – в "Розе". Настроение хорошее, но все время мысли о Ктх.

7 февраля 1812 г. Утром работал над "Родериком". <...> Днем в театре. "Роза". Вечером помогал в "Кетхен из Гейльброна," в сцене пожара. Весьма насмешливое настроение – ирония над самим собой, почти как у Шекспира, где люди пляшут вокруг разверстой могилы.

Дама в греческом наряде (Фанни Марк?)

*ИЗ "НЕОБЫКНОВЕННЫХ СТРАДАНИЙ
ОДНОГО ДИРЕКТОРА ТЕАТРОВ"*

Посетитель в сером. Давно уже у меня на языке вертится вопрос. Вот Вы, восторженный почитатель Шекспира, превыше всего на свете ценящий его пьесы, не желающий уступить ни словечка, ни слога оригинала в угоду переменчивому духу времени, неужели Вы стали бы ставить нынче Шекспира на сцене совершенно в его старом, неизменном обличье?

*Эскиз декорации к спектаклю
бамбергского театра "Кетхен
из Гейльбронна" Клейста*

Посетитель в коричневом. На это я мог бы возразить Вам, что возможности директора странствующего театра ограничены, их достает лишь, чтобы хоть как-то держаться на плаву, плыть по течению. Непрерывно меняющийся состав труппы позволяет строить репертуар только в соответствии с амплуа актеров, которые подобрались на этот раз; пусть большие, постоянно существующие театры экспериментируют с пьесами, выбивающимися за рамки обычного репертуара, – лишь в этом случае я мог бы поручиться за успех. И вот что я Вам скажу: обретя когда-то, много лет назад, гавань, где можно хоть какое-то время постоять на якоре, я тут же осуществил заветную мечту, поставив в своем маленьком театре такие произведения, в отношении которых был убежден, что они окажут воздействие на публику.

Посетитель в сером. Вы ставили "Лира", "Гамлета", "Отелло", "Макбета".

Посетитель в коричневом. Ни в коем разе. Эти великие трагедии, в которых я даже не смог бы распределить все роли, неоднократно перерабатывались для нашей сцены, и мне не удалось бы заставить актеров отказаться от этих переделок. Нет, я выбрал пьесы, названия которых они не знали. Словом, я поставил шекспировские комедии.

Посетитель в сером. И с успехом?

Посетитель в коричневом. Всего один пример. Вы знаете "Двенадцатую ночь" Шекспира. Прежде мы уже говорили об этом. В одной труппе как-то собрались совершенно великолепный Мальволио, столь же превосходная Мария, очень хороший шут и вполне сносный Орсино. К тому же случилось так, что мой молодой тенор ростом и всем обликом был схож с молодой, хорошенькой, но абсолютно бездарной девушкой, обожавшей играть сентиментальные роли. При помощи грима и костюма сходство это легко можно было довести до поразительного совпадения, так что никто из публики не смог бы усомниться в том, что брата и сестру, Себастьяна и Виолу, постоянно путали. Ну, а все остальное – обычный состав странствующей труппы. И вот с такими ничтожными силами я осмелился поставить эту великолепную комедию. Боже упаси, я не преподносил им пьесу как нечто великое, исключительное, я придавал ей не большее значение, чем какой-нибудь вещи Коцебу или Шредера; так ее и восприняли актеры, которых, правда, несколько смутили стихи, но я заметил, что подобная мода пошла с Шиллера и им ничего не остается, как выучить роли наизубок. Удивительно, чрезвычайно удивительно было наблюдать, как, едва познакомившись с дотеле чуждой им вещью, актеры с каждой репетицией все более увлекались замечательным произведе-

нием. Постепенно, словно сам только что пришел к этому, я принялся высказывать им собственное мнение о высоком совершенстве пьесы и о том, как ее должно, на мой взгляд, представлять на сцене. Все это походило скорее на совместное обсуждение, нежели на поучение. Мне удалось пробудить даже вялые умы, привлечь их к общему делу, я победил в игре! Даже двое рыцарей, сущие грубияны по своей природе, чудным образом подчинились мне и стали необыкновенно забавными и потешными, наведя, впрочем, весьма поверхностный лоск на собственную удивительно неотесанную натуру. Длинная пьеса была поставлена в полном соответствии с оригиналом, без малейших сокращений.

Посетитель в сером. Даже с сельдями сэра Тоби?

Посетитель в коричневом. Селедки не понадобились, дорогой друг. В пьесе и без того предостаточно соли, чтоб вызывать у публики жажду, а не пресыщать ее черствым хлебом, как это делается в нынешних наших трагедиях, драмах и комедиях. Представление удалось, поскольку все действовали согласно, никто не вносил ничего чуждого, все знали меру в игре. Благодаря поразительному единству игры действие стало прозрачным, и потому ни одна сцена, ни одно слово не казались лишними. Воздействие на публику было именно таким, какого я и ожидал. Все сразу же принялись от души смеяться над двумя рыцарями, а еще больше над Мальволио, особенно в сцене в темнице, когда шут беседует с ним, выдавая себя за сэра Топаса, священника; конец этой сцены, впрочем, не произвел должного впечатления. На подъеме прошли сцены с Марией, затем прочувствованные сцены Оливии и герцога, ну а поразительное сходство брата и сестры сразу же произвело сенсацию. Потом я поставил "Людскую ненависть и раскаяние" и "Осенний день". Обе пьесы, прежде вызывавшие аплодисменты, теперь – никто не мог объяснить почему – породили скуку и недовольство! После этого снова повторили "Двенадцатую ночь", и, представьте себе, живейшее участие с начала и до конца, сплошные бурные аплодисменты, вызовы на сцену – короче, все признаки того, что чуждое явление признано родным, что оно своею ненаигранной жизненностью затмило бледные видения. И надо сказать Вам, я имел дело с публикой, тяжелой на подъем! Можете себе представить, как высоко отныне ценили Шекспира мои актеры, удостоенные аплодисментов!

Художник и филистеры

Хотя Э. Т. А. Гофману в союзе с Францем фон Гольбейном удалось поднять уровень театра и привлечь публику, избегавшую прежних убогих спектаклей, но и здесь гениальный художник оставался непонятым и одиноким: узкое поле деятельности в Бамберге не могло предоставить на длительное время возможности создания театра, "который сумел бы явить

веку и духу времени отпечаток собственного их образа". С уходом Франца фон Гольбейна в 1812 году бамбергский театр вновь вернулся к прежнему жалкому состоянию, и для Гофмана, социальное положение которого и ранее было неустойчивым, снова началась пора горьких материальных и духовных лишений.

В течение всего бамбергского периода письма и дневники писателя потрясают (порой не без подспудного висельнического юмора) свидетельствами катастрофического материального положения, из которого Гофман не сумел выбраться и в этом внешне столь привлекательном южнонемецком городе. Несмотря на дружбу с зажиточными горожанами, усиливаются – особенно в 1812 году – жалобы на рост долгов и бедность "свободного" художника, особенно унижавшие его перед лицом сытого самодовольства имущих. С глубоким сочувствием человека, находившегося, по сути, в таком же положении, воспринял Гофман весть о самоубийстве Клейста, защищая пережившего трагедию поэта от мещански-злобных и тупых сплетен филистеров.

Здесь, в Бамберге, окончательно сложилось гофмановское представление о филистере, отвратительном, смешном и в то же время опасном буржуа, которому искусство потребно лишь для того, чтоб прикрыть фасадом "красоты" и "благородства" жадно нахвачанное богатство. Э. Т. А. Гофман, ставший первым великим обличителем буржуа в немецкой литературе, с той поры вновь и вновь выводил этот образ в своих произведениях. Он стал насмешливым хроникером этого полчища лемунов, обряженных во фраки, провидчески изобразив последующее развитие немецкой буржуазии.

Набросок профиля неизвестного

"Это входит в состав так называемого хорошего воспитания, и всякий уверен, что он может обо всем этом болтать, и проникать в глубочайшие тайники поэта и художника, и мерить его на свой аршин. Но можно ли нанести художнику оскорбление более глубокое, чем то, когда толпа считает его своим ровнею? А ведь это бывает всякий день! Как часто меня просто тошнило, когда какой-нибудь тупоумный молодец начинал болтать об искусстве, цитировал Гёте и пытался заставить сиять того духа поэзии, который одною искрою мог бы уничтожить бескровного слабоумца!" *

Эта знаменательная фраза стоит в "Известии о последних судьбах собаки Берганца" – трагикомической сатире, где Гофман впервые мастерски применил художественную форму диалога, взяв за основу одну из новелл Сервантеса в его "Novelas ejemplares" **.

В "Берганце" писатель воспроизводит мрачные, беспросветные бамбергские впечатления, свой горький опыт. Неоднократно битый, ободранный пес становится иронически-меланхолическим защитником поруганного человеческого образа. Бесчеловечным людям – буржуа и филистерам – противопоставляется гуманное животное. Собачья маска предстает здесь шутовским колпаком и одновременно терновым венцом сатирика Э. Т. А. Гофмана, подводящего итог своих бамбергских лет.

ИЗ ДНЕВНИКА

25 марта 1811 г. Утром у Марк. Из ряда вон выходящий, мерзкий, убийственно-раздражающий разговор с консульшей Марк – презрение, оскорбленная гордость – infamie ***.

Сразу же переговорил с Гольбейном – чтобы не отказываться от твердого решения покинуть Бамберг.

15 апреля 1812 г. ...Занял у Кунца 2 фридрихсдора или 19 фл 30 р – я в великой нужде...

3 июля 1812 г. ...Ближе к вечеру большое чаепитие у Ротенханов, мучительная головная боль со вчерашнего дня – однако

* Гофман Э. Т. А. Известие о последних судьбах собаки Берганца. Пер. П. О. Морозова. – Фантастические пьесы в манере Калло. Москва – Петроград, 1923, с. 165–166.

** "Назидательных новеллах" (исп.).

*** Гнусность, бесчестье (франц.).

настроение хорошее. Трио Бетховена. Высказал идеи о сущности музыки, которые не были поняты...

29 сентября 1812 г. ...очень нужны деньги...

26 ноября 1812 г. ...Из-за величайшей нужды продал старый фрак, чтобы только хоть немного пожрать!!...

24 декабря 1812 г. ...Нет денег, поэтому в высшей степени скверное настроение...

31 декабря 1812 г. Большой новогодний бал – настроение не очень хорошее по вполне понятным причинам, – отвратительно, пошло и пусто!!

1 января 1813 г. С плохими приметами, в самых тяжелых обстоятельствах начался новый год – каким он будет?

23 февраля 1813 г. У Кунца – очень беспокойный день. Весьма неприятное столкновение с Вармутом из-за задержанной платы за квартиру – величайшая нужда.

ПИСЬМО ЮЛИУСУ ЭДУАРДУ ХИТЦИГУ

28 апреля 1812 г. ...Можете представить себе, насколько восхитила меня "Кетхен". Лишь три пьесы произвели на меня такое глубокое впечатление – "Кетхен", "Поклонение кресту" и "Ромео и Джульетта". Они приводят меня в состояние некоего поэтического сомнамбулизма, и тогда мне кажется, будто я отчетливо осознаю суть романтизма в отдельных прекрасных, светящихся внутренним светом формах! "Кетхен" ставят здесь лишь отчасти хорошо, зато "Поклонение кресту", в силу счастливого стечения обстоятельств, – можно сказать, блестяще. "Поклонение" всякий раз вызывает подлинное благоговение, и католическая публика, свободная от излишков образования, с глубоким чувством воспринимает рассказ Эусебио об удивительных свойствах креста. Вновь возвращаюсь к неподражаемому Клейсту, чтобы просить Вас сообщить что-нибудь о его героической смерти. В газетах глупая болтовня людей, укрывшихся от стрел гения Клейста в ничтожную ореховую скорлупу, которую они мнят себе дворцом о семи башнях; сия глупая болтовня внушает мне величайшее отвращение...

ИЗ ПИСЕМ

Музыкальному издателю Негели

23 августа 1809 г. ...Гнусная война вновь разрушила все мои надежды и перспективы, положение мое столь удручающе,

что требуется немалая сила духа, дабы не погибнуть совсем; великое мое утешение ныне в том, что Ваша милость, надеюсь, сочтет возможным ввести меня в музыкальный мир и избавит, таким образом, от жалкого прозябания и художника и человека. <...>

В тот же день. ...Если Вы, милостивый государь, обойдетесь со мною не слишком строго и сочтете трио годным к изданию, то на сей раз я впервые не буду обманут надеждой, оказавшей столь благотворное влияние в моем стесненном положении. Сколь бы редко ни сочинял я музыку рада денег – ибо одно искусство и совершенствование в нем являются моей высшей целью, – все же я не могу упускать из виду и материальную сторону, оказавшись ныне под давлением обстоятельств в таком тяжелом положении вместе с женой и ребенком, когда лишь непрерывная работа едва в состоянии обеспечить наши самые необходимые жизненные потребности. <...>

Фридриху Рохлицу

8 марта 1810 г. ...Роспуск здешнего театра довел меня до того, что я вынужден зарабатывать на жизнь только музыкальными статейками, которые вдобавок очень плохо оплачиваются. Можете себе представить, до какой степени утомительно дело, которым мне приходится заниматься весь день ради пропитания, как оно отупляет меня, лишая способности к занятиям более достойным. <...>

Музыкальному издателю Гертелю

10 декабря 1812 г. ...Позвольте же мне присовокупить одну просьбу, вызванную безграничным доверием к Вашей доброте и дружбе, а также железным натиском обстоятельств! Неожиданная задержка с поступлением мизерной ренты, которую я получаю из своего родного города Кёнигсберга, что в Пруссии, а также тот факт, что несколько семейств, в которых я давал весьма доходные уроки музыки, неожиданно уехали из Бамберга, ввергли меня в данный момент в столь стесненное положение, что я – как трудно дается мне это признание – страдаю ныне от невозможности удовлетворить насущные жизненные потребности. Несмотря на все усилия, лишь в конце января я смогу вновь располагать некоторой суммой. А до тех пор

Kuntz Medizinischer Direktor.
Pfaffel.

Hoffmann.
nach v. A. Hoffmann.

никаких поступлений, и единственное мое спасение в выражаемой ниже покорнейшей просьбе – осмеливаюсь просить Вас, зная Ваш благородный образ мыслей, который Вы столь часто проявляли, теперь уже выдать мне авансом небольшой гонорар за перевод и благосклоннейше выслать его как можно скорее. <...>

2 февраля 1813 г. ...А теперь перехожу к просьбе, к коей меня вынуждает поистине затруднительное положение. Весь мой доход теперь ограничивается рентой с маленького состояния, ожидаемого в моем родном городе Кёнигсберге в Пруссии; нерадивость моего тамошнего поверенного в делах, который должен был прислать причитающуюся сумму еще в ноябре, но протянул до января, поставила меня в весьма стесненные обстоятельства, теперь же всякая переписка вообще прекратилась, и я не могу более получить долгожданное отправление! Ныне единственное мое спасение – литературные труды, и, поскольку Брейткопф и магазин Гертеля переслали мне уже небольшой гонорар, которого хватит лишь на неотложные нужды, осмеливаюсь просить глубокоуважаемую редакцию по возможности скорее выслать мне аванс в

К. Ф. Кунц, медицинский директор
Пфойфер и Э. Т. А. Гофман

25 саксонских рейхсталеров за представленную уже мною работу, а также за ту, которую я еще должен представить. <...>

КАРЛ ФРИДРИХКУНЦ

Годы учения и мученичества Э. Т. А. Гофмана

Казалось уже, что он примирился с судьбой, когда потеря места советника, связанная с войной, подарила ему другое, намного более подходящее занятие, к которому он издавна стремился всей душой: должность капельмейстера, предоставленную ему наконец графом Зоденом, антрепренером бамбергского театра.

"Не могу описать Вам, друг, – говорил он, – какой электрический удар пронзил меня при этом известии; в мыслях передо мной предстал ясно освещенный путь, предначертанный мне, я ощутил настоящий религиозный восторг, как никогда прежде в жизни, решив, что за этим скрывается рука провидения. Для меня всегда постыдным было называться чиновником. Ничего, что и здесь вскоре наступило разочарование! Я должен все-таки пробиться! Вот увидите".

Когда четыре года спустя Секонда вновь пригласил его капельмейстером, на этот раз в Дрезден и Лейпциг, он так же ликовал, вспоминал слова, произнесенные прежде, а потом сказал: "Я отбыл годы учения и мученичества в Бамберге; теперь наступают годы странствий и мастерства; теперь я твердо сижу в седле!"

И впрямь, годы, прожитые в Бамберге, можно назвать годами мученичества, однако мне кажется, что для него как человека и писателя годы эти были важнее и значительнее, чем полагали иные. До предела обострилась в Бамберге присущая ему ирония, ненависть же к пошлому и дурному в окружающем мире, в обществе перешла в ярость.

Конечно, Гофман понимал, что он не был в светских кругах особенно любим и уважаем, что его всего лишь боялись, а талант использовали в целях, которые сам он по праву считал жалкими. Когда... ему приходилось сочинять музыку и слова к торжественному представлению в честь баварского герцогского дома, резиденция которого находилась в Бамберге, это, конечно, не могло взволновать ум и душу, заставить людей воспарить над обыденностью, напротив, скорее удерживало их там, пригвоздив в повседневном ничтожестве к удобным дедовским креслам и так обильно исторгая слезы умиления из глаз, что, даже окажись они по уши в соле-

ной воде, все равно спокойно продолжали бы на них восседать.

Когда Гофмана звали на семейные праздники, по приглашительному билету сразу было видно, чего от него ожидали. Подобные приглашения продиктованы были отнюдь не уважением к нему, они всегда преследовали побочную цель, как это нередко случается и поныне, когда приглашенный вынужден, порой дорогой ценой платить за угощение, нещадно эксплуатируя свой талант.

С какими препятствиями приходилось бороться бедному другу, будучи учителем музыки, упоминалось выше; были и другие неприятности; однако следует отметить еще и то, что лишь немногие по-настоящему признавали его значительность, значительность духовную, которую способен оценить лишь подлинно образованный человек, умеющий не принимать во внимание ранг и положение, занимаемое в буржуазном обществе гением и талантом. Однако мнения его считали порой нескромными и абсолютно несоизмеримыми с характером какого-то там учителя музыки... Как уже отмечалось, временами он впадал в настоящую ярость, стремившуюся найти выход в речах и в письме. В какой-то мере она ощущается и в его поздних произведениях. <...>

Юлия

Писатель откровенно выражал ненависть к филистерам, признавался в отчаянном материальном положении в дневниках, которые "в то несчастнейшее время, наполненное ахероновым мраком", стали для него важным средством объяснения с самим

собой, уникальным документом самопознания. Дневники эти, которые автор никогда не собирался публиковать, содержат непосредственные свидетельства глубокого душевного кризиса, в котором оказался в то время Гофман, кризиса, ставшего источником того внутреннего разлада, который обусловил

Гравюра на дереве неизвестного художника, 1817 год

все дальнейшее литературное творчество писателя. Несомненно, Гофман стал бы писателем и без встречи с Юлией: уже был написан программный "Кавалер Глюк", когда в доме консульши Марк он неожиданно познакомился с ее дочерью Юлией и начал давать ей уроки пения. Решающим, однако, стало то, что неразделенная любовь к Юлии превратилась в важнейшее переживание всего его поэтического творчества. Юлия воплотила в себе слияние душ, свершающееся вне узких пределов земного бытия; она олицетворяла собою желанное романтическое царство, была источником страстного томления, оставлявшего далеко позади условности тогдашнего общества. Человек, терзаемый внутренними противоречиями, разозленный на собственное окружение, оставил в дневнике краткие и беглые зарисовки своей страсти: здесь пережитое им душевное потрясение психологически точно соотносится с горько-ироническими раздумьями, с попытками воплотить переживания в художественных образах. Шифры "Ктх" или "Кетхен", отождествляющие Юлию Марк с очаровательно-сомнамбулической героиней Клейста, почти ежедневно встречаются в дневнике, особенно в 1812 году, в пору мученичества.

Когда Юлия была наконец сбыта с рук, продана не без помощи матери, пустой мешанки, неполноценному, но богатому коммерсанту по имени Грпель ради того только, чтобы поправить пошатнувшееся финансовое положение семьи, Гофман, должно быть, принял это как последнее, окончательное подтверждение горького опыта, выпавшего на его долю еще в Кёнигсберге, когда он любил Дору Хатт. Его соперником, как и в Кёнигсберге, оказался ненавистный богатый буржуа, воспринимавший любые ценности как предметы купли-продажи. Писателю, который в "Берганце" свел счеты с подобными буржуа, такого рода "семейная политика" казалась сродни проституции. Во время прогулки в расположенный неподалеку Поммерсфельден он в лицо высказал свое презрение пьяному жениху, "бранил sposo *", который был пьян настолько, что упал". Поистине гофмановская, трагикомическая сцена, навсегда закрывшая оскорбленному до глубины души художнику доступ в дом консульши. А через две недели после этого скандального происшествия он завершил рассказ "Дон Жуан", окончательно связавший образ Юлии с музыкой. Слились воедино любимая, теперь уже недоступная ему в здешнем мире, и музыка Моцарта, тоже не имевшая ничего общего с пошлой и подлой буржуазной действительностью: "...глаза у меня закрылись сами собой, и пылкий поцелуй как будто ожег мне губы, но поцелуй этот был

* Жениха (*итал.*).

точно исторгнутая неутолимим желанием долго звенящая нота" *.

Уже 8 января 1812 года в дневнике появляется запись: "...нашел, что возможно отвлечься от Ктх". А десять дней спустя: "Я думаю, что в этом демоне скрывается нечто в высшей степени поэтическое, и нужно видеть в Ктх только маску..." 27 апреля Гофман заметил: "...После разгадки туманная завеса упадет, и те, кто был за нею, проникнутся поэзией..." И вновь через два дня: "...Теперь наступило время серьезно поработать in litteris **". Встреча с Юлией и в самом деле получила литературное воплощение: бессмертная любимая Гофмана вновь и вновь появляется под разными противоречивыми масками, то как невинное создание, принесенное в жертву (Цецилия в "Берганце"), то как демоническая соблазнительница (Джюльетта в "Приключениях в новогоднюю ночь"), то как ангельская спасительница (Аурелия в "Эликсирах сатаны" или Юлия в "Житейских воззрениях кота Мурра").

В главе "Ombra adorata" *** из "Крейслерианы", написанной в кульминационный момент трагедии с Юлией, окончательное единение с любимой, неосуществимое в этом мире, еще рассматривается как подъем "на мощных крыльях над ничтожеством земного" ****, как романтическая мечта. Через восемь лет после разрыва с Юлией, в 1820 году, за два года до смерти, Гофман в письме доктору Фридриху Шпейеру еще раз прочувствованно говорит об этом самом глубоком и волнующем событии его жизни, прославляя его как "счастье, которое не способны схватить и удержать человеческие руки".

АМЕЛИЯ ГОДЕН

Гофман и Юлия

К этим семьям принадлежала одна, бывшая в родстве с моим отцом, а потому присоединилась и другая, особенно ценная для Гофмана благодаря отношениям, существовавшим между двумя первыми. Ценная, ибо для нас важнейшим двигателем в жизни становится то, что сильнее всего занимает душу, ибо, несмотря на пылкие изъявления чувств, которые

* Гофман Э. Т. А. Дон Жуан.

Пер. Н. Касаткиной. – Крейслериана..., с. 21.

** В литературе (лат.).

*** Возлюбленная тень (итал.).

**** Пер. П. Морозова. – Крейслериана..., с. 37.

Гофман, будучи человеком эксцентричным, не умел скрывать, отец мой и не подозревал об отношении писателя к Юлии, которое не было тайной ни для кого.

Впрочем, любовной связью в обычном смысле слова страстную преданность почти сорокалетнего мужчины шестнадцатилетней Юлии можно назвать лишь в той мере, в какой подобное обозначение может оправдать неразделенную любовь. Вскоре юная девушка, обладавшая свежим, звучным голосом и обаянием естественности, стала его любимой ученицей; предпочтение это развилось в сильное чувство, и Гофман стал чаще проводить вечера в шумном доме матери Юлии, ловкой светской дамы, сумевшей извлечь из короткого знакомства со столь незаурядным человеком преимущества для своих дочерей и своего круга. Юная девушка почитала учителя, не подозревая о том, что женатый человек, казавшийся ей пожилым, питал к ней пылкую любовь. Она была совсем еще ребенком, очень естественным, симпатичным, приветливым существом...

Пусть так! Благодаря ей выросли и окрепли крылья гения. В то время, когда Гофман был страстно увлечен, у него возник план "Ундины", либретто которой написал сам Фуке и которая позднее шла в театрах под бурные аплодисменты... С той поры эта яркая тема, проходящая через большинство его поздних произведений, становится главной звучащей струной в "Крейслериане", "Фантазиях в манере Калло", "Серапионовых братьях".

Несмотря на то, что страсть эта длилась годами и все возрастала с течением времени, она нисколько не омрачала отношения Гофмана с женой. Жена его была простой, непритязательной женщиной, умевшей правильно воспринять эксцентричные поступки мужа; она отвечала на его переменчивые настроения терпеливой снисходительностью, умела весело рассеять его дурное настроение. Юлия ее нисколько не беспокоила.

Вечная созидательная или разрушительная сила, порождаемая сильным чувством, сотворила великое, вечное благодаря маленькой Юлии. В любом случае не важно, *что* пережито, гораздо важнее – *как*. Когда же речь идет о художнике, творящем в сфере искусства, это особенно справедливо. Страсть, сжигающая Гофмана, вызвала расцвет всех его дарований, когда же боготворимая им девушка добровольно вступила в брак, которого пожелала ее мать, в брак, казавшийся Гофману немислимым, событие это глубоко потрясло и совершенно убило писателя, однако оно же стало для его фантазии благодатным полем, на котором выросли великолепные плоды.

ИЗ ДНЕВНИКА

21 мая 1809 г. Юльхен Марк, выступив в первый раз с арией из "Sargino" * – "Gran Dio" **, имела успех.

28 января 1811 г. Утром уроки – у Марк и Ротенхан: затем обедал у Зейферта вместе с Гольбейном, потом дома, затем снова у Марк. Вечером ужинал, пребывая в прекрасном, поэтическом настроении, воодушевленный великолепным пением Кетхен из Гейльбронна, удачно импровизировал на рояле. Ночью еще два часа в Редутном зале, был очень подавлен отсутствием приятных ощущений, которые соответствовали бы всему предшествующему.

25 февраля 1811 г. Утром Марк, Ротенхан. Днем гулял с Кунцем. Вечером в театре, потом на балу. У Кунца. Снова на балу. ☹ в высшей степени. Эксцентричные выходы во множестве. – Ктх – Ктх – Ктх!!!! Возбужден до безумия.

17 марта 1811 г. Утром у Марк... Ночью написал такой сонет:

СОНЕТ К 15-ЛЕТИЮ ЮЛИИ МАРК
ВМЕСТЕ С БУКЕТОМ РОЗ

Весна плывет по облакам крылатым
Во всем своем сверкающем величье –
В густом лесу звучат напевы птички:
Вернулись певуны к родным пенатам!

Вновь льнут лучи к чертогам и палатам,
Голубизну безмерную целуя;
Соцветья вновь лелеют жизнь живую,
Вплывая в синь по всем ветвям мохнатым.

А вот – в темно зеленой колыбели
Волшебной розы лепестки зарделись:
В ней – юные пыланья и смятенья!

Ты – юность, ты – подобье пичьей трели,
Ты – образ розы, ты – бутона прелесть,
В тебе – залог грядущего цветенья.

(Перевод А. Голембы)

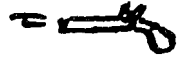
8 января 1812 г. ...нашел, что можно отвлечься от Ктх. Говорил – и с ней и не с нею. Взволнованное состояние, остроловие в "Розе" – увы – увы...

* "Сарджино" (итал.).

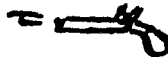
** "Великий боже" (итал.).

19 января 1812 г. ...У Кунца шампанское ☞ Еще можно заметить следы вчерашнего необычайно возбужденного настроения. Ктх – Ктх. О дьявол, дьявол – я думаю, что в этом демоне скрывается нечто в высшей степени поэтическое и нужно видеть в Ктх только маску – *demasques vous donc, mon petit Monsieur!* *

26 января 1812 г. ...Вечером в театре "Иосиф" – после этого нагрузился пуншем у Кунца. Экзальтированное состояние – предчувствие необычайных событий, которые дадут направление моей жизни или ее... оборвут! Вплетаются мысли...

31 января 1812 г. Утром у Кунца – на минутку у Марк, у Ротенхан. Днем дома – потом "Роза". Ктх в театре — давно уже не было такого скверного, отвратительного настроения. ☞, чтобы его прогнать. Семейная сцена в театре – все напрасно. В ярости – раздражен до

Уже во второй раз роковой знак!!!

26 марта 1812 г. Утром работал. Марк... Приехал из Гамбурга купец Гретель.

30 марта 1812 г. Утром визит к Марк. Днем обедал в "Розе"... Сообщение, что Гретель, возможно, женится на Юльхен... Судьба желает добра мне и моему творчеству.

25 апреля 1812 г. ...потом на чаепитии у Марк. В высшей степени любопытный разговор с Ктх: "Вы меня не знаете, моя мать тоже, никто – я должна многое прятать глубоко в себе, я никогда не буду счастлива". Что это значит? Поздно вечером снова у Кунца. *Videatur* **, загадка, отгадку которой должно дать будущее.

27 апреля 1812 г. Утром у Марк... Важные разговоры *con exaltatione* ***. Большое понимание в отношении 25-го. Я чувствую себя наивным ребенком и ослом, и поделом мне... Первый проблеск в отношении загадки – сфинкс схватил меня за волосы и швыряет в отвратительную трясиину, если не отгадываю. После разгадки туманная завеса упадет, и те, кто был за нею,

Знак пистолета

* Сбросьте маску, мой маленький господин! (*франц.*)

** По-видимому (*лат.*).

*** В экзальтированном настроении (*итал.*).

проникнутся поэзией – о ch'affano o che smania! *

29 апреля 1812 г. Утром у Марк – дело становится любопытным, и я приближаюсь к настоящей разгадке. Божественная ирония! – великолепнейшее средство скрыть и изгнать безумие – помоги мне!! – Днем в Буге с Кунцем. Вечером dito – плохое настроение, отвратительная усталость. Теперь наступило время серьезно поработать in litteris.

8 августа 1812 г. Утром Марк – приехал Грпель. Днем дома. Вечером у консульши до одиннадцати часов – в высшей степени возбужденное состояние – дик и строптив, – после этого немного успокоился. Мысли о дальнейшем развитии событий меня очень волнуют – il sera décidé dans peu jour **.

10 августа 1812 г. Il colpo e fatto – La Donna e diventa la sposa bi questo maledetto asino di mercante, e mi pare che tutta la mia vita musicale e poetica e smorzata – bisogna di prender una risoluzione degna d'un uomo come io credo d'esser – quest'era un giorno diabolico ***

13 августа 1812 г. Утром у консульши, вечером dito. Кроме этого ничего выдающегося – настроение перешло в decrescendo ****, и я сознаю, что великая мечта обманула меня.

6 сентября 1812 г. Прогулка в Померсфельден – ужасно напился и позволил себе безобразнейшие выходки. В отношении Ктх форменное безумие, бранил sposo *****, который был пьян настолько, что упал. Несомненно, причина всего – что-то тайное, связанное с Ктх.

КАРЛ ФРИДРИХ КУНЦ Померсфельденская катастрофа

Несколько лет протекли для нашего друга в сладостном томлении, пока не наступила катастрофа, потрясшая его до глубины души и заставившая испытать полную чашу.

* О, какая тревога и какое безумие! (итал.).

** Это решится на днях (франц.).

*** Удар нанесен! Возлюбленная стала невестой этого проклятого осла-торгаша, и мне кажется, что вся моя музыкальная и поэтическая жизнь померкла, – необходимо принять решение, достойное человека, каким я себя считаю. Что за дьявольский день! (итал.).

**** Упадочное (итал.).

***** Жених (итал.).

Молодой богатый купец из Гамбурга по имени Грпель познакомился с Юлией, влюбился в нее и попросил ее руки. Несмотря на свою молодость, выглядел он стариком, являя собой некое истощенное подобие человека. Следы плотских страстей запечатлелись на лбу, в глазах и в морщинистых щеках, в каждом произнесенном слове проглядывало слабоумие. Гофман довольно метко и без преувеличений описывает его в "Берганце", так что читатель вполне может удовольствоваться этой картиной.

Сия мумия должна была теперь соединиться со свежим деревом жизни, так что дьявол в образе злого гнома мог и здесь праздновать одну из многочисленных побед.

Имущественное положение мадам, для которой, как уверяет Гофман, желательна была семейная связь с молодым фатом, нашептывания со стороны мудрствующих родственников – все это привело к тому, что юная цветущая дочь была принесена в жертву мамоне.

Спустя четыре дня после помолвки нескольких родственников и нас с Гофманом пригласили отпраздновать ее задним числом в Померсфельдене, в четырех часах пути от Бамберга. ...

Померсфельден, имение графов Шенборнов, покровительствовавших искусству, хранит, как известно, в большой и прекрасной картинной галерее настоящие сокровища, многие картины вполне могут соперничать с собраниями Дрездена и Мюнхена. Знатоки искусства, бывавшие во всех галереях, единодушно отмечают, что померсфельденская содержит немало ценного.

Жених с невестой и их гости до обеда полубовались собранием картин; при этом лишь господин жених пялился на них как баран на новые ворота.

Настал долгожданный для него час, когда позвали к обеду, и за столом молодой человек был в своей стихии.

Нелепые суждения об искусстве вообще, а также об увиденном, к удивлению моему, были, так сказать, проглочены другом, настроенным весьма нерешительно; впрочем, иногда он их скромно поправлял, следуя пословице: с волками жить – по-волчьи выть. При этом изрядно налегали на вино, провозглашая тосты за здоровье обрученных; Гофман хоть и присоединился к ним, но с весьма недвусмысленными взглядами в сторону невесты и жениха, который не без моей и Гофмановой помощи пробил изрядную брешь в выставленной батарее бутылок.

Лица жениха и соперника покраснелись: первый отпускал довольно непристойные шутки, второй произносил весьма запутанные речи – все это вынудило госпожу мамашу предложить сразу же после десерта прогуляться по саду.

С видимым усилием жених поднялся со своего места, чтобы предложить руку невесте. Гофман и я поплелись за обрученными, прочее общество разбилось на группы.

Едва мы вошли во двор перед замком, как заметили, что господин жених выделяет немислимые зигзаги то вправо, то влево, так что невеста с трудом могла удержать его. Внезапно жениха сильно качнуло, и бедная Юлия еле удержалась на ногах. Гофман подскочил, чтобы дать ей руку, я подхватил падающего жениха, но поздно – падение свершилось, и будущий супруг лежал, растянувшись, на земле.

Юлия побледнела, в отчаянии заломила руки, общество окружило упавшего, Гофман горел от гнева; обернувшись ко мне, он не смог удержаться и громко произнес следующее: "Взгляните, вот лежит дрянь! Мы выпили столько же, сколько он, но с нами такого не случится! Такое случается лишь с пошлыми прозаическими типами!"

При этих словах, которые он скорее выкрикнул, чем произнес, все испугались. Юлия бросала на него презрительные взгляды, у матери вырвались гневные упреки. Ему показалось, что во взглядах и жестах Юлии он прочел признание, отказ от мечты, до сих пор обманывавшей его; словно молния среди ясного неба, в душу его ударило *decrescendo* * любви. Мгновение он стоял словно уничтоженный, потом выпрямился и быстрым решительным шагом пошел прочь.

Упавшего жениха положили в постель, общество рассеялось, все разъезжались по домам, как кому заблагорассудится, не думая о других.

ИЗ ДНЕВНИКА

7 сентября 1812 г. Утром дома после бессонной от ярости ночи. Днем и вечером у Кунца. Видел Шпейера. Рано утром написал (консульше) Марк письмо с извинениями.

ПИСЬМО КОНСУЛЬШЕ ФРАНЦИСКЕ МАРК

7 сентября 1812 г. Вчера я вдруг, совершенно непонятным для меня образом, не опьянел – нет, но пришел почти в безумное состояние, так что последние полчаса в Померсфельдене вспоминаю как скверный, тяжелый сон! Одна мысль, что можно лишь посочувствовать сумасшедшим в их диких выходках,

* Здесь: угасание (*итал.*).

что нельзя вменять им в вину зло, которое они невольно причинили, пребывая в подобном состоянии, позволяет мне надеяться, что Вы, столь часто проявлявшая ко мне доброту и великодушие, простите мне все те дерзости, которые, как это утверждают моя жена и господин Кунц, я, увы, наговорил (хотя говорить я тогда не очень-то был способен)! Вы не можете представить себе, как глубоко и искренне сожалею я о своем вчерашнем безумном поступке – за него я поплатился возможностью видеть Вас и Вашу семью до тех пор, пока не уверюсь в Вашем благосклонном прощении. Если бы я смог найти средство убедить Вас в том, как дорого мне Ваше расположение и как далек я от мысли причинить Вам малейшую неприятность, Вы бы не держали в сердце своем гнева за то состояние, что причинило мне истинное несчастье, Вы бы убедили и *тех* членов Вашего семейства, которым, к сожалению, не были до сих пор известны мои странности, что только *безумие* могло толкнуть меня на вчерашний поступок!

ИЗ ДНЕВНИКА

17 сентября 1812 г. Никогда еще не было сразу столько неприятностей, угнетающих рассудок и сердце, – знак Ктх никогда больше не появится. Записка от консульши Марк, которая в некотором смысле запрещает мне появляться у нее дома. Пошел к Кунцу и одолжил у него 11 фл., обедал у него. Под вечер в Буге – и оставался там до 11 часов (загадка остается неразгаданной, но *разгадано*, что она существует). (Из записки консульши Марк: "Нечто, происшедшее в душе Юлии, делает для нее невозможным продолжение уроков".)

23 ноября 1812 г. ...Вечером бал; в последний раз танцевал с Ктх – и в очень взволнованном состоянии еще раз сказал ей Addio * со всеми украшениями стиля – до двух с половиной часов.

3 декабря 1812 г. Свадьба Юльхен con questo maledetto mercante ** ...Вечером оставался в "Розе" – ma senza exaltatione ***. Нелепый период в отношениях с Ктх прошел совсем.

13 декабря 1812 г. ...Днем "Роза". Греспель со свитой – весьма приятное, но несколько взвинченное настроение... (Любовь готова превратиться в ненависть.)

* Прощай (*итал.*).

** С проклятым торгашом (*итал.*).

*** Но без воодушевления (*итал.*).

16 января 1813 г. Утром Рот<енхан>. Днем обедал у господина Кунца, затем прогулка, после этого "Роза". Безразличное, отвратительное, скверное и опустошенное настроение. Удивительно, что все краски как бы исчезли из жизни и кажется, что чувство это проникло гораздо глубже, чем я себе представлял. Ктх – Ктх...

4 марта 1813 г. ...Получил записку от Кунца – приглашает меня к себе... un poco *

Σ – διέεινχιζε Ναχιριχτ,
 δασσ   οχωναγερ – τραφ μιχ wie ein Σχλαγ^в –

ВОСЕМЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Письмо Фридриху Шнейеру

1 мая 1820 г. ...Скажите же, говорите, напишите, это правда? Но что? – Итак! Два дня назад в одном обществе я услышал новость, потрясшую меня до глубины души, так что я долго не мог думать ни о чем другом.

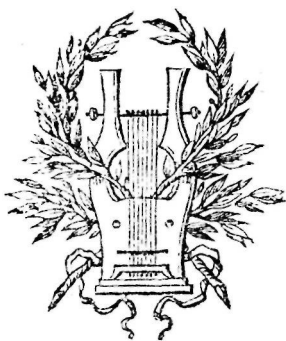
Фанни Тарнов (известная писательница), вернувшись из Гамбурга, рассказала мне, что Юлия развелась со своим мужем и вернулась в Бамберг. В этом событии самом по себе нет ничего необычного, однако описание жизни Юлии в Гамбурге, безмерные страдания, которые ей довелось вынести, наконец, бесстыдные зверства ненавистного недоумка – все это глубоко взволновало меня, тяжело отозвавшись в душе, ведь предчувствие всех этих ужасов поднималось во мне еще тогда, когда я, так сказать, бестактно, в пылом гневном странном безумии высказал вслух все, что должно было бы остаться во мне навсегда. Как я стремился оскорбить других, будучи сам больно оскорблен! А теперь!

Можете представить себе, как много говорили мы с Фанни Тарнов о Юлии; увы, я прекрасно понял все, что она хотела скрыть: горькая насмешка неудавшейся жизни, бесчестие растраченной юности немилосердно разрушили душу Юлии. Наверное, в ней нет уже прежней нежности, мягкости, детскости! Может быть, это вновь изменится после того, как она покинет кладбище растоптанных цветов, похороненных радостей и надежд.

* Немного (итал.).

** Одно сообщение, что Ктх беременна, поразило меня, как удар.

Если Вы сочтете подходящим и возможным упомянуть мое имя в семействе Марк или вообще заговорить обо мне, то скажите Юлии в светлый солнечный миг, что во мне жива память о ней – если можно назвать *памятью* то, чем полна душа, что в сокровеннейшие мгновения высшего подъема духа оживляет прекраснейшие мечты о восхищении, о счастье, которое не способны схватить и удержать человеческие руки. Скажите ей, что до последнего вздоха меня не покинет ее ангельский образ воплощенной сердечной доброты, истинно женской неземной прелести, что лишь *тогда* освобожденная душа узрит в настоящем бытии существо, которое было ее страстью, ее надеждой и ее утешением!

Капельмейстер Крейслер

Когда трагическая любовь к Юлии достигла вершины, в бамбергских дневниках Гофмана в 1812 году появился план романа "Часы просветления некоего безумного музыканта". В немногих сохранившихся заметках как главная мысль значится "Любовь

художника". Таким образом, уже тогда, почти в самом начале писательского пути, Гофман намеревался воплотить события, связанные с Юлией, в большом романе, теснейшим образом соединив их с фигурой капельмейстера Крейслера. Но этому суждено было осуществиться лишь намного позже, в большом романе о Мурре и Крейслере.

Иоганнес Крейслер, нервный, трагически-саркастичный капельмейстер с вечными поисками высокого идеала, – образ, наиболее близкий писателю Гофману. Временем рождения этого шекспировски многослойного персонажа можно считать 1810 год. Тогда появилось эссе "Музыкальные страдания капельмейстера Крейслера", в котором антибуржуазно настроенный композитор и художественный критик впервые высказал свои несовременные наблюдения. Вначале автор намеревался предло-

жить читателю лишь образчик современной художественной критики. На самом же деле в жизнь вошел образ, ставший с тех пор верным спутником Гофмана, образ, в который его творец до самой своей кончины вкладывал все новый свой человеческий и художественный опыт.

Субъективному осмыслению бамбергского опыта и событий, связанных с Юлией, соответствует поначалу тот факт, что капельмейстер Крейслер из "Фантазий в манере Калло" впадает в безумие: Гофман придал своему второму "я" черты, которые постоянно угнетали и его самого, – опасную эксцентричность и странность, восхищение безмерно волнующим, романтически-эфемерным царством духов. Но вместе с тем уже здесь безумие композитора трактуется как следствие его столкновения с бесчеловечным окружающим миром: "Да, друг мой! Они хотели его убить и похоронить, а так как он, в сознании божественного превосходства, дарованного его духу, хотел быть свободным, то и должен был показаться сумасшедшим" *. Спустя годы, когда Гофман, работая судьей в Берлине, приобрел новые, более обширные познания, образ Крейслера, до сих пор обычно стоявший особняком, теперь был включен в более широкий и многоликий ансамбль фигур и обрел множество связей с важнейшими тенденциями эпохи. В большом романе на передний план сильнее выступил объективирующий элемент. Семь лет спустя, явно отмежевываясь от бамбергского Крейслера, но не отказываясь от центрального значения этого образа, Гофман писал: "Вышеупомянутые музыканты создают, уж когда влюбляются, вдохновленные небесами великолепные шедевры и не умирают при этом жалким образом от чахотки и не становятся при этом безумными" **.

Эти слова следует понимать и как критику вакенродеровского образа – капельмейстера Иозефа Берглингера, умирающего от чахотки. Вакенродер, который часто бывал в Бамберге пятнадцатью годами ранее, в образе Берглингера из "Сердечных излиятий одного монаха, любителя искусств" создал своеобразного предшественника Крейслера. Берглингер тоже умирает от разлада между искусством и варварским окружением.

Так с самого начала образ Крейслера стал заметным выра-

* Гофман Э. Т. А. Известия о последних судьбах собаки Берганца. Пер. П. О. Морозова. – Фантастические пьесы в манере Калло, Москва – Петроград, 1923, с. 168.

** Гофман Э. Т. А. Житейские воззрения кота Мурра, с. 221. Пер. А. Голембы.

жением художественной самобытности Гофмана, все более удалявшегося от позиций крайнего романтизма. В то же время писатель создал такой образ, который сопровождал его до конца жизненного пути, выступая во всех перипетиях его творческого развития как явный автопортрет и второе "я". Благодаря ему Э. Т. А. Гофман окончательно вступил на литературное поприще.

ИЗ ДНЕВНИКА

6 января 1811 г. Утром уроки. Днем у Беверна, необычайно экзотический вечер в "Пумперникеле", затем в Редутном зале до половины седьмого утра – экзальтированное, юмористическое настроение, напряженное состояние вплоть до мыслей о безумии, которые часто приходят в голову. Почему и во сне и наяву я так часто думаю о безумии? Полагаю, что духовное очищение может действовать как кровопускание.

8 февраля 1812 г. Утром у Марк – Ротенхан. Днем с женой до семи сорока пяти в Буге. Настроение довольно веселое, наблюдения над самим собой – постоянные мысли (Ктх) могут превратиться в навязчивую идею! Музыкальный роман.

15 февраля 1813 г. ...Вечером у Кунца – приятное, приподнятое настроение. Он хочет во что бы то ни стало издать рукописи – решение по поводу "Часов просветления"!

ЗАМЕТКИ О РОМАНЕ

"ЧАСЫ ПРОСВЕТЛЕНИЯ НЕКОЕГО БЕЗУМНОГО МУЗЫКАНТА, КНИГА ДЛЯ ЗНАТОКОВ"

Любовь художника

Момент охлаждения.

Северный тон.

Южный тон.

Мистика инструментов.

Музыкальная светотень.

Тональности.

Рассеянность художника (все наоборот). (Идти в такт – бег колес – забавные истории).

Предчувствие райской музыки.

Ноты.

Тайна фуги (Вопрос и ответ. "Два слова, или Ночлег в лесу").

Piano – forte–crescendo–fortissimo–decrescendo–ritardando–dolce a tempo–smorzando*.

Бессознательное восприятие, несмотря на то, что композитор пришел к ясному сознанию, – *таким образом*, он сам становится собственным критиком, воплощая в себе два духовных принципа, которые выделяет момент.

Моцарт в детстве: "Напомни мне о том, чтобы я придумал что-нибудь интересное для валторн!"

МУЗЫКАЛЬНЫЕ СТРАДАНИЯ КАПЕЛЬМЕЙСТЕРА ИОАННЕСА КРЕЙСЛЕРА**

Наконец все разошлись. Я мог бы заметить это по шушуканью, шарканью, кашлю, гудению во всевозможных тональностях; это был настоящий пчелиный рой, вылетающий из улья. Готлиб поставил мне на фортепьяно новые свечи и бутылку бургундского. Играть я уже не могу, потому что совсем обессилел; в том повинен стоящий здесь на попире мой старый друг, вновь носивший меня в поднебесье, как Мефистофель Фауста на своем плаще, так высоко, что я уже не видел и не замечал под собою этих человечков, хоть они, кажется, и производили довольно-таки изрядный шум. Гнусный, потерянный вечер! Но теперь мне хорошо и легко. Ведь во время игры я достал карандаш и правой рукой набросал цифрами на странице 63 под последней вариацией несколько удачных отклонений, в то время как левая рука не переставала бороться с потоком звуков!!!. Я продолжаю писать на оборотной пустой стороне. Оставляю цифры и звуки и с истинной радостью, как выздоровевший больной, не переставший рассказывать о том, что он вытерпел, подробно описываю здесь адские мучения сегодняшнего чайного вечера. И не только для себя одного, но и для всех тех, кто когда-нибудь, наслаждаясь и поучаясь по моему экземпляру фортепьянных вариаций Иоганна Себастьяна Баха, изданных у Негели в Цюрихе, найдет в конце тридцатой вариации мои цифры и, руководствуясь крупным латинским *verte**** (я напишу его тотчас же, как только будет окончена моя жалоба), перевернет страницу и станет читать. Эти читатели сейчас же

* Тихо – громко – постепенно увеличивая силу звука – очень громко – постепенно уменьшая силу звука – замедляя – в нежном темпе – приглушая (*umal.*)

** Пер. П. Морозова. Крейслериана, с. 28–34.

*** Переверни (*лат.*).

поймут, в чем дело: они знают, что у тайного советника Редерлейна здесь очаровательный дом и две дочери, о которых весь высший свет с восторгом твердит, что они танцуют, как богини, говорят по-французски, как ангелы, а играют, поют и рисуют, как музы. Тайный советник Редерлейн – богатый человек; за обедами, которые он устраивает четыре раза в год, подаются прекраснейшие вина, тончайшие кушанья, все обставлено на самый изящный манер, и у того, кто не испытывает райского блаженства на его чайных вечерах, нет ни хорошего вкуса, ни ума и в особенности никакого понимания искусства. Последнее здесь тоже не забыто: наряду с чаем, пуншем, вином, мороженым и проч. всегда подается немножко музыки, которая поглощается изящным обществом с таким же удовольствием, как и все остальное. Порядок таков: после того как у каждого гостя было предостаточно времени, чтобы выпить сколько угодно чашек чаю, и уже два раза разносили пунш и мороженое, слуги готовят игорные столы для старейшей, более солидной части общества, предпочитающей музыкальной игре игру в карты, которая и впрямь не производит такого бесполезного шума и при которой звенят разве что деньги. Это служит сигналом для младшей части общества: она приступает к девицам Редерлейн, поднимается шум, в котором можно разобрать слова: "Прелестная барышня, не отказывайте нам в наслаждении вашим небесным талантом". – "О, спой что-нибудь, моя дорогая!" – "Не могу – простуда – последний бал – ничего не разучила". – "О, пожалуйста, пожалуйста! Мы умоляем!" и т. д.

Готтлиб уже успел открыть фортепьяно и поставить на пюпитр хорошо знакомую нотную тетрадь. Сидящая за картами мамаша восклицает:

– Chantez donc, mes enfants! *

Эта реплика отмечает начало моей роли: я сажусь за фортепьяно, а барышень Редерлейн с торжеством подводят к инструменту. Тут опять начинается спор: ни одна не хочет петь первой.

– Ведь ты знаешь, милая Нанетта, я ужасно охрипла.

– А я разве меньше, милая Мари?

– Я так плохо пою.

– О, милочка, только начни... – и т. д.

Мой совет (подаваемый всякий раз), что они могли бы начать с дуэта, вызывает рукоплескания; принимаются перелистывать ноты, находят наконец тщательно заложенный лист, и начинается: "Dolce dell' anima" ** – и проч. Талант же у барышень

* Пойте же, дети! (франц.).

** Услада души (итал.).

Редерлейн отнюдь не малый. Вот уже пять лет, как я здесь, из них три с половиной года – учителем в редерлейновском доме; за это короткое время фрейлейн Нанетта кое-чего достигла: мелодию, слышанную всего раз десять в театре и затем не более десяти раз повторенную на фортепьяно, она в состоянии спеть так, что сразу можно догадаться, что это такое. Фрейлейн Мари схватывает мелодию даже с восьмого раза и если часто поет на четверть тона ниже строя фортепьяно, то при ее миленьком личике и недурных розовых губках с этим легко можно примириться. После дуэта – дружный хор похвал. Затем начинают чередоваться ариетты и дуэттино, а я заново отбарабаниваю уже тысячу раз игранный аккомпанемент. Во время пения финансовая советница Эберштейн, покашливая и тихонько подпевая, дает понять: "И я ведь тоже пою". Фрейлейн Нанетта говорит:

– Милая советница, теперь и ты должна дать нам послушать твой божественный голос!

Опять поднимается шум. У нее простуда, и она ничего не может спеть наизусть. Готлиб притаскивает две охапки нот; начинается перелистывание. Сперва она хочет петь "Мщение ада" и т. д., потом "Геба, смотри" и т. д., затем "Ах, я любила" и т. д. В испуге я предлагаю: "Фиалка на лугу" и т. д. Но советница – за высокое искусство, она хочет показать себя и останавливается на Констанце. О, кричи, квакай, мяукай, издавай гортанные звуки, стеной, охай, тремолируй, дребезжи сколько тебе угодно; я взял правую педаль и грохочу fortissimo *, дабы оглушить себя. О сатана, сатана! Какой из твоих адских духов вселился в эту глотку, чтобы терзать, душить и рвать исторгаемые ею звуки? Четыре струны уже лопнули, один молоточек сломался. В ушах у меня звон, голова трещит, дрожит каждый нерв. Неужели все фальшивые звуки пронзительной трубы ярмарочного шарлатана собрались в этом маленьком горле? Ее пение меня измучило – пью стакан бургундского. Рукоплескали неистово, и кто-то заметил, что финансовая советница и Моцарт сильно меня воспламенили. Я улыбался, потупив глаза, и, как сам заметил, это выходило очень глупо. Тут зашевелились все таланты, процветавшие до сих пор под спудом, и стали выступать наперебой. Задумываются музыкальные сумасбродства – ансамбли, финалы, хоры. Каноник Картцер, как известно, божественно поет басом, уверяет господин в прическе à la Titus **, скромно заявляющий о самом себе, что он всего только второй тенор, хотя и состоит членом нескольких певческих академий. Быстро устраивается все для первого хора из "Тита".

* Очень громко (итал.).

** Как у Тита (франц.).

Великолепно! Каноник, стоя вплотную позади меня, гремит над моей головой таким басом, словно поет в соборе под аккомпанемент труб и литавр; он прекрасно попадал в тон, но второпях почти вдвое затягивал темп. Но он по крайней мере оставался верен себе настолько, что в продолжение всей пьесы постоянно тащился на полтакта позади. У остальных же певцов обнаружилась решительная склонность к древнегреческой музыке, которая, как известно, не знала гармонии и шла в унисон; все они пели верхний голос с небольшими вариантами в виде случайных повышений и понижений примерно на четверть тона. Это несколько шумливое исполнение вызвало общий трагический трепет, можно сказать ужас, даже у сидящих за картами, теперь уже они не могли, как раньше, мелодраматически вторить музыке, вплетая в нее декламационные фразы, как, например: "Я любила – сорок восемь – беззаботно – пас – я не знала – вист – мук любви – козырь" и т. д. Выходило очень недурно. Наливаю себе вина. "И это была вершина сегодняшней музыкальной выставки! Ну, теперь конец!" – подумал я, встал и закрыл ноты. Но тут ко мне подходит барон, мой античный тенор, и говорит:

– О дорогой господин капельмейстер! Говорят, вы божественно импровизируете; о, пофантазируйте же для нас! Хоть немножко! Пожалуйста!

Я сухо возражаю, что сегодня фантазия мне решительно отказала; но, пока мы беседуем, какой-то дьявол в образе щеголя в двух жилетах унюхивает под моей шляпой в соседней комнате баховские вариации: он думает, что это так себе, пустячные вариации вроде "Nel cor mi non più sento" *, "Ah, vous dirai-je, maman" ** и проч., и непременно желает, чтобы я сыграл их. Я отказываюсь; тогда все обступают меня. "Ну, так слушайте же и лопайте от скуки!" – думаю я и начинаю играть. Во время № 3 удаляется несколько дам в сопровождении причесок à la Titus. Девицы Редерлейн не без мучений продержались до № 12, так как играл их учитель. № 15 обратил в бегство двухжильетного франта. Барон из преувеличенной вежливости оставался до № 30 и только выпил весь пунш, который Готлиб поставил мне на фортепьяно. Я благополучно и окончил бы, но тема этого № 30 неужемимо увлекла меня. Листы in quarto *** внезапно выросли в гигантское in folio ****, где были написаны тысячи имитаций и разработок той же темы, которых я не мог не сыграть.

* Сердце мое не чувствует больше (итал.).

** Ах, скажу вам, маменька! (франц.).

*** В четвертую долю (лат.).

**** В полный лист (лат.).

Ноты ожили, засверкали и запрыгали вокруг меня, электрический ток побежал сквозь пальцы к клавишам – дух, его пославший, окрылил мои мысли, – вся зала наполнилась густым туманом, в котором все больше и больше тускнели свечи, иногда из него выглядывал какой-то нос, иногда – пара глаз; но они тотчас же исчезали. Вышло так, что я остался наедине с моим Себастьяном Бахом, а Готлиб прислуживал мне, точно какой-то *spiritus familiaris* *.

Я пью! Можно ли так мучить музыкаю честных музыкантов, как мучили меня сегодня и как мучают весьма часто? Поистине ни одно искусство не подвергается столь бесконечному и гнусному злоупотреблению, как дивная, святая музыка, нежное существо которой так легко осквернить! Если у вас есть настоящий талант, настоящее понимание искусства – хорошо, учитесь музыке, создавайте нечто достойное искусства и в должной мере служите своим талантом посвященному. А если вы лишены таланта и хотите просто брэнчать, то делайте это для себя и про себя и не мучьте этим капельмейстера Крейсlera и других.

Теперь я мог бы пойти домой и окончить свою новую сонату для фортепьяно, но еще нет одиннадцати часов и на дворе прекрасная летняя ночь. Бьюсь об заклад, что по соседству со мной у обер-егермейстера сидят возле открытого окна девицы и резкими, визгливыми, пронзительными голосами выкрикивают во всю мочь: "Когда меня твой взор манит" – одну только первую строфу. Наискосок, через улицу, кто-то терзает флейту; легкие у него, как у племянника Рамо; а мой сосед-валторнист делает акустические опыты, издавая протяжные звуки. Бесчисленные собаки в околоте начинают тревожиться, а кот моего хозяина, возбужденный этим сладостным дуэтом, вопит у моего окна (само собой разумеется, что моя музыкально-поэтическая лаборатория находится под самой крышей); карабкаясь вверх по хроматической гамме, он делает жалобно-нежные признания соседской кошке, в которую влюблен с марта месяца. После одиннадцати часов становится тише; я и сижу до этого времени, тем более что осталась еще чистая бумага и бургундское – я с наслаждением его потягиваю.

Я слышал, что существует старинный закон, который запрещает ремесленникам, производящим шум, селиться рядом с учеными; неужели же бедные притесняемые композиторы, которым вдобавок еще приходится чеканить из своего вдохновения золото, чтобы дольше протянуть нить своего существования, не могли бы применить к себе этот закон и изгнать из своего окружения дударей и все крикливые глотки? Что сказал бы живописец, если бы к нему в то время, когда он пишет иде-

* Домашний дух (*лат.*).

альный образ, стали беспрестанно соваться разные скверные рожи? Закрой он глаза, он по крайней мере мог бы без помехи дописывать картину в своей фантазии. Но вата в ушах не помогает – кошачий концерт все-таки слышен; и стоит только подумать, только подумать: вот теперь они поют, вот вступает валторна, – как самые возвышенные мыши летят к черту!

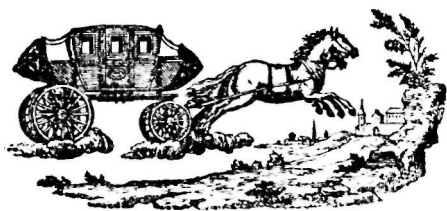
Лист исписан полностью; я хочу только еще отметить на белом поле, окружающем заглавие, почему я сто раз зарекался ходить в дом тайного советника и почему сто раз нарушал этот зарок. Виновата в этом, конечно, восхитительная племянница Редерлейна, привязывающая меня к этому дому узами, свитыми искусством. На чью долю выпало счастье хоть раз слышать в исполнении фрейлейн Амалии финальную сцену "Армиды" Глюка или большую сцену донны Анны из "Дон Жуана", тот поймет, что один час, проведенный с нею у фортепьяно, проливает небесный бальзам на раны, которые целый день наносились мне, измученному учителю музыки, всевозможными диссонансами. Редерлейн, не верующий ни в бессмертие души, ни в ритм, считает ее совершенно непригодной для пребывания в высоком обществе его гостей, ибо в этом собрании она решительно не хочет петь, а между тем перед людьми совсем низкого звания, например перед простыми музыкантами, поет с таким старанием, каковое ей вовсе не к лицу; по мнению Редерлейна, эти долгие, ровные, звенящие гармонические звуки, которые возносят меня на небо, она явно переняла у соловья – неразумной твари, что живет только в лесах и отнюдь не может служить образцом для человека, разумного царя природы. Она доходит в своей бестактности до того, что иногда даже заставляет аккомпанировать себе на скрипке Готлиба, разыгрывая на фортепьяно бетховенские или моцартовские сонаты, которые ничего не говорят ни одному чайному или карточному господину.

Я выпил последний стакан бургундского. Готлиб снимает нагар со свечей и, по-видимому, удивляется, что я так усердно пишу. Хорошо делают, что ценят этого Готлиба, которому только шестнадцать лет. Это превосходный, глубокий талант. Но зачем так рано умер его папаша, заставный писец, и для чего понадобилось опекуну одевать юношу в ливрею? Когда здесь был Роде, Готлиб слушал из передней, прижавшись ухом к дверям залы, и потом играл целые ночи напролет, а днем ходил задумчивый, погруженный в себя, и красное пятно, горевшее на его левой щеке, было точным отпечатком солитера с руки Редерлейна: как нежным поглаживанием можно вызвать сомнамбулическое состояние, так эта рука вознамерилась сильным ударом произвести прямо противоположное действие. Вместе с другими вещами я дал ему сонаты Корелли; тогда он стал неистовствовать

на старом эстерлейновском фортепьяно, вынесенном на чердак, пока не истребил всех поселившихся в нем мышей и, с позволения Редерлейна, не перетащил инструмент в свою комнатку. "Сбрось с себя это ненавистное лакейское платье, честный Готлиб, чтобы через несколько лет я мог прижать тебя к своей груди как настоящего артиста, каким ты можешь сделаться при твоём прекрасном таланте, при твоём глубоком понимании искусства!" Готлиб стоял сзади меня и утирал слезы, когда я громко выговорил эти слова. Я молча пожал ему руку; мы пошли наверх и стали играть вместе сонаты Корелли.

Прощание с Бамбергом

Глубоко многозначителен тот факт, что лакей Готлиб – единственный человек в доме богатого хвастуна Редерлейна, умеющий ценить игру на фортепьяно гениального Крейсlera. Его "прекрасный талант", его "глубокое понимание искусства" гибнут, потому что

их обладатель ведет недостойное существование слуги. Напоминание капельмейстера – это призыв освободиться внешне и внутренне: "Сбрось с себя это ненавистное лакейское платье, честный Готлиб!.."

Эти слова были написаны в 1810 году. К тому времени жизнь Э. Т. А. Гофмана в Бамберге сложилась так, что ее можно сравнить с судьбой Готлиба. Он был учителем пения дочерей из богатых семейств, подвергался всевозможным унижениям, был плохо оплачиваемым музыкальным рецензентом, странным, хотя и опасным придворным шутком богатых провинциальных буржуа. К концу 1812 года, после столь резкого заключительного аккорда в отношениях с семейством Марк, положение Гофмана в Бамберге стало почти невыносимым. Катастрофически ухудшилось его материальное положение: в дневнике учащаются жалобы на нужду – последние сигналы потерпевшего кораблекрушение. "С плохими приметам, в самых тяжелых обстоятельствах" начался для писателя, полностью лишившегося средств к

существованию, 1813 год. "Каким он будет?" И снова судьба вергает Гофмана в кризисное состояние, выхода из которого, казалось, отыскать уже невозможно. Но как раз в это время, в конце 1813 года, писателя, находившегося у края пропасти, находит письмо руководителя оперы Йозефа Секонды, который предлагает ему должность капельмейстера в своей оперной труппе в Лейпциге, – поистине драматическая перемена в тогдашнем положении Гофмана.

В те несколько недель, пока художник, получивший неожиданную поддержку музыкальным своим устремлениям, еще пребывает в Бамберге, происходит событие, окончательно определившее новое направление творческого пути Гофмана: 18 марта, в день рождения Юлии Марк, Гофман заключает издательский договор с Карлом Фридрихом Кунцем. Этим контрактом виноторговец и книгоиздатель решительно вмешался в жизнь Гофмана, навсегда утвердив его писательское будущее. В качестве первой публикации намечены были "Фантазии в манере Калло", положившие начало литературной славе Гофмана. Тонкое художественное чутье Кунца, столь часто ругаемое впоследствии, помогло ему распознать своеобразное, гениальное дарование Гофмана. Поэтическое слово как новая возможность воплотить горький бамбергский опыт стало в то время для Э. Т. А. Гофмана настолько важным, что он отложил начало работы над партитурой "Ундины" в пользу "Берганцы". В названии сборника, согласованном с Кунцем, он ссылается на Жака Калло, великого лотарингского графика, который два века назад столь же яростно бичевал свою эпоху и современников, облекая критику в фантастические одеяния. Сходство Гофмана с создателем "Capricci di varie figure" * и "Misères de la vie" ** нашло отражение также в "Принцессе Брамбилле" и "Угловом окне", оно свидетельствовало о таком понимании искусства, которое, несмотря на фантастику и гротеск, делало важнейшим критерием художественного творчества действительность, пережитую автором.

Навсегда покидая в апреле 1813 года город на Регнице, Гофман среди скудной дорожной поклажи увозил издательский договор с Кунцем и наброски новых литературных произведений. Путь к литературному творчеству был открыт.

По дороге в Саксонию Гофман проезжал мимо полков казаков и прусских гусар. Пока создатель капельмейстера Крейсlera вел в Бамберге борьбу за собственное человеческое достоинство и пытался избавиться от нужды, рождалась новая эпоха: гото-

* "Каприччи" (итал.).

** "Ужасы войны" (франц.).

вилась Битва народов против Наполеона. Душевное смятение у Гофмана отступило теперь пред хаосом внешних событий. И его не пощадили грядущие перемены, глубоко затронувшие судьбу немецкого народа. Начинался роковой 1813 год.

КАРЛ ФРИДРИХ КУНЦ
"Фантазии в манере Калло"

"Берганца" должна была выйти в свет отдельной книжкой. Поразмыслив совместно, мы решили объединить с "Берганцей" произведения, напечатанные ранее в лейпцигской "Музыкалише цайтунг," – новеллы и эссе "Дон Жуан", "Кавалер Глюк", "Инструментальная музыка Бетховена", ведь они до сих пор оставались неизвестными широкой публике. К следующим томикам мы намеревались добавить вещи, над которыми Гофман как раз работал или идеи которых у него созрели.

Потом обсуждали название, которое первоначально должно было звучать как "Картинки по Хогарту", однако было вскоре отвергнуто из-за того, что не *все* произведения отвечают такому заглавию.

Уж если название непременно должно было украшать имя какого-нибудь художника, мне вспомнился Калло, с полным собранием произведений которого я познакомился в годы юности в знаменитой лейпцигской коллекции гравюр у Бретцнера. Я обратил на него внимание Гофмана, который до тех пор почти незнаком был с произведениями Калло, предложил посмотреть многочисленные гравюры этого мастера, имевшиеся в здешней Штенгелевой коллекции, пусть даже оттиски были не из лучших.

Посмотрев их, Гофман загорелся, он был увлечен художником и тут же написал для "Фантазий" заглавную вещь "Жак Калло", так что было твердо решено назвать книгу "Фантазиями в манере Калло".

Затем, чтобы быстрее познакомить с книгой публику, я предложил просить Жана Поля, с которым был дружен, написать к ней предисловие, с чем Гофман поначалу не согласился. Он полагал, что в предисловии нет нужды, что книга его заявит о себе сама и сама найдет доступ к публике; лишь после долгих уговоров я получил его согласие.

Вскоре я поехал в Байрейт, чтобы устно высказать Жану Полю свою просьбу. По приезде еще до обеда я немедленно отправился к нему, но в ответ на просьбу получил полный отказ.

"Очень сожалею, – сказал Жан П о л ь, – что не смогу выполнить вашу просьбу, но я твердо решил отныне не писать предисловий к книгам. Я сделал это лишь два раза в жизни, а именно к "Сагам"

Добенека и к "Историческим документам" Канне, за что последний весьма недостойно отплатил мне". И он поведал о том, что произошло, но я, к сожалению, запомнил. Потом он добавил: "Ради вас как *издателя* я, быть может, отступил бы от своего правила, если б предисловие не обязывало с любовью отозваться и об *авторе*, а к Гофману я не питаю таковой, потому что моя жена, ранее знававшая его в Берлине, рассказывала о нем вещи, которые выставляют его характер отнюдь не в выгодном свете". И он мне только намекнул об этих вещах, сводившихся к тому, что одна из подруг жены Жана Поля имела какие-то отношения с Гофманом, причем он будто бы нарушил долг благодарности.

Жан Поль, оказавший мне честь, приняв предложение отобедать со мной в гостинице, пожелал, однако, оставить рукопись у себя, чтобы просмотреть ее и за обедом вернуть мне. Было 10 часов утра. В час пополудни он вошел в мою комнату со словами: "Рукопись я вам *не* принес, она останется у меня, потому что я напишу предисловие, притом, кажется, довольно хорошее и правдивое. Ведь не мог же я предполагать, что книга окажется столь превосходной; поздравляю вас с сокровищем, которое вы нашли!"

За столом Жан Поль возносил похвалы уму Гофмана и возвестил то, что позднее исполнилось, а именно: что когда-нибудь этот писатель прославится на всю Германию. <...>

ИЗ ДНЕВНИКА

27 февраля 1813г. Совершенно неожиданно получил письмо из Лейпцига, в котором Йозеф Секонда приглашает меня на место музыкального директора. Не работал совсем – голова полна.

17 марта 1813 г. Получил письмо, которое подтверждает мое поступление на службу к Секонде. Великая радость!

18 марта 1813 г. ...Днем у Кунца контракт на издание моих литературных сочинений.

19 апреля 1813 г. Вечером прощальный ужин у Кунца.

20 апреля 1813 г. Вечером у Кунца – прощался со слезами (от мадам Кунц получил прядь в о л о с...)

21 апреля 1813 г. Отъезд рано утром в 6 часов – ночевали в Байрейте.

22 апреля 1813 г. В Мюнхберге завизировали паспорта у коменданта форпостов и благополучно проехали через форпосты в Хоф.

23 апреля 1813 г. В часе езды перед Плауэном первые прусские форпосты – по дороге в Рейхенбах в лесу совершенно неожиданно пикет казаков, в Рейхенбахе заночевали в сквернейшем настроении. Два полка калмыков, прусские гусары.

24 апреля 1813 г. Цвиккау – 2 батареи пушек, Лунгвиц – прусские зеленые гусары. Заночевали на лугу в самой гуще казаков. Настроение более бодрое.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА БАМБЕРГ

Письмо Фридриху Шнейеру

13 июля 1813 г. ...Хотя иногда в счастливые минуты мне было весело и приятно среди моих дорогих друзей, хоть редко в каком-либо другом месте я чувствовал себя принятым столь сердечно и искренне, все же в глубине души я был убежден, что должен поскорее покинуть Бамберг, если не хочу погибнуть навеки. Представьте себе мою жизнь в Бамберге с первого момента после приезда, и Вы признаете, что будто какая-то враждебная, демоническая власть пыталась оторвать меня от стремления, или, лучше сказать, от искусства, которому я теперь посвятил всю свою жизнь, все свои помыслы и порывы. Мое положение у Куно, даже чуждая мне служба, которую я обрел у Гольбейна, связанная к тому же со многими соблазнами; но прежде всего незабываемые и абсолютно невыносимые сцены с Дитмайером, жалкие, глупые пошлости старика; иначе, но так же пагубно действовавшие роковые сцены с Кунцем и, наконец, с З., который казался мне свежеиспеченным, неумелым подручным дьявола, короче, полная оппозиция против любых высоких дел и стремлений, где человек поднимается на быстрых крыльях над вонючим болотом жалкого, нищего существования, – все это вызывало во мне внутренний разлад, внутреннюю войну, способную уничтожить меня быстрее, нежели любая сумятица во внешнем мире. Всякая незаслуженная обида, которую приходилось терпеть, усиливала мою внутреннюю жесточенность, и, привыкая все более к вину как возбуждающему средству, раздувая огонь, чтоб веселее гореть, я не понимал того, что на этом пути спасение принесет только гибель. Попытайтесь в нескольких словах, в намеке отыскать ключ к тому, что казалось Вам если не загадочным, то противоречивым! Впрочем: *Transeant cum caeteris!* *

* Пусть убираются со всеми остальными! (*лат.*).

Четвертая
глава

*Среди
сражений*

Новое смятение

Газета "Дрезднер анцайген фюр едерманн" сообщала: "25 апреля 1813 года в город прибыли: ...капельмейстер г-н Гофман из Бамберга... из города выехали: ...тайный советник г-н фон Гёте из Веймара..." Добропорядочному саксонскому бюргеру, напуганному событиями времени и прочитавшему эти строки,

имя капельмейстера Гофмана из Бамберга ровным счетом ничего не говорило. Гораздо больше жителей саксонской королевской резиденции занимало сообщение о том, что накануне, 24 апреля 1813 года, союзные монархи явились пред народом на Старом рынке: русский царь Александр I и король Пруссии Фридрих Вильгельм III.

Гофман, новый музыкальный директор оперной труппы Йозефа Секонды, сразу же по приезде в Дрезден был вовлечен в события освободительной войны, которые он, как свидетельствуют книги и дневники, пережил с огромным волнением, и позже они сыграли важную роль в его художественном творчестве. Однако, за немногими исключениями, голос его не звучал в шовинистическом антифранцузском хоре.

*На шмуцтитulle к четвертой главе
рисунок Гофмана*

Четыре гротескных образа

Когда 25 апреля он приехал в Дрезден, Секонды там не оказалось: политические события задержали его в Лейпциге. Несмотря на почти полное отсутствие средств, настроение у Гофмана было хорошее: в первый же день он свиделся со своим варшавским другом Францем Антоном Моргенротом, который, как и он, отказался от чиновничьей карьеры, посвятив себя музыке; в Линковых купальнях, любимом месте прогулок дрезденцев, он встретился даже со старым своим другом Гиппелем, прибывшим в Дрезден в свите прусского государственного канцлера Гарденберга. За несколько недель до этого Гиппель написал знаменитое воззвание "К моему народу". Но друзьям суждено было провести вместе лишь несколько дней. После проигранных сражений под Гросгершеном и Баутценом союзники вынуждены были отступить в Силезию через Дрезден и Лаузитц. В Дрездене это привело к яростным стычкам между наступающими французами и русскими частями, которые еще находились в Новом городе. Гофман, наблюдавший за боями у ворот замка, в непосредственной близости, делая заметки в дневнике, получил легкое ранение в берцовую кость.

19 мая пришло письмо от его нового антрепренера Секонды, который приглашал его в Лейпциг. На следующий же день Гофман отправился в путь, однако его ждало неожиданное происшествие. При въезде в Мейсен перегруженная почтовая карета перевернулась; юная графиня Фрич погибла на месте; окровавленную Мишу легко раненный супруг вытащил из-под обломков кареты. Им овладел ужас, он страшился, что рана жены смертельна. Однако через два дня жизнь Миши была уже вне опасности, можно было продолжать путь в Лейпциг. 23 мая супруги прибыли в город.

Через двадцать восемь часов Гофман уже дирижировал своим первым оперным спектаклем у Секонды: "Черный замок", *drame lyrique* * Далеирака. Работа с оперной труппой, по крайней мере на первых порах, доставляла ему радость. "...я все больше свыкаюсь с моей новой службой", – с гордостью замечает он в дневнике через несколько недель.

Еще важнее было то, что здесь, в Лейпциге, он наконец встретился и лично познакомился с людьми, с которыми давно переписывался: со всемогущим музыкальным издателем Гертелем, но прежде всего с Фридрихом Рохлицем, влиятельным редактором "Альгемайне музикалише цайтунг", для которой уже многие годы он писал рецензии и маленькие музыкальные эссе. Гофман, бесславно прозябавший до тех пор в Бамберге, наводя разве что ужас на бюргеров, здесь сразу благодарно

* Лирическая драма (франц.).

замечает, что в мире искусства за пределами Бамберга его уважают и ценят. Любитель шумного веселья, он проводит вечера после спектаклей со своими новыми друзьями-артистами в многочисленных лейпцигских заведениях – в "Погребке Трейбера", в "Саду Бозе", кофейне Рейхардта, в "Золотом сердце". 17 июня 1813 года он встретил в "Зеленой липе" судебного писца Фридриха Вагнера, младший сын которого, Рихард, четырех недель от роду, лежал в своей колыбели за несколько улиц отсюда; позже Рихард Вагнер стал одним из восторженных почитателей Гофмана, черпая у него материал для многих своих опер. Вечером 17 июня 1813 года царило веселое настроение: писец Вагнер не был чопорным человеком; опустошая один за другим стаканы с ромом, он, к великому удовольствию Гофмана, пародировал знаменитых местных актеров.

Политическая ситуация вновь изменилась. Союзники заключили перемирие с Наполеоном до 10 августа. Секонда использовал внезапно наступившую передышку в военной кампании: он добился разрешения выступить со своей труппой в дрезденском придворном театре. Вместе с Мишей, еще не оправившейся от последствий несчастного случая под Мейсеном, Гофман вновь усаживается в неудобную почтовую карету и 24 июня покидает Лейпциг.

ПИСЬМО КАРЛУ ФРИДРИХУ КУНЦУ

26 апреля 1813 г. ...В Байрейте я застал почтмейстера Гшикта; он, а также лейтенант Бейерлейн заверили меня, что не стоит и помышлять прорваться. Решив, что в пути надобно испытать все, я с богом тронулся дальше. Гшикт по крайней мере устно отрекомендовал меня обер-вахмистру форта фон ден Егерну, командующему мюнхбергским форпостом. Я обратился к нему, и он, выразив некоторые сомнения, все-таки завизировал мой паспорт, так что я миновал без дальнейших расспросов все форпосты, последний из которых находился в получасе езды за Мюнхбергом. В Хофе войск нет, лишь храбрые молодцы, посоветовавшие моему любезнейшему ехать дальше. В часе езды до Плауэна первый конный разъезд – прусский гусар, спросивший меня, куда я держу путь; впрочем, он пропустил меня после того, как я выпил с ним водки за здоровье Фридриха Вильгельма. Прусский вахмистр с пикетом гусар – то же самое, – и опять вперед. В Плауэне прусский отряд. Едва выехали отсюда, как в лесу, совершенно неожиданно и тихо подкравшись, появились двадцать пять казаков с офицером, сплошь пожилые бородатые люди, пропустившие меня без расспросов. Рейхенбах

кишит прусскими гусарами, казаками. Мы переночевали. Вечером, в половине девятого, проследовали два отряда башкир и калмыков, и всю ночь напролет не прекращалось движение казаков. В гомоне и выкриках на чужом языке было что-то жутковато-страшное. Теперь уже на дороге непрерывно патрулировали башкиры, казаки и прусские гусары. В Лихтенштейне стоят русские драгуны и артиллерия – две батареи, в каждой по две гаубицы и по восемь тяжелых шестифунтовых. В Лунгвиц как раз вступили два эскадрона прусских зеленых гусар – великолепные всадники на прекрасных конях. Приятно было на них смотреть, по большей части это добровольцы. Хемниц полон войсками всех родов. А перед деревней Виза, где мы ночевали, стоят 40 пушек (4 батареи). Войска все прибывали – повозки с боеприпасами, пушки, пехота, кавалерия, – продвигались маршем вперед. Еще в Герцогсвальде нас чуть было не раздавила повозка с боеприпасами, покотившаяся вниз. И вот наконец *Дрезден*. Вообразить невозможно, сколько здесь народу. За королем и императором следуют 20000 гвардейцев с 60 пушками. Все забито войсками, однако сегодня они уже по большей части должны выступить вперед.

Пятьдесят или, чтобы не соврать вслед за кельнером, множество девушек в белых одеждах преподнесли венок императору, когда тот въехал в город.

Во время иллюминации 25-го числа горели эпитафии, высмеивающие Наполеона. Недалеко от своего окна я, между прочим, увидел надпись: "С печалью прежде, сегодня – в надежде!" Всю ночь раздавались крики "Ура!" и русские народные песни. Необычайное воодушевление и движение: русские и прусские офицеры обнимаются на улицах, во всех тавернах произносятся имена Александра и Фридриха Вильгельма!

ИЗ ДНЕВНИКА

25 апреля 1813 г. ...приехали в Дрезден. Секунду не встретили; денежные затруднения...

26 апреля 1813 г. Вышел на улицу, совершенно ободрился, нашел Моргенрота... Великолепный реквием Хассе, в Линковых купальнях встретил *Гиппеля*, Штегемана, которые стали тайными советниками. В высшей степени счастливое настроение! Письма в Лейпциг.

27 апреля. Утром прогуливался по улицам. Днем осматривал квартиру неподалеку от Линковых купален. Вечером в Линковых купальнях с Гиппелем, Бартольди; вместе с ними ужинал в "Ангеле", настроение весьма приятное.

28 апреля. Приятный визит Моргенрота, который вдохнул в меня мужество. Днем за table d'hote *. 5 кирасирских полков, видел императора и короля. Днем в городе, не без забот, вероятно, я должен отправиться в Лейпциг.

29 апреля. Dies tristis ** провел в разнообразных хлопотах. ...напрасный визит к Гиппелю.

30 апреля. dito. Вечером за столом совершенно неожиданное письмо из Лейпцига с переводом в 70 рейхсталеров, который освобождает меня от всех забот! Великая радость! Счастливое настроение!

2 мая. Утром на мессе Наумана, весьма поэтическое настроение. Вечером в Линковых купальнях. Моргенрот, придворный музыкант Шмигель, приятные знакомства; в очень веселом настроении выпил пушту у Кунради. Военные события достигли наивысшей точки напряжения.

3–6 мая. С этого времени начинаются дни величайшего беспокойства, величайшего напряжения – появляются военные сообщения, даже Гиппель обеспокоен исходом событий и советует мне переждать еще несколько дней. Между тем заметно явное отступление русских и пруссаков. Обозы, орудия передвигаются через <город> – французских пленных, однако, мало.

7 мая. Государственный канцлер фон Гарденберг покинул город. Гиппеля я больше не видел. Комендант города тоже уехал. Ужасное беспокойство и озабоченность – когда же я уеду в Лейпциг. (Прослушал репетицию "Кортеца", и это доставило мне большое удовольствие.)

8 мая. В высшей степени беспокойная ночь – казаки спешно провели через город множество артиллерии, в 11 часов мост через Эльбу горел, так же как и оба плавучих моста. Горящие лодки плыли вниз по реке, величайшее смятение – грохот орудий совершенно рядом. Французы вошли в город. В 5 часов пополудни император. В течение всего времени непрерывающаяся перестрелка. Удивительное зрелище: на городском валу видел русских, как они прицеливались и стреляли во французов, которые показывались на мосту. Поздно вечером у меня Моргенрот. Настроение радостное, вопреки бедствию. Всего за час перед вступлением французов прусский король проехал верхом по мосту через Эльбу.

9 мая. Довольно спокойная ночь, но с четырех часов утра непрерывающаяся стрельба. Французы расположились на башне и на галерее католической церкви. Я стоял у самых Замковых ворот и чуть не был убит, когда 5–6 снарядов, шипя,

* Табльдотом (франц.).

** Печальный день (лат.).

ударилась в стену и отскочили обратно. Днем, в половине второго, на Старом рынке разорвалась граната и повергла всех в немалый ужас. Вечером с Моргенротом в Саду Тильке. Настроение весьма веселое, невзирая на тревогу. Пушечные залпы, после этого стрельба прекратилась. Впрочем, сегодня тяжело ранен один старик, который рано утром хотел пойти в церковь.

Утром отправился к мадам Веттер на Старый рынок, где раньше жил Моргенрот. Маленькая квартира художника, пятый этаж. Написал Кунцу. Русские оставили Новый город.

11 мая. ...Сегодня по направлению к Пирнским, Вильсдруфским и Озерным воротам по восстановленному мосту через Эльбу прошли вюртембергцы, французы, итальянцы, поляки, по меньшей мере от 30 до 40000 человек и много артиллерии. Русские отсюда, говорят, всего в двух часах. Голод – ни мяса, ни хлеба. Страшное время – все полно ожидания. Вечером с женой в Саду Тильке, настроение радостное, несмотря на тяжелые заботы. Общее настроение совпадает с моим. К сожалению, я все еще не в состоянии работать над чем-нибудь большим.

12 мая. Рано утром работал над рецензией на симфонию Брауна и Вильмса – затем в Саду Брюля. Днем видел императора, вице-короля и прочих на мосту, где он наблюдал, как мимо него продефилировали кавалерия и артиллерия (особое ощущение). Саксонский король тоже прибыл под звон колоколов и гром пушек.

13 мая. Впервые снова усердно работал над рецензией на симфонию Вильмса и благополучно завершил ее. Вечером был в академии пения Дрейсига и слушал великолепное "Мизерере" Наумана, которое, однако, было не очень хорошо исполнено. После этого пребывал в приятном настроении. Со всех сторон жалобные стоны, нищета – не хватает хлеба.

15 мая. Начал рецензию на мессу Бетховена. Радостное и все же весьма неопределенное сообщение, будто левый фланг французов разбит, впрочем, *dies Ordinarius* *. Вечером в Саду Брюля, прибыло множество раненых.

20 мая. В 10 часов в приятном настроении выехали почтовым дилижансом – французские офицеры, граф Фрич с супругой, купцы и прочие. Неподалеку от Мейсена с нами случилось ужасное несчастье, моя бедная жена была тяжело ранена в голову, юную, очаровательную, хорошенькую графиню Фрич в самом страшном виде вынесли мертвой – ужасное впечатление. Когда я хотел довести жену до Мейсена, нас захватили с собой

* Обычный день (*лат.*).

совершенно незнакомые люди, сенатор Гольдберг с супругой дружески отнеслись к нам, подкрепили вином и послали за портшезом, в котором моя жена при большом стечении народа была перенесена в гостиницу "Солнце", где ей оказали первую помощь. Я сам совершенно невредим, но все тело болит и едва двигаюсь. Что я должен еще пережить. Слава богу, что жена жива и вне опасности, как уверяет хирург.

21 мая. Моя жена совершенно вне опасности, хотя очень слаба и в лихорадке pp., – поэтому я остался в Мейсене и вечерами успешно работал над сочинением "Что пена в вине, то сны в голове", или как там я его назову еще. Сам очень страдал от сильных болей во всем теле.

22 мая. Спокойная ночь. Врач и хирург единодушно разрешили дальнейшее путешествие; в 11 часов я выехал специальным дилижансом до Вермсдорфа, куда прибыл уже в 5 часов и остался там; жена чувствует себя хорошо – я страдаю сильнее, чем могу выразить.

23 мая. Рано утром в 7 часов выехал из Вермсдорфа и в половине третьего благополучно прибыл в Лейпциг, остановился в "Hotel de France", в ужасной дыре с окном, выходящим во двор, и поэтому пришел в дурное настроение. Вечером отправился к Секонде и был принят очень любезно...

ПИСЬМО ЮЛИУСУ ЭДУАРДУ ХИТЦИГУ

1 декабря 1813 г. ...Секонда окончательно отказался от приезда в Дрезден, вызвал меня в Лейпциг, и я отправился туда 20 мая в почтовом дилижансе вместе с женой в самом веселом настроении, не подозревая, что мне предстоит самое страшное происшествие в моей жизни. На первой станции, всего в двухстах шагах от Мейсена, когда почтальон и шорник вышли из кареты и пошли пешком следом, дикая молодая лошадь в передней упряжке испугалась, рванула к канаве, круто развернув тяжело нагруженную карету, где были сундуки с деньгами, купеческий товар и двенадцать пассажиров. Карета опрокинулась с огромной силой. Я перелетел через жену, но отделался легкими ушибами, остался в сознании и смог вытащить ее из-под сундуков и ящиков – но в каком виде! Она была бездыханной, из раны на голове хлестала кровь, заливая лицо. Я отнес ее на лужайку и, сохраняя присутствие духа, вылил на свой платок флакончик одеколона, к счастью, сохранившийся в корзинке, все еще висевшей на руке у жены, потом протер ей лицо. Мгновенно мелькнула мысль, что голова разби-

та, но, к радости своей, я увидел, что, кажется, была только одна крупная рана на лбу длиною в 2–2,5 дюйма. Моя бедная жена очнулась от обморока, и я смог доставить ее к дому, который был совсем недалеко от города. Там нашлись исключительно добрые люди, давшие нам немного подкрепиться вином. Наконец из Мейсена прибыл заказанный портшез, и жену мою на глазах у сбежавшегося народа отнесли в гостиницу, где довольно искусный хирург сразу же наложил первую повязку. С нами в дилижансе ехали советник апелляционного суда граф Фрич из Дрездена со своей юной симпатичной женой (не старше двадцати трех лет), на которой женился всего несколько месяцев назад; они хотели из Мейсена отправиться в свое имение Зибенэйхен. Графиня была *мертва*, страшно искалечена – ее вытащили из-под кареты. Лишь на второй день врач и хирург уверили меня, что жизнь жены вне опасности, важные органы не затронуты, и на четвертый день нам разрешили потихоньку двигаться дальше, так что мы, наконец, добрались до Лейпцига, где искусный доктор Этцманн долечил мою жену, которая отделилась лишь чуть заметным шрамом; впрочем, любая перемена погоды причиняет ее голове неприятнейшие ощущения. <...>

ИЗ ДНЕВНИКА

5 июня 1813 г. Репетиция "Золушки". Печальные перспективы. Секонда собирается распустить труппу, и в понедельник должно состояться последнее представление. Несмотря на скверные перспективы, я не особенно расстроен. Впрочем, удивительные политические новости – сам Наполеон, говорят, ранен.

11 июня. Утром репетиция "Оберона". Днем получил отрадное известие, что Секонда едет в Дрезден и будет играть в придворном театре. Вечером спектакль "Сарджино" – прошел хорошо. В кафе Рейхардта. Настроение весьма приятное.

13 июня. Утром репетиция "Золушки" до двенадцати часов. Днем безумная головная боль. Вечером совершенно удавшийся спектакль – я все больше свыкаюсь со своей новой службой, это мне уже становится легко, настроение прекрасное. После театра – в кафе Рейхардта.

ПИСЬМО ФРИДРИХУ ШПЕЙЕРУ

13 июля 1813 г. ...Наверное, в мире нет больших антиподов в научном и художественном отношении, чем Бамберг и Лейп-

циг. То есть хочу сказать, что если в Бамберге было слишком мало радостей, то в Лейпциге их, пожалуй, даже чересчур много. Много настолько, чтобы чувствовать себя, как рыба в воде, в своей стихии, весело и свободно. Всюду меня приняли исключительно сердечно; Рохлиц и Гертель приветствовали как старого знакомого, а господа из оркестра встретили с послушанием, в некотором роде даже почтительно, что немного меня смутило. Мне стало ясно, что маленькие зерна, посеянные мною (я имею в виду музыкальную газету), здесь взошли и расцвели. Не могу передать мое собственное ощущение от всего этого, тут же вспоминается бамбергский идиотизм. Мы сразу нашли общий язык, так что пусть мудрейший господин Дитмайер придет сюда и убедится в том, можно ли дирижировать, сидя за роялем, а также умею ли я дирижировать вообще. Жизнь в Лейпциге очень приятна и вовсе не столь уж дорога, как о том твердят всюду. Можно было бы прожить совсем дешево, если бы не одно роковое заведение, на которое тратятся гульдены. Так вот, на рынке и на Петерштрассе находятся так называемые итальянские погребки: Майноне, Трейбер, Росси и др. Проходишь мимо, а улица перед входом так поката, что не заметишь сам, как спустишься вниз по лестнице и очутишься в неплохо обставленной комнате, вот только сразу даст о себе знать проклятый воздух погребка – чтобы заглушить его, приходится выпить стакан епископского или бургундского, закусив салатом из анчоусов и ракушек, сервелатом, оливками, каперсами, оливковым маслом из Лукки и т. д. Да, это заведение стоит гульденов! <...>

ИЗ ДНЕВНИКА

17 июня 1813 г. Утром вюртембержцы и французы с артиллерией выступили, как говорят, в обход русских и пруссаков, у которых есть один свободный путь, чтобы все вывезти. Распространяются самые разнообразные, необычайные слухи. Вечером в "Зеленой липе"; судебный писец Вагнер – недюжинный человек, копирует Опица, Ифланда pp., и притом остроумно – кажется, он тоже приверженец лучшей школы, – un poco exaltato * из-за обильных возлияний рома.

21 июня. Сидел дома и писал рецензию на музыку Бетховена к "Эгмонту". Лейпциг официально объявлен на осадном положении – всеобщее замешательство. Днем был в Конвице у надворного советника Рохлица – очень хорошее настроение,

* Немного возбужден (итал.).

так как в "Зеленой липе" разнообразные сообщения по поводу приближения русских.

23 июня. Приготовление к путешествию в Дрезден. Отрицательный ответ Гертеля по поводу денег – сквернейшее настроение.

ПИСЬМО ФРИДРИХУ ШПЕЙЕРУ

13 июля 1813 г. ...Секонда именно таков, каким описал мне его Рохлиц, – милый, честный, недалекий человек, в течение двадцати пяти лет крутивший машину, словно осел сукновальню. Ежемесячно он загребает четыре – пять тысяч талеров, тут же растрчивая их, но, если что-то выбьется из привычной колеи, тут он потеряет голову и окажется беспомощным. В столь беспокойное время театр, конечно, пустовал, мы даже не могли нормально играть: перед началом спектаклей нередко объявляли общий сбор и городские ворота запирались. Вот почему 5 июня Секонда хладнокровно объявил: он вынужден закрыть театр, а мы вольны идти, куда заблагорассудится. Можете себе представить, известие поразило нас как гром среди ясного неба; все мы были уверены, что до этого не дойдет, отыщется какой-нибудь выход, мы переживем тяжелые времена и сохраним театр. Но все наши спектакли, даже ссуда в тысячу талеров, выхлопотанная у богатого купца благодаря посредству нашего комика господина Келлера, весьма почитаемого в Лейпциге человека, не дали ничего. Секонда стоял на своем. Тут все пришли к единому мнению, решив с помощью всевозможных урезаний бюджета продержаться еще хотя бы две недели за свой счет, предоставив господину Секонде вести строгий учет доходов и расходов. Отцы города не только пошли на это, но даже были столь благосклонны, что существенно снизили арендную плату. Высокие гонорары были урезаны почти в половину, и мы бодро начали, рассчитывая продержаться хотя бы лето, ведь никакой надежды играть в Дрездене, в Линковых купальнях, по ту сторону укрепленных позиций, у нас не было. Удача сопутствовала нам, две новые оперы, "Сарджино" и "Фигаро", шли великолепно, принимались бурными аплодисментами, так что каждую дали по три раза при полном зале, наши сборы покрыли все расходы – ежедневно после сокращения бюджета они составляли 123 талера, и наши урезанные гонорары можно было выплачивать без дальнейших вычетов. Мы уже строили дальнейшие планы, дерзко замахнувшись на постановку "Весталки", как вдруг совсем неожиданно для господина Секонды

взошла настоящая звезда счастья. (За Ханзена не опасуюсь, он глупостью все победит!) Через посредничество своего брата Франца он получил разрешение играть в Дрезденском придворном театре, притом даже по воскресеньям, – нечто неслыханное для Дрездена, возможное лишь с той поры, как король Саксонии обрядился в большую шляпу с плюмажем и подбородным ремнем. Тут уж Секонда, понятно, вновь взял бразды правления в свои руки, и 24 июня мы отправились в Дрезден в девяти полуфургонах. Весьма забавная поездка, которая могла бы дать материал для юмористического рассказа. Гамбургский шарабан, в котором помещался обслуживающий персонал со служанками, детьми и животными в придачу, был столь потешен, что при погрузке и разгрузке я всякий раз старался оказаться неподалеку. Согласно точным подсчетам, в нем разместились: один театральный парикмахер, два ассистента, пять служанок, девять детей, среди них двое новорожденных и трое грудных, один попугай, ругавшийся непрерывно и довольно удачно, пять собак, среди них три весьма пожилых мопса, четыре морские свинки и одна белка. У нас с женой был отдельный полуфургон, великодушно предоставленный Секондой ввиду ее ранения. Мы постоянно выбивались далеко вперед, однако на каждом привале для завтрака или обеда я обязательно поджидал весь караван. В Ошатце остановились на ночлег, и поскольку среди нас, хвала господу, немало образованных и к тому же веселых людей без комедиантских причуд, то, как Вы можете себе представить, весьма удался вечер. Я предложил устроить нечто вроде триумфального въезда в Дрезден, чтоб сразу привлечь к себе внимание. Главная роль при этом отводилась тому гамбургскому шарабану. Предложение было принято аплодисментами, а распределение ролей дало новый повод для шуток. Сам господин Секонда – его при этом не было, он уже отправился в свою комнату, – маленький, пожилой, сгорбленный человечек с непомерно большой головой и стеклянными глазами навывкате, должен был в римском одеянии подобно триумфатору стоять на козлах своего полуфургона, у него над головой, на особом сооружении, поддерживаемом ассистентами, должен был восседать попугай, словно паря над ним, как орел над Германиком. Мопсов и морских свинок, украшенных дорогими цветами, должны были, будто диковинных зверей из заморских краев, нести мавританские рабы из "Аксурса", как бы в дар королю за полученное разрешение. Довольно об этих шалостях!! <...>

Искалеченные, разорванные в клочья люди

Веселое описание путешествия в Дрезден, похожее более на юмористическую новеллу, было явно рассчитано на получателя письма, бамбергского друга Шпейера. В действительности же поездка была куда менее живописной. "В жалкой телеге совершил отвратительнейшее путешествие в Дрезден в самом неприятном настроении – проклятый Секонда". Так много открытое сообщает об этом дневник. То же письмо Шпейеру от 13 июля 1813 года содержит идиллическое описание великопейской долины Эльбы и тамошней жизни, также, очевидно, литературно приукрашенное Гофманом. Изображенная здесь Аркадия противоречит дневниковым жалобам на "великую нужду".

Для тогдашних автобиографических свидетельств тоже характерно сочетание страстного томления по романтической Атлантиде и безжалостной скудости будней, из которой Гофман никак не мог вырваться. Из такого разлада возникает дуалистическая картина мира, запечатленная в "Золотом горшке" – произведении, законченном вчерне в первые месяцы жизни в Дрездене.

В целом же этот краткий период был благоприятен для его художественного творчества. Наряду со своей ежевечерней работой у Секонды он написал в то время рассказ "Магнетизер", названный вначале "Что пена в вине, то сны в голове". Готовился выход в свет первого томика "Фантазий в манере Калло", для которого Жан Поль написал предисловие по настоянию бамбергского издателя Кунца. И все же музыка тогда еще была для Гофмана главным средоточием его помыслов: "Фантазиям" предстояло печататься анонимно, "поскольку имя мое должно стать известным миру лишь благодаря удачному музыкальному сочинению". Наконец он начал писать музыку к "Ундине". А кроме того, изучил подробно две книги, имевшие исключительное влияние на пребывающее в становлении художественное творчество: "О мировой душе" Шеллинга и "О темной

Гравюра Фогеля, 1823 год

стороне естественных наук" Готхильфа Генриха Шуберта. А еще общительный музыкальный директор нашел себе новых друзей, к примеру актера и певца Й. Г. Келлера, которого Клингеман, директор брауншвейгского театра, позднее назвал лучшим немецким мимом после Людвиг Девриента.

Но вскоре безмятежному служению искусству пришел конец. 10 августа истек срок перемирия между воюющими сторонами. Тем временем Австрия присоединилась к союзникам, и в решающей битве французскому императору противостояла сплоченной коалицией почти вся Европа: на севере шведский наследный принц Бернадот со 120 000 солдат, на востоке Блюхер со 100 000 солдат, в Богемии главная армия под командованием Шварценберга с 230 000 солдат. Мощному сражению – это ясно было с самого начала – предстояло произойти в Саксонии, король которой все еще был в союзе с Наполеоном. Из-за предстоящих боевых действий Гофман покинул свое уютное жилище у городских ворот и поселился на Морицштрассе.

15 августа Наполеон оставил Дрезден, где находился до тех пор, и маршем двинулся навстречу силезской армии Блюхера, которая, однако, уклонилась от сражения. Между тем главные силы под командованием Шварценберга продвинулись из Богемии к Дрездену. Утром 26 августа Наполеон срочно вернулся в Дрезден, чтобы самому возглавить оборону города. Атака союзников была немедленно отбита. Следующий день принес Наполеону последнюю победу на немецкой земле. Он взял в плен целую дивизию и вынудил русский корпус Витгенштейна к отступлению в направлении Теплица, после чего союзники отошли через горы в Богемию. Их потери составили не менее 20 000 убитыми и 15 000 ранеными.

Гофмана потрясли сражения, свидетелем которых он был. Вновь его интерес, скорее даже любопытство оказались сильнее отвращения к орудийному грохоту и военной неразберихе. В нескольких шагах от него граната угодила в повозку с порохом, людей разорвало в клочья, стоявшие поблизости дома покрылись пеплом. В пороховом дыму ему удалось разглядеть удивительно импозантную фигуру императора, тот скакал мимо, увлекая за собой в наступление старую гвардию. Еще не отгремели последние выстрелы, а Гофман уже выбежал на поле сражения за городским валом, где перед ним открылась страшная картина. "Что часто виделось в ночных кошмарах, предстало нынче наяву – и самым ужасным образом. Искалеченные, разорванные в клочья люди!!" – потрясенный, записывает он в дневнике.

Заметки, сделанные под непосредственным впечатлением от дрезденских событий, неприкрашенно, без какой бы то ни

было стилизации передают суть происходящего. Гофман собирался опубликовать эти калейдоскопические заметки под названием "Три роковых месяца, отрывок из моего дневника для друзей", но они так и остались, по сути, фрагментарными зарисовками происходившего с 15 по 29 августа. В написанном позднее аллегорическом "Видении на поле битвы под Дрезденом" писателю не удалось достичь той непосредственности, что ощущается в дневнике.

А между тем война продолжалась. Несмотря на победу под Дрезденом, Наполеону не удалось наголову разбить союзников, которые отдельными колоннами устремились теперь на лейпцигские равнины. Там с 16 по 19 октября произошла Битва народов, внесшая огромные перемены в эту войну. Спустя несколько дней первые слухи о поражении Наполеона просочились в Дрезден, все еще занятый французами. В укромной каморке в кофейне Эйхелькраута собирались патриоты, шепотом рассказывая о катастрофе *Grande Armée* *. У Эйхелькраута Гофман встретил автора либретто оперы "Вольный стрелок" Фридриха Кинда и автора развлекательных книжек Фридриха Лауна. Маленькой группе людей необходимо было сплотиться теснее – ведь бедствия войны продолжались. 29 октября, через десять дней после окончания лейпцигской битвы, войска коалиции начали осаду Дрездена. Через несколько дней наступил голод, в городе не было ни хлеба, ни мяса. Среди гражданского населения свирепствовала эпидемия тифа. Злой рок витал и над Гофманом. Тем не менее вечером 4 ноября он, "жаждавший душой" рая искусства, дирижировал "Волшебной флейтой" Моцарта в осажденном Дрездене.

Наконец 10 ноября город капитулировал. Через десять дней Гофман начал писать новеллу "Золотой горшок". А уже девятого декабря он вместе с Мишей отправился в Лейпциг, где Секонда устраивал зимние оперные спектакли.

ПИСЬМО ФРИДРИХУ ШПЕЙЕРУ

13 июля 1813 г. ... В Дрездене я живу на природе, то есть прямо у Черных ворот, на песчаной аллее, ведущей в Линковы купальни. Из моего окна, увитого виноградом, видна большая часть великолепной эльбской долины – часть Саксонской Швейцарии, Кёнигштейн, Лиlienштейн на противоположном берегу ласковой реки. Стоит отойти на двадцать шагов от калитки – а

* Великой армии (франц.).

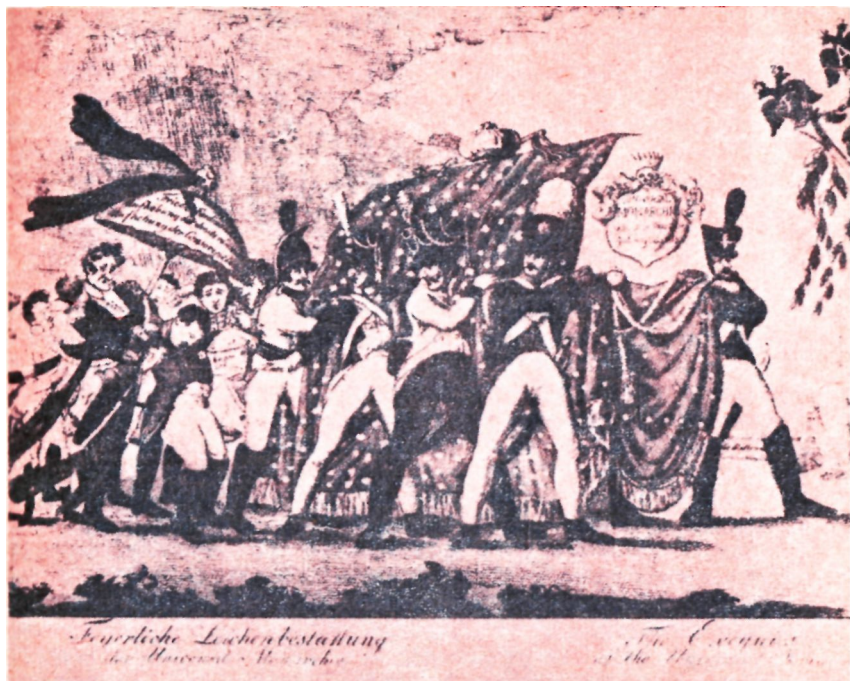
я делаю это, когда есть охота, в колпаке, шлепанцах и с трубкой во рту, – как мне открывается великолепный вид на Дрезден с его куполами и башнями, за ними высятся далекие скалы Рудных гор. Пойду дальше – загляну в "Дощатый баркас", "Тихую музыку", "Испанский воротник", к "Веселому виноградарю" – сплошь забавные названия близлежащих виноградников у реки, где можно подкрепиться молодым вином и найти приятное общество. Подобное преимущество приходится оплачивать ценою некоторых неудобств, трижды в неделю проделы-

*Заклинатели злых духов изгоняют
беса Наполеона из дамы Галлии*

вая путь длиною в милю и четырежды – в полмили, поскольку я должен ходить на репетиции и представления, а это каждый раз полчаса. Но я шагаю с удовольствием, это весьма полезно, а еда и стакан деревенского вина прекрасны. Пиво с некоторых пор неудобоваримо, ведь если бы в нем оказалась лягушка, Вы все равно не смогли бы ее разглядеть.

*Дама Галлия, выздоровев,
оплачивает счет своим врачевателям*

ИЗ ДНЕВНИКА

26 июня 1813 г. Снял маленькую квартирку у господина Фурмана на аллее, которая ведет к Линковым купальням. Измучен и вял – все оказалось хуже, чем предполагал.

27 июня. Величайшая нужда. Гнусное настроение – плохой оркестр, неприятное столкновение с Секондой, который обвинил меня в том, что не получается лучше. Он грубый осел. Как хотелось бы уехать... Жалкая постановка "Дон Жуана".

29 июня. Был дома, работал над "Магнетизером". Безденежье.

1 июля. В 8 часов репетиция "Сарджино" – прошла довольно хорошо. Днем дома, начал сочинение "Ундины". Вечером в Линковых купальнях.

2 июля. Утром, в 7 часов, репетиция "Сарджино". После

*Торжественные похороны
монархии Наполеона*

этого прослушал службу в церкви. Днем писал "Магнетизера". Вечером удачный спектакль "Сарджино" – *итак, я выступал как дирижер там, где Паэр в первый раз дирижировал оперой.* Очень хорошее настроение, несмотря на великую нужду.

ИЗ ПИСЕМ КАРЛУ ФРИДРИХУ КУНЦУ

20 июля 1813 г. ...Вид первых двух листов доставил мне огромную радость, печать получилась на редкость элегантно и принесет Вам заслуженную похвалу в литературных газетах. Что же касается Ваших предложений, то здесь по зрелом размышлении результаты таковы: 1) Я не хочу называть себя, поскольку имя мое должно стать известным миру лишь благодаря удачному музыкальному сочинению; позже все равно узнают, кто написал произведения, изданные господином К. Ф. К. 2) Я подумаю об аллегорической виньетке, нарисую ее и вышлю Вам. 3) Любые предисловия, если они не предваряют научное сочинение, мне противны, но более всего те, которыми, будто аттестатом, известные писатели снабжают произведения малоизвестных авторов. В то же время сии предисловия – не что иное, как официальное разрешение властей просить милостыню; с оным в руках молодым писателям дозволено выпрашивать аплодисменты. Но если Вы, как издатель, для пользы дела считаете необходимым предварить мое сочинение подобным аттестатом, то напишите все же Вашему другу Жану Полю; быть может, он окажется в хорошем настрое и набросает стройное *предисловие*, которое можно будет поставить перед моим (я имею в виду "Калло"). <...>

19 августа 1813 г. ...Меня ужасно занимает продолжение, особенно сказка, которая будет почти на целый том. Только не рассчитывайте, дорогой, на Шехерезаду из "Тысячи и одной ночи" – торбан и шальвары изгнаны навсегда. Чудесным и магическим должно быть это произведение, но вместе с тем дерзко вторгающимся в повседневную жизнь и подхватывающим ее образы. Так, например, тайный архивариус Линдгорст – удивительно злой волшебник, три дочери которого, золотисто-зеленые змейки, заключены в кристаллы, но в Троицын день им дозволено три часа погреться на солнышке в кусте бузины возле "Сада Ампеля", мимо которого проходят все посетители кофеен и пивных. Однако юноша в праздничном сюртуке, собиравшийся съесть слоеные булочки в тени куста и поразмышлять о завтрашней лекции, безумно влюбляется в одну из зеленых змеек – объявлено его бракосочетание – молодые обвенчаны – в при-

даное достается золотой горшок, украшенный драгоценностями. Впервые помочившись в него, юноша превращается в мартышку мужского пола и т. д. Вы замечаете, друг мой, что за всем этим кроются Гоцци и Фэфнер!

Здоровье мое улучшилось, но сейчас мне приходится слишком много работать, потому что одна за другой следуют трудные оперы – "Ифигения", "Фаниска", "Сильвана", "Кортец", – это ужасно.

Мой врач опасался тифа, но эта атака отбита. Впрочем, этапы здесь таковы: дизентерия – тиф – смерть! Два дня назад я был настолько болен, что в самом деле готовился стать прекрасным ангелом...

Великолепна книга Шуберта "О темной pp", я получил ее и жадно интересуюсь всем, что написал или еще напишет этот гениальный человек. Объяснение предчувствий сомнамбул еще в большей степени проникательно, чем поэтично. <...>

ИЗ ДНЕВНИКА

2–7 августа 1813 г. В эти дни усердно и в самом разнообразном настроении работал над продолжением "Магнетизера", а также сделал наброски обещанных рисунков к виньеткам для Кунца. ...

12 августа. Написал Кунцу и послал ему рисунки двух виньеток вместе с первым листом рукописи. К тому же болен поносом.

ОТРЫВОК ИЗ МОЕГО ДНЕВНИКА ДЛЯ ДРУЗЕЙ "ТРИ РОКОВЫХ МЕСЯЦА"*

15 августа 1813 г. Со времени празднования наполеоновских торжеств 10 августа ежедневно из города уходят войска и вывозят орудия. Сегодня император с гвардейцами оставил город и двинулся по направлению к Силезии, поговаривают о близкой решающей битве.

16, 17, 18, 19 августа. Мертвая тишина. Строго по секрету передают весть, что Австрия присоединилась к союзникам.

20 августа. Кажется, пруссаки и русские приближаются к городу.

21 августа. Явное отступление французов из Силезии;

* Этот отрывок из дневника переведен Т. Клюевой.

бесчисленное множество раненых на повозках, кавалеристы на конях, пехотинцы без оружия ррр.

22 августа. С раннего утра в городе необычная суматоха – войска пришли в движение, – с трудом удалось завершить нелегкую генеральную репетицию "Ифигении в Тавриде", которая должна идти на вечернем представлении. Во время репетиции пришло известие, что городские ворота и заставы заперты, поскольку русские и пруссаки стоят совсем близко. На польских офицеров, игравших на бильярде в кофейне у Фрейбергской заставы, напали казаки и увели в плен. К вечеру стало спокойнее, мы действительно сыграли "Ифигению". Впрочем, я поспешно перебрался с песчаной аллеи на Морицштрассе.

23 августа. Еще более беспокойно, чем вчера. Совсем близко грохочут пушки, а у Озерных ворот слышна перестрелка. На улицах с поля боя возвращаются раненые – окровавленные, еще не перевязанные. Кое-кого привозят на тележках; на Зеегассе я видел, как везли офицера, у которого оба глаза были прострелены.

24 августа. Беспокойство нарастает: к воротам спешно везут пушки и подводы с порохом. Постоянная стрельба; Черные ворота были открыты, и я поспешил к Линковым купальням, где отчетливо было видно, как ведут перестрелку французские батареи и батареи союзников из Пирны. Вечером на городском валу у театра "Виктория" салютовали в честь победы под Лёвенбергом, о которой извещала вывешенная афиша. В ней говорилось о прекрасных кавалерийских атаках.

25 августа. Утром все тихо и спокойно. Пополудни слышалась совсем близкая перестрелка; я отправился с актером Келлером к Пирнской заставе, которая была открыта, да еще как: линия французских стрелков находилась всего в пятидесяти шагах впереди. В трехстах шагах уже спокойно разъезжали одиночные казаки, не обращая внимания на стрельбу французов. Я видел, как один из них спешился и подтянул подпругу. Вдруг из кустарника стремительно атаковали русские стрелки, перестрелка делалась все яростнее – многие французы упали замертво, другие, окровавленные, с криком бросились назад. Сформировались французские батальоны, и была выставлена батарея из четырех пушек; однако, едва она принялась за дело, полетели снаряды с батареи противника, которую я прежде не заметил; теперь же я увидел, что с гор спускается темная полоса. Поскольку ядра ложились почти вплотную у заставы, мы сочли благоразумным поскорее ретироваться через

Fantasiestücke

in Callot's Manier.

Blätter aus dem Tagebuche
eines reisenden Enthusiasten.

Mit einer Vorrede von Jean Paul.

Zweiter Band.

Bamberg, 1814.

Neues Leseinstitut von E. F. Kunz.

Вильсдруфские ворота. Ночью бой (первый, увиденный мною так близко) кончился. Французы думают, будто к Дрездену подошел всего-навсего разведывательный отряд, но это не так: с чердака высокого соседнего дома, куда я поднялся, всюду виднеется множество бивачных костров, Дрезден, несомненно, окружен сильной армией.

26 августа. В семь часов утра меня разбудил гром пушек; я немедленно поспешил на чердак соседнего дома и увидел, что французы выставили на небольшом расстоянии от редутов несколько батарей, вступивших в яростную перестрелку с батареями противника, расположенными у подножья горы. С помощью хорошего бинокля я мог ясно разглядеть, как с гор спускались сильные русские и австрийские колонны (их легко распознать по белым мундирам). Батареи подтягивались одна за другой, французы отступили к редутам и теперь уже стреляли из тяжелых орудий даже с городского вала; пушечная пальба усилилась, дрожала земля и звенели оконные стекла. Русские взяли атакой Большой сад, а пруссаки – редуты перед Фридрихштадтом; первое я видел своими глазами. Пришла весть, что прибудет император; я поспешил на террасу в Саду Брюля, у большого моста. В одиннадцать часов император проскакал по мосту на маленьком буланом коне – народ угрюмо молчал, – он вертел головою во все стороны, и было в нем нечто, чего прежде я никогда не замечал. Он доскакал до замка, но спешился лишь на несколько секунд, а потом вновь вернулся на мост и там остановился в окружении генералов. Время от времени подъезжали адъютанты, получали приказы, которые он отдавал кратко, но громко, он то и дело нюхал табак, но еще чаще подносил к глазам маленькую подзорную трубу и глядел вниз на Эльбу. Шеренгами на расстоянии двух шагов друг от друга по мосту прошли гвардейцы и, задержавшись ненадолго на плацу перед императором, быстро двинулись к воротам. Мне пришлось отправиться восвояси, потому что Сад Брюля заняли войска, я вновь поспешил в свою обсерваторию. Между четырьмя и пятью часами пушки грохотали сильнее всего – удар за ударом, – слышен был даже свист ядер. Я первый заметил это, но мне не хотели верить. Вскоре от прямого попадания ядра примерно в двадцати пяти шагах отсюда рухнула противопожарная стена. Теперь уже всем стало ясно, что орудия направлены на город. Мы спустились вниз – оставаться наверху было опасно, и только я собрался войти в дом, как над моей головой с треском и шипеньем пролетела граната. Она упала и взорвалась в пятнадцати шагах, возле квартиры генерала Гувьона Сен-Сира, среди четырех гуженных порохом подвод, готовых уже отъехать, и лошади, встав на дыбы, понесли. На улице вокруг стояло не

менее тридцати человек, *однако не только подводы не взорвались (взрыв их уничтожил бы целый квартал), но не был ранен ни один человек, ни одна лошадь*; невозможно понять, куда делись осколки гранаты – в нашем доме нашли лишь один, совсем небольшой, он пробил ставень в нижнем этаже и упал в нежилую комнату. Через несколько минут вторая граната срезала кусок крыши в доме напротив, что принадлежит Кагиорги, при этом она сплющила три окна мезонина, отчего дерево и кирпич с треском рухнули на улицу. Вскоре третья граната попала в дом на соседней улице, и стало ясно, что батарея бьет прямо по нашему кварталу. Все жильцы дома – женщины, мужчины, дети – собрались на сводчатой каменной лестнице второго этажа, куда не могли долететь осколки из окна. При каждом взрыве, которые раздавались теперь все чаще, но в отдалении, слышались причитания и жалобные вопли! Не было ни капли вина или рому для поднятия духа – проклятое, боязливое состояние. Я потихоньку пробрался к задней двери и окольными путями отправился к актеру Келлеру, жившему на Новом рынке. Мы уютно устроились у окна с бокалами вина, как вдруг посреди рынка взорвалась граната. В тот же самый миг вестфальский солдат, собравшийся накатать воды, упал с разможенной головой и чуть поодаль от него – прилично одетый горожанин. Казалось, он собирается встать, но у него было ранение в живот, кишки вываливались наружу, и он упал за смертью. (Кстати: через пять минут после того, как граната попала в горожанина, через Новый рынок к Пирнским воротам проскакал император.) Той же гранатой сильно ранило троих возле Фрауэнкирхе. У Келлера выпал бокал из рук. Я выпил свой и воскликнул: "Что вся наша жизнь! Слаба человеческая природа, не может вынести чуть-чуть раскаленного железа!" Да сохранит мне бог в опасности спокойствие и мужество, так все легче вынести! Мне удалось вытащить купца Шмидта из его запертого дома; тот нагрузил меня вином и ромом – для себя и для соседей по дому. Я вернулся как знак спокойствия и утешения. Одна из женщин (мадам Штейн), жившая на верхнем этаже, отважилась сходить за едой. Теперь все было *bonum commune* *, и нам, не обедавшим, еда на лестничном бивуаке показалась роскошной; бокал то и дело пускался по кругу, и под гром пушек и треск гранат во всех пробудилось чувство юмора – следствие близкой опасности. Лишь когда совсем стемнело, стрельба прекратилась. Гвардейцы, как мы узнали, отбили взятые редуты, а союзная армия вновь отошла на высоты. Камеристка графини Бреза вышла из дома к карете, в которой

* Общим достоянием (лат.).

графиня должна была переехать в другой квартал. В то же мгновение камеристка была разорвана гранатой в полном смысле этого слова. У повитухи, жившей в Пирнском предместье, оторвало голову, когда та выглянула в окно; точно так же приказчику, сидевшему за конторкой, оторвало руку. И еще многие горожане были ранены и убиты.

27 августа. Ночь прошла спокойно. Лишь в восемь часов утра началась оживленная канонада, так что задрожали окна; непрерывно лил дождь, а потому почти ничего нельзя было разглядеть. После обеда стрельба отдалась, и мы узнали, что русская и австрийская армии отброшены на пять часов пути. Ночью прибыли около двухсот-трехсот русских и прусских военнопленных, да еще около десяти тысяч австрийцев. Были доставлены также четыре австрийских знамени и шесть пушек.

28 августа. Русские и австрийцы стоят на Кессельсдорфских высотах, отчетливо доносятся пушечная пальба и ружейная перестрелка. На мосту через Эльбу заметно явное отступление французов, выходит, слух о том, что французы разбиты под Берлином, подтверждается.

29 августа. Сегодня проходил мимо сада Мошинского и впервые в жизни видел поле битвы. Лишь сейчас там начали убирать, я заметил, как с убитых французов сняли мундиры, а потом похоронили в братских могилах по двадцать-тридцать человек. Русские егеря здесь вели атаки под яростным огнем французских пушек, поэтому поле покрывали тела убитых русских солдат, частью страшно изуродованные и разорванные в клочья. У одного из тех, кого я видел, было снесено полголовы. Жуткое зрелище: кони, люди, рядом сабли, взорвавшиеся телеги с порохом, кивера, патронташи – все брошено в диком беспорядке. На отдельных не изуродованных лицах застыла еще ярость боя, одного смерть застигла в тот миг, когда он полез в патронташ, чтобы перезарядить ружье. Один русский офицер, видный, красивый юноша (не старше 23 лет), взметнул правой рукой саблю над головой, да так и застыл навеки. Пушечное ядро попало ему прямо в сердце, оторвав левую руку и раздробив грудь, – смерть его была легкой! Мне показалось, будто неподалеку в траве что-то шевелится; я сказал об этом своему спутнику, адвокату Кунради, мы приблизились. И что же – русский, у которого были ужаснейшим образом прострелены обе ноги, так что все покрыто было запекшейся кровью, удобно уселся и жевал кусок солдатского хлеба. *Этот человек пролежал с двадцать шестого августа* поплудни и, несмотря на сильное ранение, был жив и бодр. Он показал нам свою пустую флягу, и Кунради поспешил наполнить ее водой.

ИЗ ДНЕВНИКА

30 августа 1813 г. Утром длительная мертвая тишина... Днем у Секонды, затем в Купальнях, после этого с Келлером и неким молодым соседом. *Встретили императора с его ужасным взглядом тирана.* "Voуons" *, – прорычал он львиным голосом адъютанту. С опасностью для жизни переправились через мост. Артиллерия с кавалерией прошли через Черные ворота. Говорят, что русские стоят около Гроссенхайна.

1 сентября. Необычайно приятное письмо от Кунца – Жан Поль пишет предисловие к "Фантазиям в манере Калло". Денежный перевод на 24 бутылки вина. In politicis ** затишье. ...Вечером у Йозефа, настроение веселое, но бездеятельное.

2 сентября. Утром репетиция "Сильваны" – на улицах на удивление спокойно. In politicis ничего! Молва и слухи противоречивы: говорят, французы вступили в Берлин 31-го. Днем с женой у Йозефа. Бесчисленная артиллерия, кавалерия и пехота двигались по всем трем мостам, *император* со свитой также *проскакал* через мост. Болезненное и неприятное настроение – *получил очень дрянное вино.*

3 сентября. Утром репетиция "Сильваны". Днем дома закончил первый акт "Ундины", после этого у Йозефа. *Император* проскакал (на маленьком буланом коне, на котором он прибыл) через мост, затем проследовали гвардия и обоз, говорят, что штаб-квартиру перевели в Кёнигсбрюк. Впрочем, все тихо, и не удастся узнать ничего определенного. <...>

6 сентября. Утром репетиция "Сильваны" и "Фаниски". К вечеру *неожиданно прибыл император в сопровождении гвардии.* Днем осматривал Галерею. *Мадонна Гольбейна, Цецилия Карло Дольчи.* Вечером с Келлером приятно провели время у Эйхелькраута. *Видел Фридриха Лауна, но не разговаривал.*

ПИСЬМО КАРЛУ ФРИДРИХУ КУНЦУ

8 сентября 1813 г. ...Дал бы только бог закончить сказку, как она началась, – я не сделал пока ничего лучше, все прочее мертво и безжизненно в сравнении с ней, и мне кажется, что, *совершенствуясь в писательском деле, я смог бы, пожалуй, прийти к чему-нибудь стоящему.* Воли мне всегда хватало, но мы все согрешили и лишены... Конец изречения Вам наверняка известен со времен конфирмации.

* Посмотрим (франц.).

** В политических (делах) (лат.).

Впрочем, я веду здесь довольно беззаботную жизнь, несмотря на кое-какие страхи и нужду, поскольку театр закрыт уже две недели; но несмотря на это, Секонда (по крайней мере до сих пор) регулярно платит жалованье. Самое тихое место, где вдали от военной суматохи оказываешься словно в другом мире, – картинная галерея. Легко догадаться, что я провожу там все послеобеденное время, так что инспектор Швейгарт, славный молодой художник, работающий сейчас над прекрасной картиной по шиллеровскому "Пегасу в ярме", стал моим другом. Еще я нахожу пристанище в академии пения Дрейсига, возносясь там над невзгодами эпохи. Вечером хожу на Старый рынок к Эйхелькрауту, где встречаю веселого секретаря Шульце (Фридрих Лаун), Винклера (Теодор Хелль) и Кинда. Жаль только, что поистине великие события этих дней исключают другие разговоры. Кажется, мы приближаемся к великим потрясениям! <...>

ИЗ ДНЕВНИКА

19 сентября 1813 г. Утром дома. Удачно начал статью "Поэт и композитор" для "Музыкалише цайтунг". Днем у меня был Келлер, настроение хорошее. Вечером неприятная сцена с Герц и Секондой. Ужасное расстройство. В остальном полное затишье. Заплатил за квартиру.

1 октября. Имел удовольствие познакомиться с Лауном.

7 октября. Император, саксонский король, принцы покинули Дрезден. Все госпитали эвакуируются. Кажется, Дрезден действительно сдадут. Бегал целый день. Днем картинная галерея. С Моргенротом в академии пения Дрейсига, великопелно пела Грюневальд. Вечером у Эйхелькраута. Весьма приятная беседа с Лауном.

20 октября. Репетиция постановки "Волшебной флейты". Сильная усталость и истощение.

21 октября. Распространяются темные слухи о битве под Лейпцигом. Император будто бы проиграл генеральное сражение, поэтому настроение прекрасное. Впрочем, dies Ordinaris.

22 октября. Император разбит и отступает к Эрфурту. Король Саксонский попал в плен. Потому я возымел надежду на лучшую, счастливую жизнь в искусстве, на то, что все горести придут к концу. (Говорят, что Неаполитанский король погиб, а Даву и вице-король Италии перешли на сторону союзников.)

29 октября. Репетиция. Днем ... в кабачке – вечером у Эйхелькраута. Жители должны сами обеспечить себя продоволь-

ствием на два месяца или покинуть город – в высшей степени угрожающее положение и весьма скверное настроение.

30 октября. Утром репетиция "Деревенского цирюльника". Вечером спектакль. ...Настроение скверное. Русские со всех сторон окружили Дрезден. Все саксонские, вестфальские и баварские войска распушены, французы собираются прочно закрепиться – что-то из всего этого получится. (В первый раз захотелось уехать.)

ФРИДРИХ ЛАУН

В осажденном Дрездене

...Во второй половине октября город был полностью отрезан от окрестностей. По вечерам ворота закрывали в семь часов, утром открывали их не раньше девяти. Все невыносимее становилась нужда. Все дороже и недоступнее делалось топливо, кое-где его не было вовсе. К концу месяца вышел приказ самим обеспечить себя провиантом на два месяца.

Кто не мог или не хотел этого делать, тем предоставлялось право покинуть город.

Действительно, многие тогда уехали из Дрездена. Но не успел пройти день, как дали разрешение на выезд – и тут же стали отказывать в паспортах. К тому же приказано было переписать все имеющееся продовольствие, жителей обязали дать сведения о запасах еды и питья.

Сколь строги ни были подобные распоряжения, жители, казалось, верили (или знали по прошлому), что французские власти руководствуются весьма снисходительными принципами.

Я очень хорошо помню, как всюду рассказывали тогда об одном человеке, в уме и здравомыслии которого никто не сомневался: в столь суровое, трагическое время в своем негодовании он решился на рискованную шутку – в таблице о запасах продовольствия в графу "Убойный скот" вписал канарейку.

Впрочем, в угрозах со стороны французских властей недостатка не было. Рассказывали, будто бы граф Дюма во всеуслышанье заявил, что скорее все жители города обратятся в трупы, нежели один-единственный солдат умрет от голода. Спустя много дней после лейпцигской битвы усиленно распространялся слух, что Дрезден будет до последнего обороняться от противника, приближавшегося тогда с мощными осадными орудиями. Высоты под Плауэном, Рэницем и Штреленом были уже заняты вооруженными австрийцами.

В то же время окрестности города ужасно разорялись. Нередко можно было видеть, как французские солдаты, об-

хватив руками стволы, тащили на продажу свежесрубленные деревья из Большого сада, а еще чаще – из заповедника во Фридрихсштадте.

Эта неоднократно проделываемая операция стоила городу большого количества прекрасных лип – ущерб совсем иного рода, нежели тот, что нанесен был взрывом моста через Эльбу. Среди населения поднялся тогда большой шум, несмотря на официальное заявление, что подобный шаг будет предпринят лишь в случае крайней необходимости. И если ущерб, нанесенный в общем-то прекрасному сооружению, можно было быстро устранить при помощи денег, то для того, чтоб выросли новые прекрасные деревья, потребовались долгие годы.

Даже те жители, что обычно проводили вечера в так называемых клубах, теперь, когда дни становились все короче, заполняли общественные кофейни, ибо в них не иссякал прилив новостей, источники которых, впрочем, редко бывали достоверными.

Я тоже частенько навещался в одно из таких заведений на углу Зеегассе, незадолго даже до последнего, самого страшного периода. За одним из столиков в зале, где я обычно встречал многих своих знакомых, внимание мое привлек маленький человечек в окружении незнакомых людей – обыкновенно он занимал место в углу, тихо беседуя с соседом, побольше ростом. Нередко потом он продолжал сидеть, погруженный в свои мысли, вдруг, без всякого видимого повода, вскакивал со стула и, сунув руки глубоко в карманы коричневого сюртука, принимался быстро расхаживать взад-вперед по комнате. Судя по внешнему виду, он больше был занят собственными раздумьями, нежели рассказами окружающих. Выражение лица его непрестанно менялось, словно отражая течение его мыслей.

Маленькое, умное лицо почти каждый раз становилось иным. Темные колючие глаза свидетельствовали о неукротимой внутренней жизни, вокруг губ залегли саркастические складки, и оставалось только пожалеть, что этот молчаливый человек не произносил своих мыслей вслух.

Иногда он усаживался на отдельный стул, стоявший поодаль от общества, – так, ему казалось, он мог незаметно дать волю своей необузданной мимике.

В ответ на мой несколько раз повторенный вопрос, кто сей странный человек, я услышал, что это музыкальный директор труппы Йозефа Секонды, которая, как правило, дает спектакли в театре неподалеку от Линковых купален.

Ум и оригинальность ясно чувствовались в этом чудаковатом малом. Его постоянным спутником был актер по имени Келлер. ...Дружелюбие и образованность, свойственные этому

артисту, помогли мне завязать с ним беседу, благодаря чему я обрел и незабываемое знакомство с Э. Т. А. Гофманом, в котором был весьма заинтересован, ибо маленький человек оказался не кем иным, как сим замечательным мастером юмора.

Наряду с многоопытностью ума я обнаружил в Гофмане поразительную утонченность. Он считался превосходным дирижером и гениальным композитором. Хвалили также его талант художника, особенно его карикатуры.

Из его слов я понял, что университетские занятия, изучение права, были ему более чем чужды. Он сообщил мне, что сейчас как раз сочиняет музыку к "Ундине" Фуке – драматическое переложение сделал сам автор, кажется, он возлагал большие надежды на успех этого труда, столь для него желанного. С искренней благодарностью принял я его предложение познакомиться с текстом оперы. Вспоминаю еще, как он привел меня в полный восторг, развивая мысль о том мощном воздействии, каковое призвана была произвести на слушателей эта мастерски скомпонованная опера. Многие знатоки музыки убеждены были в том, что именно Гофман сумеет выразить дорогие поэту мысли в наиболее приятных, ласкающих слух звуках, да, как уже упоминалось, сам композитор связывал прекрасные ожидания с этим своим, бесспорно, любимейшим произведением.

Спектакль, поставленный позднее в Берлине и шедший там неоднократно, не испытывал недостатка в аплодисментах. Если б надежды Гофмана были хоть чуть менее основательны, вряд ли это музыкальное произведение получило бы такой отклик, какой выпал на его долю. К сожалению из-за тифа, свирепствовавшего тогда в Дрездене, не осуществилась моя мечта чаще общаться и ближе сойтись с гениальным Гофманом, за внешностью сатира у которого скрывалась располагающая к себе душевность. Тиф свалил меня с ног и не только лишил возможности следить за дальнейшим развитием печальных событий, но и оборвал знакомство с Гофманом.

В то время как я метался в тифозном бреду, прикованный к постели, добрый гений уводил его из города, становившегося все более зловещим. <...>

ИЗ ДНЕВНИКА

4 ноября 1813 г. Репетиция "Фаниски". Из официального объявления стало известно, что ворота заперты. Французы перешли из укреплений в город, нехватка хлеба и мяса, эпидемия – короча, бедствия со всех сторон, настроение мрачное.

Вечером представление "Волшебной флейты" – сдержанность и терпение, покорность судьбе. Император, судя по всему, снова разбит у Эрфурта. Я видел у Йозефа прусских офицеров, которые были в веселом настроении.

11 ноября. Утром и днем репетиция. Сообщение подтверждается. Днем видел *одного австрийского и одного русского офицера в полной парадной форме* – особое, прекрасное чувство. *Да, это правда! Свобода!* Вечером у *Эйхелькраута* читал капитуляцию. Французы – военнопленные. Настроение великолепное – *удачно сочинял.*

12 ноября. Уже сегодня ушла первая колонна французов – после того как они *сдали оружие*. А в остальном – репетиция. Днем усердно сочинял. Настроение приятное.

ПИСЬМО КАРЛУ ФРИДРИХУ КУНЦУ

17 ноября 1813 г. Свобода! Свобода! Исполнились самые добрые мои надежды, испытание на твердость выдержала воля, которой я оставался верен в самые трудные времена. ...Что могу рассказать я о последнем периоде, прожитом здесь? Он, конечно, один из самых удивительных в моей жизни, ибо все то, что я видел обычно в ярких снах, предстало вдруг наяву! Очевидно, Вам и моим друзьям в Бамберге интересно будет подробное описание здешних событий, и я не могу придумать ничего лучшего, как приложить нечто вроде дневника, куда занесено наиболее примечательное.

Безмерное счастье, конечно, что меня лишь в общем затронули страх и нужда; на моем же собственном положении ужаснейшие события в самом городе и вокруг него особенным образом не сказались. Только после сражения под Дрезденом, которое произошло 26–27 августа, театр был закрыт на две недели. Остальное время мы играли при полном зале, и как раз нынешним летом Секонда заключил свои лучшие контракты, хотя, как мне говорят, плохая погода часто уменьшала... количество зрителей. И уж поистине милостью божией было то, что ни я, ни моя жена, проживая рядом с лазаретом, не заразились – ведь в доме, где мы живем, многие умерли от тифа, который косил людей как чума. Эта болезнь быстротечна – головная боль, головокружение, потеря сознания, смерть! И все за несколько часов. При полном отсутствии основных продуктов питания (хлеба днем с огнем не сыскать, мясо лишь изредка в небольших количествах) такая напасть распространялась всюду, и даже в последнюю неделю перед капитуляцией

от тифа умерло около 200 горожан, в госпиталях же ежедневно умирали 200–250 человек, так что трупы горами лежали на кладбище в Нойштадте. Французы умирали прямо на улице, причем самым жалким образом. Это стало обычным явлением! <...>

ИЗ ДНЕВНИКА

26 ноября 1813 г. Болен и дома – однако удачно начал сказку "Золотой горшок".

30 ноября. Репетиция "Швейцарского семейства". После с Келлером в кабачке – пошло не впрок, прихварываю. Вечером представление "Швейцарского семейства" удалось, за исключением фальшивого дуэта, вот почему в высшей степени раздраженное состояние – гнусная ночь...

9 декабря. Утром отъезд в Лейпциг в очень удобной карете вместе с Нейманом, настроение безразличное.

Без поместья в Атлантиде

"Безразличное настроение" Гофмана накануне отъезда из Дрездена изменилось к лучшему уже на следующий день, когда он вновь оказался в лейпцигской кофейне Рейхардта. Здесь он уже не застал судебного писца Вагнера: незадолго до этого его унес тиф, свирепствовавший после Битвы народов. Зато

брат покойного, ученый, филолог и эрудит Адольф Вагнер стал самым близким другом Гофмана в месяцы, прожитые в Лейпциге. С ним Э. Т. А. Гофман не раз засиживался допоздна в кабачке, беседуя о романтической натурфилософии, приобретавшей для него все большее значение. Тогдашнее временное обращение его к сомнительным сферам темного, сверхчувственного и оккультного объясняется трудным положением, в

котором он оказался, а также новым несчастьем, которому суждено было вскоре разразиться.

Поначалу, казалось, все шло хорошо. Гофман ежевечерне справлял свою службу у Секонды, однако между ними участились споры и раздоры. Кроме того, писатель исполнял свои обязанности музыкального директора все с большей неохотой и раздражением, ибо они все сильнее отрывали его от совершенствования в собственном творчестве.

И тут неожиданно наступил новый решительный поворот в судьбе, о котором Гофман и не предполагал, хотя и часто подвергался ранее тяжким испытаниям. 26 февраля 1814 года Секонда уволил его. "Вся моя карьера меняется вновь", — кратко и горько сказано в дневнике. До крайнего отчаяния довел его не столько разрыв с Секондой, сколько, должно быть, предчувствие, что неожиданно быстрая развязка — это конец и его дирижерской карьеры, и существования свободного художника. К внутренним неурядицам прибавились еще и внешние: тяжелобольной, страдающий воспалением легких и подагрой, он прозябал вместе с Мишей в задней каморке бедной гостиницы. Рисуя карикатуры на Наполеона, он с трудом зарабатывал гроши на пропитание; хотя карикатуры эти дошли даже до Англии, создателю их они принесли лишь жалкое подаяние, к которому добавилось еще несколько талеров за музыкальные рецензии. Мучительная безнадежность терзала писателя, которого совсем недавно еще осыпали аплодисментами, когда он дирижировал, сидя за роялем.

Именно на таком общем фоне и следует рассматривать намечившееся еще в Бамберге и особенно усилившееся теперь обращение к умозрительным рассуждениям романтической натурфилософии. В произведениях, появившихся в это время, множились приметы фатализма и мистицизма, обращение к "темным сторонам" человеческого бытия. Кроме трудов Шеллинга и популярного философа Шуберта, Гофман читал псевдонаучные трактаты Месмера, Клуге и Рейля. Неустойчивая нервная система, ослабленная к тому же склонностью к алкогольным напиткам, благоприятствует в это время резкому повороту к фатализму, антиисторизму, к романтическому бегству от мира. В "Автоматах" Гофман рисует машинное существо, насмешливо передразнивающее человека. Обширные и темные сферы раздвоенного сознания, утрата человеком себя становятся главной темой виртуозно скомпонованного романа "Эликсиры сатаны", работу над которым Гофман не случайно начал всего через одиннадцать дней после его увольнения Секондой.

Среди множества вещей, написанных в те месяцы, выделя-

ется произведение, являющее собой яркую вершину первого периода творчества Гофмана – "Золотой горшок, сказка из новых времен". Сказка была написана в последние недели дирижерства, но в ней уже дают себя знать новые тревоги писателя. Ансельм, наивный простак и сказочный герой, упорно ищет свою Серпентину, далекую желанную возлюбленную, которую обретает наконец в Атлантиде, романтическом царстве поэзии. Бегство спасенного героя в его утопическое "хорошенькое поместье в Атлантиде" * описано в торжественно-эпическом тоне, тогда как реальный мир остается со своими тревогами. Однако именно здесь автор еще раз вмешивается в повествование, ибо за хваленой аллегорией романтической утопии следует крик души писателя, прикованного к бедствиям своего времени и своего существования: "А я, несчастный, скоро, уже через каких-нибудь несколько минут, я сам покину этот прекрасный зал, который еще далеко не есть то же самое, что имение в Атлантиде, окажусь в своей мансарде, и мой ум будет во власти жалкого убожества скудной жизни, и, словно густой туман, заволочут мой взор тысячи бедствий, и никогда уже, верно, не увижу я лилии" **.

Поэтико-романтическая утопия не может заменить подлинную жизнь: отсюда жалоба автора, подверженного превратностям дня сегодняшнего, с трудом утешаемого таинственно сверкающим архивариусом Линдгорстом.

Девять дней спустя после завершения работы над сказкой Секонда увольняет писателя. Мрак последовавших за этим недель лишь на мгновение осветил крошечный лучик света, когда в начале мая вышли первые два тома "Фантазий", заложившие основу литературной славы писателя. На титульном листе второго тома помещена была виньетка с терновым венцом и шутовским скипетром, нарисованная самим Гофманом. "Юмор размахивает шутовским жезлом, однако венчают его тернии!" Так истолковал автор издателю сей странный, многозначительный символ.

6 июля неожиданно приехал старый друг Гиппель, который с союзными войсками побывал в Париже. Вместе обдумывают они выход из положения, в котором оказался Гофман; остается только одно: вернуться в ненавистное "государственное стой-

* Гофман Э. Т. А. Золотой горшок. Пер. В. С. Соловьева. – Избр. соч. в 3-х томах. Т. 1. М., 1962, с. 156.

** Там же, с. 160. Пер. А. В. Федорова.

ло", к проклятой чиновничьей службе. Приходит неотвратимый конец существованию свободного художника. Под присмотром Гиппеля составляется письмо прусским властям, в котором Гофман (каких, должно быть, стоило это ему усилий над собой!) выражает "заветнейшее желание вновь получить должность в прусском государстве".

В то время как завершается партитура "Ундины" и пишется сочинение "О старинной и новой церковной музыке", Гиппель пускает в ход свои берлинские связи, и ходатайство Гофмана вскоре венчается успех. В середине сентября, как сообщает Хитциг, Гофман получает предложение берлинского министерства юстиции поработать для начала полгода без жалованья, "дабы ознакомиться с прогрессом в законодательстве за время, что он удалился от дел, а потом вновь вступить в подобающую ему должность советника". Гофман, которому ничего другого не остается, к тому же он стремится в Берлин, принимает предложение, все еще питая слабую надежду, что позже ему удастся получить место капельмейстера в прусской столице. Уже 24 сентября он вместе с Мишей покидает Лейпциг. Единственным его обретением здесь стала дружба с Адольфом Вагнером, поместья же в Атлантиде он так и не нашел.

ИЗ ДНЕВНИКА

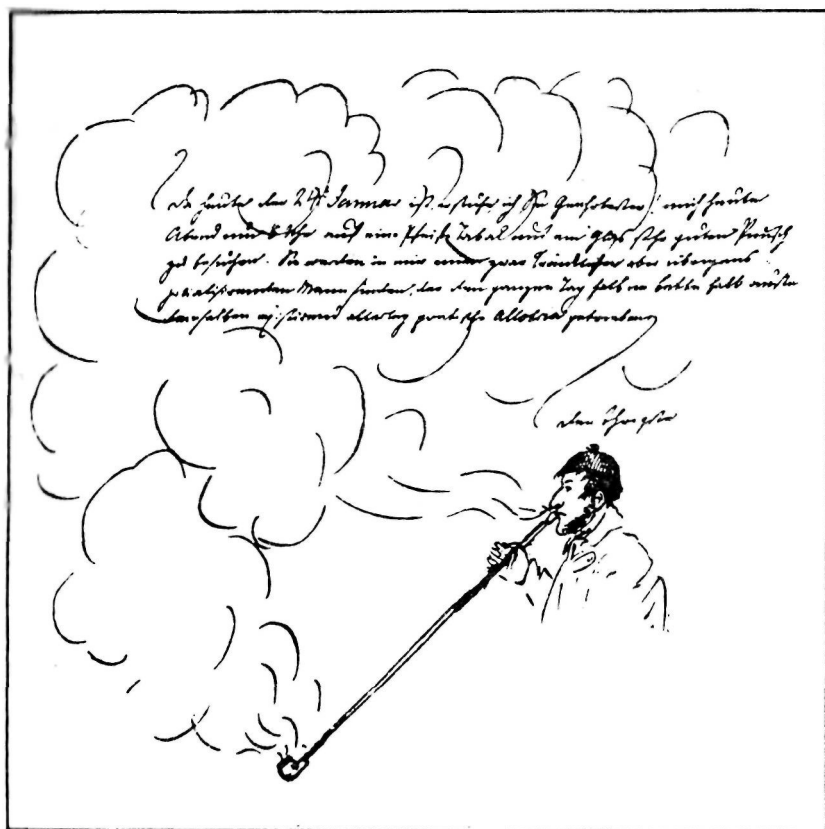
10 декабря 1813 г. В пути. Вечером в шесть часов в Лейпциге нанял очень маленькую квартирку en Miniature *, потом в кафе Рейхардта – настроение весьма приятное.

24 декабря. Репетиция "Фаниски". Большое празднество в честь дня <рождения> *Александра*. Настроение приятное. Вечером удачный спектакль "Фаниски" – радость по поводу *преодоленных трудностей*. Иллюминация со смехотворными по большей части надписями.

31 декабря. Утром визит к Рохлицу. Вечером переписывал набело сказку и снова нашел, что она удалась. Поздно, до половины второго ночи, пил пунш у Келлера, однако без воодушевления: оставленных друзей ничто пока не заменяет, и с этой стороны никаких радостей не предвидится. Пунш был жалок, и общество вполне ему под стать! Адольф Вагнер – образованный человек – говорит на 1700 языках, но ничего не получается.

И вот я прожил в высшей степени примечательный год! Что принесет новый? Хочу надеяться – хорошее!

* В миниатюре (*франц.*).

11 января 1814 г. ...Ежедневные спектакли меня очень тяготят – проистекающее отсюда скверное настроение мешает моей высокой цели: вот уже восемь дней сплю беспокойно, измучен пророческими снами, предвещающими ужасное несчастье, впрочем, я давно живу как некий отшельник – без общества, без друзей!

ЗАПИСКА И. Г. КЕЛЛЕРУ

24 января 1814 г. Поскольку сегодня 24 января, приглашаю Вас, высокопочтимейший, к 8 часам вечера на трубку табака и

Гофман с трубкой. Приглашение
на пуни актеру И. Г. Келлеру

стакан весьма приличного пунша. В моем лице Вы найдете хотя и прихварывающего, но все же довольно веселого человека, который весь день, то в постели, то вне оной, занимался всевозможными поэтическими шалостями.

Весь Ваи

ИЗ ДНЕВНИКА

24 января 1814 г. С утра полубольной – затем написал пятую вигилию сказки. Келлер у меня к пуншу. Приятный вечер дня рождения – наслаждался собственной славой и тем, что возложил на самого себя.

15 февраля. Закончил сказку "Золотой горшок" – и закончил удачно, с полной приятностью, за стаканом пунша, который приготовила мне жена.

25 февраля. Ссора с Секондой.

26 февраля. Сегодня Секонда отказал мне от места – ошеломлен; я должен был вечером присутствовать на репетиции с неопишуемым чувством – вся моя карьера меняется вновь!! Мужество покинуло меня.

ПИСЬМО ФРИДРИХУ РОХЛИЦУ

7 марта 1814 г. ...Не могу скрыть, что положение мое в здешнем театре при возрастающих с каждым днем грубости и безразличии господина Секонды заметно ухудшилось, так что нередко мне приходилось проявлять выдержку и хладнокровие, чтоб не сорваться, – к примеру, любое мое высказывание по поводу репертуара, очередности постановок и тому подобных вещей отвергается с презрительной миной, при любой возможности мне давали понять, что я в этом ничего не смыслю, это так, лишь мимоходом.

25 февраля во время спектакля "Бродячие артисты" история эта достигла своей вершины: господин Фишер пропустил с моего ведома свою весьма незначительную арию, поскольку было жутко холодно и долго длился балет; из-за этого в антракте, в присутствии всех актеров, статистов и остальных, на меня самым грубым образом набросился господин Секонда, пославший меня, между прочим, ко всем чертям и так далее.

Как Вы, милостивый государь, можете легко себе представить, тут мое терпение кончилось, и я ответил довольно резко: так можно обращаться со слугами, с конюхами, но не с образованными людьми!

Я все еще размышлял, смогу ли достойно продолжать свою службу, но господин Секонда сам написал мне на следующее утро: во избежание дальнейших неприятностей полагаю необходимым расстаться с Вами a dato *. Рассказываю Вашей милости обо всем столь подробно и, разумеется, совершенно достоверно лишь затем, чтобы объяснить: нет моей вины в том, что я вынужден оставить службу, от которой меня насильно отстранили и которую я не смогу продолжать без ущерба для собственной чести, без ущерба для положения моего в литературном и художественном мире. <...>

ПИСЬМО КАРЛУ ФРИДРИХУ КУНЦУ

4 марта 1814 г. ...Без задержки отправляю Вам вместе с письмом законченную сказку, надеясь в душе, что своей выдержанной иронией она доставит Вам удовольствие! Идея так вот смело ввести в обыденную жизнь сказочный элемент (которому углубленное толкование, надеюсь, придаст должный вес), конечно, рискованна и, насколько мне известно, не использовалась еще в такой мере ни одним немецким автором; Вы, однако, можете верить мне, дорогой друг, что я постоянно напрягал все свое внимание, дабы выдержать необходимый тон и такт. Насколько мне это удалось, пусть судят друзья.

У нас здесь несколько дней подряд (в последние дни февраля) было 16–18 градусов мороза. Репетиции "Камиллы" и нелепейших оперных балетов, которые ставит веймарский балетмейстер Улиг, с 9 утра до часу дня довели меня при столь сильном холоде в неотопливаемом зале до ревматических болей, которые, к мучению моему, перекинулись на грудь, так что я избежал плеврита и, быть может, смерти лишь благодаря быстрому кровопусканию (впервые в жизни), а также благодаря 7840 других средств.

Автор сих строк сидит теперь на кровати, за спиной у него гора подушек, ноги закутаны фланелью и прикрыты сверху пуховиком, на запястьях напульсники, – автор сих строк выглядит circiter * так:

* (Считая) с сегодняшнего дня
(лат.).

** Примерно (лат.).

ФРИДРИХ РОХЛИЦ

У больного Гофмана

quod deus bene restat!

...Впрочем, через несколько недель я его навестил. Я нашел его в одном из беднейших кварталов города, в одной из беднейших гостиниц, в одной из беднейших комнат этой гостиницы. Там он сидел на скверной постели, почти не защищенный от холода, подтянув ноги и поджав их под себя из-за подагры. Жена, молчаливая и убитая горем, сидела возле его постели. Перед ним лежала доска, и, кажется, он что-то чертил на ней. "Бог мой! – воскликнул я. – Как Ваше состояние?" – "Это вовсе не состояние, это лежание, притом в условиях безденежья". – "Что это Вы делаете?" – "Карикатуры на Наполеона и его проклятых французов. Я придумываю, рисую и раскрашиваю. За каждую получаю от скряги ... по одному дукату". В самом деле, наиболее остроумная часть листков, вышедших тогда в виде гравюр на меди, принадлежала Гофману. Будучи в хорошем настроении, переполненный сумасбродными идеями, он начал повествование о том, как перебивался эти недели; история сия призвана была вызвать в слушателе одновременные чувства восхищения и сострадания, боли и радости. Я сделал для него тогда все, что было в моих силах, он не возражал и не выразил особенного удивления, что было для него, впрочем, естественно.

В постели, терзаемый подагрой, на которую старался не обращать внимания, Гофман написал канцлеру Пруссии князю Гарденбергу в Париж, куда тот отправился вслед за победно шествующими войсками; несмотря на множество чрезвычайно важных и срочных дел, которые в то время, должно быть, скопились у этого государственного деятеля, Гофману через несколько недель пришел ответ, в коем были слова поддержки и утешения, обещание выхлопотать место сразу, как только представится такая возможность ныне, в изменившихся обстоятельствах. Когда Гофман сообщил мне это, я не смог сдержать удивления. "Вот, – сказал он, мгновенно преобразившись, – я ведь не собака, которую бросают подыхать, когда не до нее! И потом,

*Больной Гофман, сидя на кровати,
пишет письмо Кунцу*

разве господа не обязаны сделать все возможное, уж коли мы помогаем им вести их игру, хотя вполне могли бы поиграть и в свою собственную?"

ИЗ ДНЕВНИКА

4 марта 1814 г. Наконец совсем переписал сказку и дописал письмо Кунцу. Очень хорошее настроение, невзирая на боль, вполне обрел мужество в отношении будущего – идея книги "Эликсиры сатаны".

5 марта. Отослал сказку – сделал, рисунок для Баумгертнера. Начал "Эликсиры сатаны".

10 марта. Снова выходил – встретил Секонду и опять разозлился. Для меня теперь в высшей степени желательно, чтоб эти мерзкие отношения, уносящие покой и вдохновение, были прекращены.

14 марта. Я все больше привыкаю к мысли о катастрофе с Секондой; однако известное беспокойство духа, которое мучает меня неотступно, весьма затрудняет писание. Как все еще сложится! Временами мужество покидает меня, и я отчаиваюсь в себе самом.

9 апреля. Сообщение о взятии Парижа – пылкая радость.

17–23 апреля. Завершил первую часть "Эликсиров сатаны".

ПИСЬМО КАРЛУ ФРИДРИХУ КУНЦУ

24 марта 1814 г. Онейрос, бог снов, вдохновил меня на роман, который вырисовывается светлыми красками, и первый том уже почти завершен. Книжечка называется "Эликсиры сатаны", посмертные записки брата Медарда, капуцина. В ней я собираюсь отчетливо показать на примере причудливой, удивительной жизни человека, над которым силы небесные и демонические властвовали еще с рождения, все таинственные связи человеческого духа с высшими принципами, что сокрыты всюду в природе и способны блеснуть лишь иногда, так что мы называем эти проблески случайными. Выражаясь музыкальным языком, роман начинается Grave sostenuto *. Герой появляется на свет в монастыре святой Липы в Восточной Пруссии, рождение его греховно, ибо отец его преступник, появляются Иосиф и младенец-Христос pp. – потом вступает Andante sost. e piano ** –

* Серьезно (итал.).

** Медленно, серьезно и тихо (итал.).

жизнь в монастыре, где он был пострижен, – из монастыря герой вступает в ярко-разноцветный мир – здесь начинается *Allegro forte* *. Уже из того, как много я рассуждаю об этой вещи, Вы можете заключить, сколь она меня занимает и как нравится мне. Через месяц с небольшим будет закончено 20 или 30 листов, а весь роман будет готов для сдачи в печать к пасхе.

ИЗ ДНЕВНИКА

6–7 июля 1814 г. Два памятных дня! 6-го абсолютно неожиданно появился в Лейпциге Гиппель – совершенный старик! – обещал мне немедленно место в Берлине, подарил карманные золотые часы с боем etc. etc.

ПИСЬМО ГОТФРИДУ КРИСТОФУ ГЕРТЕЛЮ

11 июля 1814 г. ...В то же время я, уповая на доброту Вашей милости, осмеливаюсь обратиться с просьбой, вызванной натиском неблагоприятных обстоятельств. Мой неаккуратный поверенный в делах в Кёнигсберге не выслал мне по почте деньги, поставив меня тем самым в крайне затруднительное положение. Впрочем, в ответ на мое недавнее письменное напоминание денег, очевидно, следует ожидать не позже чем через три недели. В городе, где у меня нет других знакомых, Вы, Ваша милость, единственный человек, к которому могу я обратиться в нынешнем своем положении, вот почему я надеюсь, что просьба моя будет услышана, коли я смиреннейше попрошу Вас помочь мне хотя б маленькой суммой в 20 талеров, дабы избавить меня от нужды в самом необходимом, ибо нужда сия ощущается все острее, тем более что деньги, полагающиеся мне, задержались по вине нерасторопного моего поверенного.

Позвольте мне, Ваша милость, как можно скорее отработать этот долг. Впрочем, я могу выплатить указанные 20 талеров и наличными, если Ваша милость того пожелает. Но, быть может, есть рецензии или другая необходимая работа, которую я бы немедленно взял на себя и исполнил. Прошу Вашу милость не отказать мне в моей просьбе, ибо она воистину вызвана гнетом обстоятельств – столь долго дожидаясь я поступления денег. С какой благодарностью уверился бы я в Вашей доброте, пока же убедительно прошу ответить мне как можно скорее.

* Живо, громко (*итал.*).

ПИСЬМО ТЕОДОРУ ГОТЛИБУ
ФОНГИППЕЛЮ

27 июля 1814 г. Твое внезапное появление было, как я уже сказал тебе в Лейпциге, поистине светлым солнечным лучом, который осветил мою жизнь и чудесным образом взволновал меня. Прости мне мою взволнованность, дорогой друг! Терзаемый страшным нетерпением, вконец раздраженный всем, что меня здесь окружает, я не мог дожидаться твоего письма. Мне кажется, будто с тех пор, как ты уехал, прошло уже бесконечно много времени, и всякий раз, когда приходила почта, я тщетно надеялся, что канареечно-желтый человек, всегда пробегающий мимо с немислимой быстротой, заглянет наконец ко мне.

Как бы ни был убежден я в том, что все твои дружеские усилия наилучшим образом способствуют исполнению моих желаний, все же меня, столь гонимого до сих пор злой долей, нередко посещает мрачное предчувствие, будто и на сей раз осуществлению моих справедливых притязаний помешают какие-нибудь неурядицы и я вновь останусь без куска хлеба. Это было бы в самом деле худо, поскольку теперь я узнал, чего это стоит и как трудно пробиться в искусство.

Единственную свою надежду я возлагал и возлагаю теперь на тебя! Считаю же впредь эту записку не чем иным, как свидетельством большого волнения и душевных опасений, утешь меня скорее несколькими строками, пусть даже в них речь пойдет всего лишь о надеждах. Если б я только мог уехать из Лейпцига... Ты представить себе не можешь, как тяжело здесь прокормиться, дороговизна растет с каждым днем, что составляет полную противоположность моим доходам. <...>

ИЗ ДНЕВНИКА

19 августа 1814 г. Получил письмо от Гиппеля – надежда на место по юридической части.

21–31 августа. *Dies tristes* * – бездеятельность, возникшая из необычных снов. Внутренний поэт созидает и парит над *Criticus* ** и над внешним художником – романтическое настроение в отношении Кетхен, которое пробуждается, оживает и утверждает свое прежнее право сводить меня с ума с помощью *Fantasmatis* ***. Так завершился месяц.

* Печальные дни (лат.).

** Критиком (лат.).

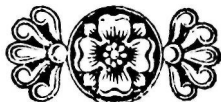
*** Порождения фантазии (лат.).

2 сентября. Официальное письмо великого канцлера, в котором он просит разъяснений, хотел бы я быть *советником* или только *секретарем*.

4 сентября. Кутил.

24 сентября. Уехал из Лейпцига.

Пятая глава

*Возвращение
в „государственное
стойло“*

1 Das Theater in engl. Aug. als die
 2. Das Drama der 18. Jhdts. in
 3. Das Drama der 19. Jhdts. in
 4. Das Drama der 20. Jhdts. in
 5. Das Drama der 21. Jhdts. in
 6. Das Drama der 22. Jhdts. in
 7. Das Drama der 23. Jhdts. in
 8. Das Drama der 24. Jhdts. in
 9. Das Drama der 25. Jhdts. in
 10. Das Drama der 26. Jhdts. in
 11. Das Drama der 27. Jhdts. in
 12. Das Drama der 28. Jhdts. in
 13. Das Drama der 29. Jhdts. in
 14. Das Drama der 30. Jhdts. in

На Жандармском рынке

Два дня спустя, 26 сентября 1814 года, Гофман остановился в известной гостинице "Золотой орел" на Дёнгофплац. Теперь это был уже не разграбленный, производивший гнетущее впечатление Берлин 1807–1809 годов, трудного, тяжелого времени; нынешний Берлин, в который жадно всматривался автор "Фантазий", был столицей

крупного государства, гордым и самодовольным вышедшего из борьбы европейских народов с Наполеоном. Правда, последствия континентальной блокады еще сказывались: пиво было плохое, вино стоило дорого. Но Гогенцоллерны быстро вновь вошли во вкус тщеславной погони за роскошью: придворные балы и парады проводились как встарь; казалось, будто вернулись времена старого Фрица, Йена и Ауэрштедт были вытеснены из памяти. Уже тогда при дворе существовало твердое намерение повернуть колесо истории на двадцать лет назад. По старому прусскому рецепту одновременно с армией немедленно была увеличена бюрократическая прослойка. Гофману, нашедшему работу в апелляционном суде поначалу в качестве "сотрудника *cum voto consultativo*" *, без жалованья, предстояло вскоре пополнить сомнительное сословие правительственных чиновников.

Первые дни жизни в городе, которому отныне предстояло стать его окончательной родиной, Гофман был словно опьянен

Шмуцтитул к пятой главе украшен рисунком Гофмана

* С совещательным голосом (лат.).

*Пожар в берлинском театре
29 июля 1817 года*

счастьем. Он вновь встретился к Хитцигом, завязал личные знакомства с писателями Францем Горном, Людвигом Тиком, Адельбертом фон Шамиссо, художником Филиппом Фейтом и, что особенно важно, с Фуке, прославленным автором "Ундины". Вскоре Гофман стал притягательным центром кружка, именованного себя "Орден серафинов" и собиравшегося раз в неделю в кофейне Мандерле на Унтер-ден-Линден. Один лишь Тик стоял в стороне от союза, который со временем распался, однако несколько лет спустя возник вновь под названием "Серапионово братство". Гофман читал здесь новейшие создания собственной музыки: первыми были "Приключения в новогоднюю ночь", с которых – если не считать новеллу "Кавалер Глюк" – начинается длинный цикл его берлинских рассказов, а вместе с ним и литературная слава Берлина.

Через двадцать лет Бальзак восторженно назовет его "conteur berlinois" *. В этих рассказах, весьма точных и близких к действительности, несмотря на присущие им фантастику и гротеск, Гофман вызывал всех злых духов берлинской жизни. Впервые явившись в "Новогодней ночи" и "Эпизоде из жизни трех друзей", обретя продолжение в "Щелкунчике и мышьином короле", "Пустынном доме", "Выборе невесты", "Ошибках", "Тайнах", вплоть до блистательного финала в "Угловом окне", читателю открывалась поистине шекспировская галерея образов берлинской жизни, образов любящих, смеющихся и страдающих. Не раз упоминаются названия берлинских площадей и улиц, питейных домов и кондитерских, фамилии банкиров и антикваров – а ведь еще шестьдесят лет назад издатель запретил Максусу Кретцеру, автору натуралистических романов, упоминать Тиргартенштрассе в одной из его книг! Именно здесь, в Берлине, творчество Гофмана обрело непосредственную связь с романтизмом. На форму произведений, которые ему предстояло создать, решающим образом повлиял факт знакомства Гофмана с видными представителями романтизма, причем в то время, когда это направление начало уже распадаться и вскоре окончательно пало под натиском реставрации. Клеменс Brentано, самый талантливый и самый несчастливый из романтиков, с которыми встречался в то время Гофман, в памятном письме в январе 1816 года задается вопросом, почему Гофман в "Приключениях в новогоднюю ночь" не позволяет своему герою "вновь обрести невинность", "а именно благодаря Иисусу". В то время как романтический создатель "Романсов о Розарии" готов был покориться, капитулируя перед

* Берлинским рассказчиком (франц.).

большими проблемами времени, Гофману, мизерно оплачиваемому сотруднику апелляционного суда, приходилось "весело крутиться вместе с ведущим колесом государства", сообразуясь с требованиями новой службы.

1 июля 1815 года Гофман поселился в квартире на Таубенштрассе, 32, что на Жандармском рынке. Своему первому издателю Кунцу он описал помпезную площадь между Немецким и Французским соборами и театром Лангханса посередине в самом фантастическом свете: среди берлинских домов в 1815 году беззаботно разгуливают в качестве жителей города образы из его собственных и чужих произведений, реальная атмосфера Берлина весело переплетается с призрачным миром фантазии. Уже тогда, через несколько месяцев после приезда на берега Шпрее, Гофман стал довольно странной достопримечательностью, на него смотрели с любопытством, зачарованно, с насмешкой и, должно быть, с некоторым беспокойством. На так называемых эстетских чаепитиях он тут же дискредитировал себя. Ему претила обывательская скука берлинских бюргеров, которым высшее начальство оставляло разве что возможность посплетничать о какой-нибудь новой певице. Не удивительно, что в рассказах, которые Гофман быстро пишет один за другим, преобладает отнюдь не радующее глаз. За гротесково-жуткой "Новогодней ночью" последовала вторая часть "Эликсиров сатаны". "Песочный человек" и "Церковь иезуитов в Г." положили начало череде "Ночных рассказов", напоминавших адские видения Брейгеля. Литературные произведения множились, дневник приходил в упадок. 3 марта 1815 года (Гофман работал тогда над "Артусовым двором") эти волнующие documents humains * обрываются. С тех пор течение мысли автора, его сокровенные признания воплощаются лишь на страницах художественных произведений.

Впрочем, 1816 год был счастливым годом. Королевский рескрипт от 22 апреля принес ему назначение советником апелляционного суда с годовым жалованьем в 1000 рейхсталеров. Но куда важнее для Гофмана была премьера его "Ундины", состоявшаяся 3 августа в театре по соседству. Благодаря великолепным декорациям Шинкеля и очаровательной Иоганне Эунике в заглавной роли этот вечер принес небывалый успех музыканту Гофману, ознаменовав одновременно рождение немецкой романтической оперы. Бесконечно счастливый и растроганный, стоял он перед занавесом и принимал овации берлинской публики. Это был один из редких "звездных часов"

* Человеческие документы
(франц.).

в его жизни, в которой так много было унижений, издевательств, терзаний и мук. Но, должно быть, и в эти счастливые дни его не покидало ощущение грозящего кризиса. Будучи еще полон сознанием пережитого триумфа, он признавался старому другу Гиппелю: "Такого, как "Золотой горшок", мне уже не написать! Нужно лишь по-настоящему почувствовать это и не строить себе никаких иллюзий!"

ПЕР ДАНИЭЛЬ АМАДЕЙ АТТЕРБУМ

Берлин после освободительных войн

Из окон моих открывался приятный вид на большую часть Жандармского рынка, одной из самых больших и красивых площадей Берлина. Прямо предо мной на обширном пространстве располагалась церковь, которую, по-моему, считают шедевром архитектурного вкуса Фридриха Второго, но, несмотря ни на что, она выглядит так, словно ее построил кондитер. Я сошел вниз, чтобы разглядеть ее получше, и только тогда заметил, что на другой стороне рынка находится совершенное ее подобие, стоящее отдельно, а как раз посредине, на длинной стороне прямоугольной площади, расположен большой дом, именуемый Новым театром, — он как бы главное светское здание для двух церковных пристроек. Театр построен в хорошем стиле; поговаривают, впрочем, что, несмотря на все свои архитектурные красоты, он не вполне соответствует своему назначению, ибо плохо соблюдены акустические условия. Должно быть, одни только башни церквей обошлись тысяч в триста пятьдесят прусских рейхсталеров. Оставляя открытым вопрос, применимо ли к ним известное восклицание Эренсверда о Берлине и Потсдаме: "Колонны, что вам нужно здесь?" — и можно ли возводить церковь, сей христианский храм, громоздя друг на друга маленькие, перекрытые колоннады, украшая затем сооружение по бокам частью фасада Пантеона.

Вообще часто здесь невольно приходит на ум только что упомянутое высказывание Эренсверда. Бесспорно, эта большая, многолюдная столица, особенно в новых районах *Фридрихштадт* и *Нойштадт*, построена великолепно, со вкусом; в сравнении с нею Стокгольм, если не принимать во внимание его величественное расположение, напоминает зачастую маленький провинциальный город, только начинающий меняться к лучшему; с другой стороны, Берлин никак не может одолеть свое унылое равнинное расположение, так что, несмотря на прилежное, удивительное старание его обитателей превратить город с помощью декоративных парков, тенистых улиц и тому подобных

вещей в райский уголок, постоянно ощущаешь, что рай этот находится "в песчаной бранденбургской провинции". По крайней мере, это чувствуется из-за никогда не оседающих столбов пыли, которые поднимаются навстречу путнику и в бурю, и в летний зной.

Кроме того, всюду – в архитектуре, в расположении улиц, во всем внешнем облике города – присутствует некое хвастливое и чопорное однообразие, которое, без сомнения, либо аллегорически символизирует берлинский характер, либо по-своему влияет на него. Приезжаем быстро надоедают все эти безукоризненно правильные строения, все эти линии и геометрические фигуры, как бы затейливо они ни были украшены; ему кажется, будто он бродит среди сплошных казарм. Впечатление это отнюдь не иллюзорно, ибо, в какую сторону ни пойдешь, куда ни кинешь глаз, всюду наткнешься на солдат, парады, марши, маневры. Ты ведь помнишь краткую характеристику прусского государства, которую дал Альфьери; так вот, здесь сталкиваешься с наиболее общим, концентрированным его воплощением, которое потом в меньшей степени повторяется по всей Пруссии – ведь в любом городе, в каждом большом селе, всюду, где только возможно, наталкиваешься на парней в мундирах, выстроившихся под командованием эдакого императора в миниатюре, который орет: "Раз! Два! Стой! Направо! Кругом!"

ИЗ ДНЕВНИКА

26 сентября 1814 г. Прибыл в Берлин – остановился у Матье.

27 сентября. Хитциг – познакомился с Фуке. Певицы Маркузе – весел, и дела хороши.

ПИСЬМО КАРЛУ ФРИДРИХУ КУНЦУ

28 сентября 1814 г. Вчера мне довелось побывать на одном из интереснейших обедов. Людвиг Тик, Фуке, Франц Горн, Шамиссо, Бернгарди, профессор Моретто, художник Фейт, Хитциг и я – вот люди, подкреплявшиеся наилучшим образом, каждый на свой манер, у лучшего ресторатора.

Благодаря "Фантазиям" я стал здесь довольно известен, однако весьма странным образом, потому что "Берганца", собака, превратилась в предмет распрей среди дам, тогда как "Магнетизер" совершенно угодил всем женам. Вчера после обеда за чаепитием я был отрекомендован как доктор Шульц из Ратенова,

и лишь после того, как я много и хорошо музицировал, Фуке заметил: "Среди нас находится капельмейстер Иоганнес Крейслер – вот он!" Остальное Вы можете представить сами!

О том, что Ифланд умер и похоронен, Вы наверняка уже знаете. Граф Брюль, великолепный человек, притом очень сходных с нами взглядов, станет художественным руководителем театра, которому предстоит пережить великую революцию. Я приму в ней участие, по крайней мере косвенное. Как только будет готов третий томик Калло, вышлите мне, пожалуйста, два-три экземпляра. Сообщите, когда Вам понадобится рукопись четвертого тома. <...>

ЮЛИУС ЭДУАРД ХИТЦИГ

Снова в Берлине

В Берлине Гофман не нашел более близкого человека, чем Хитциг, которого, как это ни странно, судьба вела по тем же дорогам. Лишившийся чиновничьего места из-за варшавской катастрофы, он, следуя неодолимой тяге к литературе, как Гофман к искусству, в 1808 году, в тот самый год, как Гофман стал капельмейстером в Бамберге, открыл в Берлине книжный магазин, который процветал. Однако весной 1814 года произошло горестное событие – умерла жена, и тогда он решил прекратить торговлю, чтобы затем, после окончания войны, когда явились новые перспективы в государственной службе, вернуться к ней. При этом министерство юстиции поставило перед ним те же условия, что и перед Гофманом: проработать в течение полугода в апелляционном суде вспомогательным сотрудником, и два друга, которым опасение показаться в глазах другого нерешительным помешало прежде сообщить о перемене обстоятельств, по прошествии восьми нелегких лет вновь оказались сидящими лицом к лицу за столом судебных заседаний, как некогда в Варшаве. Естественно, это сблизило их еще больше, так что первое время пребывания в Берлине Гофман проводил исключительно в обществе своего старого друга. В этот кружок вошли еще Фуке, Шамиссо, будущий участник кругосветного путешествия Контесса, автор "Загадки", и все они относились к Гофману с любовью, которой он в полной мере заслуживал. Выпавшие на его долю страдания прошлых лет сделали его мягче, он был чрезвычайно скромен, общителен и столь добродушен, что дети Хитцига не могли нарадоваться вновь прибывшему другу их отца. К примеру, они жили тогда надеждой своими глазами увидеть на сцене "Ундину", сочиненную их любимцем, и Гофман, чтобы дать им предвкушение

этого блаженства, старательно нарисовал для них к рождеству замок Рингштетен, потом разрезал и склеил его, замечательно осветив изнутри; впоследствии он написал для них сказку "Щелкунчик и мышинный король", где они, к величайшей их радости, появились под собственными именами, а также "Чужое дитя". Однако в своем дневнике, осмысляя эту чистую и светлую жизнь, он заметил лишь: "Весел, и дела хороши". Хитциг, который прекрасно знал, что Гофману, проработавшему целый день – а работал он всегда добросовестно, – не хочется оставаться дома, но тянет к людям, дабы иметь возможность постоянно замечать новое, выбрал для дружеских вечеров неприятзательную кофейню, имевшую то преимущество, что в ней можно было обособиться от посетителей, с которыми не хотелось общаться; здесь вокруг Гофмана и его друзей как вокруг некоего центра сплотился вскоре большой, оживленный, чрезвычайно довольный собою кружок, о позднейшем расколе которого сожалели все его участники. Вскоре Гофман сумел обратить на себя внимание и на службе. Поначалу не укладывалось в голове, как человек, еще недавно отбивавший такт в оркестре, может с полным основанием занимать должность в уголовном суде, членом которого он стал; как перо, из-под которого вышли "Фантазии в манере Калло", может писать безупречнейшие реляции; однако даже завистники вынуждены были признать, что в его юридических работах нет и следа художественного дилетантства, которое так жаждут видеть всюду ничтожества, желая казаться выше других; нет, его юридические работы, как все истинно добротное, отличались, скорее, простотой и строгостью.

ПИСЬМО ТЕОДОРУ ГОТЛИБУ ФОН ГИППЕЛЮ

1 ноября 1814 г. Есть в моей жизни одна отличительная черта: вечно случается *то*, чего я вовсе не жду, будь то хорошее или плохое; к тому же я постоянно вынужден заниматься *делами*, противоречащими собственным моим внутренним принципам. Полагал же я, что навсегда распрощался с юриспруденцией, однако сейчас пишу эти строки, обложившись со всех сторон папками с делами – надо набросать распоряжение, представить доклад – и бог весть что еще! ... Очень хотелось бы остаться в Берлине, но судьба советника апелляционного суда не слишком завидна. Обращаться по этому поводу к р. * Кир-

* Вышеупомянутому, означенному
(лат.) – от *persona personatum* (р. р.).

хэйзену мне бы не хотелось, ибо, помимо того что он считает сам факт зачисления в гвардейский корпус юстиции высшим отличием, получаемым лишь благодаря некоему мгновенному юридическому фейерверку, ему может показаться, что я домогаюсь этого лишь с тем, чтоб почаще бывать в комедии и тому подобное. Что любителю искусств, а о себе я могу с полным правом сказать – художнику, жизнь в окружении друзей искусства, таких же художников, как ты сам, с ее особым настроением, позволяет легко сносить все, от чего иначе ты бы погиб, – об этом он, конечно, не имеет ни малейшего понятия. Да и о том, что после стольких лет подлинного бродяжничества я хочу наконец найти пристанище, где можно обосноваться надолго, он тоже не думает. Хватит об этом – меня в самом деле тревожит мое будущее. Если б ты с твоими многочисленными связями сумел дать мне хороший совет, что следует предпринять, чтобы *остаться здесь*, ты указал бы мне тропку в непроходимых дебрях, по которым я ныне плутаю! Я бы тотчас с радостью пошел в подчинение к кому угодно, пусть бы это была только должность действительного советника со сносным жалованьем, ибо спускаться вниз по служебной лестнице *в юстиции* я не смогу – самолюбие не позволяет. Но довольно об этих Odiosis*.

Первые два дня по приезде в Берлин я в самом деле был пьян от радости! Блистательный Фуке как раз прибыл из Ненхаузена, а кроме него я тут же познакомился (благодаря Хитцигу) с Тиком, Францем Горном и Шамиссо. В первый же вечер я получил возможность услышать кое-что из моей "Ундины" (оперы, либретто которой написал Фуке, а я сочинил музыку) в довольно хорошем исполнении; предо мною открылась поистине поэтическая жизнь, когда Фуке уверил меня, что лишь в моей музыке обрели подлинную жизнь фантастические образы – Ундина, Кюлеборн pp. ...

БАРОН ФРИДРИХ ДЕ ЛА МОТТ ФУКЕ

Крейслер в роли Тассило

Гофман и Хитциг приехали ко мне, я обитал тогда в имении Ненхаузен под Ратеновом.

Мы весело провели два дня, и тут прибыл курьер от графа Брюля с предложением мне сочинить торжественное юбилейное представление к близившемуся дню рождения наследного принца. Я избрал сюжет, как Тассило, пращур королевской фами-

* Ненавистных (вещак) (лат.).

лии, предрекает грядущее великолепии своим потомкам, и решил отправиться вместе с моими гостями в Берлин, чтобы самому участвовать в постановке спектакля, идея которого так воодушевила меня. Некоторые тексты приходилось подгонять под известные мелодии. Этому воспротивился Гофман. "Сочиняйте свободно! – сказал он. – Я не допущу, чтобы Вас сковывали эти тысячу раз петые-перепетые мелодии. Позвольте мне позаботиться о музыке. Обещаю, что к указанному времени хор сможет начать репетиции вместе с оркестром". Сказано – сделано. Параллельное сочинение стихов и музыки увенчалось затем удивительным спектаклем! В радостном воодушевлении я быстро завершил тогда работу. Как-то вечером я принес текст вступительного хора своему другу и коллеге. Придя на следующее утро, я обнаружил его в спальне: он расхаживал по ней, распевая во весь голос хор. Одетый в легкий ночной камзол и нанковые панталоны, в натянутом набекрень белом ночном колпаке, с торчащим за ухом пером, маленький человек, похожий на эльфа, исполнял первое военное шествие из моего либретто, дирижируя огромной палкой, какими в старых поместьях запирали на ночь ставни от воров:

"Мир с победой! Мир с победой
Сильной мы несем рукой!"

Не следует думать, что подобные сцены были у Гофмана чем-то нарочитым. Нет, он в самом деле был таков, всегда оставаясь самим собою! Ежели друг весело воспринимал подобные чудачества, как в том случае Фуке, то и Гофман начинал весело посмеиваться над собою.

В тот раз он легким контуром пера быстро набросал свой портрет и подписал: "*Крейслер в роли Тассило*".

На следующий день Гофман, Хитциг и Фуке отправились в Берлин. Ехали они роскошно, на шестерке лошадей, потому что в Ненхаузене впрягли четверку впереди двух почтовых, доставивших громоздкую почтовую колымагу из Ратенова. Свежим ясным октябрьским утром они отправились в путь. Но ах! – звук, столь часто выражающий сожаление по утраченному великолепию, – благородное состязание кучера и почтальона привело к тому, что неподалеку от деревни карета перевернулась. К счастью, ничего страшного не произошло: в результате свертотважного, но совсем не рассчитанного поворота двое укротителей коней оказались на земле рядом с перевернутой каретой, а вместе с ними и наши друзья, смеющиеся, целые и невредимые. После этого лишь у Крейсlera остался на носу маленький шрам, по поводу которого он сумел сочинить уче-

нейший геологический трактат, сводившийся к тому, что его крючковатый нос, по счастью, угодил в дыру, проделанную в камне одним из всемирных потоков, благодаря чему он оказался как бы в футляре и не был поврежден.

ИЗ ДНЕВНИКА

2 января 1815 г. Прощальный пир у художника Фейта с Хитцигом – Шамиссо, рр. Эйхгорн и т.д.

6 января. Утром и днем рассказ... Успешно закончил "Приключения в новогоднюю ночь". Затем у Мандерле.

13 января. Вечером Шамиссо, Хитциг и Контесса у меня. Читал рассказ – замысел романа en quatre * – настроение хорошее – Мандерле.

18 января. Утром прихварывал – работал. Днем и вечером рассказ: начал "Фермату", настроение весьма приятное.

21 января. Утром работал – затем больной в постели. Вечером у Леви с Шамиссо, Хитцигом, Этцелем – министры Гумбольдт, Уден – смертельно скучал, затем у Шонерта.

24 января. Утром у Фуке – познакомился с баронессой. В скверном настроении. Белитц на скорую руку покормил меня обедом в Немецком обществе – невероятно скучал, болен. Вечером *веселый день рождения*: Хитциг, Этцель, Шамиссо у меня.

30 января. Утром сессия. Днем жена Фуке, которая чтением плохого романа заставила меня невероятно скучать и прийти в плохое настроение. В омерзительном настроении отправился к Мандерле, развеселился.

3 февраля. Утром у Пуппа с Фуке. Закончил рассказ "Фермата" для "Урании". Поздно вечером у Мандерле.

4 февраля. ...Вечером у Хитцига с Фуке, Шамиссо, Контессой и Эйхендорфом.

17 февраля. Работал. Вечером удачно начал рассказ "Артусов двор". Поздно у Мандерле.

20 февраля. Утром сессия. Вечером у Мандерле. Сообщение из Ненхаузена – Фуке прислал мне письмо к Брюлю по поводу "Ундины", и дело гораздо быстрее движется вперед.

3 марта. Усердно работал над "Артусовым двором".

* Вчетвером (франц.).

ЮЛИУС ЭДУАРД ХИТЦИГ

Демон скуки

Гофман казался для кружка... необыкновенной находкой. Чего только он не умел делать! Писать книги, заставившие заговорить о себе всю Германию, импровизировать на фортепиано, сочинять оперы, рисовать карикатуры, сыпать остротами, едва начав рассуждать о чем-нибудь. Слава опережала его, и теперь от него по праву ожидали, что в благодарность за доброе приглашение он сначала прочтет обществу еще не опубликованную рукопись, затем сядет аккомпанировать дочери семейства, потом развлечет изящными изречениями престарелую бабушку или благородного покровителя искусств и тому подобное. Приглашалось обычно множество гостей, предупрежденных заранее. И какое же наступало разочарование, когда он, заскучав, принимался строить ужаснейшие гримасы — так бывало всегда, если в обществе не встречалось ничего, что хоть сколько-нибудь могло занять его; обычно он начинал громко разговаривать в то время, как хозяева бились над исполнением музыкальных пьес, старательно отобранных для этого случая, ибо он упоминал о них в своих произведениях; он тут же принимался нести бессмысленнейший вздор, заметив, что здесь рассчитывают на него, надеясь, что он станет развлекать общество.

Три господина и дама во французской манере

Fantasia (Myŭge)?

Но разве и могло быть иначе у такого человека, как Гофман! Чтобы плыть по течению в столь ничтожных делах, как те, о которых говорилось, нужно было либо отличаться мелочным тщеславием, довольствуясь любой лестью, либо обладать особого рода добродушием, удовлетворяющимся какими угодно проявлениями доброй воли, в которой нигде нет недостатка. А если при этом еще видишь, что всюду тебя встречают благосклонно, то и сам, должно быть, в конце концов становишься до известной степени добродушным. Никто, однако, не был столь далек от мелкого тщеславия и недалекого добродушия, как Гофман. Как и все остальное, тщеславие его было высокой пробы: он стремился успеть повсюду, где можно было найти какое-нибудь наслаждение, — и тщеславие предоставляло ему наиболее полное и совершенное. Избитые фразы одобрения,

*Трое мужчин (помещик, князь
и слуга?)*

которые светское общество привыкло извлекать из одного мешка – сегодня по поводу нового танцора, завтра о последнем произведении Гёте, послезавтра, скажем, о кровавой борьбе угнетенного народа, – не радовали его; уж если он призван был развлекать, то требовал, чтобы никого уже ничто иное не отвлекало, чтоб ему не просто внимали, но с умом, притом не со своим собственным умом, а с умом его масштаба, какому было бы подвластно и парение фантазии, и взлет остроумия, – именно такому развлечению он задавал тон потоком искрометных слов. Какие громадные требования к убогому берлинскому чаепитию! Если же оно оказывалось не совсем убогим, если находилось хоть что-нибудь, способное вознаградить его, скажем, глупые мужчины, но очаровательные женщины или глупые мужчины и безобразные женщины, зато изысканное вино; отвратительное настроение в обществе, зато чья-нибудь карикатурная физиономия способна была дать толчок рождению нового литературного образа, – тогда поведение его было еще терпимо. Но если не оказывалось ничего в этом роде, если все ограничивалось рамками самой обыкновенной посредственности, о которой большинство как раз и думает: "Je ne demande pas mieux" *, такого уж он не мог вынести. Отсутствие добродушия проявлялось тогда в самом ярком свете. Если обыденность пробуждала в нем демона скуки – что было для Гофмана самой страшной мукой, – им овладевала, без преувеличения, подлинная ярость, проявлявшаяся в весьма характерной мимике, а когда он не находил возможности отвести душу желчными сарказмами или самыми сумасбродными высказываниями, только чтоб увидеть вокруг смущенные лица, то не мог избавиться от нее и вернувшись домой. В таких случаях в дневнике появлялась запись "невероятно скучал" или что-нибудь в этом роде. Скука нередко овладевала им и несколько дней спустя, когда он описывал друзьям мучения, которые ему довелось вынести в свете. Бывало, что его не удавалось образумить в подобный момент, и тогда хозяин с хозяйкой по доброту душевной старались всевозможными утонченными намеками настроить его на иной лад. Но любая попытка вовлечь его в общее веселье, коль таковое раздражалось, еще больше выводила его из себя, усиливая недовольство. Обыкновенно он обращался тогда не к тем, кто любезно заговаривал с ним, а к третьему лицу, давая ему нечто вроде ответа на вопрос тех, кто к нему обращался.

Поскольку кроткое общество, в котором подобные явле-

* Ничего лучшего мне не нужно
(франц.).

ния встречаются нечасто и где каждый считает, что погасил свой счет за потерянный вечер сполна, получив позволение отплатить той же монетой за скуку, которую ему довелось испытать, – такое общество не находило особого удовольствия в столь колючем собеседнике, как Гофман, стало быть, легко можно понять, почему его редко приглашали более одного раза, самое большее несколько раз, на подобные благопристойные чаепития.

*ПИСЬМО ТЕОДОРУ
ГОТЛИБУ ФОН ГИППЕЛЮ*

28 апреля 1815 г. ...Нынешнее мое положение в самом деле отвратительно, ибо, помимо того, что я совсем не получаю жалованья и не имею перспектив обеспечить себя, поскольку наш Великий Могол от юстиции, должно быть, считает меня экзотическим продуктом, которому здесь не место, растет и мое отвращение к работе, каковая, ежели заниматься ею так, как теперь, способна вызвать лишь раздражение да скуку. Ты помнишь, дорогой друг, я ведь никогда не хотел снова возвращаться к юриспруденции, прямо противоположной искусству, приверженцем которого я являюсь. <...>

ПИСЬМО ФРИДРИХУ ШПЕЙЕРУ

18 июля 1815 г. ...Кунц поведает Вам всевозможные подробности нынешней моей жизни, я же смею добавить лишь, что жизнь в Берлине становится все более интересной. Поскольку столица – средоточие всего государства, невольно замечаешь, как редкая сила и пронизательный ум, в последнее время прямо-таки сказочно излучаемые Пруссией, посылают отсюда свои животворные лучи. Невероятно, сколько средств вновь затратило на войну это само по себе небогатое государство! Какие это были дни, когда пришла первая весть о победе, а потом и о капитуляции Парижа, Вы не можете себе представить. Незнакомые люди обнимались на улицах, пожимали друг другу руки. В толпе простолодинов благороднейшие дамы, и вместе со всеми они ликуют, выкрикивают приветствия, поют, машут руками. В истинно народных добродушных шутках тоже не было недостатка. К примеру, один сапожный подмастерье сказал: "Ну, как дальше все так двинется, через восемь ден дьявол перекинется". Другой, глядя на статую победы на Бран-

денбургских воротах, кричал: "Ну-тко, глянь-ко вниз, уж теперь-то тебе хорошо глядеть!"

Необычайно хороши во время подобных праздников берлинские мальчишки, которые никогда не откажутся протащить пушки для победного салюта от арсенала до городского сада и назад. Когда при отступлении французов Чернышев стоял под Берлином, уличные мальчишки среди бела дня сбросили в Шпрее три французских повозки с порохом. Вы как-то говорили мне, что, может быть, приедете в Берлин; исполните же эти намерения. Что Вам будет здесь хорошо, я, пожалуй, готов поручиться. К осени сюда опять приедут Фуке, а также Тик и Контесса; Шамиссо, напротив, надолго покинул нас; впрочем, среди имен менее известных Вы обнаружите немало блестящих, интересных людей, образующих весьма остроумный кружок. Оперу мою уже разучивают, но, кажется, до декабря с постановкой ничего не получится, поскольку она стала уже главным делом, делом государственной важности. Что поделявает консулша [Марк], какие вести от Юльхен? Ни в Лейпциге, ни среди здешних банкиров никто ничего не знает о Грепеле, из чего заключаю, что дом этот совсем не известен, иначе я попросил бы Фуке навестить Юльхен – он наверняка был бы ей интересен, ведь она так любит его Ундину...

КЛЕМЕНС БРЕНТАНО

Письмо Гофману

Январь 1816 г. ...С некоторых пор я испытываю отвращение к поэзии, отражающей самое себя, но не бога; какому поэту, однако, дано было приблизиться к этому иначе, чем внешне? Дорогой Гофман, почему Вы не дали бедному своему Спикхеру обрести еще большую чистоту души, а именно благодаря Иисусу? ...Я чувствую ... как в Вас мог бы проявиться большой драматический талант, когда б паясничанье начало Вам надоедать. Мне знакома сия страсть, однако я глубоко убежден, что фигляр, пусть он даже сыплет божественные дары из волшебного кубка, не вполне серьезно относится к своим даяниям: ему забавно низвергать на голодающих горы манны небесной, и ласточка Товита невиннее, чем он. Набожные родители, старые слуги учат порою детей не играть с хлебушком, не класть хлебушек горбушкой вниз – древний закон благочестивого поведения за столом, и лишь когда после обеда начали кидаться хлебными шариками, настали голодные времена. Я всегда благоговел перед столь глубокими народными обычаями, я

потерял сие благоговение вместе с отражением в зеркале, но вот я обрел вновь и отражение, и благость, однако в зеркале нет фольги, оно стало прозрачным. О *хлебушке* можно писать лишь очень благоговейно и правдиво, о *слове* тоже. Притча о голодных временах, наставших после того, как люди стали кидаться хлебными шариками, касается также и *слова*. Так называемые юмористы, остроумные и фиглярствующие, всегда приходят в литературу перед великим голодом. Это последний обед приговоренного к смертной казни, последняя семейная трапеза Блудного сына.

ПЕР ДАНИЭЛЬ АМАДЕЙ АТТЕРБУМ

Самый удивительный из советников уголовной полиции

Мне необычайно хотелось лицом к лицу встретиться со столь занятой личностью, как Гофман, но застать его почти невозможно; говорят, он не терпит незваных посетителей и всегда велит отвечать, что он болен или что его нет дома. Не могу поставить ему это в вину, потому что нет ничего более отвратительного, чем принимать приветствия праздношатающихся зевак. В последний раз, за несколько дней до моего отъезда, я навестил его в обществе генерала фон Хельвига и находящегося ныне здесь Эленшлегера, оба они были знакомы с ним прежде, но все было напрасно. Не имеет смысла приглашать его в дом, где он и без приглашения желанный гость, коли же он приходит без приглашения, то не произносит ни слова, пьет чай и корчит странные гримасы.

Говорят, что Гофман выглядит примерно так, как "человек без отражения" в его "Новогодней ночи", – в его натуре столь же много демонического и призрачного, как и в том образе. Ты понимаешь теперь, как нелегко приблизиться к этому самому удивительному из советников уголовной полиции, разве что попробовать взяться за дело, как Брентано. Рассказывают, будто тот однажды пошел к Гофману познакомиться и, конечно же, получил от слуги ответ, что господин его очень болен и не желает с кем-либо разговаривать. "Вот это-то мне и нужно! – ответил Брентано. – Значит, для визита самое время. Скажи ему, милейший, что у входа ждет доктор Дапертутто, который в случае необходимости может войти и в окна, и в закрытые двери!" Как известно, доктор Дапертутто в "Новогодней ночи" у Гофмана является поэтическим воплощением дьявола. Озадаченный подобными немислимыми разглагольствованиями, слуга поспешил в квартиру, потом, трепеща, возвращается, отворяет

двери, и вот уже "безумный капельмейстер" *par excellence* * учтиво и в прекрасном расположении духа встречает своего гостя.

Однажды мне показали его издалека; это было в тот вечер, когда среди лета сгорел новый театр, всего два дня спустя после того, как я посмотрел там "Унди́ну" с его столь же романтической музыкой, как и стихи Фуке. Он глядел из окна своей квартиры, расположенной на Жандармском рынке, и зарево освещало его маленькое худое лицо, под личиной которого в то мгновение, наверно, таились десятки всевозможных сказок и чудес. Был вечер, и огромное здание, загоревшееся еще в обед, теперь было охвачено пламенем со всех сторон; в полутьме его сохранившийся остов со множеством пылающих окон был похож на королевский дворец саламандр.

Пожар этот, поначалу ужасно напугавший Берлин, а вскоре по милости провидения и ветра превратившийся в прекрасную декорацию, собрал на Жандармском рынке все лучшее берлинское общество, продержав его там до ночи. У всех был веселый вид, казалось, утрата прекрасного и дорогого обошедшегося городу театра в какой-то мере возместила себя тем, что превратилась в достойный внимания спектакль. Больше всего огорчала утрата театральных костюмов и декораций, они и в самом деле были столь ценны и великолепны, созданы с такой фантазией и вкусом, что вряд ли какой-нибудь другой театр Европы, как полагали многие, мог сравниться в этом отношении с берлинским.

Две декорации к "Ундине" я никогда не забуду: бурная лесная река образует остров, на котором ночью впервые встречаются Ундина и Гульдбранд под жалобные стоны рыбака, а еще сверкающий красками, прозрачный дворец на дне Средиземного моря, где наконец вновь соединилась с возлюбленным и супругом сохранившая верность морская царевна....

КАРЛ МАРИЯ ФОН ВЕБЕР

Об опере "Ундина"

...Кто так сумел прочувствовать дух Моцарта всей глубиной души и пламенным полетом фантазии, как автор новеллы "Дон Жуан" (первая часть "Фантазий в манере Калло"), тот уже никогда не сможет создать ничего посредственного, в худшем

* Особенно, в истинном смысле слова (*франц.*).

случае он подойдет к этой границе и остановится пред нею, но не станет бездумно двигаться в ее пределах.

Либретто представляется рецензенту драматизированной сказкой, в которой, безусловно, можно наметить с большей или меньшей определенностью некоторые внутренние взаимосвязи. Господин фон Фуке знал эту сказку слишком хорошо, а в подобных случаях может возникнуть особый род самообольщения, будто и другие знают все столь же прекрасно. Впрочем, ее ни в коем случае нельзя назвать непонятной, как утверждают иные.

Тем четче выступает в своих красках и очертаниях опера, которой дал дорогу в жизнь композитор. Она и в самом деле удивительно *цельная*, и рецензент, слушавший ее неоднократно, не может припомнить ни единого места, которое хоть на мгновение вывело бы его за пределы образного магического круга, вызванного в его душе. Да, с самого начала и до конца композитор столь властно заставляет нас вслушиваться в развитие музыкальной темы, что уже после первого раза создается ощущение целостности, тогда как частные моменты исчезают в подлинной скромности и безыскусности.

С редкой самоотверженностью, величие которой способен оценить лишь тот, кто знает, что это такое – пренебречь взрывом аплодисментов, – господин Гофман избегает подчеркивания отдельных музыкальных фрагментов за счет других, что очень легко было бы сделать, обратив на них внимание слушателей более изысканной разработкой и изобретательностью, нежели это положено частям единого художественного целого. Гофман неудержимо шагает вперед, ведомый явным стремлением во всем лишь следовать *истине*, вознося к вершинам искусства драматургическую жизнь, но не сдерживая и не сковывая ее быстрого развития. Сколь разнообразно и метко ни были бы обрисованы всевозможные характеры действующих лиц, их окружает или, точнее, благодаря им создается та призрачная, фантастическая жизнь, вызывающая сладостный, жутковатый восторг – характерную примету сказочного.

Более всех выделяется *Кюлеборн* (рецензент, как и Фуке, изначально предполагает, что сказка известна большинству читателей) – благодаря мелодии и оркестровке, которая, оставаясь неизменной, всякий раз возвещает его зловецкое приближение. И это оправданно, ведь он является если не как сама судьба, то как непосредственный исполнитель ее воли. За ним идет *Ундина*, милое дитя волн. Ее мелодии то ласково покачиваются, поднимая легкое волнение в душе, то властно заявляют о царственной ее силе. В высшей степени удачной и целиком раскрывающей ее характер рецензенту представляется ария из

второго акта, настолько прелестная и одухотворенная, что в ней уже ощущается целое. ...

Пылкий и бурный, непостоянный, отдающийся каждому проявлению любви *Гульдбранд* и благочестивый, простой священник с его серьезной хоральной мелодией наиболее выделяются среди остальных действующих лиц. *Бертальда*, *Рыбак* и *Рыбачка*, *Герцог* и *Герцогиня* остаются на заднем плане. Хор свиты полон живой, веселой жизни, порой он достигает благотворной свежести и улады – в отличие от жутких хоров гномов и водяных с их странной нервной поступью.

Наиболее удачным, поистине великолепно задуманным представляется финал оперы, где композитор напоследок явил нам всю полноту гармонии в восьмиголосном двойном хоре, придав словам "На покой от забот и роскоши земной" столь прочувствованную сердцем мелодию, наполненную глубоким смыслом, величием и сладостной меланхолией, что трагический по сути своей финал вызывает блаженное умиротворение. В финале сливаются воедино увертюра и заключительный хор. Увертюра словно открывает нам чудесный мир; начинаясь как бы неторопливо, она затем все более настойчиво и пламенно устремляется вперед, а после, еще не отзвучав, непосредственно переходит в действие; хор же успокаивает и умиротворяет совершенно. Произведение в целом является одним из вдохновеннейших творений наших дней. Прекрасный сей итог доскональнейшего знания и понимания предмета, достигнутый в результате глубоко продуманного развития центральной идеи с учетом воздействия всего художественного материала, делается подлинным произведением искусства благодаря дивным, проникновенным мелодиям. <...>

Спектакль можно назвать великолепным и в отношении декораций и костюмов, удачным с точки зрения вокала и игры. Ежедневный аншлаг свидетельствует о возрастающем интересе, который публика наша проявляет к опере. Недоброжелатели приписывают успех исключительно декорациям, однако рецензент позволит себе заметить, что на иных спектаклях, когда декорации и в самом деле лучше всего остального, публика только и дожидается их появления, а затем уходит; здесь же люди неотрывно, с одинаковым вниманием следят за действом с начала и до конца, они не уходят раньше времени, а это уже является достаточным доказательством интереса, который вызывает опера сама по себе. Композитор мог бы снискать бурные аплодисменты почти в каждой музыкальной части, подчеркнув слегка заключительные такты, однако здесь, напротив, действие быстро стремится вперед.

Так пусть же господин Гофман вскоре вновь подарит миру

что-нибудь столь же возвышенное, как эта опера, пусть продолжает творить в этой области искусства его разносторонний гений, снискавший ему за короткое время славу писателя и обеспечивший уважение коллег как к деловому человеку (советнику королевского прусского апелляционного суда в Берлине).

ПИСЬМО ТЕОДОРУ ГОТЛИБУ ФОН ГИППЕЛЮ

30 августа 1816 г. За месяц с небольшим мою Ундинхен давали шестнадцать раз, и все при переполненном зале; опера вызвала множество разговоров и всеобщее брожение. Причиной тому, конечно, поэт, против коего ополчились филистеры. Одним текст показался слишком мистическим, другим – чересчур благочестивым. Третьи ругают стихи, однако все хвалят музыку, и еще декорации, которые впрямь превзошли все виденное мною до сих пор. Какое огорчение, что ты не смог посмотреть оперу, в душе я глубоко убежден: тебя, знающего толк в истинной поэзии, это произведение затронуло бы особым образом. Странно, что критики пытаются доказать, будто стихи не представляют собой ничего особенного, пытаюсь все заслуги приписать мне, однако я в этом вовсе не заинтересован, напротив, я постоянно и довольно резко подчеркиваю: нужно быть полным ослом, чтобы на таком материале, к таким прекрасным стихам написать дрянную музыку на шесть третей. Быть может, через полгода выйдет клавираусцуг; его я посвящаю твоей любящей пение семье. Хурай мог бы поставить отрывок на сцене в Мариенвердере, но тогда ему, наверное, пришлось бы расширить театр до противоположного берега Вислы и, как в знаменитой трагедии "Пирам и Тисба", давать представление в лунную ночь, чтоб сразу иметь под рукою и бурные воды, и лунный свет. Единственное умное слово об "Ундине" среди прочих печатных откликов молвил, между прочим, Катель в берлинской газете, вообще же несли много вздора, в том числе и в "Драматургических листках", в которых я не сотрудничаю, ибо они, выражаясь здешним образным языком по части изящных искусств, *сильно обветшали*, так что их читают лишь начинающие гимназисты у Левецова, и сей искусственно навязываемый им взгляд отнюдь не способствует пользе дела. Апелляционный суд принимал в "Ундине" большое участие, и ходят смутные слухи, будто одну важную персону с Вильгельмштрассе видели в глубине боковой ложи, когда оперу давали во второй раз.

В апелляционном суде на меня, естественно, навалили мно-

жество дел, я тащу их за собою, словно каторжник колодки, и верую, что таково мне наказание за бесчисленные грехи, за то, что не выдержал испытания свободой и вынужден был вновь вернуться в тюрьму, подобно избалованной птичке в клетке, которой так долго подсыпали в кормушку корм, что она уже не может искать себе пропитание на воле. До сих пор на меня взваливали все самое неприятное: кассовую опеку, хранение документов, предварительные следствия по уголовным делам и так далее. А тут еще и сенат по уголовным делам из-за летних путешествий, болезней пр. сократился с восьми участников до трех, так что порой мне кажется – нам стоит закрыть ворота и написать на них аршинными буквами: "В связи с отъездом судей на воды каждому надлежит самолично вершить правосудие касательно содеянных преступлений, а равно и тех, коим еще предстоит свершиться!"

Председатель Вольдерман также отбыл, вице-президенту пришлось председательствовать в *сенате по предварительным следствиям*, твой покорный слуга, как старейший советник, с достоинством и энергией чиркал красным карандашом в сенате по уголовным делам. В то же самое время меня навестила моя воспитанница, племянница из Познани с мужем, ассессором трибунала фон Лекшицки. Она привезла свое милое дитя, дабы мне не пришлось усомниться в том, что я уже дед, – можешь себе представить, сколь великим и значительным я себя почувствовал. После того, как мною были сложены полномочия (директора, конечно, а не деда), друзья в знак признания моих высоких заслуг вручили мне на внеочередном собрании серафинов почетный красный карандаш, украшенный разноцветными лентами. Его я ношу по торжественным дням в третьей петлице правого лацкана мундира, и, когда застегиваюсь, он покоится у меня на сердце!

Друзья хвалят меня за то, что сии должности и звания не сделали меня гордым и заносчивым и что в свободные часы я беседую с ними весьма доброжелательно и снисходительно!

Прости мне, дорогой друг, всю эту несусветную чушь – ты ведь знаешь, какая обезьянья рожа щекочет во мне *скрытое поэтическое тщеславие!* <...> Прочел ли ты "Любовь певца" Фуке и его же "Юношеские стихотворения"? В последних очень много прекрасного, первое же очень нежно, но это не "*Волшебное кольцо*". Такого, как "*Золотой горшок*", мне уже не написать! Нужно лишь по-настоящему почувствовать это и не строить себе никаких иллюзий!

Берлинская знаменитость

Существует несколько, да и то косвенных, свидетельств, позволяющих предположить, что Гофман вполне представлял себе значение собственного творчества для мировой литературы, особенно новизну и оригинальность техники повествования. В отношении "Золотого горшка" он, во всяком случае, был уверен: "идея о

том, чтоб так вот смело ввести в обыденную жизнь сказочный элемент... не использовалась еще в такой мере ни одним немецким автором". В сравнении с поэтической смелостью и глубиной дрезденской сказки кое-что из новых произведений Гофмана покажется, возможно, не столь весомым. Около 1816 года Гофман приобретает славу автора развлекательных произведений (к примеру, осенью 1816 года появляется "Эпизод из жизни трех друзей"). Позже, когда ему вновь удастся прорыв в большую литературу, Гофман весьма иронически называет эту свою продукцию порождениями "вице-головы".

Гофман писал в спешке, порой не заботясь о продуманной композиции, о точных мотивировках, об отделке языка. Тем не менее автор развлекательных произведений неотделим от большого писателя Гофмана. Достаточно даже таких рассказов, как "Щелкунчик и мышинный король", "Советник Кrespель", "Пустынный дом", "Майорат", "Состязание певцов", "Дождь и дога-ресса", "Мастер Мартин-бочар и его подмастерья", "Мадемуазель де Скюдери", быстро появлявшихся один за другим, чтоб уже обеспечить их создателю почетное место в немецкой прозе XIX столетия. Однако большинство из них не так уж показательны для существа творчества Э. Т. А. Гофмана. Глубочайшим проявлением его внутренней природы являются скорее сказки, истории о художниках, и в первую очередь "Житейские воззрения кота Мурра", книга, замысел которой вызревал очень медленно и долго. Но что бы он ни писал, будь то новелла для карманного издания или философская сказка, все было глубинным озарением человека, остро ощущавшего неустойчивость собственного бытия, страдавшего от преследований общества, на первый взгляд кажущегося столь обывательски-добропорядочным.

Гравюра на дереве Фогеля, 1819 год

Не удивительно, что в то время он так сближается с актером Людвигом Девриентом. Возможно, сей переменчивый в настроениях комедиант был в жизни Гофмана единственным человеком, по-настоящему понимавшим сложный и неповторимый душевный склад писателя. И он, подобно Гофману, утверждал, что у него есть двойник; как и друг его, он чувствовал себя непризнанным в среде, видевшей в искусстве лишь повод для незамысловатых развлечений. Его артистическое мастерство, сочетавшее дар трагический и комический, было неисчерпаемо: сегодня он играл короля Лира, а завтра Фальстафа, воплощая оба характера с такой степенью человеческой достоверности, какую вряд ли видела с тех пор немецкая сцена. В беспредельной своей преданности искусству он как бы воплощал гофмановский идеал художника, которому подвластны все человеческие выси и глубины, который одержим своей высокой миссией.

Это вместе с ним не чуждый музам советник апелляционного суда ночи напролет кутил у Люттера и Вегнера, особенно с осени 1817 года. Вскоре этот винный погребок стал своего рода штаб-квартирой Гофмана в Берлине, там его наверняка можно было застать после окончания театральных спектаклей. Изрядно бражничающая компания стала вскоре неким официальным собранием, почти что легендой, вместе с тем она вызывала нескрываемое негодование скучных представителей берлинского филистерства, например некоего безликого профессора Фридриха Вильгельма Губица. Даже Гиппель и Хитциг, давние друзья, позже часто осуждали гофмановские отклонения от границ буржуазной благопристойности. В произведениях той поры они усматривали признаки распущенности и упадка, полностью отрицая значение позднего творчества Гофмана. В то время писатель все больше отдалялся от позднеромантического кружка Хитцига, в пику всем попыткам возрождения серапионовского братства.

Вскоре и министерству юстиции пришлось узнать, какого неугодного человека произвели они в советники апелляционного суда. Еще до Карлсбадских постановлений, до преследований демагогов король и юнкерство пытались вернуть свои пошатнувшиеся позиции. Писательница Хельмина фон Шези, подруга Шамиссо, обратила внимание на скандальное положение в прусских лазаретах, на недостойное обращение с инвалидами. Гнейзенау организовал строгое расследование, однако результатом было лишь то, что соответствующая комиссия обвинила писательницу в клевете. Гофман, которому было поручено это дело, благодаря своему юридическому заключению добился ее оправдания. Это доставило ему особенное удовольствие еще

и потому, что государственным обвинителем был тот самый генерал фон Цастров, который четырнадцать лет назад добился его перевода в Плоцк в порядке административного взыскания. С тех пор председатель фон Трюцшлер вынужден был зорко следить за своим мужественным подчиненным, которому он, при всем желании, не мог, однако, отказать в усердии и осмотрительности и которого использовал в соответствии с его талантом: гениальный психолог, знаток человеческой души, Гофман был прекрасным следователем, умелым составителем глубоко проникающих в суть дела судебных заключений.

Несмотря на отдельные конфликты с начальством, поначалу все шло так, как того хотелось. Правда, 29 июля 1817 года сгорел театр, из-за чего неожиданно прекратилась триумфальная серия постановок "Ундины". И хотя неизменный полночный завсегдатай погребка Люттера и Вегнера отпускал множество ядовитых замечаний, отнюдь не лестных для тех, кого они касались, у издателей альманахов автор, быстро достигший славы, был нарасхват: Гофман писал для "Урании" и "Записной книжки любви и дружбы", для "Берлинского карманного календаря" и "Записной книжки компанейских развлечений". Доходы росли, впрочем, их едва хватало на посещение дорогих питейных заведений. Вскоре он стал жить на авансы, пытаясь выторговать у издателей все более высокие гонорары. Кризис, в котором он оказался, возвратясь в "государственное стойло", нарастал.

ПИСЬМО ХЕЛЬМИНЕ ФОН ШЕЗИ

10 сентября 1816 г. Апелляционный суд, как Вам, очевидно, уже известно, передал мне подробные Ваши показания в связи с делом о сознательной клевете; во исполнение сего задания на завтра я назначил слушание дела. Я с готовностью избавлю Вас, уважаемая госпожа, от неприятного пребывания в апелляционном суде, да и вообще дело это, на мой взгляд, не подходит для слушания в шумном зале судебных заседаний. Поэтому я покорнейше прошу изложить мне Ваше дело письменно, приведя точные доказательства, на коих строятся Ваши обвинения против администрации лазарета, и благосклоннейше прислать мне все материалы сегодня или завтра утром. Форма требует, чтобы изложению дела предшествовали общие данные о Вас – имя, место рождения, возраст, сословие, вероисповедание, биография (как указано, в общих чертах). На основе этого изложения затем я составлю протокол и пришлю его Вам, уважаемая госпожа, так что Вам не придется вмешиваться в спор сторон в зале судебных заседаний....

*ХЕЛЬМИНА ФОН ШЕЗИ**На допросе у Гофмана*

Мой процесс начался. Меня обвиняли в том, что я оклеветала комиссию, проверявшую условия жизни инвалидов. Я не знала, однако, даже их имен, когда сообщила графу Гнейзенау правду о том, как обращаются с нашими инвалидами. ...

Следователем был назначен Теодор Амадей Гофман. Я гордилась таким выбором и была рада ему. Во время процесса высказывалось уже так много значительных людей, что мнение публики целиком склонялось в мою пользу.

Гофман весьма осмотрительно повел дело, и оно обрело уверенный ход. Допросы, которым мне пришлось подвергаться, проходили в полном соответствии с законом. Протоколы, составленные в высшей степени умно, должны были передаваться в печать. Боюсь, однако, что их затем уничтожили. Гофман весь проникся ответственностью и серьезностью своей миссии. Лживо обвиненную, достойную женщину, лишившуюся своего скромного, но спокойного положения, предстояло вытащить из адской паутины, дабы за стремление к справедливости и доброте ей не пришлось заплатить бесчестьем и тюрьмой.

Первый раз меня допрашивали в апелляционном суде. При сем присутствовал референдарий. Жаль, что не записала его имени, после я его забыла. Это был умный, честный и чуткий человек. Мне вдруг открылось, какие тягостные чувства владеют Гофманом и референдарием – ведь согласно распоряжению министерства юстиции им не следовало беспокоить истинных виновников, не говоря уже о том, чтоб невинную превратить в обвинительницу. Они прилагали множество усилий, словно стараясь вознаградить меня за то, что до сей поры со мною обращались как с преступницей.

Второй и третий допросы проводил сам Гофман. Я не видела до тех пор его квартиру, он сам разрисовал в ней стены. Самая красивая комната была с большим вкусом и остроумием украшена предметами, имевшими отношение к его "Ундине". Гофман, с его удивительно маленькими руками и очень ладной фигурой, с горящими глазами, зрачки которых были так неподвижны, что трудно было понять, большие это глаза или маленькие, с тонкими губами, которые никогда не смеялись, был похож на некое призрачное существо, наделенное минимумом плоти и костей, отпущенным природой для того, чтобы целое могло называться телом. Пылкость и подвижность были самыми яркими его чертами. Порою весьма даже умные люди внешне никак не отличаются от остальных. Гофман же и по своему внешнему виду, и по внутреннему складу был особенным,

Отец приглашает Коппелиуса войти.
Иллюстрация к "Песочному человеку"

другого такого человека встретить было невозможно.

Когда я появилась у него в доме, сначала мы долго молча рассматривали друг друга. Я осмелилась немного пошутить, и это вызвало первую и единственную улыбку, промелькнувшую у него на губах. Мы оба почувствовали иронию судьбы, которая в подобной ситуации нас противопоставила, я бы даже сказала, столкнула друг с другом нас, двух писателей.

...По окончании дела я нередко еще встречалась с Гофманом. Он хорошо чувствовал себя лишь в мире собственных идей, фантазий, проектов и трудов. Если он не работал, его тянуло наслаждаться жизнью. Он работал, напрягая все свои силы и даже не осознавая, каково было это напряжение; затем он расслаблялся, и в такие мгновения все в нем и вокруг него было немым и безрадостным. Лишенный всех своих сил, он пытался как-то выйти из подобного состояния, совершая что-нибудь нелепое и воображая, будто развлекает публику.

Однажды у Хитцига кроме его детей собралось множество юных девушек, красивых, милых и цветущих. Гофман извлек из какого-то лишь ему ведомого домашнего закоулка винный спирт, принес из кухни несколько горстей соли и глубокую миску. Приготовив нужную смесь, он задул свечи. Как известно, даже самые румяные люди выглядят мертвецами, если их осветить такой смесью. Я громко вскрикнула от ужаса и выдавила затем глухо: "Дети, уходите, уходите!" Ибо иллюзия тления подавила меня, я долго не могла избавиться от увиденного. И вместе с тем никто не нравился детям так, как он; казалось, природа и гений одарили его самыми прелестными сокровищами, чтобы порадовать детей. Он никого особенно не ласкал, не покупал расположения – все приходило словно само собой, безо всякой подготовки, без принужденья. И мы все внимали ему, тоже становясь при этом детьми.

Картины его были сделаны мастерски, каждая черточка дышала страстью и трепетной жизнью; они могли бы внушить страх, если б не излучали любовь и естественную грацию. Из его музыкальных произведений я слышала лишь "Ундину"; она произвела на меня огромное впечатление. Однажды утром сгорел берлинский придворный и государственный театр; не удалось спасти даже собранные в нем шедевры, в том числе и великолепные декорации к "Ундине", выполненные рукою прекрасного мастера Шинкеля. Кто захочет прочесть его удачное описание, найдет таковое в остроумной новелле баронессы де ла Мотт Фуке.

*БАРОНЕССА КАРОЛИНА ДЕ ЛА МОТТ ФУКЕ**Странный маленький человечек*

...Я давно уже с любопытством и удивлением наблюдала за маленьким, можно сказать, хрупким человечком, который в развевающемся коричневом сюртуке живо передвигался среди беседующих, прислушивался к разговору с поджатым ртом и лукаво смеющимися глазами. Засунув обе руки в карманы сюртука, он, казалось, придал тем самым нечто вроде опоры и уверенности своему подвижному телу. Должно быть, он слушал и говорил одними лишь глазами. Мне никогда больше не встречалось столь тонкое и своеобразное лицо. Он был не стар, но и не молод, в миниатюрном облике его отразилась вся прожитая жизнь – целый мир страстей, испытаний, даже известная умудренность. Мне становилось почти смешно, когда этот странный человечек, кроша руками сдобный хлеб, заводил обычную застольную беседу с первым попавшимся и снова в центре разговора оказывался театр и актрисы. Под свежим впечатлением от спектакля он с тихой предупредительностью спрашивал об актрисе, при этом быстро кладя в рот маленькие кусочки хлеба; актриса, как живая, вставала предо мной, и казалось, будто я давно ее видела и знаю. Вносили еду, каждый занимал свое место; я сидела чуть наискосок от этого странного маленького человечка, так что могла видеть его запоминающееся лицо при любом движении и повороте. Он мало ел и мало говорил. Чаще подносил стакан к тонким губам, и в это время его взгляд легко скользил поверх стакана, следя за сотрапезниками. Меня он, казалось, не замечал, хотя глаза наши постоянно встречались.

Если же он и говорил, то по большей части о вещах незначительных, так и воспринимавшихся присутствующими; однако во время разговора вокруг рта его и на лбу появлялось множество полупечальных, полунасмешливых демонов, которые постепенно омрачали его лицо, так что под конец он делался совсем угрюмым: ему, мол, надоели шутки. Тогда он принимался много пить, а затем, достав с соседнего столика доску и мел, набрасывал фигуры и лица с такой ловкостью и быстротой, что окружающие сначала потихоньку, а потом все громче и громче начинали обсуждать это. Друг за другом протискивались к нему. Он делал карикатуры на всех присутствующих и, показывая доску тем, кто сидел вдалеке, спрашивал: "Этого узнаете?" Потом он очинивал грифель и принимался что-то усердно штриховать, закрывая рисунок рукой, при этом глаза его горели все ярче и серьезнее, он что-то бормотал про себя. "Взгляните-ка!" – воскликнул он наконец, вытирая пот со лба.

И показал готовый портрет соседям. "Говорите!" – раздалось будто из одних уст. Взгляды всех присутствующих устремились на меня. Сердце мое забилося от робости, я покраснела как рак. "Весьма удачно, – сказал молодой офицер, взяв рисунок в руки, – выбрали вы рыцарский костюм; во время обеда я все время представлял себе мужчину в подобном наряде". Гофман забрал у него доску, положил на стол и равнодушно смахнул рисунок ладонью.

АДАМ ЭЛЕНШЛЕГЕР

Бурлескно-фантастический эльф

Несколько дней назад из собственного имения, расположенного в семи милях от города, приехал Фуке, чтоб познакомиться со мною. Гофман пригласил нас к себе, и мы втроем провели поистине поэтический вечер. Фуке весьма приятный, любезный человек, прямодушный и общительный; о том, что у него благородное сердце и богатая фантазия, свидетельствуют и его произведения. Сплав фантазии и сердечности – явление само по себе редкое; он поистине прекрасен душой в самом лучшем смысле, и его "Ундина", "Человечек из-под виселицы", "Неизвестный больной", "Иксион" и другие вещи великолепны. Мне кажется, лучше всего удаются ему сказки, так прекрасны его мечты о храбрости и любви, о добром старом времени. *Возвышенное* играет очень важную роль в его произведениях; не будучи ни язвительным сатириком, ни страстным полемистом, он воздает хвалу добру, хорошо знает датский и читал вслух по-немецки в своем кружке большинство моих произведений. Он не очень высокого роста, довольно полный, светловолосый и кудрявый. Гофман, этот умный, бурлескно-фантастический эльф, нацепив белый поварской фартук, готовил крушон из рейнвейна и шампанского. Чаша ходила по кругу, а мы рассказывали при этом всевозможные короткие истории да всякие необыкновенные происшествия, случавшиеся с нами или с другими людьми. Между прочим, могу поведать тебе историю про одного еврея, рассказанную Гофманом.

Еврей этот уверовал в истины христианской религии и крестился. Но едва это произошло, как каждую ночь ему стала являться покойница-жена. Она приходила к нему, глядела на него, заламывая руки, пустыми глазницами, показывала на темя и голосила, что нет ей покоя в могиле, потому что не стала она христианкой, как он. Еврей попробовал сменить квартиру, но жена преследовала его и дальше, каждую полночь являлась она пред ним, требуя приобщить к святому крещению. Чтоб дать

покой несчастной и избавить живых от жуткого призрака, власти и церковь решили вскрыть могилу и окрестить труп, что и было исполнено. С этого мгновенья призрак больше не являлся, обретя наконец блаженный покой. "Ну разве не странно все это?" – вскричал Гофман. А теперь разгадка истории: незадолго до этого еврей принялся судиться с семейством жены, которое рассчитывало получить наследство умершей; отныне же он ссылался на то, что его жена *крещеная*, как и он, и наследство, таким образом, принадлежит *ему*. Для этого и была разыграна вся история.

Я предложил другую концовку: когда еврей получил наконец наследство покойной, на следующую ночь к нему явился подлинный призрак и свернул шею. Однако это показалось им слишком надуманным, тут и сказке пришел конец.

В то время как мы развлекались подобными жуткими историями, подогревая к тому же фантазию крюшоном, я повернул голову в сторону и увидел вдруг (представь себе мой ужас!), что к плечу моему склонился черный маленький чертенок с рожками на лбу и торчащим изо рта красным языком.

То была марионетка, купленная Гофманом (у него был целый шкаф подобных игрушек), и теперь он извлек ее, чтобы напугать меня при страшном рассказе. Это был удивительно интересный вечер; когда Фуке настал черед рассказывать, Гофман уселся за фортепиано и аккомпанировал его истории, звуками изображая ужасное, воинственное, нежное или трогательное, и делал он это превосходно.

ПИСЬМО ТЕОДОРУ ГОТЛИБУ ФОН ГИППЕЛЮ

15 декабря 1817 г. ...Поскольку я как раз вспомнил о сгоревшем театре, то кратко сообщаю тебе, что мне вновь грозила опасность полного разорения. Крыша дома, где я живу на третьем этаже (угол Таубенштрассе и Шарлоттенштрассе), сгорела почти вся от страшного жара, распространившегося горящим театром, и лишь при помощи мощных струй воды из трех точно установленных пожарных насосов удалось погасить огонь и спасти наш дом, а пожалуй, и весь квартал. Я как раз сидел за письменным столом, когда жена вышла с бледным лицом из углового кабинета и сказала: "Боже мой, театр горит!" Оба мы ни на секунду не потеряли головы. Когда в дверь постучали пожарники вместе с присоединившимися к ним друзьями, мы с помощью кухарки снесли уже гардины, постели и большую часть мебели в задние комнаты, менее подверженные опасности, там все это и оставалось какое-то время, ибо лишь в по-

следний момент я велел вынести все на улицу. В передних комнатах от жара лопнули все стекла, с оконных рам и дверей текла масляная краска. Дерево не загорелось лишь потому, что на него все время лили воду. У соседей моих, которые в спешке велели все вынести, многое было испорчено и украдено, у меня же – ничего.

ПИСЬМО АДЛЬФУ ВАГНЕРУ

25 ноября 1817 г. ...Я мог бы рассказать Вам, как во время пожара в театре, расположенном на расстоянии всего 15–20 шагов от моего дома, мне грозила явная опасность, ведь крыша квартиры уже, можно сказать, горела, более того – пошатнулся государственный кредит, ибо, когда загорелась кладовая и 5 тысяч париков взлетели в воздух, парик Унцельмана из "Деревенского цирюльника" парил над зданием банка, словно опасный огненный метеор, – впрочем, обо всем этом волшебник расскажет Вам устно, добавив, что оба мы – я и государство – спасены. Я – благодаря мощи трех пожарных насосов, одному из которых перевязал рану шелковым фартуком жены, *государство* – благодаря отважному гвардейскому егерю на Таубенштрассе, который, после того как множество насосов безрезультатно нацелены были на поднимавшийся *ad altiora* * парик, метко сбил упомянутое чудовище из ружья. Смертельно раненное, свистя и шипя, оно грохнулось в нужник питейного заведения Шонерта. После этого облигации государственного займа немедленно поднялись! Чем не материал для эпоса? Возможно, Вы смогли бы создать его на подобном материале, для этого, однако, необходимо точно знать внутреннее расположение заведения, а посему прилагаю небольшой рисунок, который точно передает основные пропорции.

ЮЛИУС ЭДУАРД ХИТЦИГ

Ночи, проведенные в кутежах

Уклад его жизни был таков: по понедельникам и вторникам он первую половину дня заседал в апелляционном суде, в остальные дни работал дома; после обеда он обычно спал, а летом гулял; вечера же и ночи проводились в питейном доме. Когда он днем или вечером либо и днем, и вечером бывал в обществе, что случалось часто, иной раз ежедневно, ибо он простился не с

* Ввысь (лат.).

обществом как таковым, но только с обществом своих друзей и с благопристойными чаепитиями, среди местных кутил, напротив, он всегда был желанным гостем, — в таких случаях по вечерам у него нередко бывало два застолья, скажем, с семи до девяти и с девяти до двенадцати, затем же, когда другие расходились по домам, он, как бы поздно ни было, отправлялся еще в питейный дом, чтобы там встретить рассвет. Раньше вернуться домой он не мог.

При этом, однако, не следует представлять его себе обыкновенным пьяницей, который любит вино ради вина и пьет, пока язык у него не станет заплетаться и он не уснет, — у Гофмана все было иначе. Он пил, чтобы взбодриться; пока сил у него было больше, требовались меньшие дозы, потом, конечно, побольше. Зато, когда он взбадривался или, как он говорил, приходил в экзотическое настроение, для появления которого нередко хватало полштофа вина и хотя бы *одного* приятного слушателя, не было ничего интереснее, чем этот фейерверк остроумия и полет фантазии; Гофман мог непрерывно, по пятьдесят часов кряду блистать ими перед восхищенными слушателями. Но если экзальтация заставляла себя ждать, он все равно не сидел без дела в питейном доме, где можно наблюдать множество людей, которые ничего не делают, лишь прихлебывают вино да зевают; он окидывал все это своим зорким оком. И тогда подмеченные им смешные, странные, даже трогательные особенности завсегдатаев становились набросками к будущим произведениям. Бывало, что он тут же делал наброски своим искусным пером, короче — беседуя с друзьями, он редко не преподносил им свежих и пикантных историй из нового своего мира.

В подобных обстоятельствах те, кто хорошо к нему относился, охотно прощали ему это увлечение — часто он собирал вокруг себя остроумнейший кружок, и приезжие, желавшие увидеть Гофмана, наверняка могли застать его в питейном доме, ведь образ его жизни известен был всему Берлину; вот если бы только возможно было устранить разрушительное влияние на его здоровье всех этих непрерывных ночных кутежей в сочетании с сильнейшим умственным напряжением днем — ведь он никогда не пренебрегал своей службой и вместе с тем писал книгу за книгой. Увы, нельзя отрицать и того, что постоянное общение с людьми, собирающимися обыкновенно в заведениях такого рода, постепенно лишало умения достойно вести себя в окружении более благородном; в поведении его проглядывал некоторый цинизм, легко способный оттолкнуть тех, кто не был знаком с ним близко и не догадывался, какое сердце скрывается под сей грубой оболочкой.

ФРИДРИХ ВИЛЬГЕЛЬМ ГУБИЦ

У Люттера и Вегнера

Тогда я был еще репортером в "Моргенблатт" Котты и в "Шпенерше цайтунг". По роду занятий мне нередко приходилось принимать у себя актеров и актрис – давняя традиция, не приносящая, как мне кажется, радости ни той, ни другой стороне. *Девриент* не наносил мне визитов: на мой взгляд, это свидетельствовало о его художественной самостоятельности. Не зная его, я и помыслить не мог о какой-то другой причине. Так прошел почти год, наконец я лично встретился с ним как раз в то время, когда он сблизился с "Калло-Гофманом", советником апелляционного суда. Они проводили вместе вечера и ночи в винном погребе Люттера и Вегнера, и это весьма вредило здоровью Девриента.

В марте 1819 года Нагель, режиссер бреслауского театра, выдвинувшийся из актеров благодаря хорошим природным данным и прекрасной школе, гастролировал на берлинской сцене. Надворный советник Карл Штейн, бывший актер и известный писатель, несмотря на свои скудные денежные средства, не хотел расстаться с другом без скромного вечернего застолья; были приглашены также театральный рецензент Эсперштедт, подрабатывавший тогда суфлером, и я. Оба мы отправили письменные отказы; Эсперштедт – потому что должен был суфлировать, я – потому что хотел поработать. Однако Штейн, придя ко мне, уговорил не оставлять его с Нагелем одного, и мы втроем встретились вечером "у итальянца", как принято было называть хозяина, хотя он и носил немецкое имя Дитрих. Около одиннадцати часов Штейн предложил пойти еще куда-нибудь; упомянули заведение Люттера и Вегнера, однако я решительно отказывался. Потом дал уговорить себя зайти на порцию мороженого к Тейхману, тогдашнему знаменитому кондитеру. Заведение это на Унтер-ден-Линден, к великой моей радости, было уже закрыто, и тогда все решили вместе проводить меня домой. Дорога лежала мимо упомянутого питейного дома; сильный Нагель, ростом шести футов, и крепко сбитый Штейн, как после выяснилось, сговорились между собой втянуть меня туда насильно. Один схватил за плечи, другой за ноги, и, как я ни сопротивлялся, они втащили меня в угловую комнату, где сидели уже со своей свитой Девриент и Калло-Гофман.

В этом кружке, где и так уже царил атмосфера некоторой экзальтации, шумно возликовали по поводу учиненного надо мною насилия; меня вынудили выпить за здоровье присутствующих.

*Гофман и Девриент за салатом
и портвейном*

1. O du mein Gott! Ich bin ein armer Sünder und
verbreche mich täglich. Ich bitte dich, mich
von allen Sünden zu erlösen, die ich
gethan habe, und mich zu dir zu
kehren. Amen.

2. O du mein Gott! Ich bin ein armer Sünder
und verbreche mich täglich. Ich bitte dich,
mich von allen Sünden zu erlösen, die ich
gethan habe, und mich zu dir zu
kehren. Amen.

3. O du mein Gott! Ich bin ein armer Sünder
und verbreche mich täglich. Ich bitte dich,
mich von allen Sünden zu erlösen, die ich
gethan habe, und mich zu dir zu
kehren. Amen.

Amen!

Jesus Christus! Nimm an mit mir

Ehre und Ruhm!

zu allem Ewigem

Ammen Amen Amen
Amen Amen

Подавляя в себе досаду наигранной удалью, я подчинился судьбе и, поскольку прочитал незадолго до этого сочинения патера Авраама из Санта-Клара, по-своему развлекался, примешивая в беседу его обороты, благоприятствовавшие общему, явно сумасбродному настроению, несмотря даже на их назидательный характер. Домой я вернулся лишь около четырех утра, навсегда получив в той угловой комнате неодолимое отвращение к шампанскому, что само по себе, конечно же, неплохо. <...>

ЛЮДВИГ РЕЛЬШТАБ

Людвиг Девриент

...Девриент никогда, даже во хмелю, не терял благородных манер; можно даже утверждать, он делался еще любезнее, ибо его необыкновенное добродушие становилось тогда просто безграничным. Перед его доверчивой душой распахивались любые двери; увы, этим качеством нередко злоупотребляли. Нельзя сказать, что подобное настроение овладевало им, лишь когда он пил; впрочем, сначала у него, как у любого незаурядного человека, заметно было лишь усиление склонностей, сил и интересов натуры, затем, однако, все это превращалось в безграничную любовь, распространяющуюся на каждого. И если начинал он с почти гениальных бесед об искусстве, с огненных всплесков фантазии или дерзкого юмора, то заканчивал обычно тем, что любезно и с готовностью впитывал в себя все внешние впечатления. Сердце его естественно и дружелюбно откликалось на все, что исходило от собравшихся за столом; если кто-нибудь заговаривал с ним об искусстве, то он внимал ему с величайшей серьезностью; любители шутки могли рассчитывать на то же самое, наконец, стремившиеся придать беседе менее достойное направление также не встречали должного отпора, впрочем, сам Девриент никогда не вступал на подобный путь первым, и, если уж его туда увлекали, он умел держаться с достоинством даже в ситуациях недостойных, сохраняя внутреннюю чистоту там, где другие глубоко увязали в грязи. Было время, когда присутствие его вместе с гениальным Гофманом сделало одно берлинское питейное заведение столь знаменитым, что местные жители и приезжие зачастили туда, дабы воочию лицезреть знаменитых мужей, внимать их беседам издали или, если уж сильно повезет, пересечь поближе и завязать знакомство. Одно из наиболее приятных юношеских воспоминаний автора этих

*Первая и последняя страницы
обложки "Повелителя блох".
Издание 1822 года*

строк – мысленное возвращение во времена, когда он, столь глубоко чтивший обоих, забегал вечером после театра в погребок Люттера и Вегнера на Жандармский рынок (в то самое заведение) и, сидя за дальним столиком, с нетерпением дождался, когда же войдет Девриент, быть может, только что сыгравший Франца Моора или короля Лира, войдет и займет всегдашнее свое место. "Вот он", – неслось тогда от столика к столику, где вечные товарищи по застолью, люди более низкого пошиба, однако отличные гуляки, берегли для него место.

Вино зажигало факел шуток, гениального юмора. Гофман немилосердно размахивал бичом сатиры; непосредственным поводом служил обычно только что закончившийся спектакль, опера, пьеса или концерт. Одна шутка воспламеняла другую, в воздухе носились остроты, с уст Гофмана слетали сатирические описания, которые пытался парировать добродушный Девриент. Неожиданно Гофман брался за карандаш и рукой опытного рисовальщика мигом набрасывал карикатуру, которая при нехватке слов восполняла недостающее. До сих пор в питейном доме как художественная реликвия хранится книга рисунков того самого кружка, собранная из разрозненных поначалу листочков. Сию достопримечательность показывают постоянным, избранным посетителям. Позже автор и сам нередко принимал участие в подобных остроумных вечерах; к чести Девриента следует сказать (и тут он достоин всяческих похвал), что если Гофман во весь опор несся на своем сатире, не щадя никого из окружающих, то Девриент отзывался о товарищах по искусству исключительно с любовью и терпимостью, даже о тех, кто постоянно мешал ему интригами; крайне редко, будучи целиком уверен, что это не выйдет за пределы самого близкого круга, он позволял себе легкую добродушную шутку.

Маленький кабинет в погребке Люттера и Вегнера был во всем городе притчей во языцех, редко случались вечера, где не прозвучала бы острота, заслуживающая распространения, не родилась веселая шутка. <...>

ПИСЬМО ЛЮДВИГУ ДЕВРИЕНТУ

Предположительно весной 1817 года. 1. Поскольку уже 11 часов, я не без основания считаю, что утренний туман, которым чревато похмелье, уже рассеялся и ты в состоянии уразуметь слова мои и просьбы.

2. Поскольку погода так хороша, что ее не сможет испортить никакое дурное настроение, я по праву полагаю, что мы

оба, не вымолвившие с глазу на глаз ни единого умного слова вот уже целых 2365 лет, вполне могли бы сегодня позавтракать вместе.

3. Поскольку салат Пюклера – отменная еда, а портвейн – прекрасный напиток для людей со слабым желудком, какими мы оба являемся (со вчерашнего дня я сильно маюсь животом и не могу выйти из дома), то резонно надеюсь, что мы могли бы сносно подкрепиться как духовной, так и телесной пищей.

Итак!
Надень, о милый, сапоги и поспеши
К твоему верному
Тайному архивариусу
Линдгорсту

Ecce Signum *.

ИЗ ПИСЕМ ИЗДАТЕЛЮ ГЕОРГУ РЕЙМЕРУ

17 февраля 1817 г. Простите мне, высокочтимейший друг, что не ответил раньше на Ваше недавнее любезное письмо. Все это оттого, что до сих пор я не придумал подходящего названия для своего романа об искусстве. Поначалу я собирался назвать его "Жизнь художника", но это пошло и избито; как только что-нибудь лучшее придет мне на ум, я немедленно сообщу Вам об этом.

С большой охотой соглашаюсь на Ваше любезное предложение перепечатать мои рассказы и прилагаю уже сейчас состав славного тома, а именно:

- 1) "Поэт и композитор" (сочинение, напечатанное в "Музыкалише цайтунг" пять лет назад);
- 2) "Фермата" ("Записная книжка для женщин");
- 3) "Артусов двор" ("Урания");
- 4) "Эпизод из жизни трех друзей" ("Зимний сад").

К этим рассказам я добавил бы два новых, чтобы получилось полдюжины. Позвольте между тем задать вопрос, решение которого я всецело предоставляю Вам, поскольку Вам лучше знать, как должна расходиться книга. Что целесообразнее: выпустить вещи под простым названием "Рассказы" или же выбрать для них заманчивое облачение вроде Тикова "Фантаса"?

* Смотри знак (лат.).

Быть может, Вы сегодня будете у Руста, пригласившего на чай три тысячи персон мужского пола. Это было бы прекрасно, нам удалось бы перемолвиться еще словечком насчет того дела....

24 февраля 1818 г. Итак, уважаемый друг, я придумал имена для детишек, которые должны появиться на свет.

Роман об искусстве должен называться:

Мастера пения
Роман для любителей музыки (?)
Издано
Э. Т. А. Гофманом
Вторая книга, известная:
Братья-серафины
Сборник рассказов и сказок
Издано
Э. Т. А. Гофманом

Впрочем, я с радостью приму и другие предложения, например:

1) Быть может, Вы считаете, что подзаголовок № 1 слишком непривычен?

2) Следует ли мне отрекомендоваться по имени или лучше автором "Фантазий в манере Калло"?

Последнее кажется мне несколько наивным из-за этого вечного повторения; надеюсь, мое имя уже достаточно известно.

В ПОГОНЕ ЗА ДЕНЬГАМИ ИЗДАТЕЛЕЙ

Из писем

В редакцию карманного издания "Урания"

6 марта 1815 г. ...Любезное обещание предоставить самые благоприятные условия моему сочинению в "Урании", а также теперешнее мое положение вынуждают меня покорнейше просить высокочтимую редакцию немедленно переслать причитающийся мне гонорар за рассказ. Засим отдаю себя на волю любезной благосклонности, проявленной ко мне.

ВЛАДЕЛЬЦУ
КНИЖНОГО МАГАЗИНА ИЗДАТЕЛЬСТВА
ФЕРДИНАНДУ ДЮМЛЕРУ

26 ноября 1816 г. ...Не сможете ли Вы прислать мне "За-

писную книжку любви и дружбы"? Шюцце пригласил меня в сотрудники, и мне весьма хотелось бы посмотреть вид печати и формат, дабы составить представление, какой можно потребовать гонорар. <...>

ДЮМЛЕРУ

7 июля 1817 г. С огромнейшим нетерпением ежедневно ожидаю суммы денег, которая должна была быть выплачена моему поверенному в Познани еще 22 июня. На днях деньги придут непременно, тогда я сразу же уплачу свой долг, высокочтимейший друг. <...>

РЕЙМЕРУ

2 сентября 1817 г. Сердечно благодарю Вас, высокочтимейший друг, за любезную пересылку десяти фридрихсдоров и еще раз прошу отнестись мою настойчивость исключительно на счет неблагоприятных обстоятельств. <...>

РЕЙМЕРУ

11 ноября 1817 г. Помня Ваше любезное обещание, высокочтимейший друг, прошу Вас любезнейше выслать мне небольшую сумму в качестве аванса под тот гонорар, что причитается мне за "Детские сказки". Квитанцию я Вам вышлю по получении, ибо не знаю, сколько Вы собираетесь мне заплатить.

ДЮМЛЕРУ

17 июня 1818 г. Надворный советник Берендс только что вернул мне чек, потому что Вы, уважаемый друг, не желаете принять его. Не нахожу слов, чтобы выразить, сколь ужасно я был этим сконфужен, однако полагаю, что, так как Вы любезно обещали позаботиться обо мне, дело объясняется всего лишь недоразумением. Я сейчас усердно работаю над книгой, дабы представить нечто солидное, и потому, принимая в расчет наши отношения, надеюсь все же, что смею просить Вас, уважаемый друг, о сумме, которая при обеспеченном Вашем положении

покажется Вам сущим пустяком, мне же сейчас была бы чрезвычайна кстати. Настоятельнейше прошу Вас сделать на чеке, который я прилагаю, соответствующую пометку о принятии к срочной оплате. Тем самым Вы поможете мне выбраться из весьма затруднительного положения, осложненного к тому же продолжающейся болезнью.

ХЕЛЬМИНЕ ФОН ШЕЗИ

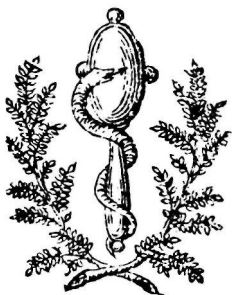
16–17 октября 1818 г. ...Затем в качестве обычного гонорара я прошу *четыре фридрихсдора* за печатный лист, притом немедленно по *получении рукописи*, количество печатных страниц в которой подсчитано мною наиточнейшим образом. До сих пор мне везде платили *быстро*, и я принужден на это рассчитывать. ...

РЕЙМЕРУ

22 января 1819 г. Вы были столь любезны, высокочтимейший друг, ответив на мою недавнюю просьбу по поводу благосклоннейше обещанных мне пятидесяти рейхсталеров. Это приводит меня ныне в немалое смущение, однако вынуждает просить повторно, за что прошу любезнейше извинить меня! <...>

РЕЙМЕРУ

11 марта 1819 г. Не смогли бы Вы, высокочтимейший друг, помочь своему больному автору хотя бы пятьюдесятью рейхсталерами находящихся в обращении денег? Убедительнейше прошу Вас сообщить мне завтра *утром до 9 часов*, сможете ли Вы исполнить мою просьбу и когда. <...> Нельзя ли мне посмотреть у Вас "Винер цайтшрифт фюр кунст унд литеатур унд моде"? Вчера меня пригласили сотрудничать в ней с гонораром 8 золотых гульденов за лист, и я хотел бы знать, насколько приемлемо подобное предложение в соответствии с печатью. "Элеганте цайтунг" платит по 6 фридрихсдоров. <...>

Гномы и серапионовы братья

Последнее письмо, еще один крик о помощи в величайшей нужде, написано было уже в постели, во время болезни. В последние годы писателя, чей ослабленный организм не мог сопротивляться натиску

столь огромного объема работы и образа жизни, превращающего ночь в день, мучили "приступы жестокой подагры и артрита", расстройство кишечника, катаральная горячка, гриппозные и тифозные заболевания. Весной 1818 года сорокадвухлетний Гофман в течение нескольких недель был на грани жизни и смерти, однако воля к жизни победила еще раз: пока Миша и друзья бодрствовали у постели больного, опасаясь за его судьбу, перед горячечным взором измученного галлюцинациями Гофмана возникали новые видения, требовавшие своего воплощения в произведениях искусства. За тяжелейшим общим кризисом, вызывавшим самые худшие опасения, последовал период, когда были созданы большие произведения. И хотя автор развлекательных романов не умолк совсем, хотя продолжалась еще погоня за все более высокими гонорарами, Гофман вновь подхватил тему "Крейслерианы" бамбергского периода и сказки "Золотой горшок". Теперь писатель вновь нащупал путь, на который вступил в те годы, и за короткий срок, отпущенный ему, открыл заново художественную целину, определившую заметное смещение акцента в его литературном творчестве. Процесс этот, обозначавший устремление художника к новым берегам, совпал с его мужественной позицией юриста – представителя буржуазной правоведческой мысли в то время, когда реакционный режим прусского юнкерства готов был открыто повать с обещаниями 1813 года.

Сатирическая сказка "Крошка Цахес, по прозванию Циннобер" о смешном и опасном карлике знаменует собой начало последней фазы в творчестве Гофмана. Наряду с обывателями-буржуа здесь разоблачается мир превратившихся в анахронизм позднефеодальных княжеских дворов как основных противников прогресса и гуманизма. Погоня за титулами, орденами и личной властью, оголтелый и беспринципный карьеризм охва-

Гравюра на дереве неизвестного художника, 1818 год

Первая и последняя страницы обложки "Крошки Цахес", издание 1819 года

тили верхушку общества эпохи Реставрации. В атмосфере чванства, глупости и насилия складывается судьба отвратительного уродца маленького Цахеса. Развертывается панорама жуткого и смехотворного призрачного мира, одолеть который способен только резкий смех гофмановского гротеска. Здесь очень важна и вторая сторона сказки: студент Балтазар, отважный противник преуспевающего карлика, находит свою любимую Кандиду на земле, а не в царстве утопии, как студент Ансельм из "Золотого горшка".

На Аахенском конгрессе 1818 года, первом конгрессе так называемого Священного союза, рассказывает граф Пюклер, ходили слухи о том, что "Циннобер – это настолько предел всего, что появиться на свет ему никогда не дадут". Когда же он все-таки появился, то сразу стал литературной сенсацией. Гофман рад был успеху, которому в немалой степени способствовали и его рисунки на обложке, выполненные для первого издания. Покуда над ним и его деятельностью в апелляционном суде сгушались тучи, в Серапионов день 14 ноября 1818 года праздновали основание союза серапионовых братьев, в который кроме него вошли Контесса (Сильвестр), Хитциг (Оттмар), личный врач Гарденберга Кореф (Винцент) и Шамиссо, только что вернувшийся из кругосветного путешествия.

Этот кружок, ставший вскоре столь же знаменитым, как и застольная компания в погребке Люттера и Вегнера, не был объединен общей литературной программой. Здесь читали друг другу свои литературные произведения, спорили. Компания была довольно пестрой и по-своему знаменовала окончательный распад романтизма. Некоторые из участников кружка, в том числе и Фуке, доводили принципы романтизма, так сказать, до крайности, в результате чего он опровергал самого себя и невольно приводил к абсурду.

Противоречивый характер кружка особенно явно ощущался в странной фигуре Иоганна Фердинанда Корефа, который в своей врачебной практике на деле пытался обосновать романтическую медицину на принципах так называемого магнетизма. Несмотря на столь иррационалистические взгляды, Кореф вступил в противоречие с реакционной прусской политикой, эмигрировал в Париж и позднее стал другом Гейне. Иные же, в их числе наряду с Гофманом следует прежде всего назвать Шамиссо, в основном преодолели дух позднего романтизма в пользу реализма.

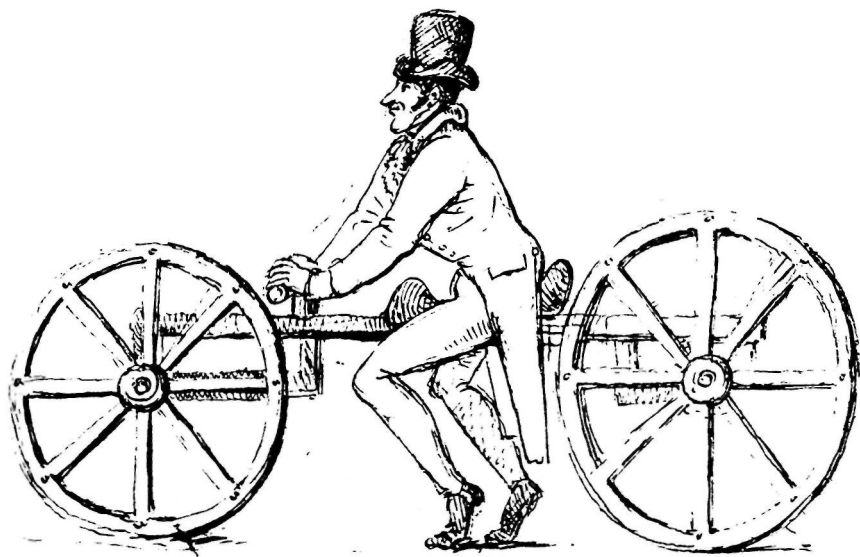
Гофман увековечил серапионовых братьев в одноименном сборнике рассказов и сказок, первый том которого вышел в феврале 1819 года. Безумный отшельник является покровителем серапионовых братьев, он считает себя святым Серапио-

ном и со всей силой гениального поэтического убеждения внушает эту навязчивую идею себе и своим посетителям. Гофман сформулировал здесь свой знаменитый "серапионовский принцип", который вскоре должен был привести к недоразумениям. На самом же деле серапионовых братьев чарует не сумасшествие безумного анахорета, но великолепный, неотделимый от истинного художника дар убедительного, ясного, художественного воплощения того, что он пережил, пусть даже лишь в своей фантазии: "...пусть каждый, прежде чем решится что-либо читать, сначала точно убедится, что он действительно видел и созерцал изображаемый предмет" *. При этом "внешний мир, в котором мы заключены", остается ярким мерилом и необходимым критерием любого поэтического видения.

Во время работы над "Серапионовыми братьями" и первым томом "Житейских воззрений кота Мурра" вновь усиливаются атаки болезней, и это кажется предостережением. Гофман решает что-нибудь предпринять для укрепления пошатнувшегося здоровья. В июле 1819 года он вместе с Мишей совершил единственную в своей жизни поездку исключительно ради отдыха; два месяца он провел в Силезии. Счастливые дни, прожитые на курортах в Хиршберге и Вармбрунне, он позже прославил в вымышленных "Письмах с гор". В последнем из этих юмористических посланий, адресованном "Фрейлейн Иоганне Р." (под этим именем скрывалась актриса Иоганна Эунике, исполнительница роли Ундины, которой Гофман восхищался и которую любил), угадывается нечто вроде последнего воспоминания о бамбергской Юлии, воспоминания умиротворенного, побежденного всепреодолевающим юмором великого писателя.

В начале сентября Гофман снова в Берлине – поправившийся, окрепший и повеселевший. В этом же месяце выходит второй том "Серапионовых братьев", и "Мадемуазель де Скюдери" приносит автору самый большой писательский успех в его жизни. Казалось, мрачные демоны оставили Э.Т.А. Гофмана в покое – все предвещает светлое и надежное будущее. Но политическая обстановка складывается так, что именно она омрачает последние годы его жизни.

* Гофман Э. Т. А. Серапионовы братья. Пер. под ред. З. А. Вершининой. М., 1929, с. 74.

Le Véritable vélocipède

ЮЛИУС ЭДУАРД ХИТЦИГ

О некоторых сторонах личности Гофмана

Гофман был явно маленького роста, с желтоватым цветом лица, темными, почти черными волосами, росшими низко надо лбом. В его серых глазах не было ничего особо примечательного, пока он спокойно глядел перед собою, но стоило ему подмигнуть окружающим, что он имел привычку нередко делать, как они принимали необыкновенно хитрое выражение. Нос был узкий, с горбинкой, рот плотно сжат.

Несмотря на проворство, тело его казалось крепким: для его роста у Гофмана была достаточно высокая грудь и широкие плечи.

В более раннюю пору своей жизни он одевался весьма элегантно, но без претензий на изысканность. Лишь бакенбардами своими он очень дорожил и старательно отпускал их до уголков рта. Позднее ему доставлял искреннее удовольствие мундир, в котором он напоминал французского или итальянского генерала.

Милый сердцу велосипед

Во всем его внешнем облике бросалась в глаза исключительная подвижность, достигавшая высшей точки, когда он что-нибудь рассказывал. При встрече или прощанье он кланялся короткими, быстрыми движениями, почти не меняя при этом положения головы. В поклонах этих было что-то карикатурное, они легко могли сойти за насмешку, если бы впечатление, производимое этим странным жестом, не смягчалось в подобных случаях его очень любезным поведением.

Говорил он невероятно быстро и чуть хрипловатым голосом, так что отдельные слова, особенно в последние годы жизни, когда он лишился нескольких передних зубов, трудно было разобрать. Рассказывая что-нибудь, он всегда обходился короткими предложениями, лишь когда разговор шел об искусстве и он воодушевлялся – состояние, которого он, судя по всему, избегал, – речь его выливалась в длинные, красивые, закругленные фразы. Читая свои сочинения, литературные или деловые, он такой скороговоркой произносил несущественные места, что слушатель едва мог уследить за смыслом; зато те места, которые в живописи называют подмалевком, он выделял почти с комическим пафосом, складывая при этом губы в дудочку да еще осматриваясь вокруг, чтобы удостовериться, все ли поняли. Этим он выводил из терпения и самого себя, и свою публику. Сознавая, что читает нехорошо из-за упомянутой привычки, он был необыкновенно рад, если кто другой брался за такое дело; впрочем, это было довольно рискованным предприятием, особенно когда речь шла о рукописях: ведь любое неверно прочитанное слово, даже нерешительный взгляд, брошенный на неразборчиво написанный текст, были для него подобны удару кинжала, и он не умел этого скрывать. Как певец, он обладал прекрасным, мощным тенором....

В дружеском кругу Гофман был воплощенной любезностью. Святость положения гостя заставляла его терпеливо сносить то, что в глубине души вызывало его отвращение, а если не устраивал дух, возобладавший в компании, он пытался рассеяться, заботясь о пище телесной: помогал жене готовить салат, крышон или пунш, что делал, между прочим, мастерски, – другими словами, коль уж гости были ему не по вкусу, он радовался хотя бы тому, что гостям будет по вкусу угощение. И напротив, как уже говорилось, он становился в высшей степени несносным, если обнаруживал скуку там, куда его приглашали. Казалось, он не может вынести мысли о потерянном вечере, который он с большей охотой провел бы дома за любимым делом или в кругу приятных ему людей. Впрочем, многое зависело от его настроения в тот день. Сегодня его могло рассердить то, над чем вчера он смеялся или чему радовался. Никто лучше его самого

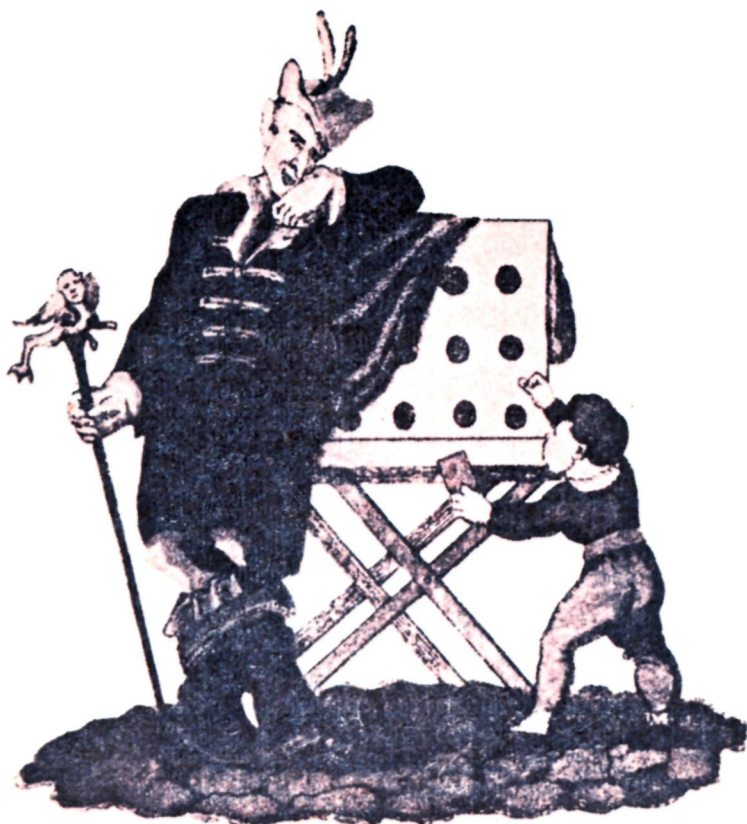
не знал, сколь сильна была над ним власть настроения. В своих дневниках он оставил целую шкалу настроений, которыми обозначал уходящие дни.

Если друг его хорошо знал ... он уже при появлении Гофмана в комнате мог сказать, под каким созвездием находится нынче его настроение и как следует его воспринимать, дабы избежать вспышек молний надвигавшейся грозы; если с ним вели себя неправильно, последствия не заставляли себя ждать. Притворство было ему абсолютно чуждо, все всегда знали, в каком он состоянии. Тому, кто наводил на него скуку, он зевал в лицо; тому, кто вызывал негодование, показывал зубы.

Кто, однако, делает из сказанного вывод, что Гофман был начисто лишен природного добродушия, окажется неправ. Больше того, он нередко проявлял таковое. Однако другие ярко выраженные особенности его характера так причудливо смешивались с проявлениями честности и прямоты, что тех, кто не знал его насквозь, он вполне мог сбить с толку. Вот только один пример.

Как-то осенним утром он пришел к издателю и, будучи еще целиком под впечатлением пережитого, поведаль: проходя по Жандармскому рынку, он видел, как славная маленькая девочка из низов подошла к лавке мелочной торговки и попросила продать ей немного фруктов. Торговка грубо потребовала, чтобы девочка показала, сколько у нее денег, и, когда ребенок в блаженстве неведения показал ей свои три гроша, деньги были отброшены в сторону с криком, что за них никто ничего не продаст. Горько опечаленная, малышка отошла. "Тогда, – продолжал Гофман, – я подошел к старухе, которая, видно, заметила, что я наблюдал всю сцену, и сунул ей в руку монетку в четыре гроша. Она быстро позвала ребенка и насыпала в маленький фартучек отборных слив. Вы представить себе не можете этой стремительной смены величайшего огорчения и огромной радости. До этих пор история ясна всем, кто дарил когда-нибудь от всего сердца. "Но тут, – продолжал он свой рассказ (и в этом был весь Гофман), – по дороге к Вам меня стала мучить мысль, от которой я не могу избавиться: а вдруг из-за этих слив ребенок заболит дизентерией и радость, которую я ему доставил, станет причиной его смерти".

Подобную тревогу вызывала ставшая для него незыблемой аксиомой идея о том, что если человеку делают добро, то и зло непременно подстерегает его в засаде, что, как он обыкновенно энергично выражался, "черт на все может положить свой хвост". Черта он поминал кстати и некстати, многое... в его произведениях проясняется благодаря такой вере. Его вечно преследовало предчувствие тайных ужасов, которые

могут ворваться в его жизнь; двойников, всевозможных жутких призраков он в самом деле видел перед собою, описывая их. Работая ночью, он нередко будил уже уснувшую жену; та, хорошо зная его и любя, покорно вставала с постели, одевалась и усаживалась вязать чулок рядом с его письменным столом, составляя ему компанию до тех пор, пока он не оканчивал работу. Именно потому описания такого рода были у него захватывающе достоверными, да и вообще, должно быть, мало найдется писателей, тождественных со своими созданиями в той мере, как Гофман. <...>

*Заглавная виньетка к сказке
Фуке "Панорама"*

Как в интеллектуальной сфере, которая у Гофмана обычно довлела над остальным, так и в телесной. В еде он был очень умерен, ибо из этого удовольствия нельзя было извлечь духовной пользы; его привлекало лишь самое изысканное, да и то нередко лишь потому, что это лакомство, но не ради самого вкуса. И в питье поначалу, пока оно не стало для него привычкой и потребностью, он искал лишь способа усиления своих духовных способностей, поскольку и в самом деле говорил лучше всего, будучи возбужден вином. Он никогда не был гнусным пройщей, что бы ни говорили на сей счет клеветники.

Гофман никогда особенно не любил природу. Человек, общение с ним, человеческие наблюдения, просто встречи с людьми были для него самым важным. Если он отправлялся летом на прогулку, что в хорошую погоду случалось ежедневно, обычно ближе к вечеру, то делал это для того лишь, чтобы по-

Донна Диана

*Заглавная виньетка к сказке
Гофмана "Щелкунчик и
мышинный король"*

пасть в шумные людные места, встретиться с людьми. По пути он не пропускал ни одного почти питейного дома, ни единой кондитерской лавки – ему важно было взглянуть, что там за люди. Стоит только прочесть "Угловое окно", продиктованное в последние недели его борьбы со смертью, чтоб убедиться, каким наслаждением было для него смотреть даже полуугасшим взором на сутолоку рынка, кишашего людьми. <...>

Увлечений в собственном смысле слова у Гофмана не было. Можно назвать разве что любовь к красивым вещам в самом широком понимании. Будучи уже больным, он мечтал об устройстве своей новой квартиры. Кстати, ему хотелось украсить одну из комнат домашней утварью в старонемецком вкусе по собственным рисункам. Книги он тоже любил, однако при его всегдашней безалаберности в подобных делах он не сумел собрать и маленькой библиотеки. У него не было даже всех собственных своих произведений: то он дал их кому-то почитать, не запомнив точно, кому, то еще что-нибудь в этом роде.

Так же легко он обращался с деньгами, которых в последние годы получал немало. Сначала он отдавал их жене, потом требовал назад, чтобы израсходовать неизвестно где. Впрочем, с женой у него были прекрасные отношения. Она была воплощением уступчивости, и у него не было от нее секретов. Его дневники, в которых он признавался во всех своих слабостях, покоились в ее руках....

Зато в служебной деятельности Гофмана не было ни малейших признаков беспорядка, присущего ему в денежных и подобных делах. Он никогда, к примеру, не путал номер рапорта. Вообще он умел так разделять государственную службу и частную жизнь, что это делало высочайшую честь его практическому уму.

В писательской корреспонденции у него наблюдалось уже меньше любви к порядку. Если он собирался прочесть какую-нибудь рукопись или полученное письмо, то, сколько бы ни искал, найти не мог, если, конечно, на помощь не приходила жена. В работе он не придерживался каких-то строго определенных часов. Впрочем, в последнее время, когда Гофман почти ничего не писал, кроме рассказов для карманных изданий, он ввел известную последовательность в представлении рукописей (в соответствии со сроком заказа издателя) и строго ее соблюдал. Так как даже в последние дни болезни он совсем не думал о смерти, то нередко развлекал себя разговорами о том, на сколько лет вперед у него имеются заказы.

Материал для своих историй Гофман черпал либо из чистой фантазии, либо из реальной жизни, неизменно дававшей ему новые характеры; он находил их и в общественных местах,

где постоянно бывал, и в газетной хронике, которую просматривал специально с этой целью. Внешние приметы он описывал, бегло просмотрев книги, трактующие тот или иной предмет, — их ему рекомендовали знающие друзья. Вызывает восхищение, с какой легкостью пользовался он понятиями других профессиональных сфер, терминологией неведомых ему наук. Он овладевал ими настолько, что читатель верил, будто автору они знакомы с младых ногтей; здесь ему пригодилось, конечно, и то, что во многих областях он и сам попробовал свои силы.

ЮЛИУС ЭДУАРД ХИТЦИГ
Рождение "Крошки Цахеса"

...Весной ... он тяжело заболел животом; недуг сопровождался приступами подагры. Хитциг навещал его каждый день, и в первое время ему нередко доводилось слышать, какие горячечные фантазии овладевали Гофманом, порождая в сознании его новые образы. Однажды Хитциг пришел после обеда, и Гофман, протягивая ему с постели горячую руку и будучи еще в сильном приступе лихорадки, начал быстро говорить короткими фразами, как это бывает обычно в бреду: "Подумайте только, что за проклятые мысли лезут мне в голову. Отвратительный, глупый уродец делает все наоборот, а если случается что-нибудь особенное, необычное, то это сделал он. Скажем, прочитает кто-нибудь в обществе прекрасное стихотворение — его начинают прославлять как автора, он принимает похвалы, и так всегда. Или, например, другой, у которого есть сюртук: только он его наденет, как рукава становятся слишком короткими, а полы чересчур длинными. Вот поправлюсь и непременно напишу сказку про этих двух малых". Хитцигу мысль показалась забавной, и едва Гофман с присущей ему стремительностью встал после болезни, маленький Цахес уже был готов; должно быть, он не работал над ним и двух недель...

ПИСЬМО АДЕЛЬБЕРТУ ФОН ШАМИССО

6 ноября 1818 г. Уважаемый кругосветный путешественник и знаменитый естествоиспытатель! Любезнейше прошу Вас дать мне следующую справку:

Относятся ли так называемые цепкохвостые к виду обезьян или, скорее, к мартышкам?

Как среди этого вида цепкохвостых называется особая разновидность, отличающаяся редкостным уродством, по клас-

сификации Линнея или как-нибудь еще?

Мне нужен именно такой субъект!

Не могли бы Вы, уважаемый друг, здесь ниже приписать все необходимое?

ПИСЬМО ГРАФУ ГЕРМАНУ ФОН ПЮКЛЕР-МУСКАУ

(с экземпляром "Крошки Цахеса")

24 января 1819 г. Должно быть, прошло уже немало времени с тех пор, как Вы, высокочтимый господин граф, любезно пригласили меня в Мускау, и я не мог не возрадоваться до глубины души, ибо это приглашение вновь доказало дружеское уважение, с каковым Вы отнеслись ко мне, будучи в Берлине. Искреннейшим моим желанием было воспользоваться Вашим любезным приглашением, но хваленый апелляциянный суд прочно держал меня за полы сюртука, точнее же, я с моим прошением об отпуске чувствовал себя подобно больному перед купальней в библейской Вифезде, который вечно приходил слишком поздно, и, когда ангел возмущал воду, кто-нибудь успевал прыгнуть туда раньше, чем он!..

Вы извлекали некоторое удовольствие из моих литературных опытов; сейчас как раз вышла из печати одна моя сказка, являющаяся, как мне кажется, детищем весьма необузданной и саркастической фантазии. Пересылаю Вам, высокочтимейший господин граф, сию фантастическую пиесу, маленького Циннобера, вверяя смехотворного уродца Вашему попечению. Чтобы книга могла считаться авторским экземпляром, я карандашом исправил некоторые опечатки. Портрет Циннобера на обложке очень похож – никто ведь не знает крошку в лицо, кроме меня, потому я сам и нарисовал его.

ГРАФ ГЕРМАН ФОН ПЮКЛЕР-МУСКАУ

Письмо Гофману

2 февраля 1819 г. Вы представить себе не можете, сколько радости принесло мне Ваше любезное послание и присылка "Циннобера"! Вы, должно быть, не знаете вовсе, сколь сильно я Вас люблю и как влечет меня к Вам – будто к магниту железные опилки, так сказать, "сломя голову", если б чутье не подсказывало мне, что еще вернее будет выразиться "сломя голову, очертя сердце", вот почему я прошу Вас судить о моем ответе больше сердцем, нежели умом.

Пока я еще не прочел "Циннобера", а лишь люблюсь гравю-

рой на обложке, и сразу же вспомнил, как старый знакомый рассказывал нечто похожее. Ибо, если начать издалека, уже Цезарь (не всемирный завоеватель "in bello gallico" *, конечно, но всего лишь его тезка, прусский гусарский ротмистр на аахенском конгрессе, где была некая возможность вспомнить "Крошку Цахеса" для тех, кто раньше слышал о нем), так вот, сей Цезарь уже тогда преследовал меня, намереваясь поведать историю маленького человечка. Я упорно затыкал уши, не желая лишиться себя радости сюрприза, хотя искуситель не раз заверял меня: Циннобер – это настолько предел всего, что появиться на свет ему никогда не дадут. Должно быть, предвкушение столь приятного дара укрощало мое любопытство; как же я рад теперь, что ничего не знал прежде о маленьком Цахесе, кроме того, что он был министром – впрочем, эта черта роднит его с весьма многими министрами и ничуть не умаляет моего интереса. На Вас же, многоуважаемый господин советник, я смотрю как на вельможу, волею своей пославшего его, и поскольку он как раз вручил мне верительные грамоты, написанные рукой его господина, притом, что гораздо реже бывает у суверенов, сочиненные им самолично, то при здешнем дворе, еще не разобравшись, уже сочли его своим и поселили на дьявольской кухне среди прочих демонов фантазии и ночи...

ЮЛИУС ЭДУАРД ХИТЦИГ

Серрапионовские вечера

В первые годы из смутного времяпрепровождения в питейных домах, будто оазис благоуханных цветов, выросли серрапионовские вечера. Хитциг, которому всего больше было видеть, как Гофман, истинный его друг, совершенно отдалился, общаясь с беспутными кутилами, предложил собираться раз в неделю на квартире у Гофмана, чтоб обсуждать написанное, читать новые вещи. Дабы не извратить самый характер этих собраний, за основу была взята умеренность – от этого принципа не отступали ни разу, пока проходили встречи.

Ядро данного союза, помимо Гофмана, образовывали Контесса, превосходный врач Кореф и Хитциг. Трудно было бы собрать другой столь замечательный, прекрасно сыгранный квартет. Кореф был единственным человеком, которого Гофман с терпением выслушивал, ибо тот подчас превосходил его в искусстве беседы, в зажигательной, веселой шутке, а уж в знаниях брал верх всегда, сохраняя при этом добродушие и позволяя

* "В галльской войне" (лат.).

Гофману говорить сколько угодно. Немногословный, явно несловоохотливый Контецца внимал всем шуткам, которые отпускали друзья, с улыбкой одобрения, то и дело игравшей в уголках его рта; лишь время от времени он вставлял короткое, но решительное слово, а Хитциг, вместе с Контеццей составлявший публику и знавший всех троих лучше, чем они сами друг друга, владел искусством заполнять паузы, когда беседа угасала, давал ей новый толчок, с готовностью отказываясь от притязаний на сольные партии.

Вечером того дня, который, согласно польскому календарю, привезенному супругой Гофмана, был днем святого Серапиона, общество было освящено и ему присвоено было имя святого. Оно весело процветало, пока, к великому сожалению всех участников, не прекратило своего существования вследствие того, что Контецца покинул Берлин, а также из-за нелегкого характера Корефа. В самом деле, встречи друзей были столь остроумны, что обычным чайным вечерам хватило бы всех этих шуток на долгую жизнь хозяина дома, да еще бы наследникам изрядная доля осталась.

У серапионовых братьев не было недостатка в приятных гостях. Верное чутье подсказывало им, кого можно пригласить с собою, кого нет, и уж, конечно, никто из приглашенных не уходил недовольным из веселого кружка.

ФРИДРИХ ФОН ТРЮЦШЛЕР УНД ФАЛЬКЕНШТЕЙН

Рапорт министру юстиции

19 января 1819 г. ...Скажу теперь об отдельных сотрудниках. Председательствовавший здесь ... во время моего отсутствия в прошлом году советник Гофман, находящийся на королевской службе уже двадцать один год, в особенности доказал, что достоин сей должности, способен прекрасно руководить целым, состоящим из весьма неоднородных частей, умело используя силы каждого. Ибо по возвращении я вовсе не обнаружил застоя в делах. Всюду я наблюдал порядок, заведенный еще мною... Лишь на короткое время, когда слабое его здоровье пошатнулось под тяжестью возложенных на него обязанностей и вынудило его слечь в постель, пришлось передать бразды правления другому. Выдающийся талант, проницательность и точность его работ известны Вашему превосходительству, известна также их основательность и приятное словесное облачение, в котором он умеет преподавать даже самые абстрактные предметы. Писательские труды, коим он посвящает время от времени часы отдыха и досуга, ничуть не умаляют его приле-

жания, пышная же, склонная к мягкому юмору фантазия, преобладающая в них, странным образом контрастирует с холодным спокойствием и серьезностью, определяющими его деятельность как судьи. <...>

ПИСЬМА С ГОР

Госпоже фон Б.

Хиршберг, 10 июля 18- г. ...Почтальон заиграл звонко и довольно чисто: "Три всадника раз из ворот выезжали" etc., я очнулся от глубокого сна, в который погружен был монотонным шумом кареты, громыхавшей по твердой дороге. Однажды, кажется, я уже говорил Вам, уважаемая госпожа, что в карете мне снится только музыка, во сне я сочиняю симфонии, оперы, песни, мессы и еще бог весть что; сон дает немалое преимущество услышать все это немедленно, да еще в исполнении великолепного оркестра. На сей раз в мыслях моих исполнялась симфония в грандиозном мощном стиле маэстро Бетховена, и тут прямо в анданте въехали злополучные три всадника. Почтальон остановился и спросил, не желаю ли я выйти, – мы находились на горе (где-то между Левенбергом и Хиршбергом), с которой можно было обозреть всю горную цепь. Мне хотелось еще поспать, я страстно желал услышать финал симфонии, дабы узнать, на высоте ли окажется композитор, и в то же время меня мучила совесть, я ведь покинул Берлин не ради симфонии, но ради прекрасной природы. Я решил все-таки выйти... Ах! Раннее утро было пасмурным и туманным, но тут поднялся утренний ветерок: он шумел своими мощными крыльями, гоня пред собою облака, пока они не исчезали в глубокой пропасти. На востоке блистали солнечные лучи, разгораясь все жарче и жарче и разрывая серую, влажную кисею тумана, падавшую мгlistыми хлопьями. Огромная, могучая горная гряда гордо вздымала вершины, увенчанные зубчатыми коронами; все более и более открывались взору пестрые одежды гор. Вверху, посреди густой синевы – ослепительная белизна покрова, который они носили зимою; ниже легкая лиловая дымка лесов, еще ниже – отливающее зеленью золото долин! Далеко внизу подо мною с нежной мелодичностью звенели колокольчики – это пастухи выгоняли коров на горные пастбища; звон перемежался странными звуками горных рожков, веселыми, ликующими выкриками. Картина радостного, блаженного пробуждения, полная движения и жизни! Словно в чудесном шуме, которым наполнен был воздух, слышался глас духа мироздания, утешающего людей и обещающего им: все, что предчувствует душа, исполнится.

Радость наполнила мне грудь, казалось, за плечами выросли крылья, чтоб перенести меня через океан блаженства, колышавший подо мною свои пенистые валы. Но вместе с бесконечным стремлением к далекой волшебной стране, простиравшейся впереди, снова явилась мысль сесть в карету и отправиться назад, на родину, ведь самое великолепное я уже видел; а бесконечное стремление и есть наивысшая отрада в здешнем мире; исчезновение его приносит одно лишь несчастье, да только не стоит надеяться на то, что оно еще когда-нибудь вернется.

Мысль эта покажется Вам, уважаемая госпожа, гениальной, но, поскольку человек крайне редко претворяет в жизнь свои гениальные мысли, я немедленно забыл о ней, стоило почтальону вновь заиграть "Три всадника раз из ворот выезжали" etc., и я вновь влез в карету. <...>

Теодору

Вармбрунн, 1 августа 18- г. ...Тут меня весьма некстати довели до белого каления кое-какие насущные нужды.

Истинная правда, обеды в галерее были так себе, можно даже сказать, то одно, то другое блюдо всякий раз оказывалось несъедобным. Ведь так лучше всего уберечь гостей от возможного пресыщения, верно? На руку хозяевам было и то, что кушаний редко хватало на всех, если за обеденным столом занято было много мест. Иной посетитель и вовсе уходил несолоно хлебавши, усматривая добрую волю providения в том, что сегодня он вынужден будет поститься. Бывало и так: несколько нетерпеливых людей на дальнем конце стола узнавали, что все уже съедено, лишь когда кельнер собирал деньги. Удивленно глядя на него, они вопрошали, не осталось ли хоть чего-нибудь съестного. Подобные претензии здесь неуместны, все съедено, и вы обязаны заплатить, ворчал на них кельнер, пока они не смирялись со своей участью, обрекавшей их на полное голодание. Хочу сообщить тебе еще о двух полезных новшествах, постарайся ввести их в Берлине за обеденным столом. Во-первых, блюда здесь подаются так, что, когда один ряд столующихся еще только принимается за еду, другой ее уже заканчивает; процесс еды, таким образом, как хорошо поддерживаемая ружейная перестрелка, никогда не прекращается, и выглядит это весьма мило. Кельнер же нанимается для того лишь, чтоб сломя голову носиться туда-сюда за стульями, с размаху налетая то на одного, то на другого гостя, так что те рискуют свалиться под стол. Поскольку внезапный испуг обычно способствует пищеварению, новшество сие весьма похвально и произ-

водит удивительное воздействие, особенно на дам, коих грозный кельнер, носившийся вихрем по залу, развлекал еще одним, довольно забавным способом. В особые, торжественные дни он умудрялся то здесь, то там ловко зацепиться носком башмака за оборку платья, когда же затем исчезал, волоча за собой блонды, кружева, вслед ему неслись вопли дам, возмущенные крики соседей! О, этот кельнер был замечательный человек!

Если когда-нибудь приедешь в Вармбрунн, не забудь спуститься по аллее вниз и повернуть налево. Неподалеку от галереи ты увидишь прекрасное большое дерево, а под ним скамейку. Сядь на нее и наслались великолепным, вечно меняющимся видом горы, что амфитеатром высится пред тобою. Здесь сидел и я после дождя и мрачно смотрел на дымку облаков, окутавших горную гряду. Вдруг мне почудилось, будто сквозь вой и свист ветра доносится странный, глухой голос, потом показалось, что я слышу пронзительный человеческий смех. Вскоре я мог уже отчетливо различить слова:

"Перестаньте быть дураками, не тратьте усилий понапрасну! Все на свете – тщеславная суета да безумная насмешка, уж я-то доподлинно знаю. Вы гонитесь за радостью, за удовольствиями в горах, а они живут в долине; вы спускаетесь в долину, а они уходят в горы. Безумный народ! У иного жемчужина в голове, как у старой жабы, но он осознает это не раньше, чем дивная раковина разобьется, вот тогда он запрыгает как сумасшедший, крича: кто бы мог подумать! ... Теперь вы знаете, милые дети, что я желаю вам добра: приходите ко мне в горы, я очастливию вас, как могу, в избытке одарю истинной глупостью, так что вы сумеете стать умными людьми. Добрый Робин, мой слуга, или капеллан мой Иеремия дадут вам *Elixirium magnum* *, и вы будете жить до тех пор, пока не умрете, что с некоторыми и в самом деле случается – вещь довольно скверная. Но вы, дорогие приятели, должны вести себя пристойно и благородно, коль желаете иметь репутацию людей вполне разумных и сносных нравом, твердо веруя в то, что..."

Остальное разобрать было невозможно. "Мил человек, что это за голос?" – спросил я у горца, который приветливо поздоровался со мной, проходя мимо. "Господин хороший, – ответил он, – то Рюбецаль все ворчит да проповедует со своей кафедры!" Я подивился звучному голосу Рюбецалья, доносившемуся со стороны Шнеегрубен (ведь именно там, где они начинаются, Рюбецаль соорудил себе кафедру). Вдруг – о чудо! – прямо над вершиной горы небо прояснилось. Казалось, будто неведомая рука подняла занавес и распахнула окно, сквозь

* Жизненный эликсир (лат.).

которое глядела чистейшая, яркая небесная лазурь. Темная тень легла на нее, и раздался дикий, безумный смех. Потом я услышал громовые слова: "Что это за смешной человечек сидит там под деревом и строит кислые рожи?" Я затрепетал всем существом, ибо, без всякого сомнения, речь шла обо мне. Затем вскочил, покорно поклонился и воскликнул, как мне кажется, с величайшей тоской: "О Рюбецаль, дражайший мой Рюбецаль!" – "Заткни глотку! – перебил меня невоспитанный кобольд, – заткни глотку, знаю я тебя! Мне рекомендовал тебя архивариус Линдгорст, его друг Кюлеборн тоже неплохо о тебе отзывается – ну, поглядим!" С этими словами он хлопнул окно, занавес опустился, и вновь пошел сильный дождь. На следующее утро все следы непогоды исчезли, солнце взойшло во всей своей красе и великолепии, и в золотом его сиянии взору открылась гордая исполинская гряда. Хорошо все-таки иметь друзей!

Фрейлейн Иоганне Р.

*...Вармбрунн, 9 августа 18– г. ...*Дождь перестал и вечернее небо прояснилось, когда я, будучи совсем не в духе, покинул общество, собравшееся в аллее, и в полном одиночестве отправился из Вармбрунна вдоль берега Цакена. Когда я дошел до последних домов маленького городка, до меня как будто донесся женский голос, разучивающий сольфеджио; в самом деле, звуки лились из раскрытого окна маленького домика, однако певицы видно не было. Заглядывать в окно неприлично, и поскольку пение прекратилось, я собрался было дальше, но тут певица начала одно из тех продуманных, глубоко проникающих в душу сольфеджио, что сочинил маэстро Крешентини, дабы пробудить в душах учениц своих истинную силу, искусство подлинного пения. После небольшой паузы последовала еще милая песенка "Sul margine d'un rio" * – с некоторыми изменениями, не столь, однако, рискованными, как нынешние странные фиоритуры Каталани, но более существенными, идущими от глубокого понимания искусства. Потом певица в разнообразных руладах, в хроматических переходах, в нарастающих трелях, в сдержанных звуках, казалось, начала состязаться с соловьями. Бедняги не посмели принять вызов, и певица смолкла. Я словно остолбенел. Когда же собрался наконец уходить, ибо подступающая ночь все сильнее набрасывала на горы густой туман, то услышал вдруг тихие-тихие звуки романса. Прежде всего я дол-

* "На берегу реки" (*итал.*).

жен сказать, что искусство певицы было совершенным, она царила над звуками. Как замечательно найти *такую* певицу в Вармбрунне, должен был бы подумать я и, когда пение прекратилось, весело и радостно отправиться домой. Ну, а если я добавлю, что пение по-настоящему взволновало душу, пробудив во всей свежести многие милые мечты и приятные воспоминания, что все мое существо охвачено было всесильными чарами музыки, то Вы, дорогая Иоганна, вполне поймете то настроение, что не позволило мне отойти от дома, и я невольно опустился на скамейку возле стены. В дверях показалась крестьянская девушка; я спросил, кто живет в этом доме и поет так прекрасно. То ли глупая девчонка в самом деле не поняла меня, то ли просто не захотела понять. Одним словом, когда я продолжил расспросы, она сказала: если я не прекращу свои глупости, она выйдет из себя, – и исчезла. Итак, происшествие окончилось, как тысячи других: ты говоришь себе, что не можешь сдвинуться с места, но в конце концов все-таки двигаешься и идешь домой.

Напрасно на следующее утро пытался я найти в списке курортников предполагаемую обитательницу того дома. Оказалось, там вообще не жил никто из приезжих, и хозяева в ответ на мои расспросы заверили меня, что никто там у них не поет. Разве все эти поиски не были глупостью, безрассудством? Разве я не знал, кто именно пел в той комнате? Разве мог я хотя бы на миг усомниться в том, что это были Вы, да, Иоганна, Вы пели тот романс, что вылился из глубины души у некоего человека в порыве воодушевления (это несомненно) и который никто на свете не умеет петь так, как Вы? Согласно достойной мистической вере, существуют мгновения, когда человек, погрязший в земном, преходящем, побеждает пространство и духовная близость становится столь сильной, что подобна физическому единению и едва отличима от него. Мистики утверждают, что при этом обязательно взаимодействие душ, – я убежден, что в те самые мгновения, когда слышал Вас в Вармбрунне, Вы действительно пели в Берлине именно этот романс и хоть немножко думали обо мне. ...

ЮЛИУС ЭДУАРД ХИТЦИГ

Возвращение из Силезии

Летом 1819 года по предписанию врача Гофман совершил поездку на силезские воды, которые удивительно помогли ему. Там он встретился с Контессой, познакомился с Шаллем, Вейсфлогом и другими остроумными людьми, вернулся же таким

окрепшим и веселым, каким давно уже его не видели друзья. Издатель, подготовивший за время его отсутствия корректуру первого тома "Кота Мурра", никогда не забудет приветливости Гофмана, появившегося в его доме рано утром по возвращении, чтобы торжественно вручить великолепный хрустальный кубок, где по весьма удачному его эскизу, сделанному в Вармбрунне, был выгравирован кот и стояла подпись: "Молодой автор своему возлюбленному корректору".

Шестая глава

*К новым
берегам*

Преследование демагогов

Веселым, почти задорным вернулся Гофман в Берлин в начале сентября 1819 года. Однако за несколько недель его отсутствия атмосфера в прусской столице сильно накалилась. Правительство искусственно раздувало всеобщий психоз по поводу так называемых "демагогов", "совратителей народа" и "подстрекателей",

прусская же полиция стала создавать подлую систему доноительства. В повестке дня стояли аресты и увольнения неугодных университетских профессоров; жернова цензуры работали с исключительным совершенством. 16 сентября советник апелляционного суда Гофман был назначен членом "Непосредственной комиссии по расследованию антигосударственных связей и других опасных происков". Четыре дня спустя союзный сейм во Франкфурте-на-Майне запретил студенческие корпорации. Что же происходило? Еще после Венского конгресса стало очевидным, что немецкие князья отнюдь не собирались выполнять политические обещания, данные в 1813 году. Силы реставрации во главе с Австрией и Пруссией начали быстро ликвидировать завоевания Французской революции. Восстановлению прежних порядков служило и создание Священного союза, равно как и Германского союза – непрочного альянса немецких феодальных государств, которые едины были лишь в подавлении любых демократических и патриотических тенденций. Правительства, ответственные только перед князьями, отказывались вводить конституции и поддерживать образование единого немецкого национального государства. В Австрии Меттерних, вначале министр иностранных дел, а с 1821 года канцлер, начал потихоньку превращать наследные земли Габсбургов в некую идеальную модель террора, которую можно было бы распространить на всю Германию. Политическая разобщенность мешала свободному развитию экономики, которая и без того безнадежно отставала от английской и французской, так что

*На шмуцтитуле к шестой главе
рисунок Гофмана*

Гротескный рисунок Гофмана

Германский союз, по выражению Энгельса, представлял собой государственное образование, в политическом, военном и даже промышленном отношении обреченное на прозябание.

Реакции противостояла прежде всего студенческая молодежь, объединившаяся в корпорации. Буржуазно-демократические идеалы странно и порою довольно сумбурно сочетались здесь с патриархально-старонемецкими, националистическими представлениями, однако на первых порах, как это проявилось уже во время празднеств в Вартбурге в октябре 1817 года, преобладали все же прогрессивные идеи. Немецким князьям недоставало лишь повода, чтобы выступить против студенческих корпораций, в которых им виделась угроза существующему порядку. Когда в марте 1817 года член корпорации Карл Занд убил плодовитого, но не очень талантливого писателя Августа фон Коцебу, подозревавшегося в том, что он является царским шпионом, желанный повод появился: приняты были "Карлсбадские постановления", свод чрезвычайных законов, позволявших немецким правительствам применять исключительно жестокие меры по отношению к "демагогам", уничтожать любую антифеодальную оппозицию. Строгие цензурные предписания и слежка за общественной жизнью стали с тех пор препятствием развитию политических дискуссий, преподаванию в университетах, даже спорту.

В то время как центральная комиссия по расследованию координировала мероприятия политической полиции по всей Германии, берлинская "Непосредственная комиссия по расследованию антигосударственных связей и других опасных происков", состоявшая из членов апелляционного суда, несла ответственность исключительно за прусское королевство. Под председательством Трюцшлера Гофман должен был – такие задачи по крайней мере возлагало на него правительство – разоблачать оппозиционные политические настроения и выслеживать предполагаемые заговоры. Он исполнял эту службу, с первых же дней внушавшую ему отвращение, с незаурядным личным мужеством, честностью, безупречной справедливостью – качества далеко не типичные в те времена для хорошо оплачиваемых государственных чиновников. Непосредственная комиссия почти во всем разделяла его мнение, основывавшееся на смелой защите буржуазных правовых норм. Прямая конфронтация с безжалостным механизмом прусского государства не обошлась без последствий и для художественного творчества Э. Т. А. Гофмана.

Уже осенью Гофман добился освобождения студентов Карла Ульриха и Франца Либера. Отныне одно судебное заключение следует за другим: благодаря гофмановскому мастерству все они непременно доказывают невиновность заключенных пред-

ставителей интеллигенции. Гофман вступился также за йенского студента Георга Людвиг Рёдигера и за бывшего лютовского егеря Людвиг фон Мюленфельса, находившихся под следствием в прусской полиции. Во всех случаях он доказывал "абсолютную невиновность" арестованного, и Непосредственная комиссия на основе подобного заключения выносила решение об освобождении подсудимых. Однако королевский двор и правительство ожидали от следственной комиссии прямо противоположных действий.

Королевским указом Фридриха Вильгельма III была назначена министерская комиссия, существенно ограничивавшая компетенцию Непосредственной комиссии. Клика министерства юстиции фон Кирхэйзена, а также министра полиции и внутренних дел фон Шукмана ненавидела советника апелляционного суда Гофмана смертельной ненавистью; директор прусского департамента полиции Карл Альберт фон Кампц видел в строптивом судье "плохого патриота" и скрытого "демагога". Вскоре началась систематическая травля Гофмана, она была подхвачена официальной прусской историографией и в течение всего XIX века оказывала свое влияние на оценку творчества писателя. Трагизм гофмановской ситуации заключался в том, что, будучи юристом, он автоматически принадлежал к аппарату, от которого правящие круги ожидали узаконивания режима – то есть того, чему он так страстно противился.

Самый сенсационный случай, который расследовал Гофман, – дело основателя гимнастических обществ Яна. Фридрих Людвиг Ян находился в заключении с июля 1819 года; осенью Гофмана назначили ответственным референтом по данному делу. Пока он вел допросы и собирал подготовительные материалы, Кампц отдал распоряжение опубликовать в некоторых берлинских газетах сообщение о том, будто все преступления Яна – подстрекательство молодежи, запланированное покушение на шефа полиции – можно считать доказанными. По совету Гофмана Ян возбудил против Кампца дело об оскорблении личности; сенат по уголовным делам апелляционного суда начал процесс. Советник прусского Королевского апелляционного суда Гофман официально вызвал в суд для дачи показаний шефа прусской Королевской полиции фон Кампца! Несколько дней наблюдалось всеобщее замешательство, а затем совершенно истерическое волнение в придворной клике: такого не позволял себе с незапамятных времен ни один судья прусской короны! Апелляционный суд не подчинился распоряжению министра юстиции фон Кирхэйзена о немедленном прекращении процесса, и это еще более накалило атмосферу. Лишь прямое вмешательство короля привело к прекращению дела, вызвавшего столько шума.

Карл Август Фарнхаген фон Энзе, вынужденный уйти в отставку, запечатлел в своих дневниках тревожные настроения тех дней.

Гофман же, попавший отныне в высочайшую немилость, не дал сбить себя с истинного пути и продолжал бороться за освобождение Яна. Его знаменитое заключение по делу Яна от 15 февраля 1820 года – достижение не только юридической, но и литературной мысли. Более чем на 100 страницах здесь обрисован по-человечески привлекательный образ основателя гимнастических обществ Яна, причем не затушевываются его слабости и странности. В то же время Гофман решительно по всем пунктам отклоняет обвинения, выдвинутые против Яна. В заключении явственно ощущается ирония, маскирующаяся за параграфами Всеобщего Прусского земского права и уголовного кодекса, к примеру, когда речь идет о тугом на ухо свидетеле Либере или о подозрительном доносчике Янке, подсунутом реакционерами. Патриотический "немецкий союз" (который не следует путать с Германским союзом государств, целью которого была реставрация феодальных порядков) оправдывается как не противоречащий существующим законам.

И все же заступничество Гофмана за брошенного в тюрьму основателя гимнастических обществ оказалось практически бесплодным: правительство и полиция, несмотря на убедительный вотум, отказались освободить обвиняемого, и даже после того, как Непосредственная комиссия дружно заявила о намерении подать в отставку, его просто перевели в крепость Кольберг. "Знаменитый мастер прыжка и маха" в человеческом плане был отнюдь не симпатичен писателю: несколько лет назад Гофман высмеял его в анекдоте. Тем показательнее выступление его в защиту Фридриха Людвиг Яна в момент, когда оба они – в силу сложившихся обстоятельств – призваны были стать союзниками в борьбе за сохранение основ права, за человеческое достоинство.

В эти наиболее мрачные годы своей чиновничьей карьеры Гофман стонал под тяжестью судейского жребия. Однако, несмотря на это, теперь он серьезнее, чем когда-либо, относился к профессии юриста. Мужественно, почти в полном одиночестве выстоял он среди своры лакейских душонок, сумев даже внушить почти всей Непосредственной комиссии истинные представления о праве и законе. Это убедительно опровергает тезис, будто Гофман был равнодушен к общественным спорам своего времени. Если бы так было в самом деле, ему ничего не стоило бы облегчить себе трудную службу и, подобно большинству его коллег в королевстве Пруссия, покориться произволу реакционной государственной власти. К тому же новые взгляды,

обретенные им в результате судебной деятельности и отныне мужественно защищаемые, были плодотворно использованы и в литературном его творчестве.

ФРИДРИХ ВИЛЬГЕЛЬМ III, КОРОЛЬ ПРУССИИ

Полномочие

1 октября 1819 года.

Мы, Фридрих Вильгельм, божиею милостию король Пруссии, настоящим извещаем и обязываем знать всех, кого это касается: так как многие лица в различных провинциях Нашей монархии подозреваются в антигосударственных связях и других опасных

Гувернер и воспитанник

происках, то по причине важности и запутанности сих дел, хотя они и находятся в настоящее время в разных судах, необходимо передать следствие единому суду, пребывающему в Нашей здешней резиденции, а посему Мы всемилостивейше повелеваем

Нашему тайному высшему кассационному советнику и вице-президенту апелляционного суда фон Трюцшлеру, Нашему советнику апелляционного суда и советнику по делам опеки фон Зюдову,

Нашему советнику апелляционного суда Гофману, Нашему ассессору апелляционного суда фон Герлаху, Нашему ассессору апелляционного суда Кульмейеру, Нашему государственному советнику Чоппе,

Нашему советнику полиции Кайзеру

провести упомянутое следствие. Для сего учреждаем Мы следственный уголовный суд, который будет иметь свою резиденцию в столице под названием

Королевская прусская

непосредственная следственная комиссия,

президентом коей назначается упомянутый тайный советник и президент фон Трюцшлер, членами же – прочие поименованные лица. Во всех Наших землях, в том числе и тех, где сохранилось пока французское уголовное судопроизводство, комиссии передаются привилегии и прерогативы Наших земских коллегий юстиции в старых Наших землях, когда она выступает в качестве следственного уголовного суда.

Отдано в Берлине 1 октября 1819 года

Фридрих Вильгельм

К. Ф. фон Гарденберг

Кирхэйзен

Шукман

ФРИДРИХ ЛЮДВИГ ЯН

Письмо Королевской непосредственной следственной комиссии

27 сентября 1819 г. От его превосходительства министра фон Шукмана я получил радостное известие, что Его королевское величество изволили назначить Вас, глубокоуважаемые господа, членами следственной комиссии по расследованию предполагаемых демагогических происков.

При полной моей невиновности я могу в любом случае положиться на Вашу честность, тем более что Вы являетесь судьями столь высокого и знаменитого суда и, стало быть, как таковые в совершенстве владеете земским правом и порядком судопроизводства, что полицейским горе-судьишкам присуще лишь изредка.

Однако если Его величество направили меня на расследование не к Вам конкретно, то я сомневаюсь в Ваших полномочиях вести следствие о жизни моей и поведении. Мне ничего не известно о демагогических происках, я не понимаю даже, что значит сие выражение, и не знаю, какой языковой фальшивомонетчик чеканил это название. Но в чем я могу искренне и чисто-сердечно заверить Вас, так это в том, что никоим образом не связан с тайным или публичным обществом, каковое имело бы целью перемены в государстве. Я не являюсь соучастником или сообщником какого-либо антигосударственного заговора. Таким образом, я заранее уверен в том, что права мои будут сохранены, потому и ходатайствую о передаче моего дела в полномочный, то есть апелляционный, суд.

Прежние господа комиссары действовали по отношению ко мне противоправно, следовательно, несправедливо.

13 июля меня арестовали, доставив сначала в Шпандау, а затем, очевидно потому, что там я был слишком близок к комиссии, перевели в Кюстрин. Комиссия начала с того, что приговорила меня к заключению в крепости.

16 июля комиссия в Шпандау допрашивала меня относительно моей биографии. Потом до 14 сентября, то есть целых два месяца, о ней не было ни слуху ни духу. А между тем я, находясь под следствием, вынужден был в течение сего времени отбывать весьма суровое заключение в крепости.

Допрос, состоявшийся 14 сентября, свидетельствует, что вопросы задавались весьма приблизительно. Честно говоря, я в замешательстве: то ли мне следует удивляться пристрастию, то ли возмущаться искусством исказить факты. Как я понял, в компетенцию комиссии не входит дознание, кто является анонимным автором двух антиполемических сочинений. Комиссия усматривает бунт в том, что в 1817 году я поссорился с кем-то на острове Рюген. А из того, что в ноябре 1817 года на одном из публичных заседаний Берлинского общества немецкого языка я выступил с речью в честь Лютера, гения языка, сразу же делается заключение, будто я призываю к восстанию! И поскольку во время лазания по канату я велю гимнастам глядеть вверх, меня называют возмутителем спокойствия.

Сегодня пошел семьдесят седьмой день моего заключения. Скоро минет четверть года. Кроме упомянутых безделиц, я так до сих пор и не услышал:

- 1 за что я арестован;
- 2 почему ныне нахожусь в заключении столь *строгого режима*;
- 3 каких вообще доказательств ищут против меня;
- 4 что дало повод для подозрения и недоверия ко мне;

5 кто мои обвинители, доносчики и клеветники.
Сейчас самое время поговорить об этом откровенно. <...>

ФРИДРИХ ЛЮДВИГ ЯН

Жалоба на высшего тайного государственного советника фон Кампца по поводу сочинения и распространения пасквиля

19 ноября 1819 г. В обеих здешних газетах, а именно от 15 июля сего года (№ 84), среди прочих новостей помещено следующее известие (с подлинным верно):

"Как явствует из личных бумаг д-ра Фридриха Людвига Яна, конфискованных в Берлине согласно распоряжению, упомянутому в последнем номере газеты, он, вопреки категорическому запрету и его собственным торжественным заверениям, не только проводил на спортивных площадках разного рода демагогическую политику, но и продолжал настраивать молодежь против существующего правительства, а также совращать ее, внушая революционные и иные опасные принципы, например, относительно правомерности предательского убийства государственных служащих, необходимости кинжала как украшения любого мужчины – у него их, кстати, обнаружено два. Поэтому вчера он был арестован и заключен в крепость для строжайшего расследования".

Совершенно очевидно, что сообщение это чувствительнейшим образом ущемляет мои законные права на честное имя, ибо в нем я сразу же представлен обществу как явный преступник, как тот, кто, нарушив собственные торжественные заверения, продолжал вести на спортивных площадках разного рода демагогическую политику, как совратитель и растлитель молодежи, подстрекатель против короля и государства, вооруженный двумя кинжалами для зверского убийства!

Подобная заметка, опубликованная обеими здешними газетами и содержащая тяжкие оскорбления в мой адрес, согласно определению, данному в § 572 разд. 20 ч. Всеобщего земского права, является пасквилом, автор коего к тому же не назвал себя.

Для выяснения анонимного автора и отправителя упомянутого пасквиля супруга моя по моей просьбе обратилась в экспедицию обеих газет, Фоссовой и Шпенеровой, посредством жалобы, поданной в один из апелляционных судов 21 августа сего года.

Экспедиции обеих газет в соответствии с правилами назвали высшего тайного государственного советника фон Кампца как отправителя сочинения, о коем идет речь...

Вследствие этого я вынужден привлечь высшего тайного государственного советника фон Кампца к судебной ответственности перед Высочайшим Королевским апелляционным судом как пасквильанта. <...>

КАРЛ АВГУСТ ФАРНХАГЕН ФОН ЭНЗЕ

Записки

20 декабря 1819 г. ...Д-р Ферстер, кажется, сейчас тоже арестован; д-р Рёдигер содержится как преступник, хуже, чем при первом аресте, без названной причины, по приказу канцлера; ибо господин фон Кампц, должно быть, извлек из гофмановского доклада, на основе которого был освобожден Рёдигер, доказательства того, почему он вновь должен быть арестован. ...Принц Карл будто бы сказал недавно, что есть четыре главных интригана – Гнейзенау, Грольман, Шлейермахер и Савиньи, причем Шлейермахер из них самый вредный. На его проповеди посылают полицейских шпикивов. ...

МИНИСТР ЮСТИЦИИ

ФРИДРИХ ЛЕОПОЛЬД ФОН КИРХЭЙЗЕН

Письмо в апелляционный суд

28 декабря 1819 г. Из письма от 30 ноября сего года, которое Королевский апелляционный суд направил его превосходительству Королевскому тайному государственному советнику, министру внутренних дел и полиции господину фон Шукману и которое затем было передано мне, я подробно узнал о том, что Королевским апелляционным судом принята к рассмотрению жалоба об оскорблении, составленная комиссаром юстиции Шульце по поручению доктора Яна на действительного высшего тайного государственного советника и камергера фон Кампца с указанием на исходившее от него объявление, касавшееся упомянутого Яна и опубликованное в здешних газетах 15 июля сего года, в результате чего апелляционный суд вызвал вышеозначенного фон Кампца на 19 января будущего года в суд для предварительного следствия по делу.

Королевский апелляционный суд при этом совершенно упустил из виду тот факт, что, как об этом несомненно свидетельствует подпись в обращении к экспедициям здешних газет от 14 июля сего года, господин фон Кампц действовал не как частное лицо, но – в отсутствие тогдашнего господина министра полиции, его сиятельства князя цу Зайн унд Витгенштейна –

как его заместитель и временный начальник Королевского министерства полиции, следовательно, лицо официальное. Королевскому апелляционному суду должно быть известно, что правительственные чиновники при отсутствии заявления со стороны вышестоящих органов по поводу их служебных действий не подчиняются судам, в особенности же Королевские министерства в своей служебной деятельности ответственны лишь перед Высочайшей особой Его величества короля. <...>

Исходя из этого, жалоба об оскорблении, поданная вышеупомянутым Шульце, является совершенно недопустимой, а посему я предписываю Королевскому апелляционному суду немедленно прекратить процесс по данному делу. <...>

КАРЛ АВГУСТ ФАРНХАГЕН ФОН ЭНЗЕ

Записки

18 января 1820 г. ...Интересно, чем кончится спор между апелляционным судом и министром юстиции по делу об оскорблении Яна; первый отказался подчиниться второму, так сегодня было представлено дело. <...>

4 февраля. ...Говорят, будто генерал граф Гнейзенау подал прошение об отставке, и полагают, что просьба его будет удовлетворена. Должно быть, господин фон Кампц решительно выдает его за главу демагогического заговора. Арестован молодой человек по имени Михаэлис. В одном из писем, посланных в Бреслау, он утверждал, что канцлер – вредная скотина! Условием своего возвращения (чтобы предстать перед судебным следствием) Гёррес поставил право свободного проезда; утверждают, что в связи с этим в Берлине усердно осведомлялись у знающих людей, может ли Гёррес быть оправдан в соответствии с рейнским судопроизводством. Когда же такая возможность подтвердилась, в свободном проезде ему было отказано. Все еще продолжают допросы по поводу демагогических происков; арестованы Ян, Юнг, Бадер, Асверус, Фоллениус, Мюленфельс. <...>

ПИСЬМО НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ГАРДЕНБЕРГУ И КИРХЭЙЗЕНУ

(составлено Гофманом)

14 февраля 1820 г. Спешим покорнейше сообщить Вашей светлости и Вашему превосходительству, что согласно полученному нами высокому предписанию от 3 февраля сего года

по делу об оскорблении доктора Яна высшим тайным государственным советником фон Кампцем мы немедленно прекратили процесс, но не согласны полностью отклонить жалобу.

Жалобу об оскорблении, поданную упомянутым Яном, мы обязаны считать в правовом отношении обоснованной в соответствии с ясным смыслом законов, на которые мы ссылались уже в донесении от 10 января сего года. На этом основании мы обязаны возбудить дело, причем то обстоятельство, что означенный фон Кампц в момент нанесения оскорбления Яну замещал должность отсутствовавшего господина министра полиции, не может ничего изменить, поскольку и высшие государственные чиновники не стоят вне закона, а призваны подчиняться ему, как любой другой гражданин государства.

При сем мы почтительнейше отмечаем, что в итоге не отказываемся от нашей позиции, чувствуя себя свободными от любого неподобающего самомнения. Мы будем стремиться, как поклялись в служебной присяге, исполнять свой долг со строжайшей добросовестностью, с непоколебимой верностью, а именно:

невзирая на лица и на различия в сословиях, согласно предписанию законов и в соответствии с лучшими нашими знаниями и убеждениями осуществлять независимую, нелицеприятную юстицию. <...>

КАРЛ АВГУСТ ФАРНХАГЕН ФОН ЭНЗЕ

Записки

20 февраля 1820 г. ...Утверждают, будто Яна никогда не выпустят, по крайней мере до тех пор, пока канцлер не скажет своего слова. Комиссии юстиции дали понять: она должна лишь высказать свое мнение, имеется ли причина для начала уголовного процесса, освобождение же арестованных ее не касается, это должны решать министры, то есть комиссия, состоящая из государственного канцлера князя Витгенштейна, министра фон Шукмана и тайного государственного советника фон Бюлова. Тем самым в будущем открывается дорога весьма опасным вещам!

ФРИДРИХ ВИЛЬГЕЛЬМ III

Приказ кабинета апелляционному суду

13 марта 1820 г. Хотя апелляционный суд, получив замечания государственного канцлера и министра юстиции в свой адрес, должен был бы сделать вывод, что жалоба доктора Яна

на высшего тайного государственного советника фон Кампца по поводу оскорбления необоснованна, я вынужден в ответ на представленный мне доклад от 14 числа прошлого месяца, направленный ранее государственному канцлеру и министру юстиции, вновь категорически подтвердить предписания, отданные апелляционному суду. Посему требую документы по делу отложить и поставить об этом в известность поверенного упомянутого Яна.

КАРЛ АВГУСТ ФАРНХАГЕН ФОН ЭНЗЕ

Записки

17 марта 1820 г. Государственный советник Шульц подал в министерство официальную жалобу на Шлейермахера как совратителя молодежи; обвинялись и другие профессора, а также тайный советник посольства Эйхгорн и университетский юрист Шефер: они якобы знали о тайных связях студентов. Будучи на стороне студенческих корпораций, они, как утверждается, покровительствовали их членам, с другими же студентами обращались жестоко; говорят, будто они разделяли и политические цели подобных установлений, сами руководили многими, охраняли их. Все с нетерпением ждут оборота этих скверных дел; сильно опасаются за Шлейермахера. <...>

18 марта. Приказ кабинета, запрещающий всем государственным служащим, а также всем, получающим государственное жалованье, носить старонемецкие одежды...

23 марта. Король распоряжением по кабинету приказал апелляционному суду прекратить процесс Яна против Кампца; приказ министра юстиции, однако, не помешал апелляционному суду послать новый вызов. Адвокат Яна намерен теперь ходатайствовать перед королем, дабы тот позволил на законных основаниях восторжествовать справедливости в этом деле. Д-р Рёдигер отбыл в Мюнхен. Господин фон Кампц обнаружил в одном из писем, приложенных к материалам следствия, весьма резкие выражения в свой адрес и требует наказать автора письма; комиссия, однако, не увидела здесь дела государственной важности, передав его в обычный суд, который счел, что оскорбление отсутствует, ибо письмо частное и до публики не дошло. Спор с королевским правосудием разгорается все сильнее, публика хвалит и одобряет наши судебные инстанции!

*Первая и последняя страницы
обложки первого тома "Кота
Мура". Издание 1819 года*

Если б я мог сказать всю правду королю, все, что думаю о нынешнем состоянии вещей, все самое неприятное и жестокое, убежден: воспринял бы он это хорошо, поблагодарил бы меня за благие намерения и даже пожал бы руку, но на следующий день меня непременно арестовали бы. <...> А может, мы на пути к революции? Мы идем этим путем как Испания, медленно и вяло, но неотвратно. <...>

Из служебного доклада Э. Т. А. Гофмана, ответственного референта в процессе Яна

15 или 18 февраля 1820 г. ...Если же Янке как доносчик является одновременно и соучастником, то вполне очевидно, что в оценке внутренней достоверности дальнейших его показаний, не подкрепляемых твердыми фактами, должны применяться положения, устанавливаемые уголовным правом касательно доносчиков и свидетелей, достоверность показаний которых зависит от их душевного склада, от отношений, связывающих их с обвиняемыми, от полноты, точности и внутреннего правдоподобия самого высказывания, наконец, от интересов, которые они преследуют в данном деле (Уголовное право, § 112, 113, 359).

Что же касается доноса Янке, то, во-первых, он сам не считает себя во всем достоверным, сообщая об этом так:

"Считаю своим долгом заметить, что по причине выхода из "немецкого союза", как я уже отмечал ранее в своем донесении, я оказался в натянутых отношениях с профессором Яном и его сторонниками. Впрочем, сам я ничего не имею против него, но они между тем считают меня своим врагом, хотя я не только признаю их многочисленные заслуги, но время от времени, когда предоставлялась такая возможность, оказывал Яну немалые любезности. *Несмотря на это, я не убежден, что свидетельство мое против них может быть принято как совершенно достоверное*".

Уже одно это заявление, основанное, должно быть, на понятном чувстве самолюбия, способно было существенно ослабить веру в точность высказываний Янке; к тому же в своих донесениях он допускает явные противоречия, объясняя их не просто неудовлетворительно, но так, что в весьма двусмысленном свете предстает его характер, манера мыслить и действовать. Сюда следует присовокупить и то, как вел он себя при сопоставлении различных его показаний, где назывались прямо-таки противоположные лица, что, кстати, отмечено в протоколе судебным следователем и также представляется весьма сомнительным.

Целесообразно было бы выяснить это подробнее, если, ознакомившись со всеми высказываниями допрошенных членов союза, комиссия должна будет решить, чьи показания более противоречивы.

Все лица, допрошенные касательно "немецкого союза", полностью отрицали:

что их объединение хоть в отдаленнейшей степени преследовало опасные для государства или изменнические цели, и указали основную задачу союза хотя и не в одних и тех же выражениях, но в одинаковом смысле как

направленную на приободрение в бедствиях, сохранение немецкого духа, укрепление здоровья, дабы возможно было впоследствии оказать сопротивление врагам отечества (французам). <...>

<...> У судьи уголовного суда имеется теперь веское основание точнейшим и тщательнейшим образом проверить моральный облик доносчика, а также внутреннее правдоподобие его обвинений хотя бы уже потому, что они касаются преступления, караемого ужаснейшей смертной казнью.

Выше мимоходом указывалось уже на отдельные моменты, опровергающие достоверность показаний Янке, теперь необходимо дать более точные разъяснения.

Доносчик Янке как личность предстает в сомнительном свете, даже если признать истинными обстоятельства, касающиеся изменнического союза и вступления Янке в эту организацию. Его принимают в тайный союз, откровенно и недвусмысленно знакомят в приветственной речи с изменническими целями данной организации, он же дает присягу на верность этому союзу и подвергает себя опасности смертной казни, хотя мог бы сразу уклониться от вступления. Вместо того чтобы последовать чувству долга и тотчас же заявить о посягательстве на измену, он молчал до тех пор, пока действия *Грунера* не вынудили его сделать *фон Бюлову* тайное сообщение о союзе. Очевидно, вряд ли можно верить в настоящую чистоту убеждений человека, который так поступает: если бы он был одержим истинной жадой борьбы с преступлением, которое карается смертью, то, даже поддавшись на миг заблуждению, должен был бы выступить впоследствии с открытыми честными показаниями.

Показания учителя *Лауца*, которые пока, правда, не подкреплены присягой, а потому могут быть приведены в чисто историческом плане, дают примечательное дополнение к общей характеристике Янке.

Согласно этим показаниям, в период с осени 1811 года до 1813 года (точнее Лауц затруднялся определить время) он часто

по приглашению Янке бывал у последнего, когда тот проживал в Радзивилловом дворце.

Янке спрашивал, не желает ли он (Лауц) вступить в тайный союз, целью которого является освобождение отечества от врагов. Лауц заявил, что в силу своих убеждений он уже принадлежит к такому союзу и потому не нуждается в процедуре приема. В ответ на это Янке заметил, что поскольку Его величество король – человек робкий и ограниченный, то наверняка будет, скорее всего, бездействовать и ничего не сделает для освобождения своей страны; если же Его величество король проявит себя именно в этом плане, его необходимо будет сместить, заменив более деятельным. Таковым Янке назвал *герцога Гольштейн-Ольденбургского*.

Данное высказывание допускает лишь два толкования: либо Янке всерьез собирался посвятить Лауца в изменнические планы и склонить к соучастию в измене, в таком случае он является преступником, заслуживающим кары, либо он намеревался всего лишь испытать внутренние убеждения Лауца, что может характеризовать его как злобного шпиона. <...>

Далее Янке утверждал:

в союзе якобы существует книга снисхождения и книга позора; в последнюю занесены все противники союза (по убеждениям), и все они объявлены вне закона.

Вместе с тем в судебном протоколе от 15 сентября сего года он вынужден был все-таки признать:

что никогда не видел названных книг снисхождения и позора; следовательно, из личного опыта он не мог знать о существовании подобных книг.

В обвинении, направленном Его величеству королю, Янке подчеркивает:

при вступлении в союз ему пришлось дать нерушимую клятву. В донесении на имя князя государственного канцлера эти данные уточняются;

в случае нарушения верности клятве он (Янке) должен будет подвергнуться смертной казни.

Во время упомянутого допроса Янке вновь подтвердил, что клятвы в собственном смысле слова, когда дающий ее вызывает к богу и клянется ценой утраты вечного блаженства, не было; но ведь если в этом случае присягающий нарушает верность клятве, смертной казни он не подлежит. Хотя Янке *померещилось*, будто нечто в подобном роде упоминалось в тексте клятвы, он не может с уверенностью утверждать это.

Во время очных ставок с *Штарком, Грасгофом, Турте* и *Яном* Янке вновь утверждал:

что клятва давалась настоящая, присягавший вызвал к

имени бога и в случае измены должен был подвергнуться смертной казни.

Чтобы оправдать столь явные колебания и несоответствия в показаниях, Янке говорит буквально следующее:

"Позавчера я был обеспокоен множеством поступивших сообщений; здешние мои высказывания могли бы принести мне немалый вред, это вынудило меня к излишней осторожности на допросе.

Однако, поскольку вчера меня в какой-то мере заверили сверху, что опасаться не стоит, сегодня я совершенно откровенно, в соответствии с истиной, дал свои показания, касающиеся клятвы при вступлении в союз".

Подобное заявление показывает характер Янке как доносчика в самом неприглядном свете.

Лишь боязнь того, что его особа подвергнется опасности, заставила Янке, возводя на других обвинение в тягчайшем преступлении, проявить осторожность, в данном случае, должно быть, преувеличенную. Заверение же в том, что лично ему ничто не угрожает, побудило его вернуться к своим отягчающим показаниям.

Сам собой напрашивается вывод, что Янке, как отмечалось выше, не ожидал, что от него потребуют точных доказательств обвинений, выдвигаемых против многих видных людей страны, да еще в преступлениях, заслуживающих смертной кары; скорее он намеревался, подлив масла в огонь, выйти ех пеху *, потихоньку отступить на задний план, в тень.

Этим вполне объясняется и явный страх, который он испытывал на первых допросах, и появившаяся затем гораздо большая уверенность, когда он сообразил, что под защитой высших государственных органов останется неприкосновенным. <...>

Им утверждается, будто во время поездки по Померании и Рюгену, которую Ян совершил два года назад в сопровождении многих гимнастов, он выступал там с публичными речами, в высшей степени непристойными, направленными лишь на то, чтобы возбудить недовольство администрацией, и вообще вел себя неподобающе.

Здешнее управление полиции вынуждено было запросить об этом регирунгсшеф-президента фон Пахельбеля.

В донесении из Штральзунда от 12 августа 1819 года указывается, что неопрятная внешность и вызывающая одежда Яна и его спутников, а также пение неподобающих песен, например

* Букв.: "из связи" (лат.), зд.: "из игры".

"Я сделал ставку на ничто..." * (не совсем понятно, почему сей Пахельбель считает особенно неподобающей наивную песню на слова *Гёте*), обращали на себя всеобщее внимание на улицах городов. Порядочные люди старались избежать встречи с этой бандой бродяг. Однако, как явствует из сообщения, никто не слышал никаких двусмысленных речей против государственной администрации или против властей данной провинции. При встрече Яна с русским профессором *Хаспером* в рыбацкой деревушке Засниц возникла якобы ссора из-за того, что Хаспер, как и остальные жители деревни приняв Яна с его длинной бородой и грязной одеждой за русского, обратился к нему по-русски. Ян же во время этого спора позволил себе назвать русского императора мошенником.

Во время допроса в полиции Ян отрицал, что мог произнести подобные слова.

Из свидетелей, допрошенных по этому поводу, лесничий *Бедекер* подтвердил, что подобные слова были произнесены Яном, тогда как Эва Регина Хаспер, также присутствовавшая при ссоре Яна с Хаспером, не запомнив отдельных выражений, сообщает, что Ян выкрикивал оскорбительные, бранные слова против русского императора.

Создается впечатление, что при прежних полицейских допросах оскорбления, выкрикнутые в адрес русского императора, квалифицированы были как оскорбления против величества.

Согласно положениям Общего права, величество есть достоинство, принадлежащее *высшей власти государства*, следовательно, деянием против величества является всякое оскорбление достоинства обладателя высшей власти.

Следовательно, состав данного преступления подразумевает:

что оскорбление должно быть направлено против верховного правителя страны, против высшей власти того государства, в котором пребывает нанесший оскорбление.

С данным положением Общего права полностью совпадает прусское уголовное право, которое так определяет преступление оскорбления величества:

"Кто оскорбляет личное достоинство *главы государства* без намерения изменить государству или родине, тот совершает преступление по оскорблению величества" (Общее земское право, ч. II, разд. 20, § 196).

* Гёте И. В. "Vanitas! Vanitatum Vanitas!". Пер. А. Глобы. Собр. соч. в 10 томах, т. I. М., Художественная литература, 1975, с. 273.

Если Ян действительно выкрикнул оскорбление, затрагивающее честь императора России, то в правовом смысле слова он не совершил преступления против величества, которое подлежало бы наказанию двух-четырёхлетним сроком лишения свободы; в данном же случае, поскольку прусские уголовные законы никак не оговаривают особо наказания за оскорбление иностранных монархов, буде против Яна по особому иску и жалобе учинено следствие, могло бы иметь место лишь обвинение в тяжком оскорблении лица высокого сословия лицом более низкого сословия.

Эдикт, принятый в Берлине d.d. * 18 октября 1819 года и основанный на решениях бундестага касательно цензуры, определяет <...> лишь следующее:

что также дерзкое осуждение, высказанное против *иностран-ных* монархов, возмущение недовольства против них в трактатах и памфлетах должно наказываться лишением свободы от шести месяцев до двух лет.

Закон этот, следовательно, лишь предписывает, что § 151 уголовного права, где речь идет о своем государстве, должен распространяться также на союзные державы, но в нем не сказано конкретно об устных оскорблениях иностранных монархов, которые, будучи направлены против главы государства, могли бы служить основанием состава преступления против величества.

Однако что "дерзкое осуждение" и данное конкретное оскорбление относятся к разным категориям, поскольку последние предполагают намерение оскорбления чести *личности*, чего не должно быть при первом, следует из теории и ясно выражено также в § 151 и § 159 уголовного права.

В данном случае также исключается и наказание, которое могло бы оправдать длительное заключение Яна. <...>

<...> Ранее уже упоминалось о маленькой книжечке, обнаруженной среди бумаг *Либер* и озаглавленной следующим образом:

"Золотые слова отца Яна".

Из нее был извлечен следующий ряд выражений, приписанных Либером Яну и поставленных ему в упрек как опасные или по меньшей мере двусмысленные, в связи с чем от него потребовали специальных разъяснений:

- а) "Ни один народ не добился конституции бескровным путем, а также при помощи влаги, именуемой чернилами".
- б) "Свое истинное значение физическая культура приобретает только при сословной конституции".

* De Dato – с сего числа (*лат.*).

в) "Я (Ян) живу не в то время, к которому принадлежу, мне следовало бы жить, собственно говоря, в эпоху Лютера и Гуса; все мы родились либо чересчур рано, либо слишком поздно. Я, например, из числа тех, кому следовало родиться на свет 50 годами позднее, ибо мы, я и несколько моих друзей, одиноки, совсем одиноки; наша задача состоит в том, чтобы самим стать способными к великим делам и привлечь к этому больше остальных".

г) "Я должен формировать свободных людей".

д) "Человек может смело смотреть в высочайшую высь, у него никогда не закружится голова".

Далее в дневнике Либера значилось высказывание, приписанное Яну:

"Да, – сказал Ян, – ни один полководец не нападает при помощи угроз. Если бы у меня был меч, я хотел бы вместе с Христом сойти на землю. Каждое дерево до Шарлоттенбурга стало бы виселицей, да и в городе их было бы немало. Уж тогда бы я отвел душу".

При допросе в суде 21 января сего года Ян сослался на допрос, проведенный ранее в Кюстрине 14 сентября сего года, и подтвердил свои показания, записанные там.

В этом протоколе Ян прежде всего говорит об обстоятельстве, уже отмеченном ранее: вследствие ранения и вызванной этим болезни ушей Либера плохо слышит, что и могло породить недоразумение касательно высказываний, которые Либера дает как слышанные им самолично; отдельные же фразы, выхваченные из пространных бесед, вообще легко могут приобрести искаженный смысл.

Как утверждает Ян, высказывание о том, что ему следовало жить в другую эпоху, основано на недоразумении, не поддающемуся объяснению; высказывание о лицах, которых надо повесить на Шарлоттенбургер аллее, он совершенно отрицает.

Впрочем, далее Ян утверждает, что говорил следующее: конституцию нужно выстрадать, а не писать чернилами; физическая культура в сословной конституции должна стать государственным делом; его задача – формировать людей, свободных от предрассудков. Высказывание о том, что человек может смотреть в высочайшие выси, не боясь головокружения, он связывает с вышкой для лазанья на спортплощадке, на которую поднимаются, глядя вверх, чтобы избежать головокружения.

Если даже счесть, что Ян говорил именно так, как утверждает Либера, то и в этом нельзя обнаружить ничего такого, что было бы направлено против государства и его конституции либо должно возбудить недовольство против них. Самое большее, в этом можно было бы усмотреть лишь выражение опре-

деленного образа мыслей, недовольства некоторыми отношениями, обусловленными временем. <...>

Из всего вышесказанного следует:

что Ян ни в коем случае не подлежит наказанию, которое могло бы повлечь его заключение во время следствия с правовой точки зрения (Уголовное право, № 208–210–211).

На мой взгляд, не мотивировано было бы даже взятие на поруки. Поэтому я полагаю:

Яна следовало бы немедленно освободить из-под стражи, такое решение необходимо до приведения его в действие показать его превосходительству министру юстиции господину фон Кирхэйзену, дабы при освобождении добиться принятия соответствующих мер государственной полицией.

Берлин, 15 февраля 1820 года.
Гофман

*Письмо Непосредственной комиссии Кирхэйзену
(Подготовлено Гофманом)*

22 марта 1820 г. В приложении мы покорнейше передаем Вашему превосходительству донесение доктора Рейха о состоянии здоровья жены арестованного доктора Яна, которое поступило к нам без нашего запроса.

Согласно содержанию данного донесения, и без того болезненная, ослабленная многочисленными недугами жена Яна оказалась в силу длительного ареста мужа в столь безнадежном состоянии, что доктор Рейх обнаружил явные признаки упадка душевных сил, он даже опасается полного душевного расстройства в ближайшее время, если не устранить причину ее глубокой скорби.

Разумеется, конечно, что живое участие жены или другого родственника в судьбе преступника не может служить поводом для применения к нему более снисходительных законов или же, если содержание под стражей соответствует закону, для освобождения его из-под таковой: судья не должен учитывать и дурных последствий, могущих проистекать из этого для лиц, не замешанных в преступлении.

В данном случае, однако, точная и тщательная проверка положения дел, явившегося результатом предварительного следствия, установила, что нет никаких законных оснований оставлять упомянутого Яна в заключении. <...>

КАРЛ АВГУСТ ФАРНХАГЕН ФОН ЭНЗЕ

Записки

1 апреля 1820 г. <...> На комиссию здорово рассержены; господин фон Бюлов уже заметил как-то, что апелляционный суд надо бы точно так же привлечь к следствию, как и смутьянов. Борьба с имперским правосудием ожесточается с каждым днем...

7 апреля. Как рассказывают, в низших классах ходят слухи о том, что Яну, наверное, стоит опасаться ядовитого зелья, ибо никто не знает, что с ним дальше делать; должно быть, он очень болен. "А разве, – спрашивают другие, – тюрьма – это не медленно убивающий яд?" <...>

МИНИСТР ЮСТИЦИИ ФОН КИРХЭЙЗЕН

Письмо Королевской Непосредственной комиссии

8 апреля 1820 г. <...> Ходатайство Королевской Непосредственной следственной комиссии от 22 марта сего года по поводу немедленного освобождения из-под стражи доктора Яна, находящегося под уголовным следствием, и взятия его для начала под строгий домашний арест необоснованно. Теперешнее содержание доктора Яна под стражей должно продолжаться до тех пор, пока наказуемость его не будет доказана по закону...

ПИСЬМО НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ
КОМИССИИ КИРХЭЙЗЕНУ

(подготовлено Гофманом)

15 апреля 1820 г. Покорнейше просим Ваше превосходительство еще раз подвергнуть точной проверке наше заключение, чтобы затем соблаговолить убедиться:

что в материалах следствия нет и следа того, будто Ян призывал своих гимнастов или других лиц к насильственному восстанию против правительства; не оправдывается и предположение, будто в физкультурном движении заключается зародыш будущего свержения конституции Германии; не доказано, что он действительно имел такое намерение; все эти предположения слишком далеки от того, чтобы обосновывать на них уголовное следствие и наказание; то же касается, наконец, и серьезного подозрения, будто во время гимнастических занятий и в других случаях Ян позволял себе такие высказывания, которые могли бы

настроить умы против государственных учреждений. Преступления, в которых обвиняется Ян, в любом случае могут быть осуждены лишь согласно § 151, разд. 20, ч. 2 Общего земского права, определяющему в качестве самого сурового ординарного наказания двухлетний срок лишения свободы. Но даже эта самая суровая мера наказания не может быть применена:

потому что порицаемые места в лекциях отнюдь не такого рода, чтобы обосновать данную меру; кроме того, не установлено, что этим действительно возбуждалось недовольство граждан против правительства;

далее, потому, что все остальное основано лишь на непосредственных показаниях свидетелей, и, наконец, потому, что судья должен принять во внимание длительное пребывание подсудимого под арестом.

Как человек, постоянно живущий с семьей, Ян не подозревался в стремлении к побегу, следовательно, при сложившемся положении вещей и конфискации его личных бумаг не стоит опасаться дальнейшего искажения истины; наконец, опасения государственной полиции насчет пребывания Яна на свободе в Берлине можно было бы устранить, если бы Ян, как он заявил об этом своем намерении полицейскому чиновнику, покинул Берлин, избрав другое место жительства в провинции. Поэтому в соответствии с § 208, 211 уголовного права мы не находим никакого законного основания для дальнейшего заключения Яна во время следствия и считаем своим долгом еще раз почтительнейше указать Вашему превосходительству на правовую обоснованность нашего ходатайства, тем более что законы, как это свойственно природе и условиям каждого государства как такового, защищают в первую очередь личную свободу граждан и сурово карают *того* судью, который угрожает ей. <...>

МИНИСТР ЮСТИЦИИ ФОН КИРХЭЙЗЕН

Письмо Королевской Непосредственной комиссии

8 мая 1820 г. В ответ на донесения Королевской Непосредственной судебной следственной комиссии от 15 апреля и 3 мая сего года, касающиеся освобождения доктора Яна из тюремного заключения, сообщаю оной, что пока все останется в соответствии с моим распоряжением, отданным по этому поводу 8 апреля сего года.

*КАРЛ АВГУСТ ФАРНХАГЕН ФОН ЭНЗЕ**Записки*

12 мая 1820 г. ...Министр юстиции без дальнейшего разъяснения причин ответил комиссии по расследованию происков, которая до сих пор регулярно, каждую неделю напоминала о необходимости освобождения Яна, что обвиняемый Ян не может быть выпущен из заключения; комиссия ответила министру юстиции протестом и намерена обратиться с протестом к королю, а в случае отказа объявить о сложении с себя полномочий. <...>

ПИСЬМО НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ КИРХЭЙЗЕНУ
(подготовлено Гофманом)

18 мая 1820 г. Ваше превосходительство соблаговолили сообщить нам высоким предписанием от 8 мая сего года в ответ на наши донесения от 15 апреля и 3 мая сего года об освобождении из заключения доктора Яна:

что все остается в соответствии с распоряжением от 8 апреля сего года (согласно которому, в противовес нашему решению, доктор Ян должен остаться под арестом).

Наш долг, однако, требует еще раз почтительнейше напомнить, что мы были учреждены согласно Высочайшему приказу по кабинету Его величества короля от 16 и 30 сентября 1819 г., а также по Высочайшему собственноручному распоряжению от 1 октября 1819 года как официальный самостоятельный уголовный суд со всеми правами и прерогативами земских коллегий юстиции, правовые решения которого имеют и должны сохранять законную силу. <...>

Потому покорнейше просим Ваше превосходительство еще раз незамедлительно поставить нас в известность о соответствующих распоряжениях, тем более что сейчас уголовное следствие по делу упомянутого Яна закончено, а материалы его направлены избранному Яном защитнику.

Если настоящее ходатайство будет оставлено без внимания, мы вынуждены будем просить Его величество короля обеспечить данные нам полномочия вышеупомянутым Высочайшим приказом по кабинету; поскольку же другая инстанция делает безрезультатными все наши решения, принятые на четкой правовой основе, это окажется несовместимым с нашей должностью судей и вынудит нас просить о немедленном освобождении от участия в судебной комиссии.

КАРЛ АВГУСТ ФАРНХАГЕН ФОН ЭНЗЕ

Записки

27 мая 1820 г. ... "Шпенерше цайтунг" сообщила о казни Занда, впечатление огромное; вызывает удивление цензура, а также то, сколь неодинаково она соблюдается; другие газеты поместили лишь несколько строк. Говорят, будто позавчера студенты устроили в Хазенхейде ночью поминки по Занду с факельным шествием; один из них выступил с речью. <...>

2 июня. ... Министр господин фон Шукман утверждает, будто Ян совершил достаточно преступлений, чтобы отбывать заключение в крепости, и такой приговор якобы вскоре будет вынесен. Все по-прежнему под впечатлением от казни Занда, множество сообщений. Среди студентов ходит стихотворение на его смерть. <...>

15 июня. ... Народ, особенно в харчевнях, много говорит о Яне; как только разберутся, утверждают одни, что он невиновен, ему предоставят частичную свободу и 1000 талеров содержания; не так уж плохо быть изменником родины, за такую плату кое-кто тоже согласился бы, все-таки должны ж кому-нибудь голову отрубить; Ян получил титул изменника родины, вот и все, говорят другие; он всегда был честен с народом, утверждают третьи; если он против королей, значит, он прав, хоть бы нам вовсе от них избавиться. Вот такие и даже еще более смелые речи имеют хождение в народе. <...>

ПИСЬМО ТЕОДОРУ ГОТЛИБУ ФОН ГИППЕЛЮ

24 июня 1820 г. ... Как раз в то время меня назначили членом Непосредственной комиссии по расследованию так называемых демагогических происков, и ты, зная меня, можешь представить себе мое настроение, когда глазам моим открылась паутина гнусного произвола, наглого попрания законов, личного преследования. Мне не приходится уверять тебя, что, как любой честный человек и истинный патриот, я был по-прежнему убежден в том, что необходимо ограничить бредовые действия иных молодых баламутов, тем более что они стали ужаснейшим образом воплощаться в действительность. От гисенского Союза Черных исходит распространение в народе подстрекательской книжечки так называемых вопросов и ответов; более того, отвратительный, злодейский поступок Занда породил фанатизм, раздуваемый принципами так называемых Безусловных ("Цель оправдывает средства" и тому подобное), которые вышли из Союза Черных. Та книжечка даже вызвала беспорядки в Оден-

вальде! Тут в самом деле пришла пора наказывать и бороться по всей строгости закона! Однако вместо этого приняты были меры, направленные не столько против поступка, сколько против убеждений. [Здесь следовало, очевидно, резкое выражение автора письма, позже уничтоженное Гиппелем. – Прим. изд.]

Посылаю тебе не только вторую часть "Серапионовых братьев", но и первую часть "Житейских воззрений" проницательного кота Мурра, который был очень благосклонно принят здешним литературным миром, несмотря на несколько странноватый декор этой книги. Последуют еще две части, которые давно были бы готовы, если б не отсутствие времени и юмора в силу вышеизложенных причин.

...Снова я разразился вздохами! Корефа почти не вижу. Государственного канцлера, который, впрочем, оказал мне честь, пригласив на семейный обед, осаждают нынче совершенно особые люди, так что не ведаю, какой теперь ветер подует. <...>

КАРЛ АВГУСТ ФАРНХАГЕН ФОН ЭНЗЕ

Записки

18 августа 1820 г. ...Некий государственный советник из провинции, человек бесхитростный и простой, так высказывался – к тому же спокойно и без робости – в кругу своих новых знакомых, где лишь некоторые обеспокоенно возражали ему: "Король должен дать конституцию, потому что он это обещал, если же нет, то должен пообещать теперь. Весь мир требует законности и порядка, а их можно добиться лишь благодаря народному представительству. Уж народ-то выдвинет хороших представителей, и чем меньше правительство будет вмешиваться в выборы, тем они будут правильнее. Король не может взять назад свое слово, не может долго медлить с выполнением обещания. Что произойдет в противном случае? Поживем – увидим! Но допускать этого нельзя! В провинциях все совсем иначе, нежели в столице, там все чрезмерно возбуждены и активны!"

2 февраля 1821 г. ...Вот высказывание офицера в солидном чине о нынешнем настроении и образе действий правительства: "Кто проявил себя на войне, кто добился определенных заслуг, тех теперь не уважают, теперь в фаворе самые жалкие типы; двор ненавидит тех, кто совершил что-либо достойное, один их вид действует угнетающе на тех, у кого нет никаких заслуг; эти люди терпеть не могут оригинальных мыслей, твердой воли, сильных убеждений; им потребны ничтожные душонки, соглас-

ные на все ради привилегий, а кто не таков, тех сразу безжалостно объявляют революционерами, опасными демагогами. Подобная репутация немедленно дает о себе знать и, наверное, долго еще будет числиться за ним, даже когда само дело будет забыто". <...>

8 мая. Господин фон Мюленфельс вчера бежал из заключения. Долгое время он находился au secret * и нередко впадал в отчаяние, особенно когда ему по три месяца не давали книг. Друзья осуждают его, полагая, что следовало дожидаться решения суда, но он не надеялся дожить до окончания дела и предпочел долгожданную свободу.

Мюленфельс оставил письмо, в котором обещает немедленно предстать перед любым честным судом, однако он не желает более подвергаться инквизиторскому и незаконному произволу господина фон Кампца.

30 мая. ...Шлейермахер утверждает, что, если прусское государство будет идти и дальше по тому же пути, оно не продержится и десяти лет, пережив за это время такие катастрофы, что о нем не придется говорить в будущем.

...Все чаще слышатся жалобы на то, что общественная жизнь у нас затухает и разобщается. Все немедленно объявляется происками. <...>

6 июля. ...Отбывая вечером из Потсдама, король сильно рассердился на военных певцов, неожиданно грянувших песню, которую полковник фон Шрёдер хотел сделать королю приятный сюрприз. В песне должна была прозвучать хвала королю и его верному народу; у графа фон Тауэнтцина рассказывали, что именно это место возмутило короля и он воскликнул: "Прекрасный верный народ! Тот, что устраивает заговоры!"

26 апреля 1822 г. ...Король повелел министру Шукману ввиду особо опасного времени, которое весьма усугубляют и внешнеполитические обстоятельства, подвергнуть все государство в течение двух лет особому тайному надзору, что до сих пор распространялось лишь на столицу. Заготавливаются опросные листки касательно политического образа мыслей и убеждений, долженствующие распространяться на всех гражданских чиновников и всех офицеров; их затребовали даже у президентов, министров, комендантов, генералов и так далее. О Яне давно не слышно ничего нового; его процесс повис в воздухе, сам же он находится в Кольберге. <...>

* В одиночном заключении
(франц.).

Конец кота Мурра

"Остерегайся политических намеков, Карл! Со всею серьезностью советую тебе, Карл: отправься как-нибудь поутру к моему другу, советнику уголовной полиции Хитцигу, и открой ему то, что в случае

необходимости я готов заверить письменно: ты никогда сознательно не позволял себе никаких сатирических намеков на политические предметы... Девриент! Альбрехт! Господин офицер! Вы слышали, что сию минуту произнес этот человек? Карл, ты еще наговоришь на свою голову! "Мысли свободны!" Чего доброго, он, как маркиз Поза, потребует свободы мысли в Берлине! Ты никогда не видел "Дон Карлоса" на сцене и, очевидно, не знаешь, что маркиза Позу застрелили как раз потому, что он претендовал на свободу мыслей?"

По словам хорошо осведомленного Иоганна Петера Лизера, подобные речи у Люттера и Вегнера вел не кто иной, как изрядно захмелевший к полуночи советник апелляционного суда Гофман. Высказывания такого рода, к тому же непосредственно связанные с литературными произведениями, написанными Гофманом в пору преследования демагогов, обусловили его роковой антагонизм по отношению к господствующим тенденциям в тогдашней политике и культурной жизни, ибо одновременно с реставрацией феодально-абсолютистских сил совершался быстрый и окончательный упадок романтизма, в чем по-своему проявилась духовная депрессия широких кругов немецкой интеллигенции. Иные публицисты, историки и правоведы, вышедшие из круга романтиков, перешли в стан реакции; они – скажем, Адам Мюллер и Фридрих фон Генц – стали сознательными идеологами феодально-абсолютистских сил. Романтическая поэтизация средневековья привела у них к утверждению реставрационной политики Меттерниха.

Э. Т. А. Гофман, однако, не совсем сдал романтические позиции: он как был, так и остался одиночкой, всей душой жаждавшим чистого и здорового мира поэзии. В то время как, например, Захария Вернер превратился в модного проповедника аристократической венской публики, Гофман старался использовать в своем творчестве новый опыт, приобретенный за время службы. Он открывал для себя новые возможности нелицеприятной критики эпохи, совершенствуя технику лите-

Гравюра на дереве Бескара. 1817 год

ратурного повествования, которая у него тоже служила целям разоблачения всеобщего убожества.

Это нашло свое отражение во всех значительных произведениях завершающей фазы его творчества, не в последнюю очередь в структуре романа о Мурре и Крейслере. И хотя он продолжал работать в области развлекательной литературы ("Стихийный дух", "Двойники" и другие новеллы), благодаря которой мог позволить себе посещать дорогостоящие питейные заведения, зато в сказках, где он продолжал пробовать свои творческие силы, заметно ощущается развитие творческих возможностей писателя. Капрично "Принцесса Брамбилла" – это уже даже и не сказка в обычном смысле слова; здесь действие происходит вполне в земных пределах и оказывается в конечном счете виртуозно выстроенной театральной инсценировкой, выполненной искусным режиссером. Юмористический миф о короле Офиохе и Урдар-озере, включенный в сумасбродную карнавальную историю, отчетливо несет в себе иносказательные черты и содержит выпады против монархического принципа. В саркастической "Королевской невесте" нельзя не заметить окончательного отхода от романтической сказки того типа, который проповедовал Новалис.

Еще важнее был выход к большой эпической форме, к роману, удавшийся тогда писателю, – в "Эликсирах сатаны", вышедших незадолго до этого, достичь такого не удалось. Теперь же современник его Штефан Шюце мог сообщить: "Он заверил, что в будущем не собирается писать небольшие рассказы, только романы". Именно форма романа предоставляла Гофману широкие возможности воспроизведения новых впечатлений, нового опыта в качестве широкой панорамы общественной жизни своего времени со всем богатством ее оттенков. У Гофмана, прозорливо предвидевшего дальнейшие пути своего творчества, были вполне определенные планы на будущее; например, он собирался написать двухтомный роман "Предсвадебный медовый месяц Тимотеуса Шнельпфедера" – однако ранняя смерть не дала осуществиться этим планам. Остался каркас "Житейских воззрений кота Мурра с присвоением макулатурных листов из биографии капельмейстера Йоганнеса Крейслера".

И здесь внезапная смерть помешала писателю создать третий том. Тем не менее мощный эпический фрагмент представляет во многих отношениях итог жизни и творчества Гофмана. Противопоставляя отрывки из жизнеописания бесприютного гениального капельмейстера смехотворным в своем самодовольстве рассуждениям обывателя-кота, постоянно соотнося друг с другом оба уровня повествования и тем самым всесторонне обрисовывая,

пародируя главные образы романа, обнажая их сущность, писатель во многом достигает наиболее адекватного, широкого изображения современности. Решающее значение имеет дальнейшая конкретизация образа Крейслера. Хотя художник и противопоставлен обществу, однако, в противоположность "Крейслериана" бамбергского периода, он еще и неразрывно связан с обществом. С Крейслером, этим alter ego * писателя, во многих аспектах сопоставляется ограниченный обыватель в образе кота Мурра, которому прекрасно живется в его сытой лени; как алиби для себя он использует превратно понятые культурные ценности. Наряду с критикой обывателя здесь проявляется и наметившаяся уже в "Крошке Цахесе" отважная атака на позднефеодальный княжеский двор, выступающий в виде гротескного хора обитателей резиденции в Зигхартсвейлере. Особенно острой сатирой является та часть, где описано вступление Мурра в кошачью корпорацию: под образом Ахиллеса, жестокого мясника пса, скрывается не кто иной, как шеф прусской полиции Карл Альберт фон Кампц. На службе у кровожадного Ахиллеса состоят коварные шпицы, что должно было весьма недвусмысленно напоминать берлинскому читателю 1821 года о шпиках. Столь произвольно скомпонованное внешне, произведение о Мурре и Крейслере оказалось злободневным романом, в котором ярко отразился опыт советника апелляционного суда Гофмана.

Хотя положение его на службе угрожающе обострилось, для современников он оставался преуспевающим автором, избалованным издателями; гонорары, которые платили ему редакторы карманных изданий, даже возросли. Как и прежде, Гофман был берлинской достопримечательностью, его непременно желали видеть приезжие. Одетый по последней парижской моде, он мог бы считаться элегантным весельчаком, если бы из-за своего шокирующего образа жизни и поведения во время преследований демагогов не прослыл подозрительным индивидуалистом, вызывающим скорее любопытство, чем восхищение. В артистической жизни Берлина он по-прежнему оставался весьма деятельным: познакомился с сыном Моцарта и Гаспаре Спонтини, оперу которого "Олимпия" перевел.

Перемещение по службе в Высший апелляционный сенат в октябре 1821 года не только принесло ему больше досуга для литературных трудов, обеспечив одновременно повышение жалованья, но и почти совсем избавило от дальнейших расследований по делам демагогов. В это же время надолго приехал в Берлин его старый друг Гиппель. Но в еще большей мере,

* Вторым "я" (лат.).

чем столь счастливое стечение обстоятельств, больше, чем внешние успехи, создававшие порой прямо-таки обманчивое впечатление, обрадовало его письмо Людвига ван Бетховена. Слова уважения из уст великого мастера, за которого он вступался еще в юности, не только сделали его по-настоящему счастливым, но и подтвердили правильность избранного пути. Позже Хитциг описывал, как Гофман получил это письмо: "Надо было знать, насколько почитал он этого великого мастера, чтобы понять, как много значил для него такой привет издалека".

Но в конце ноября 1821 года умер кот Мурр "на четвертом году своей многообещающей жизни". Есть некоторые свидетельства трогательной любви, которую Гофман питал к своему домашнему другу. Этого кота он совершенно серьезно сделал в романе прототипом обывателя. Когда он разослал странные объявления о смерти кота, эту невероятную смесь боли и иронии правильно поняли лишь немногие из его друзей. Литературную общественность известили о смерти кота в постскриптуме ко второму тому романа, и она увидела в этом лишь странную шутку. Для самого же Гофмана смерть его домашнего предвестника собственного скорого конца. Лишь кое-где в своем творчестве этот замкнутый человек, чуждый всякой сентиментальности, широко раскрыл сердце. То, что он чувствовал во время смерти кота Мурра, он совершенно без иронии высказал в таком исключительном пассаже в конце романа: "Ибо я тебя любил, любил гораздо более, чем многих иных..."

*ФРИДРИХ И ГЕНРИХ ВИЛЬМАНСЫ,
КНИГОТОРГОВЦЫ ИЗ ФРАНКФУРТА-НА-МАЙНЕ*

Письмо Гофману

(с 50 бутылками "Рюдесгеймер хинтерхаус" 1811 года)

11 февраля 1820 г. Когда так хотят выразить уважение и благодарность, как мы осмеливаемся сделать это Вам, высокочтимый маэстро, сама надежда на добрый, любезный прием является приятной наградой; так пусть же столь лестная для нас надежда исполнится в том, что Вы благосклонно примете содержимое прилагаемого ящика. Этого мы искренне желаем.

Исключительно интересные рассказы – мы можем сказать это без всякой лести, – среди них особенно "Мадемуазель де Скюдери", которыми Вы имели милость уже несколько лет одаривать нашу "Записную книжку любви и дружбы", вы-

звали к ней возросший интерес и увеличили сбыт, за что мы еще раз искреннейше благодарим Вас и добавляем к сему пожелание, чтобы и в будущем Вы были благосклонны к нам и столь же щедро, как до сих пор, одаривали нашу "Записную книжку".

Письмо Фердинанду Дюмлеру

21 марта 1821 г. Незадолго до благословенного 1 апреля совершенно неожиданный крупный расход опустошил вдруг мою кассу! Не могли бы Вы помочь Вашему нуждающемуся автору хотя бы *пятью фридрихсдорами*?

В "Литературном еженедельнике" помещена симпатичная, превосходная рецензия на "Кота" – сажусь сейчас за вторую часть, к которой давно заготовлено множество тетрадей с записями. Только спаси меня боже от демагогических происков!

ЛЮДВИГ ВАН БЕТХОВЕН

Письмо Гофману

23 марта 1820 г. Милостивый государь!

Пользуюсь возможностью благодаря г-ну Небериху снестись со столь богатым душевно человеком, как Вы.

Вы писали о моей скромной особе; г-н Штарке показал мне в своей записной книжке несколько Ваших строк обо мне. Итак, смею надеяться, что Вы принимаете во мне некоторое участие; позвольте заверить, что мне это весьма приятно со стороны человека столь выдающихся качеств, как Вы.

Желаю Вам всего наилучшего и остаюсь

почтительнейше преданный
Вашей милости
Бетховен

Письмо Фридриху Шнейеру

1 мая 1820 г. ...Обращайте хоть иногда внимание на мои литературные дела! Рекомендую Вам в высшей степени мудрого и глубокомысленного кота Мурра, который возлежит сейчас рядом со мной на мягком стульчике, предаваясь, должно быть, необыкновенным мыслям и фантазиям, ибо слишком уж размурлыкался! *Сей возвращенный мною настоящий кот* отменной красоты и еще большего ума (он удивительно удался на облож-

ке книги) дал мне повод для гротескной шутки, пронизывающей, впрочем, вполне серьезную книгу. Надо сказать, книгоиздатели платят мне такие гонорары, от звона которых г-н Кунц немедленно упал бы в обморок. <...>

Наверное, Вы уже знаете, что наш Бадер приглашен <...> здешней большой оперой с жалованьем в три тысячи талеров и дебютирует в следующую среду в роли Тарара. Он обзавелся премилой маленькой женой ростом в 3 фута 6 дюймов, которая жаждет играть роли трагических героинь, но будет, наверное, переведена в амплуа комических мамаш. Если желаете знать, как выглядит сия дама, легко можете воспроизвести ее пластически. Возьмите материал, которым пользовался Прометей,

создавая человека (печную глину, воду и землю, исходной дряни для пластики достаточно, да и человек, венец творенья, тоже создан из дряни); слепите из всего этого толстый шар, напаяйте его на маленькую пивную бочку – вот Вам и мадам Бадер во плоти. Но лучше я Вам нарисую сие милое создание на обратной стороне. А теперь представьте себе нашего Бадера, который выглядит, пожалуй, так же молодо, как десять лет назад, и, кажется, стал даже худее рядом с этим существом.

К тому же маленькое чудовище плодит маленьких бадерят одного за другим, будто пфенниги! Это напасть!

Постарайтесь, дорогой друг, приехать в Берлин. Меня Вы найдете в маленькой и скромной, но, впрочем, мило обставленной квартире в лучшей, красивейшей части города, на Жандармском рынке, прямо напротив нового здания театра. Нынешнее мое положение позволило бы ввести Вас в круг интереснейших людей, да и в отношении жизненных удобств Вы, полагаю, остались бы довольны. Что же касается элегантности обстановки, тонкости и изобилия блюд, тут мы соперничаем с парижанами, и многие настоящие гурманы предпочтут ресторан Ягора на Унтер-ден-Линден ресторану Верри в Париже. Ваш покорный

Карикатура на актрису Софи Бадер

Первая и последняя страницы обложки второго тома "Кота Мурра". Издание 1821 года

Esra besonders wird' ab' mich fragen, wenn die Leiche
abhand, nachdem die bey d' H. gezeigte bey
mich die glückliche Frucht, einmessen will, auch
den meinigen sehr amir beordert.

Die feinsten D' Elsons und die besten Wisch bey mir,
woll' aber bitte ist die gewöhnlichen Männern
Yennoc mit Meier und Zibingem' für in meinem
Kammer stillt nicht abhand.

Billeg' mich zu manin bitte' wolle ab' nachbring
s'igen die wolle und bring mir feinsten Gewürz mit.

1. 9. Jan: 1821

Die ergebene
Hoffm.

Гофман с трубкой и стаканом пунша

слуга ввел бы Вас в маленький, но превосходный винный погребок, который недавно был весьма приятно расширен. Из чистой благодарности за то, что "Скюдери" сильно увеличила сбыт "Записной книжки любви и дружбы", братья Вильманс из Франкфурта прислали мне ящик с 50 бутылками превосходного "Хинтерхойзер Эйльфер" – это после того, как выплатили за рассказ *изрядный* гонорар. В одно прекрасное утро ящик под-

*Рисунок к "Коту Мурру":
безумный капельмейстер
Крейслер*

везли к дому, и лишь с трудом удалось мне всучить слуге чаевые. Я ударил себя в грудь и произнес: "И в Израиле не нашел я такой веры!" <...>

*ПИСЬМО АДЛЬФУ ВАГНЕРУ
(с 5-й главой "Принцессы Брамбиллы")*

21 мая 1821 г. ...А что Вы думаете, друг, о безумном капризничии? По замыслу это должна быть самая смелая из моих сказок, но боже мой! Вы ведь знаете, что в силу несовершенства всего земного после сильного разбега так легко удариться носом об землю, вместо того чтоб взлететь высоко!

Что *Вы* меня поймете и, прочтя историю о короле Офиохе и королеве Лирис, догадаетесь, куда я клоню, – в этом я уверен; но не покажется ли все это другим сумасбродной белибердой? Дочитав текст до конца, напишите мне несколько слов, хотя бы в утешение!

Замечу еще только, что картинки к "Калло" должны получиться премилыми – одну я Вам прилагаю, хотя она измятая и с чернильной кляксой. ...

Письмо Фердинанду Дюмлеру

5 декабря 1820 г. Хитциг назвал мне Вас, дорогой друг, дабы я мог обратиться к Вам с просьбой получить сборник "Дары милосердия", который редактировал Губиц. Там напечатан мой рассказ, название его я забыл. Не будете ли Вы столь любезны прислать мне этот том (в который вошел рассказ)?

Над "Мурром" действительно работаю, хотя сейчас, увы, медленно, впрочем, потом дело должно пойти быстрее, ибо я твердо надеюсь совершенно избавиться от демагогических происков.

Письмо Юлиусу Эдуарду Хитцигу

8 января 1821 г. Вчера вечером приходил ко мне Корэф и был столь любезен, что уже поздно ночью по моей просьбе прислал мне "Астролога", которым я буду наслаждаться в ближайшее время и сейчас уже читаю запоем. Какая удивительная, великолепная книга, какая величайшая простота –

и при этом живая, подлинная жизнь и мощная правда! Однако сей дух мне чужд, и я поступлю чрезвычайно скверно, если попытаюсь напустить на себя спокойствие, которого, по крайней мере теперь, мне не дано. Каков я есть и каким могу быть, покажет, *pro grimo* *, "Кот", а затем, если бог даст, – но уже по-иному – "Якобус Шнельпфефер", который, должно быть, появится лишь в 1822 году к пасхе.

АДАМ ЭЛЕНШЛЕГЕР

Письмо Гофману

26 марта 1821 г. Мысленно я все еще наслаждаюсь великолепным кардиналом, приготовленным собственной ученой рукой Вашего преподобия. *Tria juncta in uno* ** наслаждалась им вместе, и наши души, мысли, фантазии, гениальные идеи и сумасбродства сливались воедино, образуя воистину папу римского.

Простите мне мой стиль: немецкий язык и юмор не столь привычны мне, как Вам.

Посылаю к Вам молодого, ученого, весьма добродушного и скромного датчанина, который у Вас, иностранцев, должен изучать нравы и тому подобные вещи.

Окуните его чуть-чуть в волшебный мир Вашего настроения, дорогой мой! Покажите ему, как возможно быть философом и мудрецом в иронической смирительной рубашке, а также, что еще важнее, как важно быть любезным человеком. <...>

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГОФМАНА

О кошачьей книге

Тиль Уленшпигель бывал доволен, поднимаясь в гору, ибо заранее предвкушал, как будет спускаться вниз; он грустил, спускаясь вниз, ибо пугался предстоящего подъема. Какие неприятности грядут на меня – ведь сегодня так весело на душе, какая радость предстоит – ведь сегодня так удручает печаль.

* Во-первых (*лат.*).

* Троица (*лат.*).

ПРЕДСВАДЕБНЫЙ МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ
ЯКОБУСА ШНЕЛЬПФЕФЕРА

(В качестве вставки можно было бы дать картину долгой прогулки по саду, где справа и слева есть укромные уголки: беседки, терновник и тому подобное, например жасминовая беседка для влюбленных, терновник для рецензентов и заносчивых авторов и так далее.)

Тайны (в детстве Якобус записывал свои тайны, например о том, как влюблен был в соседскую Тинхен, как разбил фарфоровую чашку, и тому подобное, — листок был запечатан печатью).

(Необычным характером мог бы стать *брат*. Воспитание — не забыть о ректоре Ванновском.)

Полиция конфискует время (снимает башенные часы и так далее), не понимая того, что и сама существует лишь во времени.

(Быть может, разделить Шнельпфедера не на главы, а на тетради?)

Когда Шиллер сочинил "Разбойников", один издатель объявил конкурс сразу на шесть подобных трагедий. То же самое публика делает с писателями: если кто-то написал произведение, снискавшее особую популярность, от него ожидают, чтоб он тотчас же написал дюжину других в таком же духе, *eiusdem argumenti* *. Разнообразнейшие вещи, которыми позже одарит писателя муза, неизбежно сравниваются с популярнейшей его книгой. Благородно отворотив нос, публика заключает: не то...

ИЗ ПИСЬМА ИОГАННУ ДАНИЭЛЮ СИМАНСКИ,
ИЗДАТЕЛЮ "ЦУШАУЭР"

Осень 1820 г. ...Знайте же, что именно в это мгновение я занят литературной работой, которую можно назвать самой что ни на есть трудной.

Я только что окончил приводить в порядок бумаги *кота Мурра*, чтобы можно было издать вторую и третью части его удивительных житейских воззрений. Хотя добряк и пишет весьма разборчивой лапой, но не может отказаться от известных привычек, погружающих отдельные места в его рукописях в непроглядную тьму. Так же, как иной тщеславный, гордый поэт, если какое-нибудь место в только что сочиненном стихотворе-

* С тем же содержанием (*лат.*).

нии покажется ему верхом совершенства, любит в сознании своего величия подниматься с кресла и устремлять глаза и нос в небо, так и Мурр, охваченный во время писания сознанием собственного совершенства, имеет обыкновение принимать позу, которую в будничной жизни называют "низкий поклон". В таких случаях несравненный кот самодовольно помахивает в обе стороны хвостом, часто размазывая именно то место, которым восхищался, так что оно заметно утрачивает ясность. Вы сочтете вполне естественной ассоциацию представлений, заставляющую меня при встрече с блестящей бессмыслицей в каком-нибудь новом поэтическом произведении, вызвавшей, очевидно, восхищение автора самим собой, невольно восклицать: низкопоклонничал!

И вот я замечаю, как невольно проболтался о том, что великолепный кот Мурр находится как раз со мной. Да, это правда; сейчас он сидит у печки, зажмурив глаза, и мурлыкает. Бог весть, какое новое произведение он замышляет. Попрошу Вас, досточтимейший, никому больше не говорить о том, где сейчас находится Мурр! А то литераторы, эстетики и, чего доброго, естествоиспытатели возжаждут знакомства с милым животным и только помешают его глубокомысленным размышлениям. <...>

ЮЛИУС ЭДУАРД ХИТЦИГ

"Кошачья книга"

Наконец вышел <...> первый том "Житейских воззрений кота Мурра", за которым последовал второй. Книга должна была завершиться третьим томом, пока еще не начатым на бумаге, но уже совершенно законченным в уме. На внешнюю форму книги Гофмана вдохновил необычайно красивый кот, которого он сам вырастил и которому приписывал незаурядный разум, выходящий за привычные рамки; по крайней мере он был неистощим в рассказах об уме своего любимца, которому нравилось лежать на рукописях хозяина в ящике письменного стола – его кот сам выдвигал лапами. Герой романа, Иоганнес Крейслер, уже знакомый и любившийся читателям по "Фантастическим пьесам...", был воплощением юмористического "я" Гофмана, вот почему ни одно из его произведений в такой большой мере не сопоставимо с истинными событиями его собственной жизни, как это. <...>

"Кота Мурра" Гофман считал, пожалуй, лучшим своим произведением, полагая, что в последней его части сумел добиться того, чего не удавалось достичь прежде.

АВГУСТ КЛИНГЕМАН

Листки из путевого дневника

Так как я до сих пор не был лично знаком с гениальным Гофманом, то Девриент взял это на себя, и мы отправились к нему еще до обеда. Он возвышался среди бумаг, разбросанных вокруг, словно юмористические фрагменты, – и в самом деле странное явление, напомилавшее Крейсера и другие подобные образы из его "Фантазий". Маленького роста, в ярком восточном халате, с почти мавритански желтым лицом, окруженным черными волосами, выбивавшимися даже из-под галстука под подбородком, словно знак принадлежности к Тугендбунду, с резко очерченным сжатым ртом и маленькими колючими глазами, внешне он абсолютно походил на Рюбецаля, хитрого маленького сатира, с которым следовало быть начеку, ибо его лукавый взгляд, казалось, так и замышлял всевозможные хитрые проделки, излучая шутку и юмор. К счастью, однако, мне он злым сатиром не явился, но попросил свою гостеприимную супругу поднести чашу мира с ароматным портвейном и вскоре принялся рассыпать вокруг себя непринужденный, порой восторженный юмор, который в ходе беседы оказался направленным преимущественно на театр и театральную жизнь. <...>

Поговорив так с Гофманом о знакомых актерах, я на какое-то время переключил внимание на его супругу, которая спокойно и доброжелательно прислушивалась к нашему разговору, не вмешиваясь в него. Тихим своим домашним поведением она являла полную противоположность экстравагантно-необузданному Гофману, и именно это притягивало к ней. Когда через какое-то мгновение я вновь обратился к нему самому, он занят был весьма важным разговором с Девриентом; речь шла, казалось, о дорогом ему предмете, о том, что принималось близко к сердцу: выражение лица его изменилось, и глаза, только что ярко блестящие, замкнулись в себе тускло и печально, словно в ожидании горьких ударов судьбы. Как вскоре я догадался, говорили о ком-то тяжело больном, в чьем выздоровлении врачи сомневались, однако на всякий случай, как заметил Гофман, прописали порошки, притирания и припарки. После наступившей долгой паузы я решился с участием спросить, кто же этот тяжело больной пациент, член семьи или из числа близких друзей. В ответ на мой вопрос Гофман, открыв дверь в боковую комнату, заботливо показал на подстилку, на которой покоился и, казалось, дремал большой кот. Я застыл на месте, пораженный контрастом между высоким трагическим настроением и совершенно неподвижной его причиной;

в душу мою начали закрадываться сомнения, не устроил ли все-таки хитрый сатир, живший в Гофмане, на прощанье какую-нибудь мистификацию. Однако по дороге домой Девриент уверил меня, что Гофман вполне серьезно относится к происходящему, ибо большое животное, с которым его соединяет будто бы магнетическая связь, — не кто иной, как знакомый читателям, возвышенный до художественного образа кот *Мурр!*

...Вскоре после моего визита, в конце того же месяца, кот умер. Он был действительно странным образом связан с Гофманом, с полным основанием можно было бы считать, что это его *судьба*, так как после смерти кота жизнь писателя трагическим образом изменилась. <...>

ЮЛИУС ЭДУАРД ХИТЦИГ

Первый предвестник

Ранней осенью 1821 года произошли два весьма приятных для Гофмана события. Во-первых, Гиппель, любимый друг его юности, вновь надолго приехал в Берлин; во-вторых, вскоре после того, как ему по выслуге лет значительно повысили жалованье, он вошел в число членов Высшего апелляционного сената при апелляционном суде.

Гофман давно мечтал о такой должности, она освобождала его от юридических дел вне дома, сводя всю его деятельность лишь к составлению письменных донесений, которые затем по мере готовности следовало доложить в определенный день недели. Это прекрасно сочеталось с писательскими занятиями Гофмана, которые раньше он вынужден был прерывать, так как обязан был не менее двух раз в неделю появляться на судебных заседаниях да еще предварительно готовиться к ним. Теперешнюю свою жизнь он метко называл двойной авторской жизнью: по службе ему необходимо было сдавать рукопись в регистратуру, а как писателю — в печать. Кроме того, благодаря прибавке жалованья материальное положение семьи настолько улучшилось, что он уже подумывал снять еще несколько комнат, разместив в одной из них постепенно растущую библиотеку, другую предназначив исключительно для часов отдыха и досуга и так далее. Словом, не было человека, который глядел бы в будущее более радостно, чем Гофман в октябре 1821 года. Но, как это часто случается в жизни, тучи уже собираются над головой, а человек не замечает их, не в силах оторвать взора от земли, — вот так было и с нашим бедным Гофманом. Ему оставалось

всего несколько месяцев жизни, ставшей для него наконец-то приятной, и каких месяцев!

Первым предвестником ожидавших его страданий стала – не стоит над этим смеяться – смерть кота.

30 ноября 1821 года рано утром издатель получил открытку следующего содержания:

"В ночь с 29 на 30 ноября после непродолжительной, но тяжелой болезни на четвертом году своей многообещающей жизни почил для лучшего бытия кот Мурр, о чем считаю своим долгом покорнейше сообщить сочувствующим благожелателям и друзьям. Кто знал усопшего юношу, почтит его память молчанием и воздаст должное глубокой моей скорби.

Гофман"

Подобная шутка могла показаться странной тем, кто плохо знал Гофмана и не представлял, сколь часто ирония граничила у него с настоящим горем. Издатель, однако, знал, как к этому следует отнестись. Выйдя вечером из дома по делу, он проходил мимо винного погребка, в котором обычно сиживал Гофман. В нескольких шагах впереди себя он увидел Гофмана, бредущего с поникшей головой. В то же мгновение Гофман заметил его и спросил: "Вы получили мою открытку?" Тот подтвердил. "Тогда сделайте для меня доброе дело, – продолжил он. – Зайдем в кофейню, – они как раз стояли возле нее, – и спокойно поговорим обо всем". Они вошли, Гофман стремительно потащил друга в заднюю комнату, огляделся, нет ли кого вокруг, и начал, попросив заранее правильно понять его, рассказывать, как потрясла его смерть животного (ради спасения которого он даже приглашал врачей из ветеринарного училища); при этом он так описывал агонию, что у пораженного слушателя волосы встали дыбом. "Ночью, – рассказывал он, – Мурр жалобно запищал; жена уже крепко спала, и я тихо встал, пробрался в каморку, где лежал кот, приподнял одеяло, которым он был накрыт, и тут он взглянул на меня настоящим человеческим взглядом, словно просил меня спасти ему жизнь, он даже на мгновение перестал мяукать, будто прочел на моем лице утешение. Я не мог этого дольше вынести, снова покрыл его тряпичей и вернулся в постель. К утру он умер, и теперь нам с женой дом кажется таким опустевшим. Утром я хотел было сразу пойти к Фиокати и купить жене говорящего попугая, но она не хочет замены, да и я тоже. Не правда ли, друг мой, Вы тоже не верите в суррогаты любимых предметов?"

Друга потрясло настроение Гофмана и тронуло его доверие – ведь Гофман, вовсе чуждый сентиментальности, осмелился говорить столь откровенно с ним одним, много лет знавшим

его скрытые чувства, – он взял его за руку и произнес: "Ваша открытка уже лежит среди бумаг, которые я собираю о Вас, и это сердечное излияние тоже не забудется. Если я переживу Вас, то напишу Вашу биографию, и все это непременно будет в ней". "Ах! Вы обязательно переживете меня", – грустно ответил Гофман, и, потрясенные, друзья расстались.

Седьмая глава

Незавершенная жизнь

Дело Гофмана

Когда близился смертный час кота Мурра, издателю посланы были первые страницы рукописи, которой суждено было отравить последние месяцы жизни Гофмана. Еще в начале января 1822 года в берлинских кофейнях и винных погребках множились слухи, будто советник апелляционного суда Гофман в новой

своей сказке "Повелитель блох", публикацию которой готовит франкфуртский издатель Вильманс, намеревается сатирически разоблачить произвол прусской юстиции и слежку за убеждениями; 10 января новость эту занес в свой дневник Фарнхаген фон Энзе. Вскоре слух дошел до ушей тех, кто и так бы хотел свести жестокие счеты с писателем. А когда к тому же стало известно, что в сказке используются, причем порою в дословной передаче, дела из прусских судов, к которым, как известно, советник апелляционного суда Гофман имел доступ лишь в служебном порядке, власти нанесли удар. После вмешательства полиции и цензурирования рукописи неким верноподданным прусским чиновником в свет вышло искаженное произведение, о котором даже Гейне, всегда восхищавшийся Гофманом, сказал, что "в книге нет устойчивости, нет большого средоточия, нет внутреннего цемента" *. Лишь в 1908 году сказка впервые вышла в истинном своем обличье, и тогда оказалось, что и это произведение по своему служило художественному осмыслению действительности.

Прообразом коварного надворного советника Кнаррпантти, приезд которого оказывается в сказке камнем преткновения, Гофман избирает шефа полиции Карла Альберта фон Кампца, человека, коему "из всех государственных установлений, известных... в истории, ни одно так ... не было по сердцу, как тайная госу-

*На шмуцтитule гравюра Фогеля,
1818 год*

*Гофман, оседлав кота Мурра,
сражается с прусской
бюрократией (предполагаемая
карикатура на обер-регирунгсрата
фон Кампца)*

* Гейне Г. Письма из Берлина.
Пер. А. Горнфельда. Собр. соч.
в 10 томах, т. 5. М., 1958, с. 87.

дарственная инквизиция, по образцу существовавшей некогда в Венеции"! "Думание, полагал Кнаррпанти, уже само по себе, как таковое, есть опасная операция, а думание опасных людей тем более опасно". Подлую изворотливость, к которой прибегает Кнаррпанти, дабы обвинить героя сказки в несовершенном преступлении, Гофман действительно описывает, пользуясь документами, которые составлены были властями в период преследования демагогов. Так, он цитирует дословно заметки, сделанные директором полиции фон Кампцем на полях бумаг и документов, конфискованных у взятого под стражу студента Густава Асверуса.

Такой почти беспримерный в немецкой литературе тех лет выпад против реставрационной государственной власти органично связан с внутренним сказочным сюжетом.... И подлый придворный, и Левенгук со Сваммердаммом, двое тщеславных естествоиспытателей, "безумных мелочных торгашей природой", отмечены печатью бессердечия и эгоизма. Даже Перегринус Тис, истинный герой сказки, испытывает поначалу "странную неприязнь к женскому полу". Однако вместе с любовью растет и его убеждение в том, что союз с настоящей земной девушкой принесет ему счастье в этом мире. Тис не удаляется в фантазматическую романтической утопии, как некогда студент Ансельм в "Золотом горшке". "Веселый и желанный конец" этой сказки вершится непосредственно в буржуазной действительности.

Конец Гофман дописывал, когда травля, развязанная против него прусской государственной машиной, достигла своей высшей точки. Уже 17 января 1822 года по поручению министерства полиции агент Георг Клиндворт отправился во Франкфурт, чтобы конфисковать рукопись, отпечатанные листы произведения, а также переписку автора с издателем Вильмансом. Примерно в то же время "ревматическими приступами" началась последняя болезнь писателя, которая вскоре привела к тому, что он не смог уже выходить из дома. В письме от 19 января он просит Вильманса вычеркнуть некоторые наиболее резкие места в "Повелителе блох" – до него уже дошли первые вести о надвигающейся грозе. Письмо попадает в руки франкфуртских властей и немедленно расценивается как признание вины Гофмана.

Через неделю после грустного дня рождения, который больной писатель отметил в узком кругу друзей, Кампц сочиняет памятную записку для министра внутренних дел и полиции фон Шукмана, где, просмотрев изъятые из рукописи отрывки, обвиняет писателя сразу в трех тяжких преступлениях: оскорблении величества, разглашении служебной тайны и карикатурном показе одного из членов министерской комиссии – здесь Кампц имел в виду самого себя – как "не соответствующего обязанностям и достойного разжалования". Четыре дня спустя

Шукман отправляется на прием к государственному канцлеру с требованием сурового наказания для Гофмана. Впрочем, ввиду неблагонадежности апелляционного суда он предлагает воздержаться от судебного преследования, лишить писателя должности советника апелляционного суда и сослать в порядке дисциплинарного взыскания в Инстербург. 7 февраля король лично вмешивается в это дело, приказав в течение двадцати четырех часов допросить давно уже ненавистного ему "адвоката демагогов". 8 февраля врач Генрих Мейер свидетельствует невозможность допроса смертельно больного писателя; несмотря на подступающие "невыразимые страдания", Гофман в течение двух последующих недель составляет черновик своей оправдательной речи. Общественное мнение Берлина между тем принимает сторону писателя, которому грозит опасность: видные лица, среди них Шлейермахер и Гуфеланд, возмущаются новым случаем позорного идеологического террора. Наконец 22 февраля на Таубенштрассе появляются симпатизировавший Гофману председатель апелляционного суда Вольдерман и референдарий Геккер, которые по приказанию высочайшей инстанции подвергают допросу "лежавшего в постели и очень слабого" Гофмана. На следующий день советник апелляционного суда, уже почти отстраненный от должности, диктует знаменитую оправдательную речь, сочиненную в течение двух предшествовавших недель.

Эта оправдательная речь – яркий человеческий и художественный документ, пример виртуозного, блестящего владения диалектикой. Судья Гофман был слишком реалистом, чтоб не понимать безвыходности своего положения; он сделал все возможное для того, чтоб иронически преуменьшить опасность эпизода с Кнаррпанти и выразить готовность к сокращению рукописи. В этой связи он неоднократно ссылается на поэтический метод крупных сатириков; упоминаются имена Рабенера, Лихтенберга, Жана Поля, Смоллетта. С другой стороны, Гофман использует оправдательный документ, чтобы доказать необходимость образа Кнаррпанти для всей структуры сказки. Как писатель он настоятельно требует для себя такого права. "Писателю, имеющему дело с юмором, должна быть предоставлена свобода легко и вольно перемещаться в своем фантастическом мире. Неужели обязан он, словно прокрустовым ложем, стеснять себя тысячами оговорок и мучительных сомнений насчет того, как могут быть превратно истолкованы его мысли?" Для документа этого показательно, что юрист Гофман выступает здесь в одном лице с писателем Гофманом, защищая права литературы. Это несомненно, несмотря на все иронические уловки, к которым, надеясь на счастливый исход, прибегает знаток прусской юридической машины.

Впрочем, и подобные уловки все равно не смогли бы спасти его от сурового наказания, ибо уже 1 марта Шукман, опасавшийся, что поведение Гофмана дурно повлияет на "всех единомышленников", вновь требует самых строгих мер. Однако в последующие недели состояние здоровья писателя все более ухудшается, становясь безнадежным.

Тем не менее бумаги по делу Гофмана, согласно приказу Гарденберга, были "отложены" лишь после смерти писателя. А в 1828 году Шукман задержал ходатайство вдовы Гофмана о пособии: "лишь благодаря талантам бывшего советника апелляционного суда Гофмана" Непосредственной комиссии "были внушены ошибочные взгляды". Гофман, по его мнению, был "пьяницей, работавшим для того лишь, чтобы обеспечить себе посещение питейных заведений", "другом защитника демагогов, книготорговца Реймера". Вспомнив "Повелителя блох", Шукман еще раз с особым нажимом отметил: "Наказание, вынесенное за подобное поведение Его величеством, не было приведено в исполнение лишь по причине смерти".

КАРЛ АВГУСТ ФАРНХАГЕН ФОН ЭНЗЕ

Записки

10 января 1822 г. ...Господин фон Кампц с огромным неудовольствием заметил, что канцлер, не имея возможности полностью уклониться от следствия по демагогическим проидам, все же сильно повредил ему, поведя по неверному пути, так что дело кончилось ничем и, собственно говоря, теперь его следовало бы начать заново. Советник апелляционного суда господин Гофман работает над юмористической книгой, в которой невероятно высмеивается история с демагогами при помощи почти дословных выписок из протоколов. <...>

"ПОВЕЛИТЕЛЬ БЛОХ" *

Трудно, даже невозможно описать, как зарождаются разные слухи; они подобны ветру, который возникает неизвестно откуда и уносится неизвестно куда. Так вот, по городу распустился слух, будто в вечер рождественского сочельника из большого общества, собравшегося у одного богатого банкира, совершенно непостижимым образом была похищена некая

* Гофман Э. Т. А. Повелитель блох. Пер. М. Петровского. Избранные произведения в 3-х томах, т. 2. М., 1962, с. 402 и далее.

a die Nase	k Ein Kokaer mel mit willkührlichen Falten
b die Stern	l Der Backenbart oder übernachtige Gedanken eines Mondsüchtigen
c die Augen	m die Mephistophelesmusk oder Rachgier u Mordlust Elisiere des Teufels.
d Dallassische Beifsteck u Portwein	n fehlt
e der Ironische Zug oder die Märchen Muskel	o Das Ohr oder Kreislers Lehrbrief der weder ge hört noch verstanden word.
f das lange Kinn misfratthe rer Schauspiele (Blandina etc)	p Und so weiter
g Neuapürte Haare oder Geistererschelnungen	
h Ein Halstuch	
i Ein Kragen.	

Автопортрет писателя с физиогномическими разъяснениями

Fantasiestücke

in Callot's Manier.

Blätter aus dem Tagebuche
eines reisenden Enthusiasten.

Mit einer Vorrede von Jean Paul.

Bamberg, 1814.
Neues Leseinstitut von E. F. Kunz.

весьма знатная дама. Об этом толковали все и каждый, называли имя банкира и громко жаловались на недостаточную бдительность полиции, допустившей совершиться такому наглому насилию. Совет вынужден был учинить следствие; были допрошены все гости, бывшие у банкира в вечер сочельника; каждый из них заявил, что действительно, как он слышал, из общества была похищена какая-то знатная дама, а банкир выражал горькие сожаления, что в его доме случилась подобная история. Но в то же время никто не мог назвать имени похищенной дамы; когда же банкир представил список бывших у него гостей, оказалось, что в нем нет ни одной дамы, которой бы недосчитывались. И когда оказалось, что так же обстоит дело и со всеми жительницами города, постоянными и приезжими, из коих ни одна женщина, ниже девушка, не потерпела в рождественский сочельник никакого ущерба, то совет заключил, как и следовало, что распространившиеся слухи ни на чем не основаны и все дело должно почитаться исчерпанным.

Но тут предстал пред лицом совета некий человек, причудливый и по своей одежде, и по всему своему облику, который отреккомендовался тайным советником по имени Кнаррпанти. При сем вытащил он из кармана бумагу с большою печатью и представил ее на рассмотрение, сопровождая это вежливым поклоном и улыбкой, которая выражала полную уверенность в том, что совет будет совершенно потрясен высоким званием, коим облечен он, тайный советник Кнаррпанти, равно как важным поручением, на него возложенным, и окажет ему подобающий решпект.

Кнаррпанти был очень важной персоной, так называемым фактотумом при дворе одного мелкого князя, имя которого издатель никак не может припомнить и о коем можно только сказать, что он постоянно нуждался в деньгах и что из всех государственных установлений, известных ему в истории, ни одно так ему не было по сердцу, как тайная государственная инквизиция, по образцу существовавшей некогда в Венеции. У этого князя действительно несколько времени тому назад пропала одна из его принцесс, точно неизвестно каким образом. Когда слух о похищении знатной дамы дошел до ушей Кнаррпанти, находившегося как раз в то время во Франкфурте с целью занять, где только возможно, денег для своего государя, он тотчас же написал князю, что его старания напасть на след пропавшей принцессы увенчались успехом. Незамедлительно получил он приказ преследовать разбойника и принять все меры, чтобы найти и завладеть принцессой, чего бы это ни стоило. К

приказу этому было приложено сопроводительное послание к совету с просьбой оказать всемерное содействие тайному советнику Кнаррпанти в его розысках, задержать по первому его требованию разбойника и предать его суду. Это послание было той бумагой, которую Кнаррпанти передал на аудиенции совету и от которой ждал он такого потрясающего действия.

Совет отвечал: слух о похищении знатной дамы, как совершенно необоснованный, опровергнут; напротив, точно установлено, что никто похищен не был, ввиду чего ни о каком нахождении похитителя не может быть и речи и господин тайный советник Кнаррпанти, свободный от всяких дальнейших розысков, не нуждается ни в каком содействии.

Кнаррпанти выслушал все это с самодовольной улыбкой и заявил, что ему благодаря его исключительной проницательности уже удалось выследить преступника. В ответ на указание, что преступник может быть установлен лишь в том случае, если установлен самый факт преступления, Кнаррпанти высказал мнение, что важно прежде всего найти злодея, а совершенное злодеяние уже само собой обнаружится. Только поверхностный, легкомысленный судья не в состоянии так повести допрос обвиняемого, чтобы не найти на его совести хотя бы малейшего пятна, как достаточного повода к его задержанию, в том случае, если главное обвинение вследствие заpirationства обвиняемого даже не установлено. И он теперь же настоятельно ходатайствует о скорейшем задержании похитителя его принцессы, похититель же этот не кто иной, как господин Перегринус Тис, известный ему давно как лицо в высшей степени подозрительное и чьи бумаги он немедленно просит конфисковать.

Совет выразил удивление по поводу смелого обвинения того же гражданина с незапятнанной репутацией и с бурным негодованием отклонил ходатайство Кнаррпанти.

Кнаррпанти ничуть не смутился, но заявил с присущей ему наглой самоуверенностью, что, если требуется вперед привести основания его обвинению, ему ничего не стоит это сделать. Он может представить двух свидетелей того, что господин Перегринус Тис в рождественскую ночь насильно затасил к себе в дом красивую нарядную девушку.

Более для того, чтобы обнаружить полную абсурдность такого утверждения, нежели для того, чтобы действительно расследовать это дело, совет постановил заслушать показания обоих указанных свидетелей. Один из них был соседом господина Перегринуса Тиса, который в роковую рождественскую ночь случайно в тот самый момент собирался войти в свой дом, а другой – ночной сторож, оба они издали наблюдали всю сцену, как Перегринус вносил к себе таинственную незнакомку,

и теперь единогласно подтвердили, что господин Тис действительно принес к себе в дом какую-то разряженную даму. Оба также обратили внимание на то, что дама всячески отбивалась и жалобно стонала. На вопрос, почему же они не поспешили на помощь терпящей насилие женщине, они ответили, что это не пришло им в голову.

Показание свидетелей поставило совет в немалое затруднение, ибо господин Перегринус оказывался как будто действительно виновным в поступке, в котором его обвиняли. Кнаррпанти говорил, как Цицерон, и доказывал, что то обстоятель-

Двое всадников в странных головных уборах (Гудибрас и Ральф?). Рисунок сделан предположительно на заседании апелляционного суда – автор употребил исписанный лист мягкой розовой бумаги

ство, будто в настоящую минуту не обнаружено исчезновения ни одной дамы в городе, само по себе еще ничего не говорит, так как похищенная дама могла спастись из Перегринусова дома и умолчать о происшествии из чувства чистой стыдливости. Кто эта дама и сколь были опасны для общества другие любовные похождения господина Тиса, это, конечно, выяснится из бумаг преступника, со своей же стороны он взывает к правосудию совета, который, конечно, не оставит безнаказанным ни одного достойного кары деяния. Совет постановил на первое время удовлетворить прошение достойного тайного советника, ввиду чего и последовало распоряжение о немедленном задержании бедного Перегринуса Тиса и о конфискации его бумаг. <...>

Благосклонный читатель, верно, помнит, что бумаги господина Перегринуса Тиса были конфискованы для следствия по делу о преступлении, которое вовсе не было совершено. Как депутат совета, так и тайный советник Кнаррпанти внимательно перечли все записки, все письма, даже все мелкие заметки (не исключая списков белья для стирки и кухонных счетов), находившиеся в бумагах Перегринуса, но пришли в своем обследовании к совершенно противоположным заключениям.

А именно: депутат доказывал, что в бумагах этих не содержалось ни одного слова, которое могло бы иметь хоть какое-нибудь отношение к преступлению, вменявшемуся в вину Перегринусу. Напротив, зоркое соколиное око господина тайного советника Кнаррпанти обнаружило много такого в бумагах господина Перегринуса Тиса, что выставляло его человеком в высокой степени опасным. Когда-то в ранней своей юности Перегринус вел дневник; в дневнике же этом имелось множество компрометирующих заметок, которые в отношении похищения молодых женщин не только бросали крайне невыгодный свет на его образ мыслей, но и ясно указывали, что он уже не раз совершал такого рода преступления.

Так, в одном месте значилось: "Есть что-то высокое и прекрасное в этом Похищении". Далее: "Но ты я похитил, что краше всех!" Далее: "Я похитил у него эту Марианну, эту Филину, эту Миньону!" Далее: "Я люблю эти похищения". Далее: "Юлию во что бы то ни стало должно было похитить, и это действительно случилось, так как я заставил замаскированных людей напасть на нее и утащить во время одинокой прогулки в лесу". Кроме этих решающего значения мест, в дневнике нашлось также письмо приятеля с весьма компрометирующей фразой: "Я просил бы тебя похитить у него Фридерiku, как и где ты только сможешь".

Все приведенные выражения, равно как и добрая сотня других фраз, где встречались слова: похищение, похитить, похитил, – мудрый Кнаррпанти не только подчеркнул красным

карандашом, но и переписал, сведя их воедино, на особый лист бумаги, что имело вид весьма эффектный. Последней работой тайный надворный советник был особенно удовлетворен.

– Взгляните-ка сюда, – сказал Кнаррпантис депутату совета, – взгляните-ка сюда, почтеннейший коллега, ну, разве я был не прав? Этот Перегринус Тис – ужасный, отвратительный человек, прямо-таки настоящий донжуан. Кто знает, где искать теперь всех жертв его похоти, этих несчастных Марианну, Филину и как бы там они ни назывались. Настало крайнее время пресечь его бесчинства, иначе этот опасный человек своими похищениями повергнет в плач и горе весь благословенный град Франкфурт. Какая чудовищная картина преступлений вырисовывается уже по этим его собственным признаниям! Взгляните хотя бы на это место, дражайший коллега, и судите сами, что за ужасные замыслы таит этот Перегринус.

Место дневника, на которое мудрый тайный надворный советник Кнаррпантис обратил внимание депутата совета, гласило: "Сегодня я был, к сожалению, в убийственном настроении". Слова "в убийственном" были трижды подчеркнуты, и Кнаррпантис полагал, что речь здесь идет о человеке с преступными намерениями, который сожалеет, что сегодня ему не удалось совершить убийство.

Депутат вторично высказал свое мнение, что в бумагах господина Перегринуса Тиса все-таки нет ни малейшего намека на какое-нибудь преступление. Кнаррпантис весьма недоверчиво покачал головой, и тогда депутат попросил его еще раз выслушать все те места, которые тот сам выделил как подозрительные, но уже в более точном и полном контексте.

Благосклонный читатель сейчас сам убедится в высокой проникательности Кнаррпантиса.

Депутат открыл компрометирующий дневник и прочел: "Сегодня в двадцатый раз смотрел я Моцартову оперу "Похищение из серала", и все с тем же восторгом. *Есть что-то высокое и прекрасное в этом Похищении.* Далее:

Фиалки, вы милы
Мне все до единой,
Но ту я похитил,
Что краше других.

Далее: "Я похитил у него эту Марианну, эту Филину, эту Миньону, ибо он уж очень погрузился в эти образы, фантазировал о старом арфисте и ссорился с Ярно. Вильгельм Мейстер – не книга для тех, кто только что оправился от тяжелой нервной болезни". Далее: "Похищение Юнгера – отличная комедия.

Я люблю эти похищения, потому что они придают особую жизнь интриге". Далее: "Недостаточно обдуманый план поставил меня в тупик. Юлию во что бы то ни стало должно было похитить, и это действительно случилось, так как я заставил замаскированных людей напасть на нее и утащить во время одинокой прогулки в лесу. Я необычайно радовался этой новой идее, кото-

Адельберт фон Шамиссо, друг писателя. Гравюра Куглера по рисунку Гофмана

рую я развил с достаточной обстоятельностью. Вообще эта трагедия была презабавная пачкотня вдохновенного мальчика, и я жалею, что бросил ее в огонь". Письмо было таково: "Как часто ты видишь Фридрику в обществе, ты, счастливiec! Наверное, Мориц никого не подпускает и завладевает всем ее вниманием. Не будь ты таким робким и таким женоненавистником, я бы просил тебя похитить у него Фридрику, как и где только сможешь".

Кнаррпантi, однако, стоял на своем. Он утверждал, что и контекст ничуть не меняет дела, ибо в том и заключается особливая хитрость преступника: он так затемняет смысл фразы, что на первый взгляд она может показаться совершенно безразличной и даже невинной. В виде особого доказательства такой хитрости глубокомысленный Кнаррпантi обратил внимание депутата на один стих, встретившийся в бумагах Перегринуса, в котором шла речь о постоянных *ухищрениях* судьбы. И немало гордился Кнаррпантi тою пронизательностью, с которой он тотчас же распознал, что слово "похищение" в этом стихе изменено, чтобы отвлечь от него внимание и подозрение.

Совет все-таки не пожелал входить в дальнейшее обсуждение дела об обвиняемом Перегринусе Тисе, и правоведа применили к данному случаю одно выражение, которое уже потому здесь будет уместно привести, что оно чудно выделяется в сказке о повелителе блох, и если главным и существенным украшением сказки является чудесное, то и чудное, как приятный завиток, не следует устранять из нее. Они (то есть правоведа) изрекли, что в обвинительном акте не хватает одного, именно *corpus delicti* *; но мудрый советник Кнаррпантi продолжал твердо стоять на своем, говоря, что плевать ему на *delictum*, иметь бы только в руках самое *corpus* **, ибо *corpus* и есть опаснейший похититель и убийца, господин Перегринус Тис. Издатель просит тех из своих благосклонных читателей, кои незнакомы с юриспруденцией, особенно же каждую из своих прекрасных читательниц, обратиться за разъяснением этого места к какому-нибудь юному правоведа. Сей правоведа тотчас же приосанится и начнет: "В правоведении именуется..." – и т.д.

Достаточным поводом для допроса господина Перегринуса Тиса депутат считал только лишь ночное происшествие, о котором дали показания свидетели.

Перегринус попал в немалое затруднение, когда депутат стал допрашивать его относительно того, как было дело. Он

* Состав преступления (*лат.*).

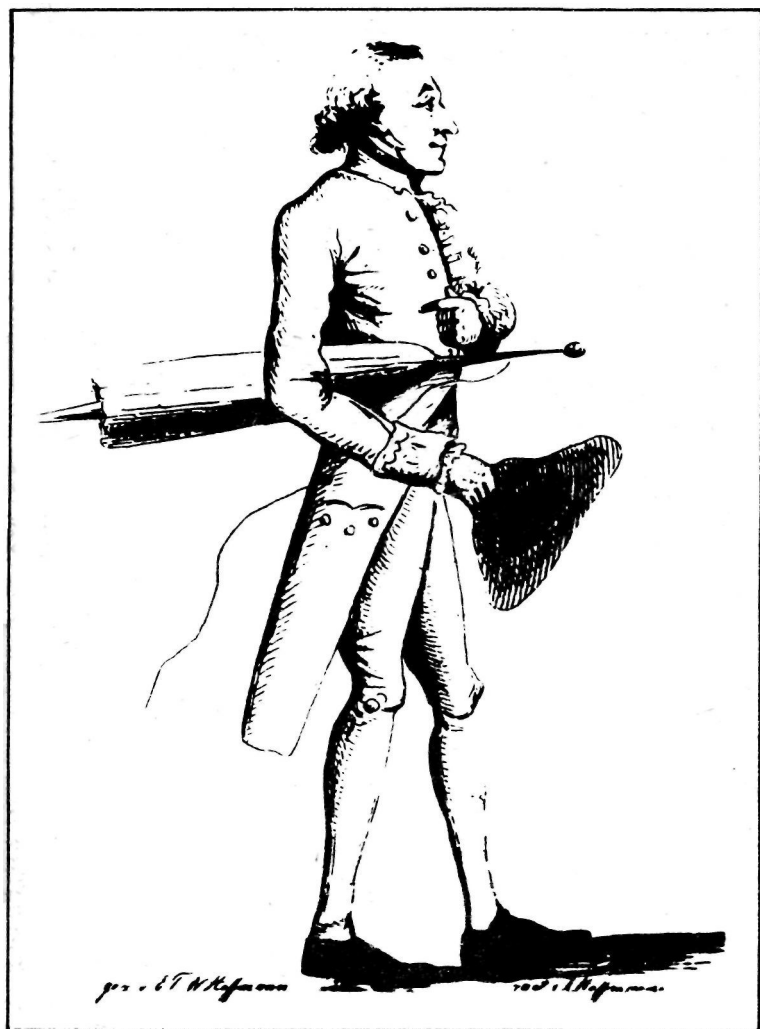
** Игра слов: *corpus* имеет также значение "тело" (*лат.*).

чувствовал, что ежели он ни в чем решительно не отступит от истины, то весь рассказ его именно потому и покажется лживым или по меньшей мере в высшей степени неправдоподобным. Он почел поэтому за самое благоразумное обо всем умолчать и построил свою защиту на том, что, покуда не установлен самый факт преступления, в котором его обвиняют, он не считает нужным давать объяснения по поводу тех или иных происшествий в своей жизни. Это заявление обвиняемого привело Кнаррпант в полный восторг, как подтверждающее все его подозрения.

Он довольно-таки откровенно высказал депутату, что тот не умеет как следует взяться за дело, депутат же был достаточно умен и понял, что если поручить вести допрос самому Кнаррпан-

Карикатура на кругосветное путешествие Шамиссо (нарисована, вероятно, во время заседания апелляционного суда: рисунок выполнен на исписанной мягкой розовой бумаге)

ти, то Перегринусу это не только не повредит, но скорее даже решит все дело в его пользу.

Проницательный Кнаррпанти имел наготове не меньше сотни вопросов, которыми он атаковал Перегринуса и на кото-

Серый человек из "Необычайной истории Петра Шлемля" Шамиссо

рые действительно часто нелегко было ответить. Преимущественно они были направлены на то, чтобы выведать, о чем думал Перегринус как вообще всю свою жизнь, так, в частности, при тех или других обстоятельствах, например при записывании подозрительных шов в свой дневник.

Думание, полагал Кнаррпанти, уже само по себе, как такое, есть опасная операция, а думание опасных людей тем более опасно. Далее задавал он и такие лукавые вопросы, как, например, кто был тот пожилой человек в синем сюртуке и с коротко остриженными волосами, с которым он двадцать четвертого марта прошлого года за обеденным столом договорился о лучшем способе приговления рейнской лососины? Далее: не очевидно ли для него самого, что все таинственные места в его бумагах справедливо возбуждают подозрение, ибо все то, что им было оставлено незаписанным, могло содержать много еще более подозрительных вещей и даже полное сознание в содеянном преступлении?

Такой способ ведения допроса, да и собственная персона тайного советника Кнаррпанти показались Перегринусу столь странными, что его охватило любопытство узнать подлинные мысли этого хитрейшего крючка.

Он щелкнул пальцами, и послушный мастер-блоха мигом вставил в зрачок ему микроскопическое стекло.

Мысли Кнаррпанти гласили приблизительно следующее: "У меня и в мыслях не было, что молодой человек похитил, даже мог похитить нашу принцессу, которая уже несколько лет как удрала с бродячим комедиантом. Но мне нельзя было упускать случай поднять шум для восстановления своей репутации. Мой государь стал проявлять ко мне равнодушие, и при дворе уже называли меня скучным фантазером и даже частенько находили глупым и пошлым, а между тем никто еще не превзошел меня ни умом, ни вкусом, никто не знает, как я, всех тех маленьких услуг, которыми приобретают милость у государя. Не помогал ли я лично княжескому камердинеру при церемонии чистки сапог? И тут как небесный дар свалилась эта история с похищением. Своим донесением о том, что я напал на след бежавшей принцессы, я сразу вернул себе положение, которое было уже потерял. Опять уже находят меня умным, мудрым, ловким, а главное, столь преданным государю, что присваивают мне имя опоры государства, на которой покоится всеобщее благоденствие.

Из этой канители не выйдет ровно ничего, да и не может выйти, так как подлинно случившееся похищение не удастся приписать этому господину, но это не играет никакой роли. Именно поэтому я и помучаю сейчас молодчика таким пере-

крестным допросом, как один только я умею. Ибо чем больше я тут постараюсь, тем выше будет и похвала мне за проявленные мною интерес к делу и ревность ко благу моего государя. Мне бы только добиться, чтобы молодчик растерялся, и выжать из него несколько заносчивых ответов. Тогда я жирно подчеркну их красным карандашом, присовокуплю соответственные примечания и представлю в таком двусмысленном свете нашего молодца, что все только рты разинут. А отсюда подымется дух ненависти, который навлечет на его голову всякие беды и возстановит против него даже таких беспристрастных, спокойных людей, как этот господин депутат. Да здравствует искусство бросать черную тень на самые безобидные вещи! Таким даром наделила меня природа, и в силу его я разделяюсь с моими врагами, а сам продолжаю благоденствовать. Меня потешает, что совет диву дается на мое рвение к раскрытию всей истины, тогда как я думаю только о себе и рассматриваю все дело как средство усилить свое влияние при дворе и получить возможно больше и похвал и денег. Пусть даже ничего из этого не выйдет, и все-таки никто не скажет, что мое усердие пропало даром, а скорее уж найдут, что я был прав, приняв все меры к тому, чтобы помешать этому плуту Перегринусу Тису впоследствии действительно похитить уже похищенную принцессу".

Естественно, что Перегринус, прозрев таким образом мысли великолепного тайного советника, сумел сохранить надлежащее самообладание и, вместо того чтобы растеряться, чего так добивался Кнаррпанти, своими находчивыми ответами посрамил все его остроумие. <...>

Кнаррпанти, правда, настаивал на дальнейшем допросе и зачитал совету весь свой остроумнейший протокол, но это образцовое произведение вызвало общий громкий смех. Вслед за тем совет также постановил предложить господину тайному надворному советнику Кнаррпанти оставить Франкфурт и лично передать своему государю достопримечательнейший протокол всего дела, как достойный результат усердия и как доказательство его проницательности и служебного рвения. Необычайный процесс о похищении стал предметом общих разговоров по всему городу, и Кнаррпанти не мог не обратить внимания, к немалой своей досаде, что при встрече с ним прохожие, в знак своего нескрываемого отвращения, зажимали носы; если же он садился за общий стол в гостинице, его соседи немедленно покидали свои места. Скоро он убрался вон из города. Так пришлось Кнаррпанти со стыдом и срамом очистить то поле битвы, на котором он надеялся пожать лавры.

КАРЛ АВГУСТ ФАРНХАГЕН ФОН ЭНЗЕ

Записки

14 января 1822 г. Советник апелляционного суда господин Гофман должен держать ответ перед министром юстиции за свою готовившуюся публикацию, которая должна называться "Воинственная блоха". <...>

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ПОЛИЦИИ

ФРИДРИХ ФОН ШУКМАН

Письмо прусскому посланнику в бундестаге
графу Августу фон дер Гольцу во Франкфурт-на-Майне
(по черновику фон Кампца)

16 января 1822 г. По имеющимся данным, советник апелляционного суда Гофман переслал для печатания франкфуртскому книжному издательству Вильманса рукопись под названием "Блошиный укус" или "Вооруженная блоха" или под другим похожим названием, в которой содержатся многочисленные публичные выпады против следствия, учиненного по делу демагогических происков, а также руководящих им лиц. Поскольку эта рукопись не только повредит расследованию оных происков, начатых со стороны светлейшего Германского союза, но и противоречит служебным обязанностям советника апелляционного суда Гофмана, тем более что он сам является членом упомянутой комиссии, то отчасти в интересах всего Германского союза, а отчасти для королевской службы необходимо не только срочно обезвредить рукопись до ее выхода в свет, но и принять энергичнейшие меры против ее издания.

Так как промедление в этом деле опасно, я послал доктора права Клиндворта с письменным запросом к франкфуртскому сенату, где содержится ходатайство о том, чтобы как можно скорее конфисковать рукопись и, возможно, отпечатанные листы, а также относящуюся к этому корреспонденцию, передав их упомянутому доктору Клиндворту.

ДИРЕКТОР ПОЛИЦИИ КАРЛ АЛЬБЕРТ ФОН КАМПЦ

Письмо графу Августу фон дер Гольцу

17 января 1822 г. Ваше сиятельство, позвольте мне еще раз покорнейше воспользоваться через доктора Клиндворта Вашей благосклонностью и расположением. Вышеупомянутый направлен его превосходительством господином министром фон Шукманом с письменным запросом к франкфуртскому сенату по чрезвы-

чайно срочному делу, ибо его последствия важны для здешней администрации, которая таким образом выяснит своих неверных слуг, коим демагогические тенденции важнее служебного долга. <...>

Письмо Фридриху Вильмансу

19 января 1822 г. ...В рассказе о странном процессе, который Кнаррпанти возбудил против г-на Перегринуса Тиса, а именно в *пятом приключении*, говорится:

Кнаррпанти подобрал компрометирующие места из бумаг Перегринуса и был очень рад этой подборке; а также далее, а именно в дополнении на полях рукописи:

люди зажимали носы, когда Кнаррпанти проходил мимо, уходили прочь пр.

Оба эти места я вынужден вычеркнуть, потому что по некоторым причинам они могут принести мне большие неприятности. Вот почему я прошу перед тем, как печатать, вычеркнуть эти места; но если паче чаяния оттиски уже сделаны, то я вынужден убедительно просить Вас во избежание неприятностей напечатать новые. <...>

КАРЛ АВГУСТ ФАРНХАГЕН ФОН ЭНЗЕ

Записки

22 января 1822 г. ...Нет сомнений в том, что против книги Гофмана, которая печатается во Франкфурте, Оттерштедт принял инквизиторские меры.

25 января. Доктор Мейер сказал мне, что в четверг восемь дней назад во Франкфурт был послан некий доктор Клиндворт; паспорт ему выписал господин фон Кампц; Оттерштедт был при этом подстрекателем; наверное, это касается конфискации гофмановской рукописи. <...>

ФРИДРИХ ВИЛЬМАНС

Письмо Гофману

22 января 1822 г. 16 января я получил последнюю посылку с рукописью "Повелителя блох" до pag *. 36, которую сразу же переслал типографу, чтоб ускорить дальнейшее печатание, тем более что Вы мне обещали переслать остальное по почте в следующий вторник; поэтому я пропустил один день и не стал из-

* Pagina – страница (лат.).

вещать Вашу честь о получении, сегодня же решил непременно сообщить Вам о приходе упомянутой посылки и исполнить Ваши дальнейшие поручения.

Однако вчера утром меня совершенно неожиданно вызвали в нашу достопочтенную полицию и по запросу министра фон Шукмана, именем прусского королевского правительства, спросили, принял ли я в свое издательство вышеозначенное произведение? Вел ли я с Вами прямые переговоры о нем? Согласен ли я вручить моему высокочтимому правительству отпечатанные листы и то, что находится в рукописи? Вопросы эти были мне непонятны, потому что я не видел в них смысла – во всем напечатанном невозможно обнаружить ничего предосудительного. Чтобы доказать это, я передал высокочтимым властям все напечатанные листы, не напечатанный еще рукописный текст и даже (по собственному усмотрению) Ваши письма для просмотра, дабы они могли убедиться в невинности их содержания, – впрочем, с сохранением всех моих требований и прав. <...>

ЮЛИУС ЭДУАРД ХИТЦИГ

Последний день рождения

Последний день его рождения – 24 января 1822 года – был связан для Гофмана с важными предзнаменованиями. Он мог отметить его (такого не случалось со времен юности) со своим давним другом Гиппелем; из друзей, приобретенных в более позднее время, отсутствовал лишь Контесса, он жил тогда в деревне. Однако подступившая болезнь уже подрезала ему крылья. Он пил минеральную воду, угощая гостей изысканнейшими винами, и если прежде в подобных случаях Гофман неутомимо сновал вокруг стола, подливая вино или оживляя беседу там, где она приостановилась, то в тот раз он весь вечер просидел, будучи неподвижно прикованным к креслу. После ужина Гиппель и Гофман ударились в воспоминания юности; зашел разговор и о смерти. Один из гостей, издатель, должно быть, невольно вставил фразу, смысл которой сводился к шиллеровскому "Пусть жизнь – не высшее из наших благ" *, и тут Гофман возразил ему так резко, как не говорил в течение всего вечера: "Нет, нет, жить, жить, только жить – чего бы это ни стоило!" Было что-то страшное в том, как он произнес эти слова, и позд-

* Шиллер Ф. Мессинская невеста. Пер. Н. Н. Вильмонта. Собр. соч. в 8 томах, т. 5. М.–Л., 1949, с. 284.

нее желание его исполнилось, однако самым жестоким образом.

Ибо с того дня он и в самом деле прожил еще пять месяцев – но чего это ему стоило! <...>

ФРИДРИХВИЛЬМАНС

Письмо Гофману

25 января 1822 г. В связи с последним моим письмом от 22-го числа имею честь ныне сообщить Вам, что действительно получил Ваше письмо с 37–40 pag. рукописи и по долгу службы передал здешнему правительству. Поскольку <...> рукопись, где Вы желали бы вычеркнуть два места, уже находилась в руках здешних властей, я попросил нашего глубокоуважаемого директора полиции в присутствии господина Клиндворта позволить мне вычеркнуть оба эти места, дабы исполнить Ваше желание, – и оба достойных господина охотно согласились на это. Последний сам вычеркнул одно место, а так как другое не смогли найти, то в протокол занесено было, что место сие должно быть вычеркнуто по Вашему указанию и с согласия вышеозначенного ведомства.

Здешний королевский прусский посланник при союзном сейме его превосходительство граф фон Гольцц и уполномоченный доктор Клиндворт официально заявили мне, что в течение двух недель из Берлина придет решение, можно ли печатать рукопись или она будет задержана. До того я не вправе предпринимать никаких шагов ни в защиту произведения, ни против него. <...>

Письмо Фридриху Вильмансу

28 января 1822 г. С нетерпением ожидавшееся мною письмо Вашей милости содержит известие, о котором я уже догадывался. В основе всего этого – подлый шпионаж и сплетни. Недруги мои якобы подслушали в каком-то разговоре, *будто в книге содержатся выдержки из дел комиссии по демагогическим проискам*. Можете себе представить столь невероятную и скверную глупость; непонятно только, почему наше министерство полиции хоть в какой-то мере ей поверило.

Но так как наш "Повелитель" по содержанию своему является безобиднейшим зверьком в мире, не способным вызвать недовольство ни одного государства: ни большого, ни малого, – то давний нелепый слух после просмотра книги должен будет опровергнуть сам себя. Поэтому Вы, Ваша милость, поступили

правильно, передав письма и рукопись Вашему ведомству, ему я достаточно доверяю и думаю, что оно по возможности ускорит дело в Ваших интересах. Неужели кто-то послан был ради этого во Франкфурт? Не могу поверить, ибо это значило бы много визга и *никакой* шерсти. <...>

КАРЛ АВГУСТ ФАРНХАГЕН ФОН ЭНЗЕ

Записки

29 января 1822 г. ...Издатель Вильманс пишет из Франкфурта, что по прибытии доктора Клиндворта ему по распоряжению графа Гольтца велено было передать для просмотра рукопись "История одной блохи" Гофмана; он немедленно с готовностью представил рукопись и по требованию передал также свою переписку с Гофманом; ему сказали, что в течение двух недель сообщат, может ли книга выйти или же она будет задержана. Говорят, будто советник апелляционного суда Гофман стойко воспринял эту новость и весьма нелестно выразился о людях, что-то замышляющих против него; "Пусть все они..." – так он сказал. Похоже, он нисколько не задумывается о том, что может случиться с ним в будущем. <...>

Письмо Фердинанду Дюмлеру

29 января 1822 г. Должно быть, от Хитцига Вы уже знаете, уважаемый друг, какая отвратительная неприятность произошла со мною! "Повелитель блох", то есть готовые листы и рукопись, конфискован во Франкфурте по приказу министра фон Шукмана! Поскольку там нет ни одного nepозволительного слова, конфискация будет, должно быть, вскоре отменена; как пишет мне Вильманс, решение (согласно обещанию нашего посланника графа фон Гольтца) последует в течение двух недель (считая с 25 января). Но вместо 120 фридрихсдоров, которые я должен был получить три недели назад ("Блоха" и еще одна выплата из "Записной книжки на 1823 год"), я не получил ни гроша и опять, хоть мне это неприятно, вынужден просить Вас о помощи. Если средства не позволяют Вам выслать мне двадцать фридрихсдоров, то в данный момент мне помогут и десять фридрихсдоров, ибо я нуждаюсь в деньгах для повседневных нужд. А тут как на грех я уже три недели сильно болен и слаб, так что выезжаю лишь на заседания в теплой карете. <...>

*БУРГОМИСТР ВОЛЬНОГО ГОРОДА ФРАНКФУРТА
ГЕОРГ ФОН ГУАЙТА*

Письмо Шукману

30 января 1822 г. В ответ на уважаемый запрос Вашего превосходительства, господина королевского прусского министра внутренних дел и полиции <...> касательно публикации, которую осуществляет здешний издатель Вильманс, нижеподписавшиеся немедленно дали указание здешней полицейской службе конфисковать у издателя Вильманса рукопись и уже напечатанные листы, а также переписку, относящуюся к делу.

Хотя сомнительное произведение было напечатано за пределами данной территории, мы на второй день сумели устроить так, что рукопись и пробные оттиски, а через день и все издание переданы были здешнему ведомству. <...>

Нижеподписавшиеся тешат себя мыслью, что доказали свою готовность услужить и преданность в ответ на пожелания Вашего превосходительства, господина министра внутренних дел и полиции королевства Пруссия, и присовокупляют заверения в глубочайшем уважении.

ДИРЕКТОР ПОЛИЦИИ ФОН КАМПЦ

Письмо Шукману

31 января 1822 г. Роман "Повелитель блох", переданный для издания советником апелляционного суда Гофманом книжному магазину Вильманса, не столько изображение взаимосвязанных, законченных событий, сколько лишь средство показа и высмеивания весьма разнородных предметов.

Среди сих предметов нашли свое место и расследования демагогических происков.

Поводом для этого автору служит эпизод в четвертом приключении, а именно слухи о похищении девушки. <...>

В пятом приключении он ближе подходит к предмету, причем в завуалированной форме подробно распространяется насчет имевшего место следствия против доктора Мюленфельса. Непосредственная следственная комиссия изображена под видом депутата совета, министерская же комиссия, по крайней мере ее ответственный референт, – в лице тайного советника Кнаррпанти, сам же господин Гофман – следователем, и притом в исключительно выгодном для себя свете, тогда как министерская комиссия и тайный советник – в свете тем более невыгодном. После того как высмеян имевший место процесс и весьма сочувственно описано поведение Мюленфельса, автор ... вводит в роман Повелителя блох, вокруг которого вращается все

действие, с его магическим стеклом. Через оное он смотрит в душу тайного советника Кнаррпанти, открывает в ней весьма позорные и подлые мотивы, приводимые на стр. 27.

Весь контекст недвусмысленно свидетельствует, что советник апелляционного суда Гофман имел при этом в виду лишь вышеупомянутое следствие и связанных с ним лиц; это подтверждает, кстати, и то обстоятельство, что места, изъятые со стр. 26 рукописи (только вместо "свобода" здесь говорится "похищение"), отчасти по смыслу, а отчасти дословно заимствованы из конфискованных бумаг. Особенно место, изъятое со стр. 26, строки 22-я и 23-я: *"Сегодня я был, к сожалению, в убийственном настроении!"* – буквально заимствованы из дневника Асверуса.

Сам Гофман столь явно обнаружил свои намерения благодаря высказываниям, которые он и его близкие друзья довольно неосмотрительно позволяли себе касательно тенденции данного произведения; высказывания эти стали поводом для направления во Франкфурт доктора Клиндворта, впрочем, окончательно снимает сомнения прилагаемое письмо Гофмана к издателю от 19-го числа сего месяца, в котором он просит последнего изменить два места в рукописи, ибо в силу ряда обстоятельств они могут принести большие неприятности, при этом он называет данные изменения "важными", считая их настолько важными, что, даже если оттиски уже сделаны, "убедительно просит" издателя "напечатать новые".

Отсюда явствует, что советник апелляционного суда Гофман:

1) имел намерение и – насколько это было в его силах – достиг публичного высмеивания предписания, учрежденного Его королевским величеством, к участию в котором сам он был допущен по высочайшему доверию; сие предписание он представил как орудие низких личных мотивов и с таких позиций изобразил руководство данным делом, порученное министерской комиссии, а также

2) использовал для этого выдержки из документов, доверенных ему лишь в служебном порядке, ход самого судебного процесса, предписания министерской комиссии, а также, наконец,

3) изобразил члена министерской комиссии как чиновника, не соответствующего своим обязанностям и заслуживающего наказания.

Исходя из вышесказанного, упомянутому Гофману вменяется в вину:

1) нарушение надлежащей верности и почтения к Его величеству и вышестоящим начальникам,

2) разглашение служебной тайны и

3) публичное, грубое дискредитирование государственного чиновника в связи с исполняемой им службой.

*МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ПОЛИЦИИ ФОН ШУКМАН**Письмо государственному канцлеру князю Карлу фон Гарденбергу**(подготовлено фон Кампцем)*

4 февраля 1822 г. ...Поскольку советник апелляционного суда Гофман является не просто государственным служащим, но и членом Непосредственной следственной комиссии, он не только в высшей степени нарушил надлежащее почтение и верность Его величеству королю, пытаясь представить в смешном виде и скомпрометировать, в конечном же счете сделать предметом злобной сатиры и клеветы те высочайшие предписания, которые сам он обязан был исполнять. К сему проступку присовокупил он также нарушение верности служебному долгу, предание нежелательной гласности документов и официальных бумаг, в связи с чем проявил себя как позабывший честь, в высшей степени неблагоденный и даже опасный государственный чиновник.

Сам он, должно быть, почувствовал это и, вероятно, будучи оповещенным, что наказуемое содержание его пасквиля уже известно, в прилагаемом оригинале письма от 19-го числа прошлого месяца издалеку Вильмансу, которое последний передал вместе с рукописью, аннулировал печатание особо клеветнических мест.

Если с данным проступком советника апелляционного суда Гофмана соотнести прежнее его поведение в следственной комиссии, к примеру его решения, противоречащие документам, в следствии по делу доктора Рёдигера, равно как и его решения по делу фон Мюленфельса; если также принять во внимание то, как вел он себя раньше, еще будучи государственным советником в Познани, где создал пасквиль на целую коллегия, членом коей состоял; если присовокупить сюда также его писательскую деятельность, то едва ли останется место сомнениям, не является ли сей человек недостойным в служебном и моральном отношении.

Посему в любом случае, как по причине здешних происков, так и чтобы лишний раз указать государственным служащим, что Его величество требует от оных сообразной с долгом верности, почтения, честных убеждений и достоинства, необходимым и оправданным является не только скорейшее удаление советника апелляционного суда Гофмана из Непосредственной следственной комиссии, но и лишение его службы и возможности проживания здесь; вообще следует поставить его в такие условия, в коих он даже при легкомыслии своем, тщеславии, графомании и корыстолюбии не мог бы использоваться лицами,

руководствующимися недостойными принципами, в качестве средства компрометации общественных авторитетов. Небольшая толика уважения, коей он до сих пор пользовался в обществе, в результате данного инцидента, который уже широко известен и получит еще большую известность, притом по его собственной вине, и без того безнадежно утеряна.

Однако как бы, по собственному моему убеждению, ни были в данном случае морально и юридически обоснованы официальное следствие и последующее наказание, учитывая прежние высказывания апелляционного суда по таким делам, я весьма сомневаюсь в успехе подобного процесса. И напротив, наглядным предостережением против подобных поступков другим было бы высочайшее решение Его величества о переводе упомянутого Гофмана с необходимым порицанием из столичного суда в отдаленную провинцию, например в Инстербург, поручив его там строгому надзору надежного председателя Хойолла, ибо мера сия имеет под собой достаточные основания при невыполнении служебных обязанностей, предписанных в ч. III, разд. III, § 4, 5 и 18 судебного уложения. <...>

КАРЛ АВГУСТ ФАРНХАГЕН ФОН ЭНЗЕ

Записки

8 февраля 1822 г. Господин фон Шукман доложил королю о сочинении Гофмана, о том, что Гофман уронил честь чиновника etc., доложил также, что следствие со стороны апелляционного суда при тех настроениях, которые господствуют в нем, невозможно и бесполезно, посему он ходатайствует, чтобы приказом по кабинету Гофману запретили писать и перевели его в Инстербург, передав под особый надзор председателя. Между тем Гофман по совету друзей написал канцлеру, прося, чтобы его книга была рассмотрена высшим цензурным органом. Его старый друг, господин президент фон Гиппель, все еще находящийся здесь, склонил на сторону Гофмана генерала господина фон Витцлебена и советника кабинета господина Альбрехта. Впрочем, Гофман сильно болен и уверен, что ему вообще нечего бояться. <...>

9 февраля. ...Государственный советник господин Гуфеланд в моем присутствии весьма резко высказался по поводу нелепого преследования книги Гофмана; жаль, что ее нельзя будет вовсе прочесть или только в искаженном виде; правительство лишь позорит себя актами произвола по отношению к уважаемому человеку и писателю. <...> Советник апелляционного суда Гофман смертельно болен; его дело вызвало всеобщее возбуждение, у него есть деятельнейшие друзья.

*Письмо князю Карлу фон Гарденбергу
(с двумя письмами Вильманса Гофману)*

8 февраля 1822 г. В прилагаемых письмах книгоиздатель Вильманс из Франкфурга-на-Майне сообщает мне, что рукопись моего маленького юмористического романа, издание которого взял на себя господин Вильманс, конфискована у него вместе с отпечатанными листами по запросу королевского прусского правительства.

Мера сия тем более удивляет меня, что, по искреннему моему убеждению, во всей рукописи нет ничего такого, что могло бы казаться предосудительным самой строгой и осмотрительной цензуре. Мера сия, принятая без какой бы то ни было причины, ставит меня в весьма затруднительное положение, и, будучи тяжело больным, не вижу иного выхода, кроме как обратиться непосредственно к Вашей великокняжеской светлости с настоятельнейшей и покорнейшей просьбой всемилостивейше повелеть представить Вам рукопись, которую, как мне известно, выслали в Берлин, дабы, высочайше убедившись в полной безобидности содержания, приказать отправить ее вновь издателю Вильмансу во Франкфурт. <...>

КОРОЛЬ ФРИДРИХ ВИЛЬГЕЛЬМ III

Письмо министру юстиции Фридриху Леопольду фон Кирхэйзену

7 февраля 1822 г. Высочайше поручаю Вам приказать председателю апелляционного суда Вольдерману немедленно допросить советника апелляционного суда Гофмана на предмет того, составлял ли он прилагаемую в заверенной копии выписку из рукописи "Повелителя блох" и призван ли предназначение ее для печати, а также подтверждает ли, что действительно сам написал прилагаемое письмо от 19-го числа прошлого месяца, представленное книгоиздателем Вильмансом во Франкфурте-на-Майне.

Вы должны также приказать допросить его о том, его ли перу принадлежит содержание прилагаемого печатного листа pag. 113–128 с продолжением на p. 129.

Для полного представления о данном деле передаю Вам также копии слушания, записанного во Франкфурте-на-Майне 21-го, 22-го и 24-го.

Обязываю Вас представить мне протокол допроса в течение 24-х часов.

ДОКТОР МЕДИЦИНЫ ГЕНРИХ МЕЙЕР

Врачебное заключение

8 февраля 1822 г. Советник апелляционного суда господин Гофман в течение нескольких недель чувствовал недомогание и две последние недели сильно болен. Сейчас он жалуется на боли в области предсердия и сильный жар, посему вчера пришлось дважды делать ему кровопускание. Любое скольконибудь значительное переживание может стать для него опасным. По запросу подтверждаю это в соответствии с истиной и моим долгом.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАНЦЛЕР КНЯЗЬ

КАРЛ ФОН ГАРДЕНБЕРГ

Письмо Кирхэйзену

15 февраля 1822 г. Его величество король изволили передать мне Ваше непосредственное донесение от 9-го сего месяца касательно допроса советника апелляционного суда Гофмана. Если согласно его содержанию и ввиду засвидетельствованной болезни последнего следует пока воздержаться от допроса, то все же, отвечая на Ваше любезное письмо от указанного дня, покорнейше прошу Вас проследить, чтобы допрос был проведен как можно скорее согласно Высочайшему приказу Его величества, самолично уделяющего этому делу огромное внимание.

КАРЛ АВГУСТ ФАРНХАГЕН ФОН ЭНЗЕ

Записки

14 февраля 1822 г. ...Доктор Шлейермахер вполне недвусмысленно заметил, что, если приказом по кабинету советник апелляционного суда Гофман будет уволен, весь апелляционный суд вынужден будет подать в отставку; если же суд этого не сделает и будет отмачиваться, то он по крайней мере в любом случае отвергнет такой суд и откажется быть ему подсудным. <...>

17 февраля. Один майор из Померании сказал: весьма плохо то, что арсеналы ополчения, которые вовсе не охраняются, при малейшей возможности могут сразу дать в руки народа так много оружия. Общественное мнение все время энергично высказывается по делу Гофмана, хотя это энергия отрицания, неодобрения, а не активного неприятия. В известном обществен-

ном классе либерализм стал чем-то вроде хороших манер, приличий и всячески избегает соприкосновения со своей противоположностью! <...>

*Протокол допроса Гофмана
председателем апелляционного суда Вольдерманом*

22 февраля 1822 г. Доктор Мейер известил означенного председателя, что советник апелляционного суда поправился настолько, что может ответить на некоторые вопросы.

Господин советник лежал в постели и был очень слаб, но находился в полном присутствии духа и изъявил готовность ответить на поставленные вопросы.

1-й вопрос. Он ли составил прилагаемую в заверенной копии выписку из рукописи под названием "Повелитель блох" и признает ли, что предназначал ее для печати?

Ответ. Я признаю верной прилагаемую в заверенной копии выписку из созданной мною рукописи под названием "Повелитель блох", которая предназначалась для печати. Я не настаиваю на том, чтобы зачитывать ее.

Господину советнику апелляционного суда был также предложен подлинник, переданный министерством внутренних дел и написанный его (Гофмана) знакомым почерком, который он также признал своим.

2-й вопрос. Признает ли он, что действительно сам написал прилагаемое письмо от 19-го числа прошлого месяца, переданное издателем Вильмансом?

Ответ. Да, я признаю, что сам написал это письмо издателю Вильмансу.

3-й вопрос. Его ли перу принадлежит содержание прилагаемого печатного листа pag. 113–128 с продолжением на pag. 129?

Ответ. Да, я признаю, что подавал рукопись предложенных мне напечатанных и рукописных страниц от pag. 113 до 129.

После того, как эти ответы были записаны, советник апелляционного суда господин Гофман сказал:

По заданным мне вопросам я должен заключить, что рукопись, сочиненная мною, возбудила подозрение в злонамеренности. Но я сознаю себя совершенно свободным от любого предосудительного намерения и в состоянии оправдаться на этот счет, а также по поводу содержания моего письма от 19 января сего года настолько, что не должно остаться ни малейшего подозрения; поэтому я прошу:

разрешить мне дать особое письменное объяснение и приложить таковое к данному протоколу для высочайшего про-

смотра. Я обязуюсь передать это объяснение завтра утром и прошу реферндария Геккера принять таковое завтра утром, потому что продиктовать его сегодня было бы для меня слишком утомительно.

После прочтения советник апелляционного суда господин Гофман согласился с протоколом и подписал его.

Оправдательная речь Гофмана

23 февраля 1822 г. Как я уже заявил вчера во время допроса, вопросы, заданные мне, сделали для меня совершенно ясным, что только процесс, описанный в моей сказке под названием "Повелитель блох", где герой предстает перед судом по обвинению в похищении женщины, возбудил подозрение в какой-то скрытой побочной цели.

Чтобы отвести это подозрение, да будет мне дозволено с писательской точки зрения показать, как само собою, будучи частью единого целого, развивается все так называемое приключение, куда входит тот самый процесс, из всей ткани повествования и характеристики действующих лиц, добавив, что в нем нет ни единого слова, которое не способствовало бы прояснению характеристики целого произведения.

Уже это говорит о том, что автор не имел никакой иной цели, кроме желания более живо и ясно представить читателю саму сказку и ее действующих лиц при помощи данного приключения.

Герой произведения, именуемый Перегринусом Тисом, — это почти по-детски наивный, очень застенчивый человек, избегающий женщин, однако случилось так, что именно на него пало подозрение в похищении. Контраст внутреннего душевного настроения с жизненной ситуацией является основой комического, которое должно преобладать в сказке, и я полагал, что этот замысел, возникший на основе проверенных теорий, следует считать удачным (смотри "Историю комического" Флэгеля).

Появляется слух о том, будто Тис похитил со званого вечера девушку; все, бывшие на вечере, подтверждают это, но никто не может уточнить, какая именно девушка была похищена. Это, я полагаю, является верной характеристикой любого слуха. Но поскольку на самом деле никакую девушку не похищали, процесс был бы лишен всякого интереса и, не ставя Тиса в запутанные ситуации, отпал бы сам собою. Поэтому надо было противопоставить Тису еще одного мучителя, который пытается загнать его во всевозможные ловушки. Чтобы возбудить интерес и остаться верным комическому духу всего произведения,

этот герой должен быть изображен как человек ограниченного ума, начиненный самыми нелепыми предрассудками, до смешного себялюбивым. Ему следовало придать также некоторый оттенок исключительно фантастической манеры мыслить и действовать.

Так возникла карикатура, которую я вывел под именем Кнаррпанти и которая извинительна лишь в перипетиях, допускаемых писателем в сказке, граничащей со сферой неукротимого юмора. Напрасно было бы искать ее оригинал на этой земле.

В связи с фантастической тенденцией этого персонажа было вполне уместно изобразить его правой рукой маленького, крошечного правителя, милости которого он лишился и, стремясь вновь заслужить ее, цепляется за любой вздор, как это описано в сказке. Такие жалкие приспешники в последние годы прошедшего столетия во множестве слонялись по южной Германии, и Коцебу изобразил одного из них в образе господина фон Фолькенау в своих "Несчастных". Поэтому данный характер как раз и подходил для того, чтобы создать яркий контраст умному и спокойному депутату Франкфуртского совета. Более того, Кнаррпанти должен был в ущерб себе вступить в конфликт с чистосердечным Тисом. Это можно было как нельзя лучше и совершенно естественно сделать, используя основную мысль всей сказки – дав Тису поглядеть на него сквозь волшебное стекло, разгадать его сокровенные мысли, в соответствии с ними ответить на нелепые вопросы и тем самым привести его в величайшее замешательство.

Замечу, что я использовал такую возможность для того, чтобы, как это неволью получилось, раскрыть две самые большие криминалистические ошибки; во-первых, когда следователь, не выяснив состава действительно совершенного преступления, проводит расследование наобум; во-вторых, если в душе у него утвердилось предвзятое мнение, от которого он не хочет отказаться и которое служит ему единственным руководящим принципом в делопроизводстве. Возникает вопрос о том, каким образом я додумался ввести эту юридическую казуистику в свою сказку? На это смогу ответить лишь, что каждый писатель не только не перестает быть представителем своей профессии, но наслаждается, описывая ее.

У старика Рабенера юрист чувствуетея на каждой странице, юморист Гиппель (председатель городского совета и директор уголовной полиции в Кёнигсберге) весьма охотно пускается в юридические объяснения, да и новая знаменитость, Вальтер Скотт, один из первых чиновников-правоведов в Эдинбурге, почти в каждом своем романе имеет дело с судебными процессами.

И сам я во многих своих произведениях, например в "Эликсирах сатаны" и "Ночных рассказах", делал предметом повествования и изображения судебные процессы; тем более не должно удивлять это в данной сказке.

После подобного объяснения, как мне кажется, становится очевидным, что обсуждаемый отрывок в сказке преследовал одну лишь цель: более живо изобразить основную мысль, доставив одновременно удовольствие читателю, ценящему смех. К этому следует добавить, что во всем приключении не стоило бы искать ни единого слога, ни едва заметного намека, могущих навести читателя на мысль о поисках какого-нибудь иного контекста.

Хотя я об этом и не думал, но допускаю, что возможны иные толкования, что предвзятое мнение может счесть подобные толкования даже убедительными; однако какой же упрек можно отнести к писателю, исходящему лишь из собственного поэтического мира, вбирающего все в этот мир и черпающего из него, уверенного, что совесть его чиста от любого злого умысла, но помимо воли своей все же возбуждающего подозрение, *против* которого, впрочем, при ближайшем рассмотрении говорят куда более веские доводы, чем за него.

Писателю, имеющему дело с юмором, должна быть предоставлена свобода легко и вольно перемещаться в своем фантастическом мире. Неужели обязан он, словно прокрустовым ложем, стеснять себя тысячами оговорок, мучительных сомнений насчет того, как могут быть превратно истолкованы его мысли? Как сможет он тогда писать остроумно, увлекательно, завоевывая сердца и души читателей? Как часто, однако, нелепейшим образом и превратно истолковывались произведения писателя, возникшие из самых высоких побуждений. Да будет мне дозволено привести в заключение пример подобного превратного толкования.

Знаменитый Гёльти, как известно, в ранней молодости писал стихи на случай. Один из друзей как-то попросил его сочинить свадебное стихотворение, не назвав имен жениха и невесты. Тогда как раз после долгой зимы наступили первые весенние дни, и Гёльти использовал это, вставив в стихотворение всевозможные аллегории, связанные с уходящей зимой и начинающейся весной. Как же удивлен был поэт, когда некоторое время спустя получил письмо от негодующего жениха, который угрожал ему судом, считая себя оскорбленным. Тогда выяснилось, что жениха звали Винтер, а невесту Фрюлинг * (см. "Жизнь Гёльти").

* "Winter" по-немецки означает "зима", „Frühling" – "весна".

2. Что же касается достоверности моего письма издателю Вильмансу от 19 января сего года, то в том, что я намерен был вычеркнуть некоторые места из рукописи, усматривают, должно быть, сознание собственной небезупречности. Во-первых, должен заметить, что желание вычеркнуть отдельные места никоим образом не связано с предписанной конфискацией произведения. Я написал указанное письмо 19 января и лишь 28 января из письма издателя узнал о конфискации моего сочинения, последовавшей 22 января. Если бы я заранее мог догадываться об этом, то, конечно же, не послал бы в письме от 19 января оставшуюся часть рукописи.

Следует, однако, сказать, как возникло желание вычеркнуть упомянутые места.

Дело заключается в следующем:

Если не ошибаюсь, 18 января в обеденное время на Унтерден-Линден, неподалеку от магазина Дюмлера, мне повстречался молодой человек из тех, кто разговаривает со мною в обществе, но имени которого, как это нередко бывает, я не знаю. Он крикнул мне: "Ну, скоро мы получим Вашу новую сказку с судебным процессом, где встречаются столь милые портреты?"

У меня сразу стало тяжело на душе, и вот почему. С любимым юмористическим писателем, например с Рабенером, Гаманом, Лихтенбергом, Кестнером, да и с нынешним Жаном Полем Фридрихом Рихтером, случалось так, что люди пытались приписать образам, которые были всего лишь плодом их фантазии, живые прототипы, вовсе не знакомые писателям. И со мною так часто бывало, и я переживал подобные неприятности: ко мне вдруг начинали проявлять враждебность люди, коим деятельные клеветники успели внушить, будто я изобразил их в своих юмористических произведениях; на сей счет я мог бы привести самые невероятные примеры, но это заведет нас слишком далеко. Поэтому мне было в высшей степени неприятно, что заранее уже болтали разное о произведении, о котором бог весте как разузнали. Уже тогда во мне поселилась тяжелая болезнь, позднее одолевшая меня, и это лишь усилило досаду и сомнения.

Бессонной ночью я припомнил весь описываемый процесс, размышляя, нельзя ли найти в нем намек на какую-нибудь известную личность.

Мне пришло в голову, что при описании надворного советника я вроде бы пользовался словом *подборка*; одновременно я вспомнил, что мой бывший старший коллега любил употреблять его, так что мы с одним молодым сослуживцем в шутку называли его подборщиком. И тут я подумал, что какой-нибудь

сплетник-недоброжелатель, коих, увы, немало, сможет убедить его, будто изображен здесь именно он, и сделать его в результате моим заклятым врагом.

Теперь я сознаю, что подобные сомнения могли возникнуть лишь в больном сознании, ибо, если бы тот коллега и прочел мое произведение, он, как любой разумный человек, ничуть не смог бы себя узнать в созданной мною карикатуре и любое подозрение против меня неизбежно должно было бы исчезнуть.

Подобные сомнения, да и все письмо, были лишь призраком больного духа – ведь одно из мест в рукописи, о котором я думал как о существующем, не обнаружилось, что следует из письма Вильманса от 25 января.

Со вторым местом ("люди зажимали носы" и так далее) связано совсем иное обстоятельство. Сие место показалось мне небрежным и излишним; его я, как докажет изучение, лишь позднее добавил на полях рукописи. К тому же рецензенты могли обвинить меня в плагиате: нечто похожее, точнее, весьма сходное, встречается в "Перигрине Пикле", где Пайпс из отвращения и гадливости к художнику Пелиту затыкает нос ("Приключения Перигрина Пикля", т. III, с. 59). Вот причины, по которым я желал вычеркнуть и это место. И если я говорю, что оба места могли бы доставить мне неприятность, то это не столь важно в сравнении с тем, как важно было мне вычеркнуть указанные места из рукописи; однако издатели очень неохотно соглашались на подобную правку в рукописях, сданных в печать, тем более если их приходится набирать заново. Из моего письма к Вильмансу явствует, что я полагал страницы эти уже набранными и, следовательно, нуждающимися в перепечатке. Оба письма моего издателя, на которых я при этом основывался, переданы мною господину князю государственному канцлеру, и они, я полагаю, присвокуплены к делу.

Еще раз уверяю, что в замысле и воплощении того исключительно гротескного, совершенно необычного приключения у меня не было ни малейшего злого намерения и совесть моя чиста. Я вольно следовал полету моей фантазии, развивавшейся в соответствии с законами сказки, с ситуациями и характерами, что в ней встречаются, не думая о прочих вещах, находящихся за пределами фантастического мира.

Я прошу не упускать из виду то обстоятельство, что речь здесь идет не о сатирическом произведении, темой которого является, скажем, мировая торговля и современные события, а о фантастическом создании писателя-юмориста, который словно в фокусирующем зеркале отражает образы реальной жизни, но лишь в юмористических абстракциях. С такой точки зрения мое произведение предстает в самом недвусмысленном

свете, и можно убедиться в том, что в нем должно быть и что имеется на самом деле. Тогда с меня будут сняты все подозрения, глубоко и больно затронувшие меня. Сия надежда, питаемая мною – полагаю, с серьезнейшим на то правом, – дает утешение и силу, необходимые для того, чтобы пережить мучительнейшие дни моей жизни.

Больше, думается, мне нечего сказать для своего полного и окончательного оправдания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ АПЕЛЛЯЦИОННОГО СУДА ВОЛЬДЕРМАН

Письмо Кирхэйзену

23 февраля 1822 г. При сем прилагаю для Вашего превосходительства приказ, отданный Его королевским величеством по поводу допроса советника апелляционного суда Гофмана, после того как он поправится настолько, что его можно будет допросить с разрешения врача.

Гофман просил также дозволить ему присовокупить к делу продиктованное им разъяснение своих ответов, которое я по долгу службы также прилагаю здесь.

Из ежегодных кондуитных списков Вашему превосходительству известно, однако я считаю своим долгом повторить:

что советник апелляционного суда Гофман отличался превосходными, солидными трудами в наиболее важных уголовных делах, а также серьезностью и достойным поведением в служебных действиях, никоим образом не проявляя здесь своего таланта комического писателя. <...>

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ПОЛИЦИИ ФОН ШУКМАН

Письмо Гарденбергу

(подготовлено фон Кампцем)

1 марта 1822 г. В дополнение к предыдущему письму имею честь покорнейше представить Вашей светлости заверенную копию того места из дневника студента Асверуса, которое советник апелляционного суда Гофман использовал в своем пасквильном сочинении "Повелитель блох", да еще с пометой, будто в оригинале, как указано сие в "Повелителе блох", место "в убийственном настроении" дважды подчеркнуто красным. Тем самым подтверждается связь указанного сочинения с пред-

варительным следствием, которое Гофман вел по Высочайшему приказу Его величества короля, а стало быть, явно и недвусмысленно наличествует тенденция к нарушению служебного долга. Следовательно, я вправе и даже должен еще более настойчиво повторить свою точку зрения, высказанную четвертого дня прошлого месяца: все наши усилия пресечь среди государственных служащих тенденции, не совместимые с чувством долга, сохранить у них принципы и убеждения, соответствующие служебному уставу, будут совершенно напрасными, даже наказание более мелких проступков такого рода вряд ли будет совместимо со справедливостью, коли столь явное нарушение верности служебному долгу и разглашение служебной тайны, а также выраженное тем самым сочувствие демагогам безнаказанно сойдет с рук человеку, которому поручено было следствие против демагогов и который оказался способен в такой мере не оправдать оказанное ему Высочайшее доверие, сделав общее направление и отдельные части данного следствия предметом гнусного пасквиля.

От Вашей светлости не ускользнул тот факт, что действия советника апелляционного суда Гофмана стали предметом общего внимания не только в Берлине, но – благодаря газетам – уже повсеместно, а посему лишь серьезность и сила Вашего решения могут воспрепятствовать тому, чтоб не дать повода триумфу гофмановских единомышленников.

Письмо Юлиусу Эдуарду Хитцигу

1 марта 1822 г. Вчера я до конца продиктовал сказку, а сегодня во второй половине дня после ванны вношу исправления. К завтрашнему полудню Б. хочет начисто переписать рукопись, чтобы ее еще завтра вечером можно было послать конной почтой во Франкфурт.

Но теперь я смертельно боюсь, что в финале, быть может, заметят слабость больного автора; и в этом случае лучше было бы все отложить. Да и внимательное прочтение *Mundi* * – выше моих сил. Дорогой друг, Вы – единственный, к кому я могу обратиться. Подарите мне завтра после обеда часик Вашего поистине драгоценного времени, чтобы просмотреть рукопись. Не покидайте меня на этот раз в скверном затруднении.

Я все еще слаб и плох. Еще раз прошу, не покиньте меня.

* Рукописи (лат.).

Невыразимые страдания

Умоляющий призыв к Хитцигу не покидать его звучит как отчаянный крик умирающего о помощи. И все-таки несколько месяцев до смерти Гофман продержался с великолепным спокойствием, даже с юмором: это был последний триумф храброго духа над муками болезни и унижениями извне. Точный диагноз

болезни с точки зрения современной медицины вряд ли возможен, поскольку свидетельства Хитцига, да и самого Гофмана чересчур неопределенны. Ясно только, что приведенное Хитцигом название "Tabes dorsalis" * нельзя понимать в том смысле, какой вкладывается теперь в этот термин, и что, возможно, следует вообще исключить заболевание спинного мозга. "Ревматические боли" и "горячка", которыми в январе началась последняя болезнь, были связаны с невритом. Затем к ним присовокупились возрастающие явления парализации, которые и привели к смерти, не повлияв, однако, на духовную деятельность. Не исключается детский спинальный паралич или одна из форм полиневрита, то есть одновременное заболевание многих нервов.

26 марта Гофман еще смог собственной рукой написать свое завещание. Этот трогательный документ, в котором оба супруга обоюдно назначают друг друга наследниками, выдает глубокое чувство благодарности, которое испытывал писатель к верной спутнице своей жизни: Миша, самоотверженная поляка, всегда разделяла его судьбу. Именно в ту трудную весну 1822 года она, не жалея сил, ухаживала за мужем, заботилась о нем. "Миша совсем извелась!" – гласит одна из последних, уже продиктованных заметок Гофмана в записной книжке.

После его смерти женщине, только что перенесшей тяжелую утрату, пришлось отказаться от наследства, поскольку скопились немалые долги – всего более 2300 рейхсталеров. Гофман, до самого конца, очевидно, полагавший, что смерть не столь уж близка, не приобрел для нее места в пенсионной кассе. Ходатайство прусскому правительству о поддержке, на которую она могла претендовать как вдова советника апелляционного суда, по понятным причинам отклонено было министром внут-

Гравюра на дереве неизвестного художника, 1820 год

* Сухотка спинного мозга (лат.).

ренных дел. После унижительной распродажи имущества с аукциона, где Хитциг сумел приобрести лишь отдельные мелочи и рукописи, Миша, ведя очень скромное существование, прожила еще тридцать семь лет. Она жила в Познани, Дейч-Острове, Бреслау и умерла на силезском курорте Вармбрунне в возрасте восьмидесяти одного года – в то время, когда в далеком Париже уже с успехом играли пьесу Мишеля Карре и Жюля Барбье "Les Contes d'Hoffmann" *.

Вместе с Мишей у постели полностью парализованного Гофмана постоянно находились друзья: Девриент, Гиппель, Хитциг. 8 апреля, в пасхальный понедельник, его в последний раз посетил Фуке. Спустя шесть дней произошло одно из самых прискорбных событий этих горьких дней: окончился срок служебного пребывания в столице Гиппеля, верного друга со времен ранней юности; он обязан был вернуться в Мариенвердер, где служил тогда президентом западнопрусского окружного управления. Этот суховатый по натуре чиновник позже так описал в письме к Хитцигу час прощания, что легко можно догадаться, как много значили эти мгновения для умирающего.

Назло всем приступам болезни Гофман почти до последнего дня продолжал работать с поразительным упорством. Он завершил рассказ "Мастер Иоганн Вахт" и начал писать новеллу о Дюрере "Враг". В первой половине апреля продиктовано было "Угловое окно", "самый прекрасный очерк на немецком языке", как назвал его столетие спустя Эгон Эрвин Киш.

С одной стороны, "Кот Мурр" и планировавшийся "Тимоус Шнельпфефер" открывали Гофману путь к большим романам, с другой же стороны, в "Угловом окне" он за несколько недель до смерти делает решительный шаг вперед в восприятии принципов художественного творчества и сущности искусства. Творчески продолжая "манеру Калло" и "серапионовский принцип", большой писатель как бы делает пеструю сутолоку Жандармского рынка в Берлине мерой поэтической фантазии. Все истории, которые выдумывает сочинитель-кузен, – вымысел, но главное то, что они возможны; поэтическая фантазия всегда должна ориентироваться на действительность. Гофман оставляет здесь далеко позади теорию романтизма. Называются имена Калло и Ходовецкого, с которыми он ощущал постоянную связь и которые предстают как главные проводники идеи искусства, ориентированного на действительность.

* "Сказки Гофмана" (франц.).

Обращение к неугомонной жизни тем более трогательно, что происходит оно перед самой смертью писателя. Хотя рынок, пребывающий в постоянном движении, в финале символизирует переходящий характер земной жизни, произведение это, являющееся как бы завещанием писателя, согрето удивительным, трогательным юмором.

Смерть помешала Гофману, которому исполнилось всего сорок шесть лет, сделать окончательные выводы из новой своей эстетической программы; не смог он осуществить и планы создания крупных эпических произведений. Жизнь его так и

"Десять Три! Четыре! Пять!" В погребке Люттера и Вегнера 26 мая 1819 года

Meister Floh.

Ein

Mährchen in sieben Abentheuern

zweier Freunde.

Von

E. T. A. Hoffmann.

Frankfurt am Mayn

bei Friedrich Wilman's.

1822.

осталась во многом незавершенной. Но вплоть до самой смерти писателю был чужд покой.

О последних его днях подробно рассказал Хитциг, первый биограф Гофмана. Несмотря на тяжелейшие страдания, которые приходилось выносить писателю, он противопоставил последнему натиску болезни юмор и стойкое мужество. Кстати, свое художественное выражение это нашло в анекдоте "Наивность", продиктованном примерно за две недели до смерти.

В начале июня Гофман предпринял даже "грустную поездку" в нанятой карете: впечатления от зеленеющего Тиргартена вдохновили его на эссе "Выздоровление", которое он отправил для публикации издателю "Цушауэр" Симански за пять дней до кончины.

25 июня около половины одиннадцатого утра больной писатель испустил последний вздох. Через три дня останки его были "тихо и незаметно" погребены на третьем кладбище Иерузалемова прихода у Галльских ворот в Берлине. Хитциг сделал эскиз простого надгробия, установленного на средства друзей.

Завершился жизненный путь великого художника и мужественного человека. Его неповторимое, смелое творчество явилось свидетельством кризиса тогдашней эпохи, а также проявлением поисков гармонии и человечности в течение всей его жизни.

ЮЛИУС ЭДУАРД ХИТЦИГ

Ложe страданий

Буквально с каждым днем отказывалась служить еще какая-нибудь часть тела: ноги, руки, отдельные внутренние органы целиком атрофировались из-за развивающейся сухотки спинного мозга (*Tabes dorsalis*), а за день до смерти, когда паралич достиг шеи, ему показалось вдруг, что он выздоровел, ибо нигде больше не чувствовал боли.

В столь невероятно жалком состоянии, отзывавшемся глубокой болью в душах тех, кто видел его в то время, Гофмана ни на миг не оставляла высочайшая любовь к жизни, непоколебимая вера в то, что она не покинет его никогда, а также, в сравнении с днями, когда он был здоров, некая возросшая веселость, даже буйное веселье. Серьезный судья, желавший обвинить его

в том, что Гофман слишком уж дал волю шуткам по поводу отдельных государственных учреждений или иных подобных вещей, теперь мог бы воочию убедиться, каким неистощимым источником невероятно изобретательных выдумок стала для него собственная беспомощность. Когда чистильщик сапог своими мускулистыми ручищами швырял его в ванну, будто полено, когда потом после одевания – при его маленьком росте и худобе это совсем нетрудно было сделать – заботливая служанка брала его на руки и, как ребенка, относила в постель, – все это и тысячи других событий такого рода становились для него праздниками, он чувствовал себя счастливым, если мог ежедневно рассказывать и описывать своим друзьям что-нибудь новое в подобном вкусе. Все окружающие носили особые имена: своего переписчика он, например, называл ученым клириком, потому что тот был похож на одного клирика, которого Гофман звал в Бамберге. <...>

Однажды в марте издатель узнал, что Гофман желает видеть у себя рано утром депутацию, дабы составить завещание. Поскольку он усмотрел в этом признак ухудшения его состояния, то поспешил к нему немедленно, однако застал больного в веселом настроении и услышал рассказ, как он только что составил завещание, ибо хотя опасность и миновала, но он не хочет вновь оказаться в положении, когда, быть может, не успеет уже огласить свою последнюю волю. Впрочем, легко может случиться и так, что жена умрет прежде него, и тогда двустороннее завещание предотвратит все сложности с ее родственниками. И позднее, когда друзья уже видели печать смерти на его лице, он рассуждал таким же образом. Между тем завещание, смысл которого делает Гофману честь, достойно того, чтобы его сохранить...

ЗАВЕЩАНИЕ

26 марта 1822 г. Мы, то есть я, советник апелляционного суда Эрнст Теодор Вильгельм Гофман, и я, Мария Текла Михалина, урожденная Рорер, прожили двадцать лет в истинно согласном и счастливом браке, продолжающемся по сей день. Бог не оставил в живых наших детей, однако в остальном подарил нам немало радостей, испытав и в очень тяжких, жестоких страданиях, которые мы неизменно переносили со стойким мужеством. Один всегда был опорой другому, как и надлежит супругам, любящим и почитающим друг друга, как мы, верными сердцами.

Если богу теперь будет угодно разлучить наш союз, призвав к себе одного из нас, то настоящим мы отдаем взаимное распо-

ряжение о последней нашей воле, дабы супругу, оставшемуся в живых, досталось все наследство покойного как свободная, неограниченная собственность, которой он сможет распоряжаться по своему усмотрению, ни перед кем не неся ответственности.

Я, супруг, сам написал это взаимное распоряжение; я, супруга, многократно прочла оное; оба подтверждаем и выражаем нашу последнюю волю собственноручными подписями и скрепляем нашей обычной печатью.

Берлин, двадцать шестого марта
тысяча восемьсот двадцать второго года.
Эрнст Теодор Вильгельм Гофман,
советник королевского апелляционного суда.
Мария Текла Михалина Рорер,
в супружестве Гофман.

ТЕОДОР ГОТЛИБ ФОН ГИППЕЛЬ

Прощание с Гофманом

14 апреля в 9 часов вечера я видел Гофмана в последний раз. То были горькие мгновения. Уже много вечеров сряду я навещал его, собираясь сказать о предстоящей разлуке, ибо и так уже на несколько недель оттянул свой отъезд и откладывать больше не мог. Но у меня не хватало духу. Он заметил мое дурное настроение и каждый вечер укорял меня за него. Больше всего в последние вечера. Я уже не мог скрывать от него правду. Он был вне себя, казалось, будто боль возвратила ему давно утраченные силы. Он судорожно метался по кровати, выкрикивая: "Нет, нет, не может этого быть, ты не можешь уехать, ты не можешь меня покинуть!" Да, он мне даже не хотел подать на прощанье свою руку, уже наполовину омертвевшую. Когда я, наконец, убедил его в необходимости разлуки, он стал спокойнее, подал мне руку, говорил о встрече, горько плакал – с ним это редко случалось, – и я простился, чтобы никогда больше не увидеть его. На следующее утро я уехал.

Продиктованное письмо Фридриху Вильмансу

15 апреля 1822 г. ...Из-за болезни я страдаю полным параличом ног. Но дух мой совершенно бодр и деятелен, диктую я легко.

Продиктованное письмо Юлиусу Эдуарду Хитцигу

Предположительно апрель 1822 г. Я провел очень беспокойную, но безболезненную ночь, почти все время весело беседуя со своим молодым *spiritus familiaris* *, который был столь добр, что бодрствовал со мной. Днем я большей частью спал, но без удовольствия; опухоль с ног спадает, но ни малейшего следа движения, а это отвратительно!

*Продиктованное письмо Иоганне Эунике
(с первым изданием "Повелителя блох")*

1 мая 1822 г. Иоганна! Я вижу Ваш приветливый взгляд, слышу Ваш милый, прелестный голос. Да, часто он нашептывает мне в бессонные ночи: "Утро так светло" etc. Это утешает меня в невыразимых страданиях, которыми я прикован к постели уже четыре месяца. Руки и ноги у меня парализованы, и я не в состоянии вручить Вам прилагаемого (следовало бы, наверное, сказать: спешащего на помощь) Повелителя блох. Вот он, но уже по почте.

Читайте, смейтесь, думайте все, что внушит Вам Ваш веселый нрав, Ваш тонкий такт и против чего ни капельки не сможет возразить ни один министр. Благослови Вас бог, я надеюсь вскоре вновь увидеть Вас.

НАИВНОСТЬ

Больной, долго страдавший бессонницей, вынужден был каждую ночь иметь рядом с собой кого-нибудь, кто мог бы не только поговорить с ним, но и оказать ему, парализованному, необходимую помощь. Итак, у постели больного должен был дежурить некий молодой человек. Но, вместо того чтобы бодрствовать, он погрузился в глубокий, беспробудный сон. В эту ночь больной был охвачен духом радостного музыкального настроения; он вспомнил всевозможные канцоны и канцонетты, которые исполнял раньше, и пропел их высоким голосом. Когда он, наконец, взглянул на лицо своего спящего стража, оно, да и вся ситуация показались ему чрезвычайно забавными. Он громко позвал своего стража по имени и, когда тот пробудился ото сна, спросил, не нарушает ли пение его покой.

"Ах, боже мой! – совершенно наивно и сухо возразил, потягиваясь, молодой человек, – ах, боже, да ничуть. Бога ради,

* Домашним духом (*лат.*).

пойте, господин советник; у меня крепкий, здоровый сон!" И с этими словами он снова заснул, а больной запел своим высоким голосом:

"Sul margine d'un rio" etc.

ЮЛИУС ЭДУАРД ХИТЦИГ

Конец

Вскоре благодаря силе своего духа <...> Гофман все же прибодрился. Долгие часы, которые он вынужден был проводить в одиночестве, а также бессонные ночи он заполнял тем, что диктовал переписчику, выполнявшему одновременно обязанности санитара и всегда находившемуся рядом, потому что теперь наступил полный паралич рук. Это занятие доставляло ему такое удовольствие, что однажды он сказал Хитцигу: он готов смириться с параличом рук и ног, если только впредь сохранит способность работать *dictando* *. Как только очередная вещь была готова, он передавал ее для просмотра упомянутому другу, и, если тот хвалил, бедный больной ликовал: ведь в обломках тела жил еще такой мощный дух, из здоровья которого он черпал новые надежды на выздоровление тела.

В эти последние месяцы и недели Гофман продиктовал, во-первых, "Мастера Вахта", затем "Угловое окно", далее "Выздоровление", наконец, новеллу "Враг" (оставшуюся фрагментом, потому что он умер, можно сказать, диктуя эту новеллу).

Эти произведения сами говорят о силе духа их творца. По мнению издателя, некоторые из них принадлежат к лучшим вещам Гофмана.

Но еще более удивительным доказательством его неисчерпаемой душевной силы являются, наверное, следующие обстоятельства.

Примерно за четыре недели до смерти была предпринята ужасная попытка вновь разбудить в нем жизненные силы путем прижигания спины по обе стороны позвоночника раскаленным железом. Хитциг, который не мог присутствовать при этой операции ввиду неотложных дел, со страхом поспешил к пациенту и пришел примерно через полчаса после ее окончания. "Вы еще не чувствуете запаха жареного?" – этими словами встретил его Гофман и со всеми подробностями рассказал о жуткой процедуре, находя вполне естественным, что такого экзотического субъекта, как он, врачи лечат самыми экзотическими средствами, и добавил: во время прижигания ему пришло на ум, что N велел его опломбировать, дабы он контрабандой не ускользнул.

* Диктуя (лат.).

Еще позднее, в самые последние недели его жизни, музыкальный магазин Шлезингера ходатайствовал о том, чтобы узнать мнение Гофмана как эксперта насчет клавираусцуга из веберовского "Вольного стрелка", выпущенного в Вене неким Лейдесдорфом: следует ли рассматривать его как перепечатку шлезингеровского оригинального издания. Апелляционный суд поручил Хитцигу, другу Гофмана, спросить его об этом. Хитциг, прекрасно знавший, что состояние Гофмана временами напоминало агонию, хотел уберечь его от этого дела, но в беседе рассказал о вызове на экспертизу. Он с огромным пылом отнесся к этому и заявил, что не откажется дать справку, и дал свое заключение по сомнительному правовому вопросу с такой рассудительностью, какая была ему присуща в те дни, когда он был совершенно здоров. <...>

Примерно 20 или 21 июня появились предвестники близкой смерти: он совершенно не мог есть, его сильнее, чем раньше, клонило ко сну, он не испытывал охоты к привычным занятиям. 24-го вечером, как уже говорилось, паралич достиг шеи, поэтому больной перестал чувствовать боли. "Ну, теперь мне, наверное, скоро полегчает, – крикнул он врачу, пришедшему к нему с визитом, – уже ничего не болит". "Да, – многозначительно ответил врач, – скоро вам полегчает!"

Ранним утром 25 июня стали сильно кровоточить раны на растерзанной спине. Его близкие догадывались о том, что должно было наступить. Он позвал секретаря-санитара, сказав ему что-то, чего тот уже не понял. После этого к постели приблизилась жена; он потребовал, чтобы она сложила ему парализованные руки, и ей показалось, что при этом он взглянул на небо и произнес: "Надо ведь и о боге подумать!" Теперь все ждали его кончины, но дух жизни еще раз вспыхнул в нем; немного спустя он сказал, что чувствует себя хорошо и собирается сегодня вечером продолжать диктовку рассказа "Враг", чего уже не делал несколько дней, и потребовал, чтобы ему зачитали то место, на котором он остановился.

Жена пыталась отговорить его; он велел перевернуть себя в постели и, лежа лицом к стене, начал издавать предсмертные хрипы, а когда между 10 и 11 часами утра послали за Хитцигом, бывшим на судебном заседании, и тот ворвался в комнату – друга уже не было в живых!

Бренные останки Гофмана покоятся на новом кладбище перед Галльскими воротами в Берлине. На могиле простой, но изысканный памятник с надписью:

Э. Т. В. Гофман
род. в Кенигсберге в Пруссии 24 января 1776 года
умер в Берлине 25 июня 1822 года.
Советник апелляционного суда
отличился
как юрист
как поэт
как композитор
как художник.
От его друзей.

Э. Т. А. Гофман и потомки

Уже вскоре после этих странных похорон, когда тело покойного скорее тайком зарыли, чем погребли по христианскому обряду, Юлиус-Эдуард Хитциг начал писать свою биографию Гофмана, которая вышла через год после смерти поэта. В том, что касается освещения фактов жизни советника апелляционного суда, она является самым достоверным и надежным источником. Но уже тогда обратили на себя внимание и ее существенные недостатки: при всем человеческом понимании, которое Хитциг стремился проявлять по отношению к своему умершему другу, эта биография отразила связь ее автора с обывательской ограниченностью эпохи Реставрации. В первом издании ни разу не упоминалось имя Людвиг Девриента, не говоря уж о чудовищно ошибочных оценках последнего периода творчества Гофмана. Вместо психологической и литературной интуиции на первый план все более и более выступало морализаторство, в котором небуржуазный образ жизни писателя осуждался с позиций самоуверенного наблюдателя-филистера. Именно эта тенденция у Хитцига нашла позже своих последователей, что и наложило существенный отпечаток на образ Гофмана в немецком литературоведении XIX века.

С тех пор для немецкой литературной общественности Э. Т. А. Гофман стал "мистическим Гофманом", таким незначительным сочинителем жутких историй, чтение которых прият-

Гравюра на дереве Фогеля, 1820 год

но шекотало нервы невзыскательной публике, столпы же немецкой литературы замечали их не иначе как с осуждением. К разноголосому хору растущего числа противников Гофмана присоединились даже Гегель и Гете: автору "Ифигении" и "Вильгельма Мейстера", всецело связанному еще с прогрессивными буржуазными идеями XVIII века, форма художественного выражения, в которой разрыв между идеалом и реальной буржуазной действительностью первой четверти XIX века передавался средствами трагического гротеска, естественно должна была показаться непонятной и ошибочной. В 1827 году Гете писал в одном из своих сочинений: "Ибо какой верный участник, озабоченный национальным образованием, не смотрел с печалью на то, как болезненные произведения упомянутого страдающего человека долгие годы оказывали в Германии свое воздействие и внушали здоровым умам такие заблуждения под видом прогрессивных новинок" *.

Лишь немногие немецкие писатели, и среди них Геббель и Келлер, сумели найти во времена столь удивительного непонимания Гофмана слова глубокого сочувствия создателю капельмейстера Крейсlera. Гейне оказался особенно чутким к кризисному сознанию, выраженному в творчестве Гофмана; он назвал его творчество "криком ужаса в двадцати томах" **. Еще важнее было его утверждение, высказанное в 1833 году: "Гофман не принадлежит к романтической школе, он не состоял ни в какой связи со Шлегелями и еще меньше с их тенденциями" ***. Но это проницательное суждение осталось неслышанным в Германии накануне революции 1848 года.

Композиторы были более почтительны к самому музыкальному из писателей. 6 июня 1831 года Роберт Шуман, автор "Крейслерианы", записал в своем дневнике: "Не отрываясь, читал Гофмана. Новые миры". Брамс и Вагнер тоже любили этого писателя больше всего. Однако автор "Принцессы Брамбиллы" был включен в пантеон мировой литературы в других странах, там, где существовали более благоприятные общественные и социальные условия для восприятия его произведений.

Почти одновременно со вспышкой июльской революции началось триумфальное шествие "Сказок Гофмана" по лите-

* J. W. Goethe. "The Foreign Quarterly Review" № 1, Juli 1827. – Goethes sämtl. Werke, Bd. 39. Berlin, Propylaen-Verl., S. 415.

** Г. Гейне. Романтическая школа. Пер. А. Г. Горнфельда. Собр. соч. в 10 томах, т. 6. М., 1958, с. 219.

*** Там же, с. 219.

ратурным салонам Парижа. Во Франции "Hoffmann le fantastique" * стал просто сенсацией и ознаменовал появление целой литературной школы. Бальзак выступил под его знаком: отдельные гофмановские черты присущи "Шагренево́й коже", а новеллу "Эликсир долголетия" автор "Comédie humaine" ** и вовсе опубликовал под видом перевода произведения Гофмана.

Теофиль Готье и Виктор Гюго, Альфред де Мюссе и Вилье де Лиль-Адан, Александр Дюма и Жерар де Нерваль отдали дань "esprit" *** позднего немецкого романтика, и еще Шарль Бодлер, открыватель "искусственного рая", видел в "divin Kreisler" **** нечто вроде оправдания собственной склонности к смутному и причудливому. Парижские издатели, выпустившие книги Гофмана, устроили конкуренцию на литературном рынке, которая даже привела к судебному процессу.

Совершенно иначе дело обстояло в России. Условия жизни в огромной стране, управляемой царским кнутом, в некоторой степени были не очень далеки от мира лемуру Э. Т. А. Гофмана, так что и здесь могло рассчитывать на понимание такое творчество, которое изображало человеческую низость и душевную испорченность под давлением деформирующих общественных условий. В болезненном гротеске Гоголя, в высказываниях революционных демократов, близких к Герцену, Белинскому, Чернышевскому, в инфернально-бичующих откровениях великих романов Достоевского выражено восторженное приятие творчества Гофмана. Вскоре после Октябрьской революции петроградские "Серапионовы братья", среди которых были Всеволод Иванов, Федин, Зощенко и Каверин, сделали Э. Т. А. Гофмана духовным покровителем своего литературного объединения. Фантастико-реалистический роман Михаила Булгакова "Мастер и Маргарита" нельзя себе представить без примера Э. Т. А. Гофмана. Произведения этого немецкого писателя выходят в Советском Союзе большими тиражами.

В Германии ренессанс Гофмана начался лишь на рубеже XIX–XX веков. Он стал возможен тогда, когда угроза империализма всему человеческому стала уже очевидной для каждого и приняла такие формы, о которых предупреждал и которые разоблачал Гофман в страшных демонических хороводах своих произведений. Лишь теперь, после того как в XIX веке были

* Фантастический Гофман

(франц.).

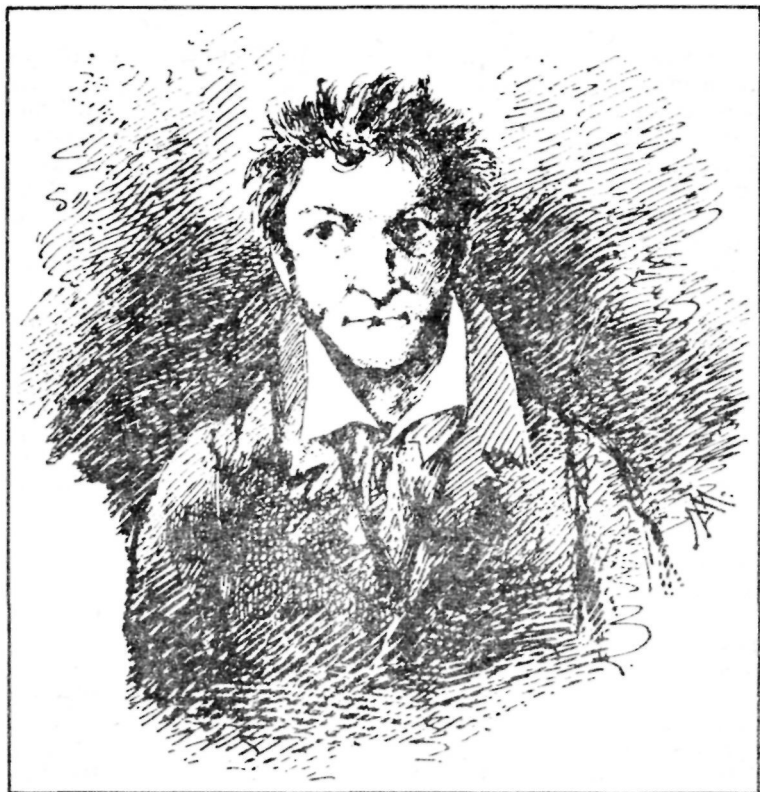
** "Человеческой комедии"

(франц.).

*** Духу (франц.).

**** Божественном Крейслере

(франц.).

безвозвратно уничтожены ценные источники, он стал объектом литературоведческих исследований. Важнейшими биографическими и филологическими сведениями современное гофмановедение обязано неутомимой деятельности Ганса фон Мюллера, Георга Эллингера, Карла Георга фон Маассена и Фридриха Шнаппа. Из-под пера Георга Эллингера, позднее убитого фашистами, в 1894 году вышла первая научная биография Гофмана. В 1920 году появилась популярная книга Вальтера Хариха о Гофмане, направленная на некую "демонизацию" писателя в духе экспрессионистских представлений о художнике. Пророки декаданса, абсолютизируя одни стороны его творчества и совершенно отрицая другие, провозгласили Гофмана своим

*Э. Т. А. Гофман. Литография
Адольфа Менцеля по автопортрету
Гофмана, 1837 год*

предтечей. Не удивительно, что Зигмунд Фрейд, основатель психоанализа, завладел автором "Ночных рассказов": для него и для многих других интерпретаторов Гофман стал "плодом несчастливого брака", "параноидным алкоголиком", клиническим случаем. Реакционная трактовка личности Гофмана достигла своей вершины в 1939 году, когда Курт Виллимчик вознамерился усмотреть в "Эликсирах сатаны" "борьбу крови", "борьбу между хорошими и дурными наследственными тенденциями". Напротив, прогрессивные интерпретаторы его творчества, и среди них многие исследователи-марксисты, с самого начала защищали писателя от антигуманистических искажений. На примере автора "Кота Мурра" Альфред Курелла показал "рождение особого немецкого реализма в недрах позднего романтизма".

Немалая часть истории воздействия гофмановского творчества подкрепляется поистине необозримым количеством иллюстраций, посвященных ему: наряду с Гёте Э. Т. А. Гофман является наиболее часто иллюстрируемым писателем в немецкой литературе. И здесь приходится всякий раз иметь дело с иным, новым Гофманом: Теодор Хоземанн еще видел в нем реалиста эпохи бидермейера, тогда как Поль Гаварни показал его едко-пронзительным сатириком. Альфред Кубин с его интересом к ночным сторонам жизни сделал угрожающий сонм демонов хаотического мира выдающимся явлением графики, а Рут Кнорр – одна из виднейших современных иллюстраторов Гофмана – сумела найти убедительный синтез фантастического гротеска и изысканнейшей поэзии. В зеркале иллюстраций Гофмана можно показать почти все полуторавековое развитие европейской книжной графики.

Наконец, поэтический мир Гофмана был воспринят крупными писателями XX века и получил свое дальнейшее развитие в их творчестве. Через сто двадцать лет после выхода романа о Мурре и Крейслере Томас Манн, выбирая форму своего романа о музыканте, записал в "Истории "Доктора Фаустуса": "Ночью "Кот Мурр" Гофмана". И в творчестве Германа Гессе, так многогранно связанном с Гофманом, мы находим автора сказки "Золотой горшок" среди "паломников в Страну Востока", в толпе тех людей, которые извечно стремились к поискам лучшего мира. В рассказе Анны Зегерс "Встреча в пути" Гофман спорит с Николаем Гоголем и Францем Кафкой о сущности фантастического реализма, а Криста Вольф в своей книге новелл "Унтер-ден-Линден" вновь берет на вооружение именно этот фантастический реализм, используя его в духе великого открывателя "серапионовского принципа" для критического рассмотрения нашей нынешней действительности. Творчество

Э. Т. А. Гофмана продолжает оказывать свое влияние на будущее: его произведения печатаются, издаются, иллюстрируются и комментируются вновь и вновь, завоевывают новые круги читателей, воздействуют на творчество новых писателей. Несмотря на множество перемен, которые произошли за полтора столетия, его художественное завещание продолжает жить.

ВАЖНЕЙШИЕ ДАТЫ ЖИЗНИ
Э. Т. А. ГОФМАНА

1776

24 января: в г. Кёнигсберге в Пруссии родился Гофман. 2 февраля: при крещении его назвали Эрнст Теодор Вильгельм.

1778

Брак родителей Гофмана расторгнут. По решению суда старший брат остался у отца. Мать с двухлетним Эрнстом переезжает в дом своей матери Луизы Софи Дерфер.

1782

Гофман учится в реформатской городской школе в Кёнигсберге (до 1792 г.). Перевод отца Гофмана в Инстербург.

1786

Гофман знакомится с Теодором Готлибом фон Гиппелем (род. в 1775 г.).

1787

Гиппель становится школьным товарищем Гофмана.

1790

Гофман берет уроки музыки у соборного органиста Подбельского и уроки рисования у художника Земана.

1792

Гофман начинает изучать право в Кёнигсбергском университете. Наряду с этим он сочиняет музыку, учится рисовать и писать акварелью.

1794

Начало любовной связи с Дорой Хатт (вероятно, уже в 1793 г.).

1795

Работа над утраченными ныне романами "Корнаро, мемуары графа Юлиуса фон С." и "Таинственный". Яркое впечатление от знакомства с "Дон Жуаном" Моцарта. Гофман читает Шекспира, Жана Поля, Стерна, Смоллетта, Руссо. 22 июля: первый экзамен по юриспруденции. Гофман становится судебным следователем при кёнигсбергском окружном управлении.

1796

Осложнение отношений с Дорой Хатт. – 13 марта: смерть матери. – Июнь: переезд к крестному отцу, дяде по матери И. Л. Дер-

феру в Глогау (Глогув). Знакомство в Глогау с художником Алоизом Молинали.

1797

Дружба с Иоганном Хампе. – 27 апреля: смерть отца в Инстербурге. – С конца апреля по июнь: поездка в Кёнигсберг (встреча с Дорой Хатт). Затем вновь возвращение в Глогау.

1798

Разрыв отношений с Дорой Хатт, помолвка с кузиной Минной Дерфер. – 20 июня: второй экзамен по юриспруденции. – Август: перевод в берлинский апелляционный суд. Поездка в Дрезден через Исполиновы горы (впечатление от посещения Дрезденской картинной галереи). – Конец августа: прибытие в Берлин.

1799

Сочинение текста и музыки зингшпиля "Маска".

1800

27 марта: третий экзамен по юриспруденции. – Май: назначение ассессором при познанском окружном управлении. – В начале лета – приезд в Познань.

1801

Сочинение зингшпиля "Шутка, хитрость и месть" и постановка его на познанской сцене (на слова Гёте).

1802

Февраль: во время бала-маскарада Гофман раздает карикатуры на представителей верхушки познанского общества. В порядке наказания его переводят за это в Плоцк. – Начало марта: расторжение помолвки с Минной Дерфер. – 26 июля: свадьба с Михаиной Рорер-Тшциньской (Мишей). – Лето 1802 г.: приезд молодоженов в Плоцк.

1803

Работа над эссе "Письмо монаха своему столичному другу" (опубликовано 9 сентября в журнале "Дер Фраймютиге").

1804

24 января – 15 февраля: последний приезд в Кёнигсберг. Затем возвращение в Плоцк. – Февраль–март: перевод Гофмана в чине государственного советника в южнопрусское окружное управление в Варшаву. – Дружба с Юлиусом Эдуардом Хитцигом (через него – знакомство с романтизмом).

1805

Июль: рождение единственной дочери Гофмана Цецилии. – Гофман становится вторым заведующим и цензором "Музыкального общества" в Варшаве.

1806

28 февраля: вступление французов в Варшаву. Гофман лишается работы из-за роспуска прусских учреждений.

1807

Январь: жена Гофмана Миша с дочерью Цецилией уезжает к родственникам в Познань. – 18 июля: приезд Гофмана в Берлин. Жизнь, полная нужды и лишений. Гофман пытается сделать искусство основным содержанием своей жизни. – Середина августа: смерть двухлетней Цецилии в Познани.

1808

Середина апреля: Гофман приглашен капельмейстером в Бамберг. Начало мая: крайняя нужда. – 9 июня: отъезд из Берлина, посещение Хампе в Глогау (там Гофман сочиняет "Canzoni per 4 voci alla capella", а также, вероятно, пишет новеллу "Кавалер Глюк"). – 1 сентября: Гофман с Мишей приезжают в Бамберг. – Конец октября: Гофман отказывается исполнять должность капельмейстера. Он сочиняет музыку к спектаклям бамбергского театра, сохранив за собой звание капельмейстера.

1809

15 февраля: в "Альгеймайне музикалише цайтунг" напечатан "Кавалер Глюк". С этого времени начинается интенсивное сотрудничество Гофмана в газете. – 30 марта: знакомство с виноторговцем К. Ф. Кунцем, ставшим позднее первым издателем Гофмана.

1810

Франц фон Гольбейн принял руководство бамбергским театром, Гофман работает помощником директора, режиссером, заведующим репертуаром и художником по декорациям. Создание образа Крейсlera ("Музыкальные страдания капельмейстера Крейсlera").

1811

Постановка пьес Кальдерона "Поклонение кресту" и "Дон Фернандо, стойкий в вере принц", а также Клейста "Кетхен из Гейльбронна" (режиссура и декорации Гофмана). Растущая страсть к Юлии Марк, которой Гофман дает уроки пения.

1812

Вершина страсти к Юлии Марк. – Первые планы романа "Часы просветления некоего безумного музыканта". – 5 сентября: драматический разрыв отношений с семейством Марк во время поездки в Померсфельден. – 19–24 сентября: написан "Дон Жуан". – Конец ноября: величайшая материальная нужда. – Декабрь: Греспель женится на Юлии Марк.

1813

Февраль: Гофман получает предложение занять должность музыкального директора оперной труппы Йозефа Секонды (Лейпциг и Дрезден). – 18 марта: заключен издательский договор с Кунцем. – 21 апреля: отъезд из Бамберга. – 25 апреля: приезд в Дрезден, где Гофман не застаёт труппу Секонды. – 20 мая: отъезд в Лейпциг: начало работы в должности музыкального директора у Секонды. – 24–25 июня: во время перемирия возвращение оперной труппы на гастроли в Дрезден. – 26–27 августа: сражение под Дрезденом и впечатления, связанные с ним. – Конец октября/начало ноября: Гофман дирижирует оперными спектаклями в осажденном Дрездене. – 10 декабря: снова отъезд в Лейпциг с оперной труппой.

1814

15 февраля: окончание работы над сказкой "Золотой горшок". – 26 февраля: Секонда увольняет Гофмана. Вновь нужда, которую Гофман пытается преодолеть созданием антинаполеоновских карикатур и сочинением музыкальных рецензий для "Альгемайне музикалише цайтунг". – 5 марта: начало работы над романом "Эликсиры сатаны". – Начало мая: выходят в свет два первых тома "Фантазий в манере Калло". – 6 июля: неожиданный приезд Гиппеля (план возвращения на прусскую государственную службу). – 5 августа: окончание партитуры оперы "Ундина". – Сентябрь: предложение прусского министра юстиции вначале поработать государственным чиновником без жалованья. – 26 сентября: приезд в Берлин (встреча с Хитцигом, знакомство с Фуке, Шамиссо, Тиком, Бернгарди, Горном, Филиппом Фейтом). – 1 октября: Гофман начал работать сотрудником апелляционного суда (без жалованья).

1815

1–6 января: написан рассказ "Приключения в новогоднюю ночь". – Февраль–март: написан рассказ "Артусов двор". – Весна: знакомство с Брентано. – 1 июля: Гофман окончательно поселился в квартире на Таубенштрассе, 31 (на Жандармском

рынке). Начало дружбы с Девриентом. – Сентябрь: выходит в свет первый том "Эликсиров сатаны". – Ноябрь: написан рассказ "Песочный человек".

1816

22 апреля: назначение Гофмана советником апелляционного суда. – Май: выходит в свет второй том "Эликсиров сатаны". – 3 августа: премьера оперы "Ундина". – Сентябрь: Гофман добивается оправдательного приговора для писательницы Хельмины фон Шези, на которую был подан донос со стороны комиссии по делам инвалидов. – Осень: написана сказка "Щелкунчик и мышинный король". Выход в свет "Ночных рассказов" (до 1817 г.).

1817

Первая половина года: работа над рассказом "Майорат". – 29 июля: пожар театра (уничтожены декорации к опере "Ундина"). – Август – сентябрь: Гофмана посетил Адам, Эленшлегер. – С осени: Гофман становится завсегдатаем винного погребка Люттера и Вегнера. – Осень: написан рассказ "Дождь и догаресса".

1818

Февраль: по совету издателя Реймера Гофман решает выпустить в свет отдельной книгой рассказы, напечатанные в карманных изданиях (будущие "Серапионовы братья"). – Весна: тяжелая болезнь; замысел "Крошки Цахеса", над которым автор работает с лета до зимы. – Лето: Гофман заводит кота и дает ему имя Мурр. Октябрь: окончание рассказа "Мадемуазель де Скюдери". – 14 ноября: основание общества Серапионов, в которое, кроме Гофмана, входят Хитциг, Контесса, Корейф и др.

1819

Январь: выходит в свет "Крошка Цахес, по прозванию Циннобер". – Февраль: выходит первый том "Серапионовых братьев". – Май: начало работы над "Житейскими воззрениями кота Мурра". – С середины июля до начала сентября: поездка на отдых в Исполиновы горы. – Сентябрь: выходят второй том "Серапионовых братьев" и "Мадемуазель де Скюдери". – 1 октября: распоряжение Фридриха Вильгельма III об организации "Непосредственной следственной комиссии по расследованию изменнических связей и других опасных происков", членом которой назначается Гофман. – Октябрь–ноябрь: появляется несколько заключений Гофмана, в которых содержится требования об освобождении арестованных демократов. – Конец

ноября: разногласия Непосредственной комиссии (особенно Гофмана) с прусским правительством по поводу ареста основателя физкультурного движения Яна; Гофман подает жалобу Яна об оскорблении его шефом полиции фон Кампцем. – Декабрь: выходит первый том романа о Крейслере и Мурре.

1820

10 января: протест Гофмана по поводу указания министра юстиции о прекращении иска Яна против Кампца. – Февраль: возвращенный приговор по делу Яна, в котором Гофман требует освободить основателя физкультурного движения. – 23 марта: письмо Бетховена Гофману. – 18 мая: повторное требование Гофмана об освобождении Яна из заключения. – Начало лета: написание "Принцессы Брамбиллы". – Сентябрь–октябрь: выходят третий том "Серапионовых братьев" и "Принцесса Брамбилла".

1821

Начало года: написан спор о Захарии Вернере в четвертом томе "Серапионовых братьев" и сказка "Королевская невеста". – Август: начало работы над вторым томом "Житейских воззрений кота Мурра" (окончание в начале декабря). – 8 октября: перевод Гофмана в Высший апелляционный сенат апелляционного суда (вступил в силу с 1 декабря). – 6 ноября: первые страницы рукописи "Повелителя блох" посланы издателю Вильмансу во Франкфурт. План (неосуществленного) романа "Предсвадебный медовый месяц Тимотеуса Шнельпфедера". – 29–30 ноября – смерть кота Мурра. – Середина декабря: выходит второй том романа о Мурре и Крейслере.

1822

Около 18 января: начало последней болезни Гофмана. – 23 января: прусское правительство распорядилось конфисковать рукописи и отпечатанные листы "Повелителя блох", а также переписку с издателем. – 24 января: последний день рождения Гофмана. – 31 января: Кампц считает доказанными обвинения, выдвинутые против Гофмана по поводу высмеивания преследований демагогов в "Повелителе блох", и требует строгого наказания писателя. – 7 февраля: Фридрих Вильгельм III требует срочного допроса Гофмана, который откладывался на четырнадцать дней на основании медицинского свидетельства. – 22 февраля: допрос Гофмана. – 23 февраля: Гофман диктует оправдательную речь. – 28 февраля: продиктован финал "Повелителя блох". – 26 марта: завещание. Вскоре после этого наступает полный паралич. – Первая половина апреля: продик-

товано "Угловое окно". Выходит сказка "Повелитель блох" (в искаженном виде). – Около 10 июня: продиктован анекдот "Наивность". В то же время последние выезды в карете. – 24 июня: паралич достиг шеи. – 25 июня: Гофман умер около половины одиннадцатого утра. – 28 июня: похороны.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Поскольку издатель адресует эту книгу широкому читателю, следует сказать несколько слов о воспроизведении текстов, которые Гофман никогда не собирался опубликовать, прежде всего писем и дневников. Неправильные написания географических названий и личных имен, очень часто встречающиеся в письмах и дневниках (например, "Конради" вместо "Кунради" или "Герцогсвальдау" вместо "Герцогсвальде"), были исправлены. Были расшифрованы сокращения и дополнены отсутствующие буквы без использования скобок.

Лица, имена которых претерпели изменения при их жизни, выступают под своими поздними, более известными именами. Так, Гиппель, унаследовавший дворянский титул своего дяди, постоянно именуется Теодором Готлибом фон Гиппелем, а Исаак Элиас Итциг, принявший крещение в 1809 году и назвавшийся Хитцигом, – Юлиусом Эдуардом Хитцигом.

Обширный список критической литературы опущен за недостатком места. Сведения об этом можно найти в книге Юргена Ферстера "160 лет исследования творчества Э. Т. А. Гофмана. 1805–1965. Библиография, краткий обзор содержания и комментарии", Штутгарт, 1967; а также в библиографических списках и рецензиях ежегодного "Вестника общества Э. Т. А. Гофмана", Бамберг, 1938–1941, 1958 и последующие годы, где реферируются новейшие исследования о творчестве Гофмана.

Клаус Гюнцель

Комментарий

"ХУДОЖНИК В ЖИЗНИ И В ИСКУССТВЕ"

с. 16.

"Фоссише цайтунг" – ежедневная берлинская газета, основанная в 1751 г. книготорговцем Кр. Ф. Фоссом и издававшаяся в 1751–1914 гг. Рецензия Лютвица была опубликована 12 января 1822 г.

"Письма из Берлина" – так назывались три статьи молодого Генриха Гейне (1797–1856), печатавшиеся с продолжениями в газете "Рейниш-Вестфэлишер анцайгер" с февраля по июль 1822 г. Часть из них позже была включена поэтом во вторую часть "Путевых картин".

с. 17.

Бидермейер – стилевое направление в немецком и австрийском искусстве 1815–1848 гг. Отражает демократизм бюргерской среды, но одновременно и ее обывательские, "приземленные", воззрения и вкусы.

Лихтенберг, Георг Кристоф (1742–1799) – немецкий писатель-сатирик и эссеист эпохи Просвещения.

с. 18.

Гиппель, Теодор (1775–1843) – друг детства и юности Гофмана, адресат его многочисленных писем. Сделав блестящую юридическую

карьеру и добившись высокого положения в обществе, Гиппель неизменно оставался другом писателя, оказывая ему необходимую поддержку.

с. 19.

Новалис (настоящее имя Фридрих фон Харденберг, 1772–1801) – немецкий поэт и философ, один из основателей йенской школы романтизма. Цитируемая фраза – из знаменитых "Фрагментов" (Novalis Werke. München, 1981. Fragmente und Studien. Juni-Okt. 1800, S. 551).

с. 20.

Фуга – музыкальное произведение, основанное на многократном проведении одной и той же темы во всех голосах, высшая форма полифонической музыки.

"Вольный стрелок" – произведение немецкого композитора Карла Марии фон Вебера (1786–1826), основоположника немецкой романтической оперы.

Шлегель, Фридрих (1772–1829) – немецкий писатель и критик, философ культуры, языковед. Ведущий теоретик йенской школы романтизма, создатель учения о романтической иронии.

Тик, Людвиг (1773–1853) – немецкий писатель-романтик.

Венский конгресс (1814–1815) – конгресс европейских государств, завершивший войны коалиций европейских держав с Наполеоном I. В результате заключены были договоры, направленные на восстановление феодальных порядков и удовлетворение территориальных притязаний держав-победительниц, закреплена политическая раздробленность Германии и Италии.

с. 21.

Вернер, Захария (1768–1823) – немецкий драматург, зачинатель жанра романтической "трагедии рока". Его мистические драмы пользовались большой популярностью в Германии начала XIX в.

"Странствования Франца Штернбальда" (1798) – роман, написанный Людвигом Тиком (см комм. к с. 20) совместно с Вильгельмом Генрихом Вакенродером (см. комм. к с. 57), одна из наиболее интересных попыток романтиков в жанре романа. Здесь нашли свое отражение эстетические взгляды йенских романтиков: пафос бескорыстного служения искусству, молитвенного поклонения природе сочетается с неприязнью к миру практических отношений.

Шеллинг, Фридрих Вильгельм (1775–1854) – философ, представитель немецкого классического идеализма. Был близок йенским романтикам, развил учение о тождестве материи и духа, в искусстве видел высшую форму постижения мира.

Шуберт, Готхильф Генрих фон (1780–1860) – немецкий естество-

испытатель и философ, последователь Шеллинга. В философии следовал религиозно-мистическому направлению, естественнонаучные труды касаются общих проблем.

с. 22.

Лемуры – семейство обезьян отряда приматов. Образ лемуров часто использовался в немецкой литературе XVIII–XIX вв. (напр., у Гёте, "Фауст", II часть).

Гойя, Франсиско Хосе де (1746–1828) – знаменитый испанский художник, мастер философски и социально окрашенного гротеска ("Капричос", "Бедствия войны").

Брентано, Клеменс (1778–1842) – немецкий писатель-романтик. В шутовском эссе "Филистер в доисторическую, послеисторическую и историческую эпоху" (1811), пародирующем "ученый" стиль научных трактатов, создает многоплановый сатирический портрет немецкого филистера, ограниченного мещанина.

"*Буря*" – одно из поздних произведений Уильяма Шекспира (1564–1616), романтическая драма. Имя Тринкуло родственно немецкому глаголу "trinken" – пить, и французскому "trinquet" – чокаться.

с. 23.

Каприччио (итал. capriccio, букв. каприз, прихоть) – инструментальная пьеса импровизационного склада, с причудливой сменой эпизодов и настроений.

Калло, Жак (1592–1635) – французский график, в его виртуозных по мастерству офортах гротеск сочетается с острыми реалистическими наблюдениями.

Каракалла (186–217) и *Тит Веспасиан* (39–81) – римские императоры; *Карл Великий* (742–814) – король франков и император Западноримской империи; *Генрих Четвертый* (1553–1610) – французский король; *Густав Адольф* (1594–1632) – шведский король, один из полководцев в Тридцатилетней войне.

Шамиссо, Адельберт фон (1781–1838) – немецкий писатель и ученый-естествоиспытатель, в его творчестве сочетались прогрессивно-романтические и реалистические тенденции.

с. 24.

...несчастнейшее время, наполненное ахероновым мраком. – Ахеронт – в древнегреческой мифологии одна из рек в царстве мертвых, через которую лодочник Харон перевозит души умерших.

с. 26.

Иоанн Златоуст (347–407) – христианский святой, один из отцов церкви.

Кёнигсберг – ныне г. Калининград, областной центр и порт в СССР, расположенный в устье реки Преголя на Балтийском море. Основан как крепость в 1255 году, до 1945 г. центр Восточной Пруссии.

ПЕРВАЯ ГЛАВА

с. 29.

Семилетняя война (1756–1763) – война между Австрией, Францией, Россией, Испанией, Саксонией, Швецией с одной стороны и Пруссией, Великобританией и Португалией – с другой. Вызвана была обострением англо-французской борьбы за колонии и столкновением агрессивной политики Пруссии с интересами Австрии, Франции и России.

Священная Римская империя германской нации (962–1806) – основана германским королем Оттоном I, подчинившим северную и среднюю Италию (с Римом). Включала также Чехию, Бургундию, Нидерланды, швейцарские земли. Императоры вели агрессивную политику, главным образом на юге (Италия) и востоке (земли полабских славян). С течением времени империя все больше приходила в упадок. Окончательно ликвидирована в ходе наполеоновских войн.

Гогенцоллерны – династия бранденбургских курфюрстов в 1415–1701 гг., прусских королей в 1701–1918 гг., германских императоров в 1871–1918 гг.

с. 30.

"Король-солнце" – Людовик XIV (1638–1715). Французский король с 1643 г. Его правление ознаменовало высшую точку французского абсолютизма, суть которого была предельно кратко сформулирована королем во фразе "Государство – это я". Двор Людовика XIV отличался большой помпезностью.

Силезские войны – встречающееся в исторической литературе название войн Пруссии против Австрии за обладание Силезией, исторической славянской областью в верхнем и среднем течении Одры. В результате первой (1740–1742) и второй (1744–1745) войн большая часть Силезии была захвачена Пруссией. Попытка Австрии отвоевать Силезию в ходе Семилетней войны (1756–1763, см. также комм. к с. 29), называемой иногда третьей силезской войной, была безрезультатной.

...философ из Сан-Суси. – Имеется в виду Фридрих II (1712–1786), прусский король с 1740 г. Во внутренней политике Фридрих II, афишировавший свою близость с французскими просветителями (Вольтером и др.), придерживался политики просвещенного абсолютизма, любил окружать себя философами и писателями. Дворец Сан-Суси в Потсдаме, выстроенный по проекту архитектора Кнобельсдорфа (см. комм. к с. 64), служил королю постоянной резиденцией.

Кант, Иммануил (1724–1804) – немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии; был профессором университета в Кёнигсберге.

Гиппель, Теодор Готлиб фон (1741–1796) – немецкий писатель и публицист, автор просветительских трактатов и антифеодальных пародийных романов. Большую часть жизни прожил в Кёнигсберге.

...*канторство*. – В протестантской церкви кантор (от *лат.* cantor – певец) являлся учителем музыки, дирижером хора, органистом и церковным композитором, предполагалось наличие у него высокой музыкальной культуры. Кантором был, например, *И. С. Бах* (1685–1750) и др. известные композиторы.

с. 31.

Пиелизм (от *лат.* pietas – благочестие) – мистическое течение в протестантизме (особенно в немецком лютеранстве) конца XVII–XVIII в. Отвергал внешнюю церковную обрядность, призывал к углублению веры, объявлял греховными развлечения.

Инстербург – до 1946 г. Ныне г. Черняховск Калининградской обл. Прежде порт в Восточной Пруссии.

Стерн, Лоренс (1713–1768) – английский писатель, зачинатель сентиментализма. В романе "Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена" (1760–1767) полемизирует с просветительской однозначностью в оценке мыслей и поступков человека.

с. 35.

...*реформа права при великом короле*... – Фридрих II (см. комм. к с. 30) провел ряд правовых реформ в духе просвещенного абсолютизма: были отменены пытки, упрощено судопроизводство, проводилась политика религиозной веротерпимости.

с. 36.

Ванновский, Стефан – ректор городской протестантской школы, куда Гофман поступил в 1781 г.

с. 37.

Виглеб, Иоганн Христиан – фармацевт, автор компилятивной книги "Естественная магия, включающая всевозможные развлекательные, а также полезные кунштюки" (1782). Книга эта неоднократно упоминается в произведениях Гофмана (напр., "Крошка Цахес", V глава).

с. 41.

Хитциг, Юлиус Эдуард (1780–1849, первоначально Исаак Элиас Итциг, после крещения в 1799 г. Юлиус Эдуард, с 1809 г. Хитциг) – друг Гофмана, познакомился с ним в Варшаве. Отношения с Хитцигом Гофман поддерживал всю жизнь.

Подбельский, Христиан Вильгельм – соборный органист и композитор, один из наиболее талантливых представителей семейной династии польских музыкантов.

с. 42.

Мариенвердер – старое немецкое название города Квидзын (ПНР, Гданьское воеводство).

Элизиум – в греческой мифологии обитель блаженных, куда попадают после смерти герои, любимцы богов.

с. 45.

Мелузина – в европейской средневековой мифологии и литературе фея, превращавшаяся в наказание за совершенный грех (заточение отца) в змею. Незримо покровительствует своему роду. По преданию, призрак ее обречен скитаться по земле до дня Страшного суда.

с. 46.

Акциз – (франц. *accise*) – вид косвенного налога на услуги или товары массового потребления (в противоположность пошлине).

с. 48.

"Дева солнца" – так называл Гофман свою Кору, возможно под впечатлением от одноименной пьесы А. Ф. Коцебу (см. комм. к с. 83).

с. 49.

Глогав – старое немецкое название г. Глогув на р. Одра (ПНР).

с. 51.

Райдениц, Даниэль Кристоф (1751–1842) – профессор права в университете Кёнигсберга.

Мотет (франц. *motet*) – жанр многоголосной вокальной музыки. Возник во Франции в XII в., оказал влияние на формирование немецкой кантаты. Высшие образцы мотета создал И. С. Бах.

с. 52.

Judex ille cum sedebit (лат.) – искаженный отрывок из католического реквиема "Dies irae" ("День гнева господня"), изображающего Страшный суд; должно быть: "Judex ergo cum sedebit" – "Когда воссядет судия...". Слова эти звучат в сцене "Фауста" Гёте "Собор", оказывая сильнейшее воздействие на душу Гретхен. Интересно, что Ф. М. Достоевский в романе "Подросток" (1875) устами одного из героев почти теми же словами оттеняет музыкальную выразительность этой сцены: «Если б я сочинял оперу, то, знаете, я бы взял сюжет из "Фауста". Я очень люблю эту тему. Я все создаю сцену в соборе, так, в голове только, воображаю. Готический собор, внутренность, хоры, гимны, входит Гретхен, и знаете – хоры средневековые, чтоб так и слышался пятнадцатый век. Гретхен в тоске, сначала речитатив, тихий, но ужасный, мучительный, а хоры гремят мрачно, строго, безучастно: "Dies irae, dies illa!"» (Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч., т. 13, с. 352).

"Claudine von Villa Bella" – либретто И. В. Гёте. Гофман задумывает написать к этому тексту музыку, но, судя по всему, идея так и осталась нереализованной.

с. 53.

"Дон Карлос" – историческая драма Фридриха Шиллера (1759–1805); в центре ее образ наследника испанского престола Дона Карлоса и его наставника маркиза Позы, проповедника разума и гуманных общественных преобразований.

с. 54.

Корреджо, Антонио Аллегри (ок. 1489–1534) – итальянский художник, представитель Высокого Возрождения. Копия картины Корреджо "Кающаяся Магдалина" находится в Дрезденской картинной галерее.

Кауфман, Ангелика (1741–1807) – немецкая художница, представительница классицизма. С 1782 года жила в Италии, там познакомилась с Гёте; известен ее портрет великого поэта (1787). Многие картины художницы написаны на религиозные и мифологические сюжеты.

с. 56.

Хампе, Иоганн Самюэль (1770–1823) – музыкант и чиновник, акцизный и таможенный регистратор в Глогау, с 1816 г. государственный советник.

с. 57.

Референдарий – в Германии XIX в. низший чиновничий чин, соответствует современному "стажер"; после сдачи первого государственного экзамена референдарий проходит испытательный срок в ожидании перевода на более высокую должностную ступень.

Эссе "Картина" Каролины и Августа Вильгельма Шлегелей. – *Шлегель, Август Вильгельм* (1767–1845) – немецкий историк литературы, критик, поэт, переводчик, теоретик романтизма. Брат *Фридриха Шлегеля* (см. комм. к с. 20). *Шлегель, Каролина* (1763–1809) – дочь гаттингенского профессора И. Д. Михаэлиса, жена А. В. Шлегеля (впоследствии вышла замуж за Шеллинга – см. комм. к с. 21), играла большую роль в йенском романтическом кружке. Диалог "Картина" был помещен в третьем номере журнала "Атенеум" (1798–1800) и написан не без влияния Тика (см. комм. к с. 20, 21) и Вакенродера. Рассуждая о картинах Дрезденской галереи, Шлегель переходит к поэтическому восхвалению сюжетов христианской живописи

Вакенродер, Вильгельм Генрих (1773–1798) – немецкий писатель-романтик. В эссе "Об искусстве и художниках" (опубл. 1814) и в довершенном Людвигом Тиком романе "Странствования Франца Штернбальда" (1798) высказал важнейшие положения эстетики йенского романтизма.

с. 58.

Лафатер, Иоганн Каспар (1741–1801) – швейцарский писатель, автор популярного в конце XVIII – начале XIX века трактата по физиогномике.

...поцелуй *Йорика*. – Имеется в виду столь любимый Гофманом роман Лоренса Стерна (см. комм. к с. 31) "Сентиментальное путешествие мистера Йорика по Франции и Италии" (1768). Страницы, описывающие мимолетную встречу в Кале с очаровательной спутницей, которая завершается поэтическим поцелуем, принадлежат к числу лучших в мировой литературе.

с. 60.

...*ватиканский Аполлон*. – Римская мраморная копия статуи Аполлона, приписываемой иногда скульптору Леохару (середина IV века до н. э.), т. н. Аполлон Бельведерский, находится в Ватикане.

...*Фиеско*. – Имеется в виду центральный персонаж драмы Фридриха Шиллера "Заговор Фиеско в Генуе" (1783), политический честолюбец, мечтающий свергнуть тирана, чтобы самому занять его место.

с. 63.

...*примерно как "Эмилию Галотти" с "Разбойниками" Шиллера*. – "Эмилия Галотти" (1772) – драма немецкого просветителя Готтольда Эфраима Лессинга (1729–1781). Своим антифеодальным пафосом она близка шиллеровским "Разбойникам", однако, написанная по законам классицистской драмы, "Эмилия Галотти" значительно уступает "Разбойникам" в сценической выразительности. Решительный разрыв Шиллера с нормативной эстетикой классицизма, естественно, не мог не импортировать Гофману.

...*"Ночь" Корреджо*. – Имеется в виду знаменитая картина Корреджо "Святая ночь", находящаяся в Дрезденской картинной галерее.

...*"Магдалина" Баттони*. – Баттони, Помпео Джироламо (1708–1787) – итальянский художник, представитель академической школы барокко. Картина "Кающаяся Магдалина" находится в Дрезденской галерее.

...*стоял я перед "Мадонной" Рафаэля...* – Имеется в виду знаменитая "Сикстинская мадонна" Рафаэля Санти (1483–1520), жемчужина Дрезденской галереи.

...*статуи из Анциума и Геркуланума*. – Анциум, город южнее Рима на берегу Тирренского моря. Сохранились памятники искусства этрусков, а также прекрасные образцы римской скульптуры (на многочисленных виллах, служивших для отдыха римской знати). В развалинах древнего города найдено немало произведений древнего искусства, в частности Аполлон Бельведерский. Геркуланум – древний римский город вблизи современного Неаполя, разрушен и засыпан вулканическим пеплом при извержении Везувия в 79 г. н.э. Раскопки 1738–1765 гг. явили миру прекрасные образцы римского искусства. Были раскопаны жилые виллы, термы, театр, форум и др.

с. 64.

...*Кнобельсдорф, Георг Венцеслаус фон* (1699–1753) – немецкий

архитектор, предшественник классицизма XVIII в., с 1740 г. главный хранитель прусских королевских дворцов и парков. Автор изящных построек с интерьерами в стиле рококо – дворец Сан-Суси в Потсдаме (1745–1747), Оперный театр в Берлине (1741–1743).

Унтер-ден-Линден – главная улица в Берлине.

Левин, Рахель (1771–1833) – жена (с 1814 г.) выдающегося литературоведа и критика Карла Августа Фарнхагена фон Энзе (1785–1858), покровителя молодого Гейне. Содержала в Берлине модный литературный салон.

Герц, Генриетта (1764–1847) – жена врача Маркуса Герца, поддерживавшего дружбу с Кантом, одна из образованнейших женщин своего времени; содержала литературный салон, который долгое время был средоточием берлинской интеллектуальной жизни.

Шлейермахер, Фридрих (1768–1834) – немецкий писатель и философ, был близок йенским романтикам. Большое место в философском освоении мира отводил религии, которую трактовал как сугубо внутреннее переживание, дарующее чувство сопричастности бесконечному. Позже отошел от литературы, посвятив себя теологии.

...*Сионские стражи*. – Сион – холм в Иерусалиме, на котором легендарный библейский царь Давид возвел хорошо укрепленный город, столицу Иудеи.

"*Люцинда*" (1799) – роман Фридриха Шлегеля (см комм. к с. 20), программное произведение йенского романтизма. Новаторский по форме (в основе композиции лежал излюбленный романтиками принцип фрагмента), роман Шлегеля был новаторским и по содержанию, утверждая романтический идеал абсолютной свободы, в том числе и в сфере любовных отношений, проповедуя эмансипацию и полное раскрепощение женщины.

Рейхардт, Иоганн Фридрих (1752–1814) – композитор и писатель, автор книг о музыке. Был одно время придворным капельмейстером в Берлине, издавал "Музыкальный ежемесячник".

Гольбейн, Франц фон (1779–1855) – певец, актер и театральный директор. Берлинское знакомство (1798) с Гольбейном сыграло впоследствии большую роль в жизни Гофмана.

с. 65.

Зингшпиль (нем. Singspiel) – вид комической оперы с разговорными диалогами; особенно был распространен в XVIII в. в Германии и Австрии (оперы Моцарта "Похищение из сераля", "Волшебная флейта", под влиянием которых находился и молодой Гофман).

Опера-буфф (итал. opera buffa – комическая опера) – жанр итальянской оперы XVIII–XIX вв., его отличает комедийный сюжет и демократическая музыкальная основа.

Ифланд, Август Вильгельм (1759–1814) – известный актер и режиссер, автор мещанских драм и комедий, отразивших прозаический внутренний мир немецкого бюргера. С 90-х гг. руководитель прусского придворного театра, затем других крупных немецких театров.

Гуцков, Карл (1811–1878) – немецкий писатель и публицист, глава литературного течения "Молодая Германия".

с. 66.

Мосгейм, Иоганн Лоренц фон (1694–1755) – теолог и философ раннего Просвещения, сторонник более современных методов богослужения, приближенной к современности истории церкви.

...*Рахель*. – Имеется в виду Рахель Фарнхаген фон Энзе (см. комм. к с. 64).

с. 67.

...*некоторые Аспазии*... – Аспазия (ок. 470 до н. э. – ?) – афинская гетера, жена Перикла. Отличалась умом, образованностью и красотой, в ее доме собирались художники и поэты.

...*во главе с Катилиной, принцем Шметтау*... – Катилина (ок. 108–62 до н. э.) – римский претор в 68 г. В 66–63 гг. пытался захватить власть, привлекая недовольных обещанием кассации долгов; заговор был раскрыт Цицероном. Принц Шметтау, принц прусский Людовик (1772–1806), сын принца Фердинанда, принадлежал к воинственной партии, стоявшей за тесный союз с Австрией против Наполеона.

"*Оры*" – литературно-художественный журнал по вопросам искусства, редактировавшийся Шиллером (1795–1798).

с. 68.

...*августейшая эпоха*. – Август (63 до н. э. – 14 н. э.), римский император. Покровительствовал искусствам, собрал при дворе лучших поэтов своего времени.

Хаккерт, Якоб Филипп (1737–1807) – немецкий художник, представитель классицизма. В Италии с ним познакомился Гёте и написал его биографию.

с. 69.

Реберг, Фридрих (1758–1835) – немецкий художник, представитель классицизма. Как и Хаккерт, жил большей частью в Италии.

Юлий Сабин (?–79) – вождь галлов, которому на короткий срок (69–70) удалось вернуть Галлии независимость. Был разбит римским императором Веспасианом (9–79).

Вольф, Людвиг (1776–1832) – немецкий живописец и график, жил в Берлине.

ВТОРАЯ ГЛАВА

с. 73.

Куявия – историческая область на северо-востоке Польши, на границе с Поморьем и Пруссией.

Западная Мазовия (польск. назв. Мазовше) – историческая область Польши в среднем течении Вислы и нижнем течении Нарева и Буга.

Плоцк – город на Висле, в Мазовии (ныне – Варшавское воеводство).

Данциг – старое немецкое название города Гданьска (ПНР).

Торн – немецкое название города Торунь (Быдгошское воеводство, ПНР).

Костюшко, Тадеуш (1746–1817) – руководитель Польского восстания 1794 года, за которым последовал третий раздел Речи Посполитой. Был ранен в бою и взят в плен царскими войсками. Освобожден из Петропавловской крепости в 1796 году.

Суворов, Александр Васильевич (1729–1800) – русский полководец, генералиссимус (1799). В августе 1794 года Суворов был назначен командующим русскими войсками для подавления Польского восстания. В сентябре–октябре он нанес ряд крупных поражений повстанцам, его войска овладели предместьем Варшавы Прагой и затем заняли столицу. При этом Суворовым было проявлено гуманное отношение к "мятежникам" (отпущены пленные, запрещены реквизиции, введено требование не допускать "обид жителям" и т. д.).

с. 74.

Шварц, Иоганн Людвиг Георг (1759–1830) – немецкий литератор, автор коротких рассказов и мемуаров, чиновник в Хальберштадте, потом в Познани.

Дёбелин, Карл Теодор (1727–1793) – известный немецкий актер и театральный директор. Ему принадлежит немало прекрасных постановок классического репертуара (Шекспир, Шиллер и т. д.) на берлинской сцене.

с. 75.

...стражи Грааля. – Святой Грааль – в западноевропейских средневековых легендах таинственный сосуд [чаша], ради обретения которого и приобщения его благим действиям рыцари совершают свои подвиги. Здесь – в ироническом смысле.

с. 77.

...разогнанного ныне веселого кружка... – Имеется в виду кружок анакреонтических поэтов, главою которого был обосновавшийся в Хальберштадте поэт Иоганн Вильгельм Людвиг Глейм (1719–1803), создатель анакреонтической и военно-патриотической лирики.

с. 78.

Графиня Орсина – действующее лицо в драме Г. Э. Лессинга "Эмилия Галотти" (см. также комм. к с. 63), покинутая принцем любовница, интриганка.

Экосез (франц. *écossaise*, от *écossais* – шотландский) – шотландский народный танец, разновидность контрданса, в конце XVIII века стал бальным танцем.

с. 81.

Шевен, Георг Фридрих (1771–1807) – с 1803 г. фельдкурат (военный священник) в г. Плоцке.

с. 83.

...*хор в "Мессинской невесте" Шиллера.* – Ф. Шиллер предпослал драме "Мессинская невеста" статью "О применении хора в трагедии" (1803), где доказывал важность наследия античности для современной драматургии. Утверждая, что искусство театра не может и не должно стремиться лишь к плоскому правдоподобию, что оно всегда остается искусством, игрой, Шиллер обосновывает необходимость восстановления в трагедии хора по образцу древнегреческого театра: "Хор покидает узкий круг действия для того, чтобы высказать суждение о прошедшем и грядущем, о далеких временах и народах, обо всем человеческом вообще, чтобы подвести великие уроки жизни и напомнить об уроках мудрости" (Ф. Шиллер. Собр. соч. в 7 тт. М., 1955–1957, т. 6, с. 662).

Вагнер, Рихард (1813–1883) – немецкий композитор, дирижер. Реформатор оперы, Вагнер стремился к органическому слиянию музыки, слова и сценического действия, к непрерывному симфоническому развитию.

Коцебу, Август Фридрих Фердинанд фон (1761–1819) – немецкий писатель и драматург, автор сентиментально-мещанских драм, получивших широкое распространение на немецкой сцене. С 1803 по 1805 год Коцебу издает в Берлине литературный журнал "Прямодушный" ("Der Freimütige"). Монархист и реакционер. Был убит прогрессивно настроенным студентом Зандом (см. комм. к с. 294).

Месса – многоголосное циклическое хоровое произведение на текст католической мессы. Мессы сочиняли выдающиеся мастера вокальной полифонии эпохи Возрождения и последующего времени (Моцарт, Керубини и т. д.).

Хорал – (позднелат. *cantus choralis* – хоровое песнопение) – род религиозных песнопений на латинском языке (в католической церкви) или на родном языке (например, протестантский хорал в лютеранской церкви Германии).

...*зарисовки ваз из собрания лорда Гамильтона...* – Гофман перерисовывал гравюры с изображением античных ваз собрания лорда Гамиль-

тона по изданию "Sir Villiam Hamilton's Collection of Engravings from Antique Vases", осуществленному Вильгельмом Тишбейном в Неаполе в 1791–1809 гг.

Голие, А. К. фон. – См. с. 81.

с. 84.

Соборный капитул (лат. capitulum) – в католической церкви совет из духовных лиц при епископе, участвующий в управлении епархией.

Прелат – высокопоставленное духовное лицо (в католической церкви).

Каноник – в католической церкви член капитула. Обычно капитул включает четырех прелатов, четырех действительных и четырех почетных каноников.

Доминиканский монастырь – доминиканцы, члены нищенствующего ордена, основанного в 1215 году испанским монахом Домиником (1170–1221). После основания ордена иезуитов в XVI веке влияние ордена существенно пошатнулось.

...реформатский монастырь. – Реформаты – приверженцы кальвинизма в странах Европы.

...норбертинско-премонстрантский женский монастырь. – Орден пре-монстрантов основан монахом Норбертом (ок. 1085–1134), позже причисленным к лику католических святых, по уставу близок другим нищенствующим орденам. Ученики Норберта собирались первоначально на лугу, указанном ему, по его словам, небом (лат. pratum monstratum – отсюда название ордена). В XVIII веке число монастырей ордена резко сократилось, в настоящее время практически не существует.

Пиары – члены католического монашеского нищенствующего ордена, посвящавшие себя воспитанию и обучению юношества. Орден основан в 1607 г. в Риме святым Иосифом Калазанца, широко распространился в первой половине XVII века в Моравии, Чехии, Испании, Австрии, Пруссии и особенно в Польше.

Курии – здесь: хозяйственные и административные постройки епископата.

с. 85.

...огнедышащая гора Габриэли... – Очевидно, имеется в виду Джованни Габриэли (1557–1612), итальянский композитор, видный представитель венецианской полифонической школы, хорошо известный в Германии. Музыка Дж. Габриэли отличалась мощным звучанием, силой, монументальной красочностью.

с. 86.

Ареопаг (греч. *Áreios págos*, букв. холм Ареса) – высший орган судебной и политической власти в древних Афинах; в переносном смысле: собрание авторитетных лиц для решения каких-либо вопросов.

с. 87.

...письмо из Берлина... содержало известие, что дядюшка скончался... – Письмо, полученное Гофманом, написано было его двоюродным братом Эрнстом Людвигом Гартманом Дёрфером (1778–1831), бывшим в то время референдарием берлинского апелляционного суда, оно содержало известие о смерти дяди Иоганна Людвига Дёрфера (1743–1803), старшего советника берлинского трибунала, Гофман жил у него в свое время в Глогау.

...почему не... – Гофман думает о своем кёнигсбергском дядюшке Отто Вильгельме Дёрфере (1741–1811).

...вместе со всеми мечтателями спрятаться за гамлетовским изречением... – Трудно сказать, какое именно место из шекспировского "Гамлета" имеет здесь в виду Гофман. Возможно, знаменитый монолог:

Быть или не быть – таков вопрос;
 Что благородней духом – покоряться
 Пращам и стрелам яростной судьбы
 Иль, ополчась на море смут, сразить их
 Противоборством? Умереть, уснуть...

А возможно, монолог Гамлета после встречи с призраком:

Ах, я с таблицы памяти моей
 Все суетные записи сотру,
 Все книжные слова, все отпечатки,
 Что молодость и опыт сберегли;
 И в книге мозга моего пребудет
 Лишь твой завет, не смешанный ни с чем...

(Цитаты даны в переводе М. Лозинского)

В любом случае не подлежит сомнению, что Гофман прекрасно знал Шекспира и постоянно обращался к его произведениям.

Шметтау, Людвиг фон (род. ок. 1765) – советник апелляционного суда в Берлине, ходатайствовал относительно перевода Гофмана на другую должность, в другой город.

...продолжение шума из ничего... – намек на комедию Шекспира "Много шума из ничего".

с. 88.

...Уленшпигель. – Тиль Уленшпигель – герой немецких народных шванков XIV века, озорной подмастерье, балагур и бродяга, стяжавший известность всевозможными веселыми проделками. К образу Уленшпигеля нередко обращался крупнейший поэт XVI века Ганс Сакс (1494–1576).

Шик, Маргарита Луиза, урожд. Хаммель (1773–1809) – выдающаяся певица своего времени, с 1794 г. выступала в Берлине.

Маркетти – Мария Фантоцци, урожд. Маркетти (1776 – после 1812), певица, солистка итальянской придворной оперы в Берлине

Гильтебрандт, Иоганн Фердинанд (ок. 1777–1808) – старший советник юстиции в Плоцке.

Кузен. – См. комм. к с. 87.

Фоке, Иоганн Дитрих (ок. 1751–1813) – в то время советник прусского канцлера в Берлине. Гофман обращался к нему с просьбой о переводе.

...за чтением "Магии" Виглеба... – См. комм. к с. 37.

Савонарола, Джироламо (1452–1498) – настоятель доминиканского монастыря во Флоренции. Выступал против тирании Медичи, обличал папство, призывал к аскетизму. В 1497 г. отлучен от церкви, сожжен на костре. Гофман имеет в виду книгу, написанную Карлом Фридрихом Бенковицем: "Савонарола, мученик во Флоренции. Удивительная история из XV века". Лейпциг, 1801.

...всемогущий Б. [Бейме] – Бейме, Карл Фридрих (1765–1838), советник по назначениям министерства юстиции в Берлине.

с. 89.

...как Моисей однажды увидел землю обетованную... – Согласно библейскому преданию, пророк Моисей вывел свой народ из Египта и после долгих испытаний привел его к земле Ханаанской; однако самому Моисею не дано было вступить на землю обетованную, он лишь издали увидел ее перед смертью.

Дело Сераковского. – Доклад по делу крупного землевладельца Антона фон Сераковского, объявившего себя банкротом, делал Гофман.

Бахман, Вильгельм И. Людвиг фон (ок. 1765–1831) – комиссар юстиции в Плоцке.

Ланге, Генрих Фридрих (род. ок. 1777) – правительственный советник в Плоцке.

...выпили епископского... – красное сухое вино с добавлением всевозможных пряностей.

Хакебек (ок. 1755–1826) – комиссар юстиции в Плоцке.

Рейхенберг, Август Людвиг Фридрих (1750–1832) – правительственный советник в Плоцке.

с. 90.

Богуславский, Войцех (1757–1829) – польский режиссер, драматург, артист и певец. Педагог, один из создателей польского профессионального театра.

Брентано, Клеменс. – См. комм. к с. 22. Собиратель и пропагандист немецкого фольклора, Брентано известен также как автор баллад, рассказов и сказок в народном духе. Либретто "Веселые музыканты" построено на народно-поэтической основе.

с. 91.

...на сюжет пьесы Кальдерона "Цветок и перевязь", переведенной... Августом Вильгельмом Шлегелем... – Кальдерон де ла Барка, Педро (1600–1681) – крупнейший драматург испанского барокко, унаследовавший традиции ренессансной литературы. Творчество Кальдерона стало хорошо известно в Германии благодаря переводам Августа Вильгельма Шлегеля (см. комм. к с. 57) и выпущенному им двухтомнику "Испанский театр" ("Spanisches Theater", I–II, 1803–1804).

...он дал ей имя Цецилия в честь покровительницы музыки. – Святая Цецилия почитается в католической церкви как покровительница музыки, это один из излюбленных образов в живописи Ренессанса; день св. Цецилии празднуется 22 ноября.

Эльснер, Юзеф (1769–1854) – польский композитор и дирижер, учитель Фредерика Шопена (1810–1849). Эльснер написал музыку к тридцати операм, оставил немало камерно-инструментальных и фортепианных произведений. Долгие годы руководил основанным им Институтом музыки и декламации в Варшаве.

"Союз Полярной звезды" – литературное объединение начинающих поэтов на рубеже XVIII–XIX вв. Двое из них: Фридрих де ла Мотт Фуке (1777–1843) и Адельберг фон Шамиссо (1781–1838) – стали впоследствии известными писателями.

с. 92.

...армия... была уничтожена в октябре 1806 года под Йеной и Ауэрштедтом. – Имеется в виду так называемое Йена-Ауэрштедтское сражение во время русско-пруско-французской войны 1806–1807 гг., в котором была полностью разгромлена прусская армия.

"Польский легион" – добровольческие польские воинские части при иностранных армиях, сформированные в целях борьбы за восстановление независимости Польши (XVIII–XX вв.) Впервые созданы в 1797 г. в Италии в ходе итальянского похода Бонапарта. В войне против Пруссии на стороне Наполеона участвовали два польских легиона под командованием генералов Ю. Зайончека и Г. Володкевича.

с. 96.

...одному из знакомых Фальстафа тоже предстояло стать его дру-

гом... – Хитциг намекает здесь на Людвига Девриента (1784–1832), знаменитого берлинского актера, исполнявшего роль Фальстафа в постановке "Генриха IV" на берлинской сцене. Гофмана связывала с Девриентом большая дружба.

Мниох, Иоганн Якоб (1765–1804) – малоизвестный немецкий писатель.

...о "*Штернвальде*". – См. комм. к с. 21

Уден, Вильгельм (1763–1835) – прусский дипломат.

Бартольди, Саломон (1779–1825) – немецкий писатель и путешественник, автор "Фрагментов, способствующих знакомству с нынешней Грецией".

с. 97.

"*Взбешенный музыкант*" – гравюра на меди английского художника и графика Уильяма Хогарта (1697–1764), мастера сатирического бытового жанра.

Беннониты – немецкая католическая община в Варшаве (по имени святого Бенно). Когда пруссаки заняли Варшаву (1795), деятельность беннонитов была ограничена, после захвата Варшавы французами в ходе наполеоновских войн монастырь беннонитов был закрыт.

Конфирманты – в католической и протестантской религии подростки, впервые приобщаемые к церковной общине (у католиков – благодаря первому причастию).

...*янычарская музыка*. – Янычары (*тур.* уeníçerí, букв. новое войско), турецкая регулярная пехота, созданная в XIV веке. Здесь янычарская музыка в смысле: непривычная, экзотическая, дикая музыка.

Тутти (*итал.* tutti, букв. все) – исполнение музыки всем составом хора, оркестра.

с. 98.

Краковское предместье – улица на юго-западе Варшавы, застроена в стиле барокко и классицизма (XVI–XVIII вв.).

Лазенки – дворцово-парковый комплекс в Варшаве, памятник раннего классицизма. Отличался строгими (несмотря на элементы барокко) формами, камерными масштабами построек, их гармоничной связью с пейзажным парком. Во времена Гофмана королевская резиденция.

Эпикуреец – последователь эпикуреизма, учения, исходящего из идей древнегреческого философа-материалиста Эпикура (341–270 до н. э.). В новое время эпикуреизм развивался с эпохи Возрождения, затем – в материалистических и просветительских течениях XVII–XVIII вв. Цель эпикуреизма – отсутствие страданий, здоровье тела и состояние безмятежности духа.

Да вот только русские, наверное, не позволят, чтоб я долго оставался здесь... – В 1805 году в ходе наполеоновских войн была создана 3-я антифранцузская коалиция (Великобритания, Австрия, Россия, Швеция), главная роль в которой возлагалась на вооруженные силы Австрии и России. Летом 1805 года у прусских границ наблюдалось большое сосредоточение русских войск.

Труфальдино, Тарталья, Панталоне – традиционные персонажи-"маски" итальянской комедии дель арте, особого вида итальянского народного театра XVI–XVII вв.

Гоцци, Карло (1720–1806) – итальянский драматург. В своих пьесах использовал некоторые мотивы итальянской комедии масок.

Вилянув – королевская усадьба с дворцом и парком в предместье Варшавы.

с. 99.

Бернардинцы, или цистерцианцы, – члены католического монашеского ордена, основанного в 1098 г. (первый монастырь ордена – Цистерциум, неподалеку от Дижона во Франции). Бернардинцами стали называться после реорганизации ордена настоятелем Бернаром Клервоский (1090–1153) позже причисленным католической церковью к лику святых.

Огинский, Михал Клеофас (1775–1833) – польский композитор, участник Польского восстания 1794 г. Особенно известны фортепианные пьесы и полонезы Огинского, ему также приписывается боевая песня "Еще Польша не погибла", ставшая позднее польским национальным гимном.

Дворец Мнишков. – Мнишки [Мнишеки] – знаменитый польский графский род. Во дворце Мнишков помещалось тогда Музыкальное собрание.

с. 101.

Рецензент – Э. Т. А. Гофман; текст представляет собой отрывок из его статьи "Двенадцать полонезов для фортепиано графа Огинского".

...все развитие рыцарского романа времен короля Артура. – Рыцарский роман – один из основных жанров средневековой литературы (XII–XIV вв.). Описывал подвиги идеального героя-рыцаря, совершаемые, как правило, во имя возвышенной, "рыцарской" любви. Особенно популярны были романы о легендарном короле бриттов Артуре (V–VI вв.), борвшемся с англосаксонскими завоевателями. Артур и его рыцари "Круглого стола" наиболее полно воплощали нравственные идеалы рыцарства.

Прага – предместье Варшавы на правом берегу Вислы.

с. 102.

Понятовский, Юзеф (1763–1813) – польский генерал, участник

Польского восстания 1794 г. В 1806 г. перешел на службу к Наполеону. С 1807 г. военный министр герцогства Варшавского, в 1812–1813 командовал корпусом в наполеоновской армии, провозглашен Наполеоном в 1813 г. маршалом Франции. Погиб в Лейпцигском сражении.

Мюрат, Иоахим (1767–1815) – сподвижник Наполеона I и его зять (с 1800), маршал Франции (с 1804), король Неаполитанский (с 1808). Участвовал во всех наполеоновских войнах, командовал конницей.

Мильте, Эдуард Жан-Баттист (1766–1833) – французский генерал (с 1800), командовал в наполеоновской армии кавалерийскими отрядами, был начальником штаба у Мюрата.

Выбицкий, Юзеф (1747–1822) – польский политический деятель и публицист, один из активных участников Польского восстания 1794 г. После взятия Варшавы эмигрировал во Францию. Автор текста польского национального гимна "Еще Польша не погибла".

с. 103.

Дарю, Пьер Антуан Бруно (1767–1829) – французский государственный деятель и писатель, служил в военном министерстве, был генерал-интендантом Дунайской армии. Получил графский титул от Наполеона I, выполнял его важные поручения.

Паэр, Фердинандо (1771–1839) – итальянский композитор и дирижер, автор ряда опер, был произведен Наполеоном в придворные капельмейстеры.

с. 104.

Кульмейер, Людвиг Вильгельм (1779–1846) – адвокат и музыкант-любитель, варшавский друг Гофмана.

с. 105.

"Cosi fan tutte" ("Так поступают все женщины", 1790), *"Фигаро"* ("Свадьба Фигаро", 1786) – оперы В. А. Моцарта.

Протонотариус – титул, жалуемый папой уважаемому лицу духовного звания.

с. 107.

Мемель – старое немецкое название города Клайпеда в Литовской ССР.

Цельтер, Карл Фридрих (1758–1832) – немецкий музыкальный педагог, композитор, хоровой дирижер. Организатор первого хорового любительского общества, а также королевского института музыки и школы оркестровой игры в Берлине.

Фихте, Иоганн Готлиб (1762–1814) – немецкий философ, представитель немецкого классического идеализма. Профессор (1810) и первый выборный ректор Берлинского университета.

Бернгарди, Август Фердинанд (1769–1820) – писатель, педагог и философ, состоял в родстве с Людвигом Тиком (см. комм. к с. 20) благодаря женитьбе на его сестре.

с. 108.

"Аттила" – одна из так называемых "мистических драм" Захарии Вернера (см. комм. к с. 21). Аттила (?–453) – легендарный предводитель гуннов.

Вебер, Бернгард Ансельм (1766–1821) – немецкий композитор, автор ряда опер, в том числе на сюжет драматических произведений Гёте и Шиллера; с 1809 г. придворный капельмейстер короля Пруссии.

с. 110.

Мадам Леви – Сара Леви, урожд. Итциг (1761–1854), приходилась родной теткой Хитцигу (см. комм. к с. 41).

Виццер, Иоганн Готлиб – комиссар юстиции в Берлине.

Шнейдер, Фридрих (1786–1853) – немецкий композитор, придворный капельмейстер в Дессау.

Мадам Зебальд – супруга советника юстиции Зебальда.

с. 112.

Роберт, Людвиг (наст. имя Маркус Левин, 1778–1832) – писатель, брат Рахели Левин (см. комм. к с. 64).

...роман о жизни художника... – Сохранилась лишь часть упоминаемого Гофманом романа, отдельные главы которого написаны были Фарнгагеном, драматургом и прозаиком Вильгельмом Нейманом (1781–1834), Фуке, Бернгарди и Шамиссо.

Фео, Франческо (1685–1761) – неаполитанский композитор, автор опер и произведений для церковного хора.

Дуранте, Франческо (1684–1755) – неаполитанский композитор, директор консерватории.

с. 115.

Тиргартен – район Берлина.

"Крест" – трагедия Захарии Вернера "Крест на Балтийском море" (1806). *Преголла* – персонаж драмы.

"Освящение силы" – трагедия Захарии Вернера "Мартин Лютер, или Освящение силы" (1807), с симпатией рисующая образ выдающегося деятеля Реформации, героя "великой религиозной революции", основателя лютеранства, основоположника немецкого литературного языка.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

с. 119.

Франкония – историческая область Германии (ныне в составе ФРГ) в бассейне реки Майн.

Генрих II Святой (973–1024) – император Священной Римской империи германской нации (см. комм. к с. 29). Возвел в 1004 году в Бамберге собор (архитектура переходного периода от романского к готическому стилю), там и похоронен.

Померсфельден – замок в стиле барокко, принадлежавший графу Шёнборну (см. комм. к с. 163), построен в 1711–1718 гг. архитектором Иоганном Динценхофером (1663–1726). В замке имелась картинная галерея.

Секуляризация (от *лат.* *saecularis* – мирской, светский) – освобождение общественного и индивидуального сознания от влияния религии.

Виттельсбахи – южногерманский род, правивший в 1180–1818 гг. в Баварии.

Стеффенс, Генрик (1773–1845) – немецкий естествоиспытатель и философ, последователь Шеллинга.

с. 120.

Ветцель, Фридрих Готлиб (1779–1819) – немецкий писатель, поэт и драматург, писал юмористические стихи с примесью фантастического элемента.

Дюрер, Альбрехт (1471–1528) – немецкий живописец и график, основоположник искусства немецкого Возрождения. Романтики словно открывали его творчество заново, видя в Дюрере идеал подлинного художника, служителя высокого искусства.

...вакенродеровский композитор Йозеф Берглингер... – В своих романтических фрагментах "Сердечные излияния одного монаха – любителя искусств" Вакенродер создает новый тип романтического героя, художника, пытающегося совместить несовместимое – идеальное искусство и конкретную действительность. Конфликт между мечтой и действительностью приобретает у Вакенродера трагические черты.

Регниц – река в Баварии, ФРГ.

Куно, Генрих (1772–1829) – артист, книготорговец и директор театра в Бамберге.

с. 121.

Куно, Карл Фридрих (1785–1849) – виноторговец и с 1813 г. издатель; владелец частной библиотеки в Бамберге.

Шнейер, Карл Фридрих (1780–1839) – немецкий врач, автор ряда научных трудов.

Магнетизм (от греч. *magnetis* – магнит) – этим понятием в XVIII–XIX вв. обозначали комплекс явлений, связанных с гипнотическим внушением. Поскольку природа этого явления была мало изучена, в толковании его преобладал мистицизм, на гипнозе лежал отпечаток роковой тайны.

Соден, Юлиус фон (1754–1831) – драматург и дипломат, одно время являлся директором театра в Бамберге.

с. 122.

Зекендорф, Карл Август фон (1774–1828) – президент апелляционного суда в Бамберге.

Штенгель, Стефан фон (1750–1822) – баварский генеральный комиссар юстиции, ценитель и знаток искусства, коллекционер.

Дочь герцога Баварского, принцесса Невшательская – Каролина, дочь герцога Баварского Вильгельма, вышла замуж за наполеоновского маршала Луи Александра Бертье (1753–1815), получившего титул герцога Невшательского. Гофман написал в ее честь музыкальный пролог под названием "Паломница".

с. 125.

...обучать пению супругу герцога Пия... – Герцог Пий (1786–1837), слабоумный сын герцога Баварского Вильгельма (1752–1837), из-за многочисленных диких выходок был удален от двора в Байрейт. Его супругой была герцогиня Амалия Луиза, урожденная принцесса Аренберг (1789–1823). Обещанные уроки так и не состоялись, однако всю герцогскую семью Гофман вывел в романе "Житейские воззрения кота Мурра" под именами князя Ириныя, принца Игнатия, принцессы Гедвиги.

Гнусная война. – В апреле 1809 г. Австрия объявила войну Франции, используя благоприятный момент усилившегося сопротивления Наполеону в Испании.

с. 126.

...афиши с декорациями к "Чертовой мельнице". – "Чертова мельница" – волшебная опера австрийского композитора Венцеля Мюллера (1759–1835) по либретто немецкого драматурга Карла Фридриха Генслера (1761–1825).

"Музыкалише цайтунг" – точнее, "Альгемайне музыкалише цайтунг" ("Всеобщая музыкальная газета"), издавалась в Лейпциге в 1798–1848, 1863–1865 гг. при музыкальном издательстве "Брейткопф и Гертель" (см. комм. к с. 154).

Рохлиц, Фридрих (1769–1842) – немецкий писатель и драматург, в 1798–1818 гг. главный редактор "Альгемайне музыкалише цайтунг".

с. 127.

Годен, Амелия – дочь Фридриха Шпейера (см. комм. к с. 121).

с. 130.

Бабенберг, Адальберт фон – представитель древнего графского рода во Франконии, в X в. боролся за главенствующее положение с графским родом Конрадинов. Взят в плен и казнен в 906 г.

с. 132

...кормило других обещаниями (говоря шекспировским слогом). – Ср. цитату из "Гамлета": "...живу на хамелеоновой пище, питаюсь воздухом, пичкаюсь обещаниями; так не откармливают и каплунов" ("Гамлет", акт III, сцена 2, пер. М. Лозинского).

с. 133.

Вармут, Каспар – придворный трубач в Бамберге, квартирный хозяин Гофмана.

с. 135.

Фридрих Великий – так называли короля Пруссии Фридриха II (см. комм. к с. 30).

с. 136.

Спонтини, Гаспаре Луиджи Пасифико (1774–1851) – итальянский композитор, автор ряда опер, член Прусской академии искусств.

Мизерере – католическое церковное песнопение на латинский текст 50-го псалма (начинается словами "Miserere mei Deus" – "Помилуй меня, боже"). Многие композиторы писали на традиционный текст многоголосные произведения.

Канцонетта (итал. canzonetta) – небольшая многоголосная песня, подвижная, часто танцевального характера.

Фуке – де ла Мотт Фуке, Фридрих (1777–1843), поэт-романтик. Военно-патриотические мотивы соседствуют в его поэзии с традиционно-романтическими. Романтическая сказка Фуке "Ундина" вдохновила Гофмана на создание оперы.

с. 137.

Экзерсис (от exercise, франц.) – упражнение для развития, совершенствования техники исполнения (в музыке, танце).

с. 138.

Симфония № 5 в c-тоl Людвиг ван Бетховена. – Основная тема этого известнейшего бетховенского произведения – борьба за свободу. Единство целого цементируется также лейтмотивом "судьбы".

с. 138.

Диттерсдорф, Диттерс фон (1739–1799) – австрийский композитор,

автор многочисленных инструментальных произведений, опер на немецкие и итальянские либретто, ораторий, песен, церковной музыки. Примыкал к стилю так называемой ранней венской школы.

Batailles des trois empereurs (франц.) – "Битвы трех императоров"; имеется в виду сражение при Аустерлице (1805). На эту тему написано было немало музыкальных произведений, например симфония "Великое сражение при Аустерлице" французского композитора Луи Жадена (1768–1853).

с. 140.

Беиорт, Ионас Фридрих (1767–1846) – немецкий оперный певец.

с. 142.

Шиканедер, Эмануэль (1751–1812) – немецкий оперный артист, автор либретто к опере В. А. Моцарта "Волшебная флейта".

с. 144.

...он ничего не знал тогда о гётевских опытах в Веймаре, посвященных великому испанцу... – Гёте с 1791 г. руководил в Веймаре придворным театром. С творчеством Кальдерона он впервые познакомился в 1802 г., когда А. В. Шлегель передал поэту рукописи нескольких переведенных им пьес испанского драматурга (см. комм. к с. 91). В период с 1811 по 1815 год Гёте ставит на веймарской сцене три программные пьесы Кальдерона: "Стойкий принц", "Жизнь есть сон", "Великая Зенобия". Гёте неоднократно отмечал сценическое мастерство испанского драматурга. "У Кальдерона вы видите то же театральное совершенство. Его пьесы абсолютно сценичны, в них нет ни единой черточки, которая благодаря точному расчету автора не предусматривала бы определенного сценического воздействия. Кальдерон гений, и к тому же одаренный исключительным разумом" (И. П. Эккерман. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. М., 1981, с. 179).

Клейст, Генрих фон (1777–1811) – немецкий писатель-романтик. Иррационально-романтическое начало сплавлено в творчестве Клейста с жизненной достоверностью и элементами социальной сатиры. В драме "Кетхен из Гейльбронна, или Испытание огнем" (1808) Клейст создает привлекательный образ простой девушки Кетхен, не свободный, однако, от религиозно-мистической окраски.

Мюльнер, Адольф (1774–1829) – немецкий адвокат и писатель, драматург, писал в духе "трагедии рока".

Фосс, Юлиус фон (1768–1832) – второстепенный немецкий драматург и писатель, автор модных развлекательных пьес.

Мейнингенский театр – придворный театр герцога Георга II (1826–1914) в г. Мейнингене. Широкую известность приобрел в 60-90-е годы XIX века, явив собою яркий пример реалистической сцены. Мейнингенцы стремились к исторической достоверности в декорациях и костюмах, не допускали искажений или сокращений в текстах.

с. 146.

...декорация *"Открытия Америки"*. – Гофман имеет в виду пьесу "Открытие Нового Света" немецкого драматурга и директора театра в Брауншвейге Августа Клингемана (1777–1831), к которой он готовил декорации.

...утром работал над *"Родериком"*. – Имеется в виду "Родерик и Кунигунда", кводлибет (многоголосное музыкальное произведение шуточного характера) в 2-х действиях. Гофман написал музыку на либретто немецкого драматурга и журналиста Игнаца Франца Кастелли (1781–1862). Опера была исполнена и оствистана 23 февраля 1812 г.

...помогал в *"Кетхен из Гейльбронна"* в сцене пожара. – Гофман зажигал вместе с подручными бенгалские огни, чтобы воспроизвести пожар в замке, где заключена была Кетхен.

...у Шекспира, где люди пляшут вокруг разверстой могилы. – Гофман скорее всего имеет в виду комедию "Сон в летнюю ночь", где за пародийным представлением трагической истории Пирама и Тисбы, заканчивающейся гибелью влюбленных, следует – без всякого перехода и эпилога – веселый "бергамский танец". Эту шекспировскую комедию Гофман особенно любил и часто цитировал.

с. 148.

...эти великие трагедии... неоднократно перерабатывались для нашей сцены. – Шиллер переработал для немецкого театра шекспировского "Макбета"; режиссер, актер и переводчик Фридрих Людвиг Шрёдер (1744–1816) – "Гамлета" и "Короля Лира". (Шрёдер и сам писал пьесы, которые пользовались большим сценическим успехом.)

"Людская ненависть и раскаяние" – пьеса Августа фон Коцебу (см. комм. к с. 83).

"Осенний день" – комедия Августа Вильгельма Ифланда (см. комм. к с. 65).

с. 151.

Сервантес Сааведра, Мигель де (1547–1616) – испанский писатель эпохи Возрождения, оказал огромное влияние на мировую литературу. В его "Назидательных новеллах" (1613) есть "Новелла о беседе, имевшей место между Сипионом и Бергансой, собаками госпиталя Воскресения Христова, находящегося в городе Вальядолиде, за воротами Поединка, а собак этих обычно называют – собаки Маудеса".

с. 152.

"Кетхен" – имеется в виду пьеса Генриха фон Клейста "Кетхен из Гейльбронна".

"Поклонение кресту" – религиозная драма Кальдерона.

Вновь возвращаюсь к неподражаемому Клейсту, чтобы просить Вас сообщить что-нибудь о его героической смерти. – В ноябре 1811 г. на берегу озера Ванзее близ Берлина Клейст покончил с собой, предварительно застрелив – по ее просьбе – свою возлюбленную Генриетту Фогель.

Негели, Ганс Георг (1773–1836) – швейцарский музыкальный педагог и издатель. Имел в Цюрихе книготорговое музыкальное дело.

с. 154.

...небольшой гонорар за перевод. – Гофман переводил для Гертеля (см. ниже) "Скрипичную методу" известных французских скрипачей и композиторов Пьера Роде (см. комм. к с. 175), Родольфа Крейцера (1766–1831) и Пьера Байо (1771–1842).

...поскольку Брейткопф и магазин Гертеля переслали мне уже небольшой гонорар. – Гофман сотрудничал с музыкальной издательской и книготорговой фирмой "Брейткопф и Гертель", основанной в 1795 г. на базе издательства "Брейткопф и сыновья", достигшего расцвета при Г. И. Брейткопфе (1719–1794). Мировое значение издательство приобрело с конца XVIII в. благодаря деятельности Г. К. Гертеля (1763–1827).

с. 155.

Секонда, Йозеф (ум 1820) – директор оперы в Лейпциге и Дрездене.

"Я отбыл годы учения и мученичества в Бамберге..." – намек на известные романы Гёте "Годы учения Вильгельма Мейстера" (1796) и "Годы странствий Вильгельма Мейстера" (1829). Как видно из приведенных дат, второй гётевский роман появился значительно позже отъезда Гофмана из Бамберга, скорее всего, Кунц приписывает задним числом эту фразу Гофману, подгоняя ее под известный гётевский образ.

с. 158.

"Ombra adorata " (итал., "Возлюбленная тень") – ария, сочиненная известным итальянским певцом и композитором Джироламо Крешентини (1762–1846) для оперы его соотечественника Никола Антонио Цингарелли (1752–1837) "Джульетта и Ромео" и имевшая в его исполнении огромный успех.

с. 160.

"Sargino" – "Сарджино, или Возвращенный любовью", опера Фердинанда Паэра (см комм. к с. 103). *"Gran Dio"* (итал., "Великий боже") – ария из оперы.

с. 161.

"Иосиф" – комическая опера французского композитора Этьенна Никола Мегюля (1763–1817), получившая европейскую известность.

Приехал из Гамбурга купец Грѣпель. – Грѣпель, Иоганн Герхард (1780–1821), гамбургский купец, вместе со своим отцом, сенатором,

вел гамбургский банкирский дом "Грёпель и сын", будущий муж Юльхен Марк.

с. 162.

"Il colpo è fatto! – "Удар нанесен!" – цитата из речитатива графа Альмавивы в опере В. А. Моцарта "Свадьба Фигаро" (1786) (III действие).

с. 163.

Мамона – у некоторых древних народов божество богатства и наживы В христианских церковных текстах – символ стяжательства, жадности, чревоугодия.

Шёнборн, Карл фон (1674–1756) – архиепископ Бамбергский и Вюрцбургский. Его брат, Лотар Франц фон Шёнборн (1655–1729), тоже архиепископ, покровительствовал искусству, построил замок Померсфельден (см. комм. к с. 119).

с. 166.

Тарное, Фанни (1779–1862) – модная в то время писательница, автор тривиальных романов.

с. 168.

Эти слова следует принимать и как критику вакенродеровского образа – капельмейстера Йозефа Берглингера... – В новелле "Достопримечательная музыкальная жизнь композитора Йозефа Берглингера", завершающей сборник вакенродеровских эссе (см. комм. к с. 57), ставится проблема несовместимости искусства и жизни. Композитор Берглингер сходит с ума и вскоре умирает.

с. 169.

Днем у Беверна. – *Георг Беверн* (1758–1843) – владелец кофейни в Бамберге.

...вечер в "Пумперникеле". – Имеется в виду "Господин Рохус Пумперникель", комическое попури *Матеуса Штегмайера* (1771–1830) на темы опер Моцарта, Сальери и других.

Буг – место прогулок неподалеку от Бамберга.

Предчувствие райской музыки... – Подробнее Гофман говорит об этом в прозаическом отрывке "Предчувствие из мира звуков" (1814).

"Два слова, или Ночлег в лесу" – комическая опера французского композитора Никола Мари Далеирака (1753–1809).

с. 170.

Бессознательное восприятие. – Здесь Гофман переключается с небольшим эссе Генриха Клейста "О театре марионеток" (1810). Разъединяя в человеке физическое и духовное начало, Клейст приходит к выводу, что душа никогда не бывает в согласии с телом и сознание лишь

препятствует человеку в стремлении обрести абсолютную гармонию. Отсюда большое значение бессознательного, интуитивного.

Моцарт в детстве... – Гофман ссылается на известный эпизод из биографии Моцарта: сочиняя в восемь лет первую свою симфонию, юный композитор попросил двенадцатилетнюю сестру Наннерль напомнить ему о валторнах, чтобы он мог придумать для них свою тему.

...стоящий здесь на пюпитре мой старый друг... – Далее поясняется, что речь идет о так называемых "гольдберговских вариациях" (Клавирные упражнения, четвертая часть: ария с тридцатью вариациями, 1742) *Иоганна Себастьяна Баха* (1685–1750), которые Бах посвятил своему другу и ученику, органисту и клавесинисту *Иоганну Готлибу Гольдбергу* (1727–1756).

...изданных у Негели в Цюрихе... – См. комм. к с. 152.

с. 172.

Ариэтта – небольшая ария, обычно в двухчастной форме, отличающаяся простотой изложения, песенностью мелодии. Нередко требовала в исполнении блестящего колоратурного стиля.

Дуэттино – небольшая пьеса для двух исполнителей.

"Мицение ада" – ария Царицы ночи из второго акта оперы Моцарта "Волшебная флейта", одна из труднейших в репертуаре колоратурного сопрано.

"Геба, смотри" – песня популярного композитора *Фридриха Генриха Гиммеля* (1765–1814), впервые появилась в 1798г. в его "Немецких песнях".

"Ах, я любила" – ария Констанцы из второго акта оперы Моцарта "Похищение из сераля".

"Фиалка на лугу" – песня Моцарта на слова стихотворения Гёте "Фиалка".

Тремоло (итал. tremolo, букв. дрожащий) – многократное быстрое повторение одного звука; быстрое чередование двух несоседних звуков или двух созвучий (интервалов, аккордов), отдельного звука и созвучия.

...в прическе à la Titus – модная в те годы прическа с короткими локонами, как на скульптурном портрете римского императора Тита (см. комм. к с. 23).

...быстро устраивается все для первого хора из "Тита". – "О боги, защитите Тита" – хор из оперы Моцарта "Милосердие Тита" (1791).

с. 173.

"Nel cor mi non piu sento" – правильно: "Nel cor piu non mio sento –

дуэтино из пасторальной оперы итальянского композитора *Джованни Паизиелло* (1740–1816) "Мельничиха".

"*Ah, vous dirai-je, tatan*" – французская песенка, часто использовавшаяся в качестве темы для вариаций, в частности Моцартом и *Людвигом Бергером* (1777–1839).

с. 174.

"*Когда меня твой взор манит*" – ария из оперы "Прерванное жертвоприношение" *Петера Винтера* (1754–1825), которой сам Гофман неоднократно дирижировал.

...*легкие у него, как у племянника Рамо*. – Диалог французского просветителя *Дени Дидро* (1713–1784) "Племянник Рамо" не был издан при его жизни и появился впервые на немецком языке в 1804 г. в переводе Гёте и с обширным его комментарием, подготовив тем самым почву и для французского издания. Характеризуя своего героя, Дидро замечает: "Отличается же он крепким сложением, пылкостью воображения и на редкость мощными легкими" (Д. Дидро. Монахиня. Племянник Рамо. Жак-фаталист. М., "Художественная литература", 1973, с. 184).

с. 175.

"*Армида*" – героическая опера Кристофа Виллибальда Глюка (1714–1787).

...*большую сцену донны Анны из "Дон Жуана"*. – Опера Моцарта "Дон Жуан" была особенно любима Гофманом.

Роде, Жак Пьер Жозеф (1774–1830) – известный французский скрипач, автор знаменитых этюдов для скрипки. Гофман слышал его игру в Бамберге в 1811 г. (См. также комм. к с. 154.)

с. 176.

Солитер (франц. *solitaire*, от лат. *solitarius* – одинокий) – крупный бриллиант, вправленный в перстень, брошь или другое изделие отдельно, без других камней.

Корелли, Арканджело (1653–1713) – итальянский композитор, педагог, виртуоз скрипичной игры.

с. 178.

Битва народов против Наполеона – Лейпцигское сражение 1813 г., решающее сражение в войне России, Австрии, Пруссии и Швеции против наполеоновской Франции. Состоялось 4–7 октября 1813 г.

Бретцнер, Кристоф Фридрих (1748–1807) – торговец, коллекционер и театральный директор в Лейпциге; по его либретто Моцарт написал оперу "Похищение из серала".

...*в здешней Штенгелевой коллекции*. – См. комм. к с. 122.

Жан Поль (наст. имя Иоганн Пауль Фридрих Рихтер, 1763–1825) –

немецкий писатель и теоретик искусства. В его творчестве просветительские идеи своеобразно сочетались с принципами сентиментализма, фантастический же элемент подчеркивал известную близость к романтикам.

с. 179.

Добенек, Фридрих Людвиг Фердинанд фон (1771–1810) – филолог, издатель "Героических саг немецкого средневековья".

Канне, Иоганн Арнольд (1773–1824) – немецкий филолог и писатель, автор книг на исторические темы. Книга "Первые исторические документы" вышла в свет в Байрейте в 1808 г.

...одна из подруг жены *Жан Поля*. – Имеются в виду Минна Дёрфер и расторгнутая в 1802 г. помолвка.

с. 180.

Дитмайер, Антон (1774–1835) – скрипач и концертмейстер в Бамберге, постоянно интриговал против Гофмана.

3. – возможно, бамбергский банкир *Эдуард Зелигман* (1747–1824).

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

с. 184.

Моргенрот, Франц Антон (1780–1847) – виолончелист в Дрездене.

Гарденберг, Карл Август фон (1750–1822) – государственный канцлер Пруссии.

"*Черный замок*". – Имеется в виду комическая опера "Леон, или Замок Монте-Негро" Никола Мари Далейрака (см. комм. к с. 169).

с. 185.

...моему любезнейшему. – Так в Бамберге в шутку называли наемных кучеров с каретой.

с. 186.

...за королем и императором следуют... – Имеются в виду король Пруссии Фридрих Вильгельм III (1770–1840) и российский император Александр I (1777–1825).

Хассе, Иоганн Адольф (1699–1783) – немецкий композитор и оперный певец, примыкал к неаполитанской оперной школе.

Штегеман, Фридрих Август фон (1763–1840) – советник прусского канцлера Гарденберга (см. комм. к с. 184).

Бартольди, Саломон Якоб (1799–1825) – брат матери Феликса Мендельсона-Бартольди (1809–1847), кузен Эдуарда Хитцига; после принятия протестантства взял фамилию Бартольди.

с. 187.

...напрасный визит к Гиппелю. – Гофман рассчитывал занять у Гиппеля денег, но безрезультатно.

Науман, Иоганн Готлиб (1741–1801) – немецкий композитор, автор церковной музыки.

...придворный музыкант Шмигель – Карл Траугот Шмигель (1773–1847), виолончелист и композитор.

Кунради, Траугот Амандус – адвокат в Дрездене, выведенный впоследствии Гофманом в "Серапионовых братьях" (адвокат Р.).

"*Кортец*" – "Фернанд Кортез, или Завоевание Мексики", опера итальянского композитора Гаспаре Луиджи Спонтини (см. комм. к с. 136).

с. 188.

...симфонии Брауна и Вильмса. – Имеются в виду Симфония № 4 (с-dur) Карла Антона Филиппа Брауна (1788–1835) и Симфония с-moll, ор. 23 Яна Виллема Вильмса (1772–1847). Рецензия Гофмана на эти произведения появилась в "Альгемейне музикалише цайтунг" 9 июня 1813 г.

...днем видел императора, вице-короля. – Имеются в виду Наполеон I (1769–1821) и его пасынок Эжен Богарне (1781–1824), французский генерал, вице-король Италии в 1805–1814 гг.

Саксонский король тоже прибыл... – Фридрих Август III (1750–1827), король Саксонии. В 1806 г. выступил как союзник Пруссии в войне с наполеоновской Францией, после разгрома прусских войск при Йене (окт. 1806) перешел на сторону Наполеона I и вступил в Рейнский союз. В 1813 г. захвачен в плен прусскими войсками.

...был в академии пения Дрейсига. – Академия пения основана в 1806 г. органистом Антоном Дрейсигом (1774–1815).

"*Мизерере*" *Наумана.* – См. комм. к с. 187, 136.

Начал рецензию на мессу Бетховена. – Имеется в виду Месса с-dur, ор. 86. Гофман закончил рецензию 17 мая и 18 отослал Гертелю. Эта рецензия легла в основу статьи "О старинной и новой церковной музыке".

...граф Фрич с супругой. – Вероятно, советник апелляционного суда граф Август фон Фрич со своей молодой женой, которая до замужества была актрисой.

с. 189.

"*Что пена в вине, то сны в голове*". – Первоначальное название рассказа "Магнетизер", опубликованного в "Фантазиях..." весной 1814 г. Данный перевод гофмановского "Träume sind Schäume" принадлежит русскому поэту-романтику Д. В. Веневитинову (1805–1827) и опубликован в "Московском вестнике" (1827, ч. 5, № 19).

с. 190.

"Золушка" – опера французского композитора Николо Изуара (1775–1818).

...репетиция "Оберона". – "Оберон, король эльфов" – зингшпиль чешского композитора Павла Враницкого (1756–1808).

"Сарджино". – См. комм. к с. 160.

с. 191.

Опиц, Кристиан Вильгельм (1756–1810) – актер и режиссер в труппе Секонды.

...писал рецензию на музыку Бетховена к "Эгмонту". – Рецензия Гофмана на героико-романтическую увертюру Бетховена к "Эгмонту" появилась в "Альгемейне музикалише цайтунг" 21 июля 1813 г.

Конвиц – пригород Лейпцига.

с. 192.

Келлер, И. Г. (ум. ок. 1814) – актер и певец из труппы Секонды, был дружен с Гофманом.

"Фигаро" – опера Моцарта "Свадьба Фигаро".

"Весталка" – опера Гаспаре Спонтини (см. комм. к с. 136).

с. 193.

...за Ханзена не опасуюсь... – Парафраз заключительных слов басни "Умирающий отец" известного поэта и баснописца Христиана Фюрхтеготта Геллерта (1715–1769), весьма популярного в то время в бюргерской среде. "Für Göttern ist mir gar nicht bange! Der kommt gewiß durch seine Dummheit fort".

...через посредничество своего брата Франца... – Франц Секонда (1755 – после 1817) – брат Йозефа Секонды, директор Дрезденского придворного театра.

Плюмаж (франц. plumage) – украшение из перьев на шляпе, атрибут мужской одежды XVII–XVIII вв. В эпоху наполеоновских войн плюмаж выглядел анахронизмом, отсюда ироническое замечание Гофмана.

с. 193.

Германик – Цезарь Германик (15 до н.э. – 19 н.э.), римский полководец, получил свое прозвище за победы над германскими племенами.

"Аксур, царь Ормуза" – опера итальянского оперного композитора Антонио Сальери (1750–1825).

с. 194.

"О мировой душе" Шеллинга. – Опубликовано в 1798 году на-

турфилософское исследование Шеллинга (см. комм. к с. 21) продолжало традиции платонизма, вводя в философский обиход понятие "мировой души" – творящего духовного начала, обуславливающего изначальную целостность живого организма.

с. 195.

Шуберт, Готхильф Генрих. – См. комм. к с. 21.

Клингеман, Август (1777–1831) – немецкий драматург и театральный деятель.

Бернадот, Жан Батист (1763–1844) – маршал Франции. В 1810г. уволен Наполеоном и избран наследником шведского престола. В 1813 командовал шведскими войсками в войне против Франции. В 1818–1844 шведский король Карл XIV Юхан, основатель династии Бернадотов.

Блюхер, Гебхард Лебрехт (1742–1819) – прусский генерал-фельдмаршал. В 1813–1815 гг. командовал прусской армией в войне с Францией.

Шварценберг, Карл Филипп фон (1771–1820) – австрийский фельдмаршал, главнокомандующий войсками союзников в кампании 1813 г.

Витгенштейн, Петр Христианович (1768–1842) – русский фельдмаршал. В апреле – мае 1813 г. участвовал со своими частями в боях под Дрезденом и Лейпцигом.

с. 196.

Кинд, Фридрих (1768–1843) – дрезденский адвокат, драматург и рассказчик, автор либретто к опере К. М. фон Вебера (см. комм. к с. 20) "Вольный стрелок".

Лаун, Фридрих (наст. имя Фридрих Август Шульце, 1770–1843) – автор развлекательных "светских" романов.

с. 199.

...начал сочинение "Ундины". – Гофман начал эту работу еще в феврале 1813 г., потом оставил ее и после перерыва в несколько месяцев вернулся снова.

с. 200.

...Вид первых двух листов... – Имеется в виду корректура первого тома "Фантазий в манере Калло".

с. 201.

Фафнер – намек на трагедию Фуке (см. комм. к с. 136) "Сигурд, победитель дракона" (1808).

"Ифигения" – "Ифигения в Тавриде" (1779), опера Кристофа Виллибальда Глюка (1714–1787).

"Фаниска" – опера итальянского композитора Луиджи Керубини (1760–1842).

"Сильвана" – опера Карла Мари фон Вебера.

Со времени... наполеоновских торжеств 10 августа... – Празднование дня рождения Наполеона было перенесено на пять дней вперед, дабы приурочить его к перемирию.

с. 202.

Пирна – небольшой городок на Эльбе вблизи Дрездена.

...салютовали в честь победы под Левенбергом. – Победа Наполеона 21 августа 1813 г. в Силезии вблизи Левенберга (ныне г. Львувек-Слёнски, ПНР).

с. 204.

Сен-Сир (Гувьон-Сен-Сир), Лоран (1764–1830) – маршал Франции (1812), участник кампании 1813 г. в Германии, в ноябре 1813 г. капитулировал в Дрездене.

с. 205.

Казиорги – виноторговец в Дрездене, в доме помешался винный погребок.

Фрауэнкирхе – церковь в Дрездене, памятник архитектуры, разрушена во время второй мировой войны.

с. 206.

...слух о том, что французы разбиты под Берлином. – Имеется в виду победа союзных армий над французами под Гросбереном (деревня в 20 км к югу от Берлина) 13 августа 1813 г., помешавшая Наполеону взять Берлин.

с. 207.

...говорят, французы вступили в Берлин 31-го. – Этот слух оказался ложным.

Днем с женой у Йозефа. – Йозеф – хозяин винного погребка, часто посещавшегося Гофманом, упоминается также в новелле "Золотой горшок".

Мадонна Гольбейна. – Имеется в виду картина известного немецкого художника эпохи Возрождения Ганса Гольбейна Младшего (1497–1543) "Мадонна базельского бургомистра Якоба Мейера", копия которой находится в Дрезденской картинной галерее.

Цецилия Карло Дольчи. – Имеется в виду картина "Святая Цецилия" (см. комм. к с. 91) флорентийского художника Карло Дольчи (1616–1686), находящаяся в Дрезденской картинной галерее.

...дал бы только бог закончить сказку... – Гофман имеет в виду новеллу "Золотой горшок".

...но мы все согрешили и лишены... – неоконченная цитата из Послания к римлянам святого апостола Павла (3, 23): "Потому что все согрешили и лишены славы Божией".

с. 208.

Швейгарт, Иоганн Йозеф (род. в 1789) – работник Дрезденской галереи, молодой художник.

...по шиллеровскому "*Пегасу в ярме*". – "Пегас в ярме" – известное стихотворение Фридриха Шиллера, посвященное теме искусства и действительности.

Винклер, Карл (псевд. Теодор Хелль, 1775–1856) – поэт и драматург, эпигон романтической поэзии.

...удачно начал статью "*Поэт и композитор*" для "*Музыкалише цайтунг*". – Диалог "Поэт и композитор" был позже включен Гофманом в сборник "Серапионовы братья".

Герц – мадемуазель Герц-старшая, певица в оперной труппе Секонды.

Грюневальд – мадам Грюневальд, певица в Дрездене.

Говорят, что неаполитанский король погиб... – Иоахим Мюрат, носивший также титул короля Неаполитанского (см. комм. к с. 102), был расстрелян союзниками позднее, в 1815 году.

Даву, Луи Никола (1770–1823) – маршал Франции, герцог Ауэрштедтский (1808), князь Экмюльский (1809), участник всех наполеоновских войн. Слух об измене Даву не подтвердился.

...*вице-король Италии*. – Слух об измене Эжена Богарне, вице-короля Италии (см. также комм к с. 188), не подтвердился.

с. 209.

"Деревенский цирюльник" –одноактный комический зингшпиль Иоганна Шенка (1753–1836).

с. 213.

Нейштадт (Новый город) – район Дрездена, расположенный на правом берегу Эльбы.

"Швейцарское семейство" – опера австрийского композитора Йозефа Вейгля (1766–1846) на текст Игнаца Кастелли (1781–1862).

Нейман – певец и актер из труппы Секонды.

Вагнер, Адольф (1774–1835) – ученый и писатель, дядя Рихарда Вагнера.

с. 214.

Месмер, Франц Антон (1733–1815) – немецкий врач, пыгавшийся лечить больных с помощью гипнотического внушения.

Клюге, Карл Александр Фердинанд (1782–1844) – немецкий врач и писатель, ставил опыты гипнотического внушения на животных.

Рейль, Иоганн Кристиан (1759–1813) – немецкий врач, профессор медицины, занимался вопросами теории сна и сновидений.

с. 216.

"О старинной и новой церковной музыке". – Статья напечатана в "Альгемейне музикалише цайтунг" в номерах за 31 августа, 7 и 14 сентября 1814 г.

Большое празднество в честь дня [рождения] Александра. – Имеется в виду российский император Александр I, чей день рождения праздновался 23 декабря. В этот день в театре играли "Фаниску" (см. комм. к с. 201), опера то и дело прерывалась аплодисментами и победными возгласами ликования.

с. 217.

...поскольку сегодня 24 января... – В этот день Гофману исполнилось 38 лет.

с. 218.

...написал пятую вигилию сказки... – Вигилия – ночная стража в Древнем Риме; римляне делили ночь на четыре вигилии. В "Золотом горшке" вигилия – часть, всего в сказке двенадцать вигилий.

"Бродячие артисты" – двухактная комическая опера итальянского композитора Валентино Фиораванти (1770–1837).

...господин Фишер – Вильгельм Фишер (1786 или 1790–1858), певец и актер в театре Секонды.

с. 219.

Репетиции "Камиллы". – "Камилла, или Подземелье" – опера Фердинандо Паэра (см. комм. к с. 103).

Улиг – балетмейстер в Веймаре с 1811 по 1815 г.

с. 220.

...получаю от скряги... по одному дукату. – Возможно, имеется в виду Лейпцигский книготорговец Адам Фридрих Готхельф Баумгертнер (1759–1843), по заказу которого Гофман рисовал антинаполеоновские карикатуры.

...написал канцлеру Пруссии князю Гарденбергу. – Гофман, вероятнее всего, написал прусскому министру юстиции Фридриху Леопольду фон Кирхэйзену (1749–1825).

с. 221.

...сообщение о взятии Парижа... – Капитуляция Парижа была подписана представителями союзных сил и разбитой французской армии 30 марта 1814 года; с русской стороны капитуляцию подписал граф Михаил Федорович Орлов (1788–1842), будущий декабрист.

Онейрос, бог снов... (от греч. oneiros – сновидение) – редко употреблявшееся обозначение божества сна, встречается в "Илиаде" Гомера.

Монастырь Святой Липы – монастырь неподалеку от Кёнигсберга, во времена Гофмана был популярным местом паломничества. Посреди старой, разрушенной церкви XIV в. на территории монастыря выросла липа, отсюда название монастыря.

с. 223.

...романтическое настроение в отношении Кетхен – воспоминание о Юльхен Марк.

с. 224.

Официальное письмо великого канцлера. – Гофман и здесь имеет в виду министра юстиции Кирхэйзена (см. комм. к с. 220), который доводит до его сведения, что готов предоставить ему место в апелляционном суде.

ПЯТАЯ ГЛАВА

с. 227.

Йена и Ауэрштедт были вытеснены из памяти. – См. комм. к с. 92.

с. 228.

Горн, Франц (1781–1837) – немецкий писатель-романтик и историк литературы, с 1809 г. жил в Берлине. Переработал для постановки на берлинской сцене шекспировского "Гамлета" в переводе А. В. Шлегеля.

Фейт, Филипп (1793–1877) – художник, пасынок Фридриха Шлегеля, родственник Хитцига со стороны своей матери Доротеи, урожденной Мендельсон, вышедшей после развода с банкиром Симоном Фейтом замуж за Фр. Шлегеля.

Conteur berlinois (франц.) – "берлинский рассказчик" – так называет Гофмана Оноре де Бальзак (1799–1850) в предисловии к своей повести "Гамбара". Бальзак хорошо знал творчество Гофмана и неоднократно ссылался на него. В письме к Стендалю от 6 апреля 1839 г. он называет Гофмана "самым фантастическим из писателей".

Кретцер, Макс (1854–1941) – немецкий писатель и поэт, один из ведущих представителей натурализма.

"Романсы о Розариш" – стихотворный эпос Клеменса Брентано, над которым поэт работал с 1802 по 1812 г. Здесь в романтическом ключе переосмыслиется евангельская символика, утверждается идеал возвышенной, почти религиозной духовности.

с. 229.

...театр Лангханса. – Имеется в виду упоминаемый далее Гофманом Новый театр. Построен в 1774 г., в 1802 г. реставрировался по проекту известного архитектора Карла Готтарда Лангханса (1732–1808); в 1817 г. сгорел.

Брейгель, Питер (1525–30–1569) – нидерландский живописец. В творчестве Брейгеля причудливо переплетаются фантастика и реализм, гротеск и точность бытовой детали.

Шинкель, Карл Фридрих (1781–1841) – немецкий архитектор, живописец и график. В живописи и театрально-декоративном искусстве был близок романтикам. Известен и как теоретик архитектуры.

с. 230.

Аттербум, Пер Даниэль Амадей (1790–1855) – шведский поэт-романтик.

...считают шедевром архитектурного вкуса Фридриха Второго. – Имеются в виду Французский и Немецкий соборы, купола которых были сооружены при Фридрихе II, в 1780–1785 гг.

Эренсверд, Карл Август (1745–1800) – шведский адмирал и историк искусства. Совершив в 1780–1782 гг. путешествие на юг Европы, он написал путевые заметки и издал их с многочисленными собственными гравюрами ("Resa till Italien", Стокгольм, 1786).

с. 231.

Альфьери, Витторио (1749–1803) – итальянский поэт и драматург, автор знаменитой в свое время книги "Жизнь Витторио Альфьери из Асти, рассказанная им самим" (1806).

...остановился у Матье. – Петер Матье (ум. 1817) – владелец гостиницы "Золотой орел" в Берлине; в "Приключениях в новогоднюю ночь" Гофман называет его своим добрым другом.

...невицы Маркузе – сестры-близнецы Элизабет (в замужестве Гедике, 1786–1869) и Юлия (в замужестве Ланчицолле, 1786–1826), любительницы пения; в тот вечер они исполняли отрывки из "Ундины" под аккомпанемент автора.

Бернгарди, София (1775–1830) – сестра Людвига Тика, соавтор его ранних произведений, активная участница романтического движения.

с. 232.

Ратенов – город в Пруссии, неподалеку от Берлина.

Граф Брюль – Карл фон Брюль (1772–1837) – с 1815 по 1828г. управляющий королевскими театрами в Берлине.

Контесса, Карл Вильгельм Салис (1777–1825) – немецкий писатель и драматург. Гофман познакомился с ним в конце 1814 года и вывел в "Серрапионовых братьях" под псевдонимом Сильвестр. "Загадка" (1808) – популярная пьеса Контессы.

с. 233.

Замок Рингштетен – место действия в опере "Ундина", где разворачиваются наиболее трагические события.

Построен
 Был на крутой он горе посреди равнин благодатной
 Швабии: вид из него был роскошный...

(В. А. Жуковский "Ундина")

с. 234.

Тассило – граф швабский, современник Карла Великого (742–814). По преданию считается родоначальником династии Гогенцоллернов и основателем их родового замка Цоллерн.

...ко дню рождения наследного принца... – Речь идет о будущем прусском короле Фридрихе Вильгельме IV (1795–1861).

с. 236.

Эйхгорн, Иоганн Альберт Фридрих (1779–1856) – советник апелляционного суда, позже прусский министр вероисповеданий.

Мандерле – ресторатор в Берлине.

...замысел романа *en quatre*. – Гофман, Хитциг, Шамиссо и Контесса (позже к ним присоединился Фуке) должны были написать каждый свою часть романа – в любой последовательности и в произвольной форме. Замысел не осуществился. Гофман, написавший свою часть, переработал ее затем в рассказ "Двойник", опубликованный в 1821 г.

Вечером у Леви... – Сара Леви (урожд. Итциг, 1761–1854) – тетка Хитцига.

Этцель, Франц Август (1784–1850) – фармацевт и геолог, доктор философии; в 1807 г. женился на сестре Хитцига Адельгейде.

Гумбольдт, Вильгельм фон (1767–1835) – немецкий филолог, философ и языковед, был директором департамента вероисповеданий и просвещения, пытался провести реформу немецкой школы.

Уден, Вильгельм (1763–1835) – археолог, с 1802 г. на государственной службе, тайный советник в департаменте вероисповеданий и просвещения.

...затем у Шонерта. – Шонерт – владелец винного погребка "Шонерт и сын".

...познакомился с баронессой. – Каролина де ла Мотт Фуке (1774–1831) – жена писателя де ла Мотт Фуке (см. комм. к с. 91), автор тривальных развлекательных романов.

Белитц, Фридрих Карл Людвиг (1773–1841) – советник апелляционного суда.

...покорнил меня обедом в Немецком обществе. – Скорее всего, это основанное в 1811 году "Христианско-немецкое гастрономическое общество".

...жена Фуке ...чтением плохого романа... – См. комм. выше. Скорее всего, баронесса Фуке читала свой назидательный роман "Праведные и неправедные пути Эдмунда".

...утром у Пуппа... – Пупп – берлинский ресторатор.

Закончил рассказ "Фермата" для "Урании". – "Урания" – альманах карманного формата, издававшийся в Лейпциге Фридрихом Арнольдом Брокгаузом (1772–1823). Рассказ "Фермата", однако, там опубликован не был, в 1816 году он напечатан в "Записной книжке для женщин", позже включен Гофманом в сборник "Серапионовы братья".

Эйхендорф, Йозеф фон (1788–1857) – немецкий поэт и прозаик, представитель позднего романтизма. В то время Эйхендорф, после участия в военных походах против наполеоновской армии, жил в Берлине, позже он поступил там на чиновничью службу.

...письмо к Брюлю по поводу "Ундины". – Фуке пересылает Гофману из своего поместья близ Ратенова письмо для Карла фон Брюля (см. комм. к с. 232), где ходатайствует о постановке "Ундины" на сцене королевского театра. Он сообщает, что сам переработал свою поэму в оперное либретто, а музыку написал «гениальный Гофман, автор "Фантазий в манере Калло"».

с. 240

...Великий Могол от юстиции. – Гофман имеет в виду прусского министра юстиции фон Кирхэйзена. Великими моголами европейцы называли государей знаменитой тюркской династии, основанной султаном Бабуром и около трех столетий царствовавшей в Индии.

...а потом и о капитуляции Парижа. – Имеется в виду капитуляция Парижа после поражения Наполеона при Ватерлоо 18 июня 1815 г.; этим поражением закончились "сто дней" вторичного правления Наполеона I во Франции после его бегства с о. Эльба.

...глядя на статую победы на Бранденбургских воротах. – Квадрига со статуей богини мира на Бранденбургских воротах была изготовлена по проекту скульптора Готфрида Шадова (1764–1850) в 1806 г., когда французские войска после победы при Йене и Ауэрштедте (см. комм.

к с. 92) вошли в Берлин, квадрига по приказу Наполеона была демонтирована и перевезена в Париж в качестве военного трофея; после победы над войсками Наполеона в Битве народов (см. комм. к с. 178) квадрига в 1814 г. установлена на прежнем месте с небольшими изменениями в символике победы, внесенными Карлом Фридрихом Шинкелем.

с. 241.

Чернышев, Александр Иванович (1786–1857) – светлейший князь (1849), русский генерал от кавалерии (1826). Во время кампании 1813–1814 гг. командовал кавалерийским отрядом.

Брентано, Клеменс – см. комм. к с. 21. Письмо к Гофману написано в кризисный период религиозных исканий Брентано, отсюда обилие религиозной символики и общая концепция письма.

Спиксер – Эразм Спиксер, один из героев новеллы "Приключения в новогоднюю ночь".

...ему забавно низвергать на голодающих горы манны небесной. – Согласно библейскому преданию, господь во время исхода из Египта кормил израильтян в пустыне манной, белым хлебом, падавшим с небес.

...ласточка Товита – намек на библейское сказание о праведном израильтянине Товите, жизнь которого изложена в "Книге Товита", одной из неканонических книг Ветхого завета. Товит ослеп от попавшего ему в глаза птичьего помета (Книга Товита, 2, II).

с. 242.

...я потерял сие благоговение вместе с отражением в зеркале. – Одна из глав "Приключений в новогоднюю ночь" называлась "История о пропавшем отражении" и повествовала о человеке, оставившем черту свое отражение в зеркале.

с. 241

...генерал фон Хельвиц – Карл Готфрид фон Хельвиц, шведский генерал, перешел в 1815 г. на прусскую военную службу. Муж Амалии фон Хельвиц (урожд. Имгоф, 1776–1831), второстепенной поэтессы.

Эленслегер, Адам Готлоб (1779–1850) – датский писатель-романтик. Много путешествовал по Европе, знакомясь с видными представителями европейского романтизма.

с. 246.

Клавирауцуг (от нем. Klavier – фортепьяно и Auszug – извлечение) – переложение партитуры оперы для пения под фортепьяно или для фортепьянного исполнения.

Хурай мог бы поставить отрывок на сцене в Мариенвердере. – Даниэль Хурай – директор театров в Данциге и Кёнигсберге. Мариенвердер – центр округа в Восточной Пруссии, с 1945 г. город Квидзын (ПНР, Гданьское воеводство).

...как в знаменитой трагедии "Пирам и Тисба"... – намек на вставную интермедию в пьесе Шекспира "Сон в летнюю ночь": ремесленники ставят для знатных людей пьесу о Пираме и Тисбе (античный сюжет). В немецкой литературе этот сюжет был использован Андреасом Грифиусом (1616–1664) в бурлеске "Нелепая комедия, или Господин Петер Сквенц".

Катель, Самуэль Генрих (1758–1838) – проповедник и профессор в Берлине. Его рецензия на оперу "Ундина" была напечатана в "Фоссише цайтунг" (см. комм. к с. 16).

...в том числе и в "Драматургических листках". – Гофман имеет в виду еженедельник "Драматургише вохенблатт", где 17 и 24 августа 1816 г. напечатан был тенденциозно-критический разбор "Ундины".

Левецов, Конрад (1770–1835) – филолог и археолог, профессор в берлинской гимназии.

...будто одну важную персону с Вильгельмитрассе видели в глубине боковой ложи... – Гофман имеет в виду министра юстиции фон Кирхэйзена.

с. 247.

Вольдерман, Иоганн Даниэль (1753–1839) – председатель королевского прусского апелляционного суда в Берлине.

...вице-президенту пришлось председательствовать. – Имеется в виду Фридрих фон Трюцшлер унд Фалькенштейн (1768–1830), вице-президент апелляционного суда.

...племянница из Познани – племянница жены Гофмана Михалина фон Лекшицка (урожд. Готтвальд, 1796 – ок.1859), воспитанием которой Гофманы занимались в Плоцке и Варшаве.

...Прочел ли ты "Любовь певца" Фуке и его же "Юношеские стихотворения"? – Стихотворение "Любовь певца" Фуке (см. комм. к с. 91,136) напечатано в 1816 г., в том же году опубликованы были и "Юношеские стихотворения", первый том пятитомного собрания стихотворений поэта. Рыцарский роман Фуке "Волшебное кольцо" (1813) принадлежал к наиболее широко читаемым книгам того времени.

с. 249.

...кутил у Люттера и Вегнера... – винный погребок в Берлине, излюбленное место встреч Гофмана с друзьями.

Губиц, Фридрих Вильгельм (1786–1870) – немецкий писатель и гравер по дереву; был членом Берлинской академии и профессором графики.

Карлсбадские постановления – приняты в 1819 г. на созванной по инициативе Меттерниха (см комм. к с. 293) конференции представителей германских государств, утвердившей ряд репрессивных мер против оппозиционного брожения в стране и демократического студенчества.

Шези, Гельмина фон (1783–1856) – немецкая писательница и журналистка, сотрудничала в ряде передовых журналов.

Гнейзенау, Август Нейдхарт фон (1760–1831) – прусский генерал-фельдмаршал, участник кампании 1813, 1814, 1815 гг. После заключения мира командовал войсками в рейнских провинциях, был губернатором Берлина и членом государственного совета.

с. 250.

"Записная книжка любви и дружбы", *"Берлинский карманный календарь"*, *"Записная книжка компанейских развлечений"* – особый тип ежегодных периодических изданий конца XVIII – первой половины XIX века в Германии, весьма характерный для романтизма. Отличались небольшим форматом и довольно пестрым, нередко чисто развлекательным содержанием. Наибольшую художественную ценность имел альманах "Уrania".

с. 258.

Унцельман, Карл Вильгельм Фердинанд (1753–1832) – берлинский комический актер и певец.

...*волшебник расскажет Вам устно.* – Очевидно, человек, с которым Гофман отправляет это письмо.

с. 260.

"Моргенблатт" – "Моргенблатт фюр гебильдете штенде" ("Утренний листок для образованных сословий") – журнал, издававшийся в Штутгарте в 1807–1835 гг.

Котта, Иоганн Фридрих (1764–1832) – известный штутгартский издатель, глава наиболее крупного в Германии книгоиздательского дела. Издавал лучших писателей своего времени.

"Шпелерше цайтунг" – точнее, "Хауде-унд Шпелерше цайтунг" – влиятельная берлинская газета, основанная в 1740 г. книготорговцем Амброзиусом Хауде (1690–1748). После его смерти перешла во владение к книготорговцу Иоганну Карлу Шпелеру.

Штейн, Карл (1773–1855) – немецкий прозаик и драматург.

с. 262.

...*сочинения патера Авраама из Санта-Клара* (настоящее имя Иоганн Ульрих Мергерле, 1644–1709) – проповедник и писатель, проводивший в своих произведениях идеи контрреформации (церковно-политическое движение в Европе XVI–XVII вв., направлявшееся папством).

Рельштаб, Людвиг (1799–1860) – немецкий писатель периода бидермейера, влиятельный критик.

с. 265.

Франц Моор – действующее лицо драмы Фридриха Шиллера "Разбойники".

с. 266.

Ессе Signum (лат.) – "вот знак", цитата из "Генриха IV" Шекспира: "Куртка у меня проколота в восьми местах, штаны – в четырех; щит мой пробит, меч иззубрен, как ручная пила, – ессе signum!" (Акт I, сцена 4, пер. Е. Бируковой.) Девриент играл тогда роль Фальстафа.

Реймер, Георг Андреас (1776–1842) – выдающийся немецкий издатель; помимо ряда научных журналов выпустил немало произведений, составивших славу немецкой литературы.

...предложение перепечатать мои рассказы... – эта идея осуществилась в сборнике "Серапионовы братья" (1819–1821).

...заманчивое облачение вроде Тикова "Фантаса". – Людвиг Тик использовал в трехтомном собрании своих рассказов, новелл и сказок принцип обрамляющей новеллы, послуживший образцом и для "Серапионовых братьев".

с. 267.

Руст, Иоганн-Непомук (1775–1840) – врач, профессор Берлинского университета, лечил Гофмана до последних его дней.

"Мастера пения"... – этот замысел Гофман не осуществил.

...гононар за рассказ. – Имеется в виду "Артусов двор".

Дюмлер, Фердинанд (ум. 1846) – издатель и книготорговец в Берлине.

с. 268.

Шютце, Иоганн Стефан (1771–1839) – писатель и редактор альманаха "Записная книжка любви и дружбы", автор романа "Невидимый принц", оставил "Воспоминания" о Гофмане.

...гононар, что причитается мне за "Детские сказки". – Второй том редактировавшегося Гофманом издания "Детских сказок" содержал, помимо "Чужого ребенка" самого Гофмана, сказки Фуке и Контессы.

...надворный советник Берендс. – Карл Август Вильгельм Берендс (1759–1826) – врач и профессор Берлинского университета.

...я сейчас усердно работаю над книгой. – Имеется в виду "Крошка Цахес, по прозвищу Циннобер".

с. 269.

"Винер цайтирифт фюр кунст унд литератур унд моде" – "Венский

журнал по искусству, литературе и моде", издавался с 1810 по 1848 г. Выходил три раза в неделю. Существенно повлиял на формирование общественных настроений перед революцией 1848 г.

"*Элеганте цайтунг*". – Имеется в виду "Цайтунг фюр ди элеганте вельт" ("Газета для элегантного света"), издававшаяся в 1801–1859 гг. в Лейпциге.

с. 273.

Священный союз – союз европейских монархов, заключенный после крушения наполеоновской империи для борьбы против революционного и национально-освободительного движения и обеспечения незыблемости решений Венского конгресса (см. комм. к с. 20).

Пюклер-Мускау, Герман фон (1785–1871) – немецкий писатель и путешественник, автор ряда замечательных путевых очерков.

Серапионов день – отмечается ежегодно 14 ноября в память о святом Серапионе Синдонита, египетском аскете времен императора Деция (190–251).

Корэф, Давид Фердинанд (после крещения Иоганн Фердинанд, 1783–1851) – врач, пользовавшийся в те годы большой популярностью, склонялся к месмеризму (см. комм. к с. 214). С 1816 г. профессор медицины в Берлине. Был дружен с Гофманом.

...Шамиссо, только что вернувшийся из кругосветного путешествия. – Летом 1815 г. Шамиссо принял предложение участвовать в большой русской кругосветной экспедиции на корабле "Рюрик". Из трехлетнего плавания он вернулся обогащенный новыми наблюдениями, новыми сведениями из области социального и экономического развития, которые легли в основу книги «Кругосветное путешествие на бриге "Рюрик"» (1821).

с. 274.

Хуришберг, Вармбрунн – курорты в Нижней Силезии, у подножья Исполиновых гор (ныне города Еленя-Гура и Теплице Слёнске-Здруй, ПНР).

с. 282.

Линней, Карл (1707–1778) – шведский естествоиспытатель, создатель системной классификации растительного и животного мира.

Мне нужен именно такой субъект – для сказки "Крошка Цахес".

...чувствовал себя подобно больному перед купальней в библейской Вифезде. – Гофман ссылается на эпизод в иерусалимской купальне Вифезда, описанный в Евангелии от Иоанна: "Ибо Ангел Господень по временам сходил в купальню и возмущал воду, и кто первый входил в нее по возмущении воды, тот выздоравливал, какою бы ни был одер-

жим болезнью. / Тут был человек, находившийся в болезни тридцать восемь лет. / Иисус, увидев его лежащего и узнав, что он лежит уже долгое время, говорит ему: хочешь ли быть здоров? / Больной отвечал Ему: так, Господи; но не имею человека, который опустил бы меня в купальню, когда возмутится вода; когда же я прихожу, другой уже сходит прежде меня" (Евангелие от Иоанна, гл. 5).

с. 285.

Госпожа фон Б. – не установлено.

"Три всадника раз из ворот выезжали" – известная немецкая народная песня. Была включена Арнимом и Брентано в собрание немецких народных песен "Волшебный рог мальчика".

с. 286.

Теодору. – Имеется в виду Теодор фон Гиппель.

с. 287.

Уиного жемчужина в голове, как у старой жабы... – Намек на комедию Шекспира "Как вам это понравится", где старый герцог произносит такие слова:

Есть сладостная польза и в несчастье:

Оно подобно ядовитой жабе,

Что ценный камень в голове таит.

(Акт II, сцена I, пер. Т. Щепкиной-Куперник)

Шекспир использует здесь одно из многочисленных средневековых суеверных представлений о чудесных свойствах некоторых животных.

Добрый Малый Робин, мой слуга. – Намек на одного из персонажей комедии Шекспира "Сон в летнюю ночь". Пэк, Добрый Малый Робин (по англ. Hobgoblin – леший, домовый), добывает сок волшебного цветка, которым смазывают веки спящему, чтобы вызвать любовь к первому же существу, которого он увидит, раскрыв глаза. "Божественный напиток" также неоднократно обыгрывается в шекспировской "Буре". Гофман хорошо знал основывающиеся на более "ранних английских интерпретациях" комментарии Иоганна Иоахима Эшенбурга (1743–1820) к переводам Шекспира, проясняющие подобные "темные места".

...капеллан мой Иеремия. – Иеремией звали владельца небольшого приюта для душевнобольных почти на самой вершине горы.

Рубецаль – в германской мифологии горный дух, воплощение непогоды и обвалов. Являлся людям в образе серого монаха, хорошим помогал, плохих сбивал с пути.

с. 288.

Кобольд – в германской мифологии особый вид эльфов; обычно это дух домашнего очага, сродни русскому домовому, но может быть и горным духом. Любит подшучивать над людьми.

Маэстро Крешентини. – См. комм. к с. 158.

Sul margine dun rio (итал.) – "На берегу реки" – начало итальянской песни, принадлежащей Готифредо Джакомо Феррари (1763–1842). Гофман цитировал эту песню и в продиктованном за две недели до смерти небольшом юмористическом рассказе "Наивность".

...*фиоритуры Каталани* – мелодические украшения в певческом искусстве, названные по имени итальянской певицы Анджелики Каталани (1780–1849), владевшей колоратурным сопрано чрезвычайно широкого диапазона.

...*тихие-тихие звуки романса.* – Гофман имеет в виду романс "Светлым утром" из оперы "Ундина", который пела в Берлине певица Иоганна Эунике.

Шаль, Карл (1780–1833) – немецкий драматург, сочинитель забавных комедий, главный редактор "Нойе бреслауэр цайтунг".

Вейсфлог, Карл (1770–1828) – немецкий писатель, автор "Фантазий", являвшихся нередко прямым заимствованием у Гофмана.

ШЕСТАЯ ГЛАВА

с. 293.

Союзный сейм (или Союзное собрание) – высший орган Германского союза (см ниже), состоявший из представителей отдельных государств.

Студенческие корпорации – студенческие землячества, получившие широкое распространение в Германии с эпохи Реформации, имели свой кодекс чести, свои праздники и свой уклад. В 1816 г. в Йене объединились в общегерманский студенческий союз ("Burschenschaft"). Их девиз – наука, патриотизм, нравственность и вера.

Германский союз – объединение германских государств, образованное 8 июля 1815 г. на Венском конгрессе. В его состав вошло тогда около 30 мелких и крупных государств; наиболее сильными были Пруссия и Австрия, стремившиеся к гегемонии в союзе.

Меттерних (Меттерних-Виннебург), Клеменс Венцель Лотар (1773–1859) – австрийский государственный деятель и дипломат. В 1809–1821 гг. министр иностранных дел и фактически глава австрийского правительства. Активно выступал за борьбу с либеральным и национально-освободительным движением во всех странах, был инициатором полицейских репрессий в Австрии и Германии.

с. 294.

...*уже во время празднеств в Вартбурге в октябре 1817 года...* – 18 октября 1817 года германское студенчество праздновало в Вартбурге

трехсотлетие Реформации. 19 октября там был основан Союз студентов всех германских университетов, целью которого было устранение раздоров среди студентов разных германских государств, введение в студенческую жизнь упорядочивающих морально-этических норм.

Занд, Карл Людвиг (1795–1820) – студент, один из организаторов Вартбургского праздника. В 1819 г. со словами "Вот изменник отечества!" нанес удар кинжалом писателю Августу фон Коцебу (см. комм. к с. 83). Приговорен к смертной казни. Преступление Занда послужило поводом для усиления полицейского надзора за германскими университетами.

Либер, Франц (1800–1872) – немецкий студент, принимал участие добровольцем в походе 1815 г. В 1819 г. арестован в Берлине, содержался в заключении. В 1821 г. выехал в Грецию, затем эмигрировал в США. Был помощником Линкольна, создал ряд социально-философских трудов, обосновывающих необходимость демократии.

с. 295.

...бывший лютцовский егеря. – Во время антинаполеоновских войн прусский кавалерийский офицер барон Адольф фон Лютцов (1782–1834) организовал лютцовский добровольческий корпус ("Черный отряд"), в который вступили многие студенты, писатели, журналисты.

Фридрих Вильгельм III (1770–1840) – король Пруссии с 1797 г., один из основателей Священного союза (см. комм. к с. 273). Данное им в 1815 г. обещание предоставить Пруссии конституцию не было выполнено.

Шукман, Фридрих фон (1775–1834) – прусский государственный деятель весьма реакционных убеждений; в 1814–1834 гг. был министром внутренних дел и одновременно руководил департаментом полиции.

Кампц, Карл Альберт фон (1769–1849) – прусский юрист и государственный деятель весьма реакционных взглядов, в 1817 году руководил одним из управлений в департаменте полиции, позже стал министром юстиции. Получил известность благодаря своей ожесточенной борьбе против "демагогических происков".

Ян, Фридрих Людвиг (1778–1852) – немецкий педагог, преподаватель гимназии. Основатель патриотического спортивного движения, неутомимый поборник развития физической культуры. В 1813 г. командовал батальоном в корпусе Лютцова (см. комм. к с. 295). Арестован 14 июля 1819 г.

с. 296.

Янке, Иоганн Эрнст Теодор (1781–1841) – правительственный советник в Магдебурге, доносчик на службе у прусской полиции.

Кольберг – город на Балтийском море, ныне Колобжег (ПНР).

с. 298.

Герлах, Эрнст Людвиг фон (1795–1877) – прусский юрист и политик, один из вождей крайне правых сил.

Лютер, Мартин (1483–1546) – деятель Реформации в Германии, основатель лютеранства. Перевел на немецкий язык Библию, утвердив нормы общенемецкого литературного языка.

с. 300.

...обратилась в экспедицию обеих газет, *Фоссовой и Шпенеровой*. – Имеются в виду "Фоссише цайтунг" (см. комм. к с. 16) и "Шпенерше цайтунг" (см. комм. к с. 260).

с. 301.

Ферстер, Фридрих (1791–1868) – поэт и историк; был уволен в 1817 г. с должности преподавателя артиллерийской и инженерной школы Берлина.

Принц Карл (1801–1883) – третий сын короля Фридриха Вильгельма III.

Грольман, Карл Вильгельм Георг фон (1777–1843) – полковник прусского генерального штаба; в 1819 г. был вынужден уйти в отставку.

Савиньи, Фридрих Карл фон (1779–1861) – юрист, профессор Берлинского университета, основатель исторической школы права. Задачу юристов видел в выявлении "сознания народа" и в согласовании с ним действующего законодательства.

Князь цу Зайн унд Витгенштейн, Вильгельм Георг Людвиг (1770–1851) – прусский государственный деятель, в 1814–1819 гг. был министром полиции; один из влиятельных руководителей реакционной партии при прусском дворе, сторонник политического шпионажа.

с. 302.

Гёррес, Йозеф (1776–1848) – немецкий публицист, в 1814–1816 гг. издавал в Кобленце прогрессивный журнал "Рейнишер Меркур". Ему удалось ускользнуть от прусской полиции благодаря эмиграции в Страсбург.

...быть оправдан в соответствии с *рейнским судопроизводством*. – В рейнских провинциях все еще действовал наполеоновский кодекс, основанный на относительно демократичных буржуазных правовых нормах.

Юнг, Карл (1795–1864) – берлинский врач, был арестован в 1820 г., затем выслан из страны; позже был профессором медицины в Париже и Базеле.

Бадер, Карл (род. ок. 1797) – студент медицины из Фрайбурга, там организовал с друзьями радикальный студенческий союз. Гофман готовил заключения по делу Бадера от 23 октября 1819 г. и 30 июля 1820 г.

Асверус, Густав (1798–1843) – студент права в Берлине; арестован в 1819 г. Его конфискованный полицией дневник Гофман почти буквально цитирует в сказке "Повелитель блох", в эпизоде с Кнаррпанти.

Фоллениус (Фоллен), Август Адольф Людвиг (1794–1855) – немецкий публицист и редактор радикально-республиканских взглядов; член преследованного радикально-демократические цели гисенского студенческого Союза черных.

с. 303.

Бюлов, Фридрих фон (1762–1827) – губернатор провинции Саксония, был переведен в Берлин с помощью придворных реакционных кругов в целях усиления борьбы против "демагогов".

с. 304.

Эйхгорн. – См. комм. к с. 236. С 1815 г. Эйхгорн управлял присоединенными французскими провинциями, с 1817 – член Государственного совета.

Шефер, Август (1779–1847) – советник апелляционного суда, коллега Гофмана.

с. 307.

Мы идем этим путем, как Испания... – В Испании в 1820 г. началась т. н. Вторая испанская революция 1820–1823 гг. Революция проходила под знаком борьбы против феодальных пережитков, за конституционную форму правления.

с. 308.

Грунер, Юстус фон (1777–1820) – прусский дипломат, сторонник политики широких государственных реформ; в 1819 г. подозревался в связях с "демагогами".

с. 309.

...когда тот проживал в Радзивилловом дворце. – Янке был в то время домашним учителем у князей Радзивиллов в Берлине.

Штарк, Карл (род. ок. 1778–?) – тайный секретарь в военном министерстве; активный сторонник физической культуры, еще будучи студентом, основал первый берлинский фехтовальный зал.

Грасгоф, Иоахим Людвиг (1770–1851) – профессор, директор института глухонемых в Берлине.

Турте, Карл – профессор, директор одной из берлинских фабрик.

с. 310.

Померания – герцогство (с 1170 г.) на побережье Балтийского моря, в 1815–1945 гг. прусская провинция. Главный город – Штеттин (совр. Щецин, ПНР).

Рюген – остров близ южного побережья Балтийского моря.

с. 313.

Шарлоттенбург – район Берлина.

с. 314.

Рейх, Готфрид Кристиан (1769–1848) – врач, профессор Берлинского университета.

с. 320.

Граф фон Тауэнцин, Богислав (1760–1824) – прусский генерал, участник антинаполеоновских войн.

с. 321.

Альбрехт, Даниэль Людвиг (1765–1835) – прусский чиновник, с 1810 г. тайный советник кабинета.

Мюллер, Адам Генрих (1779–1829) – немецкий писатель и публицист, сторонник идеи феодальной государственности. Пользовался особым покровительством Меттерниха.

Генц, Фридрих фон (1764–1832) – немецкий политик и публицист, прусский чиновник. Требовал объединения Германии под началом Австрии и Пруссии. Был доверенным лицом и помощником Меттерниха.

с. 322.

Шютце, Иоганн Стефан (см. комм. к с. 268).

с. 323.

...познакомился с сыном Моцарта. – Имеется в виду Карл Вольфганг Амадеус Моцарт (1791–1844), композитор и пианист, капельмейстер.

Спонтини, Гаспаре. – См. комм. к с. 136. Опера "Олимпия" была поставлена в 1819 г. в придворном оперном театре в Берлине.

с. 325.

Штарке, Фридрих (1774–1835) – полковой капельмейстер; малоизвестный композитор.

с. 326.

...наш Бадер – Карл Адам Бадер (1789–1870), известный певец; его талант открыл Гофман в Бамберге и добился затем для него ангажемента в Берлинской опере.

Тарар – партия из оперы Сальери "Аксур, царь Ормуза".

Он обзавелся премилой маленькой женой... – Софи Бадер (ум. 1832), актриса, жена Карла Адама Бадера.

...новое здание театра – построенный Шинкелем Новый театр на Жандармском рынке (см. комм. к с. 229).

с. 329.

"Дары милосердия" – сборник, изданный Губицем (см. комм. к с. 249) в 1817 г., включил в себя небольшой рассказ Гофмана "Явления", позже вошедший в цикл "Серапионовы братья".

"Астролог" – "Гай Мэннеринг, или Астролог" (1815), роман Вальтера Скотта (1771–1832). Хитциг, не принимавший поздних произведений Гофмана, советовал другу читать роман "Астролог" в качестве примера для подражания.

с. 331.

"Якобус Шнельпфефер". – Имеется в виду так и не написанный Гофманом роман "Медовый месяц Якобуса Шнельпфефера перед свадьбой". Позже Гофман переименовал своего героя в Тимотеуса.

Кардинал – белое вино, приготовленное по рецепту епископского (см. комм. к с. 89).

с. 332.

Посылаю к Вам молодого... датчанина. – Имеется в виду Нильс Бигом Краруп (1792–1842), преподаватель гимназии из Копенгагена.

с. 333.

...мог бы стать брат – намек на брата Гофмана Иоганна Людвига (1768–1822), которого тот почти не знал, а также далее на Стефана Ванновского (см. комм. к с. 36.).

Симански, Иоганн Даниэль (1789–1857) – немецкий писатель, был редактором журнала "Цушауэр" ("Зритель. Журнал для поучения и развлечения", 1807–1831), издававшегося в Риге.

с. 335.

Клингеман, Август (1777–1831) – немецкий писатель и драматург; будучи директором брауншвейгского театра, первым осуществил постановку гётевского "Фауста". Воспоминания о Гофмане взяты из обширного тома его мемуаров "Искусство и природа".

Тугендбунд – тайное политическое общество в Пруссии в 1808–1810 гг., созданное с целью возрождения "национального духа" после разгрома Пруссии Наполеоном I.

с. 337.

Фиокати – торговец домашними животными в Берлине.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА

с. 341–342.

...тайная государственная инквизиция, по образцу существовавшей некогда в Венеции. – Тайная государственная инквизиция в Венеции передавала собственность арестованных изменников в фонд государственных учреждений.

с. 343.

Мейер, Генрих (1767–1828) – берлинский врач.

Рабенер, Готтлиб Вильгельм (1714–1771) – немецкий сатирик эпохи Просвещения, оказал на Гофмана известное влияние.

с. 347.

Фактотум – управляющий, правая рука кого-нибудь.

с. 350.

Марианна, Филина, Миньона и далее Харфнер, Ярно – персонажи романа Гёте "Годы учения Вильгельма Мейстера".

с. 351.

"Похищение" – комедия Иоганна Фридриха Юнгера (1759–1797).

с. 357.

...прохождение, в знак своего нескрываемого отвращения, зажимали носы. – Гофман просил своего издателя вычеркнуть это и несколько других резких мест, узнав о внимании прусской полиции к его рукописи.

с. 359.

Оттерштедт, Иоахим фон (1774–1850) – прусский дипломат, служивший одновременно шпиоком в полиции.

с. 363.

Хотя сомнительное произведение было напечатано за пределами данной территории... – в Оффенбахе, входившем в великое герцогство Гессен.

с. 366.

Хойолл, Август Вильгельм (род. ок. 1753) – председатель земельного суда провинции Инстербург; Гофман знал его еще со времени своего пребывания в Варшаве и уже тогда нарисовал на него злую карикатуру.

Витцлебен, Иов фон (1783–1837) – генерал-адъютант прусского короля.

с. 370.

Референдарий Геккер. – Референдарий апелляционного суда Геккер протоколировал допрос Гофмана, а также его оправдательную речь, написанную на следующий день.

...смотри "Историю комического" Флэгеля – "История комического гротеска" немецкого историка литературы Карла Фридриха Флэгеля (1729–1788).

с. 371.

...юморист Гиппель. – Имеется в виду дядя Гиппеля, писатель Теодор Готтлиб фон Гиппель (см. комм. к с. 30).

Вальтер Скотт, один из первых чиновников-правоведов в Эдинбурге. – Вальтер Скотт выдержал в 1792 г. в Эдинбургском университете экзамен на звание адвоката, с 1777 г. он – шериф Селкилшира, с 1806 – секретарь суда.

с. 371

Гёльти, Людвиг Кристоф Генрих (1748–1776) – представитель штюрмерской поэзии, один из сотрудников "Гёттингенского альманаха муз". "Жизнь Гёльти" – предисловие поэта Иоганна Генриха Фосса (1751–1820) к сборнику стихов Гёльти, изданному в 1804 г.

С.373.

Гаман, Иоганн Георг (1730–1788) – немецкий писатель и философ, представитель антирационалистического направления в литературе "Бури и натиска".

Кестнер, Абрахам Готхельф (1719–1800) – писатель-сатирик и естествоиспытатель эпохи Просвещения, учитель Лессинга и Лихтенберга. Романтики резко критиковали творчество Кестнера, Гофман составлял в этом смысле исключение.

с. 374.

...встречается в "Перигрине Пикле"... – "Приключения Перигрина Пикля" – роман Тобайаса Джорджа Смоллетта (1721–1771). Гофман использовал немецкий перевод Вильгельма Кристхельфа Зигмунда Мюлиуса (1754–1827).

с. 375.

Кондуитные списки – донесения о жалованье и поведении чиновников апелляционного суда.

с. 378.

Дейч-Остров – ныне г. Остров-Велькопольски (ПНР).

"Les Contes d'Hoffmann" – "Сказки Гофмана", пьеса французских драматургов Мишеля Карре (1819–1872) и Жюля Барбье (1825–1901).

Киш, Эгон Эрвин (1885–1945) – чешско-немецкий писатель и публицист, мастер острого политического репортажа.

Ходовецкий, Даниэль Николаус (1726–1801) – немецкий живописец и график, мастер книжной графической иллюстрации.

с. 381.

Иерузалем, Иоганн Фридрих Вильгельм (1709–1789) – немецкий

богослов и проповедник эпохи Просвещения; сын его, Карл-Вильгельм, студент, застрелился в 1772 г. в припадке меланхолии, и трагический этот случай послужил толчком к написанию гётевского "Вертера".

с. 382.

...своего переписчика он... называл... – Ф. В. Ригер, секретарь, осуществлявший одновременно уход за больным Гофманом.

с. 383.

...*spiritus familiaris*. – Имеется в виду Ф. В. Ригер.

с. 384.

"Утро так светло". – См. комм. к с. 288.

с. 385.

...что N велел его опломбировать. – В издании 1839 г. стоит "тогдашний министр полиции", следовательно, имеется в виду Шукман.

с. 388.

Гebbель, Кристиан Фридрих (1813–1863) – немецкий драматург и теоретик драмы.

Келлер, Готфрид (1819–1890) – швейцарский писатель; по мироощущению был близок к романтизму.

с. 389.

"*Сератионовы братья*" – литературная группа, возникшая в 1921 г. в Петрограде. В нее входили Вс. Иванов, М. Зощенко, В. Каверин, Н. Тихонов, М. Слонимский. Название группы идет от сборника рассказов Гофмана.

Фрейд, Зигмунд (1856–1939) – австрийский врач-психиатр и психолог, основатель психоаналитического направления в психологии и философии, ставящего во главу угла бессознательное.

с. 391.

Курелла, Альфред (1895–1975) – немецкий писатель и общественный деятель (ГДР).

Хоземан, Теодор (1807–1875) – немецкий художник и график. Иллюстрировал произведения Гофмана.

Гаварни, Поль (наст. имя Сюльпис Гийом Шевалье, 1804–1866) – французский график.

Кубин, Альфред (1877–1959) – немецкий художник-график и писатель; иллюстрировал книги Гофмана.

Вольф, Криста (р. 1929) – немецкая писательница (ГДР).

И. Литвинец

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Адольф Густав 23
Александр I 183, 186
Альбрехт 366
Альфьери 231
Арним Ахим фон 7
Асверус Густав 302, 342, 375
Аттербум Пер Даниэль Амадей
230, 242
- Бабенберг Адальберт фон 130
Бадер 302, 326
Бальзак 228, 389
Банге 89
Барбье Жюль 378
Бартольди 96, 186
Баттони 63, 69
Баумгертнер 221
Бах Иоганн Себастьян 170, 174
Бахман 89
Беверн 169
Бедкер 311
Бейрман 15
- Бейме 88
Белинский 11, 389
Белитц 236
Берендс 268
Бернадот 195
Бернгарди Август Фердинанд
107, 110, 231, 396
Бетховен 91, 92, 100, 136, 138,
139, 140, 152, 188, 191, 285,
324, 325, 398
Бешорт 140
Блюхер 195
Богуславский Войцех 90
Бодлер Шарль 389
Боккаччо 23
Брамс 388
Браун 188
Брейгель 229
Брейткопф 154
Брентано Клеменс 7, 11, 22,
90, 91, 98, 228, 241, 242, 396
Брюль 188, 232, 234, 236

- Булгаков Михаил 389
 Бюлов 303, 308, 315
 Вагнер Адольф 213, 216, 258, 329
 Вагнер Рихард 83, 144, 185, 388
 Вагнер Фридрих 185, 191
 Вакенродер Вильгельм Генрих 7, 57, 120, 168
 Ванновский Стефан 36, 38, 41, 332
 Вармут 133, 152
 Вебер Бернгард Ансельм 99, 108, 136
 Вебер Карл Мария фон 243
 Вегнер 16, 132, 249, 250, 260, 262, 265, 321, 397
 Вейсфлог 289
 Вергилий 23
 Веркмейстер 108, 114
 Вернер Захария 21, 38, 92, 96, 108, 112, 114, 116, 122, 321, 398
 Веспасиан 69
 Ветцель Фридрих Готлиб 120
 Виглеб 37, 88
 Вильгельм Баварский 119
 Виллимчик Курт 391
 Вильманс Генрих 324
 Вильманс Фридрих 324, 341, 342, 359, 361, 362, 363, 365, 367, 369, 373, 374, 383, 398
 Вильмс 188
 Винцер 110, 112
 Витгенштейн 195, 301, 303
 Витцлебен 366
 Вольдерман 247, 343, 367, 369, 375
 Вольф 69
 Вольф Криста 391
 Выбицкий 102
 Гаварни Поль 397
 Гайдн 91, 92, 100, 138, 139, 140, 175
 Гаман 373
 Гарденберг Карл фон 184, 187, 220, 273, 298, 302, 344, 365, 367, 368, 375
 Гегель Георг Вильгельм Фридрих 120, 387
 Гейне Генрих 15, 16, 273, 341, 388
 Геккер 343, 371, 376
 Гельдерлин 7, 8
 Гендель 112
 Генрих II 119
 Генрих IV 23
 Генц Фридрих фон 321
 Герлах 298
 Геррес 302
 Гертель Готфрид Кристоф 153, 154, 184, 191, 222
 Герц Генриэтта 64, 208
 Герцен 389
 Гессе Герман 391
 Гёте 41, 52, 65, 74, 151, 154, 183, 239, 311, 387, 391
 Гильтебрандт 88
 Гиппель Теодор Готлиб фон 18, 21, 23, 30, 33–36, 39–42, 47–50, 53, 57, 60, 61, 65, 68, 76, 80, 82, 83, 85, 88, 89, 90, 95, 97, 107, 109, 111, 113, 184, 186, 187, 215, 216, 222, 223, 230, 233, 240, 246, 249, 257, 318, 319, 323, 335, 360, 366, 371, 378, 383, 393, 396, 400
 Глюк 91, 100, 108, 112, 135, 136, 175
 Гнейзенау 251, 301, 302
 Гогенцоллерны 17, 29, 30, 227
 Гоголь Николай 8, 389, 392
 Годен Амелия 127, 158
 Гойя 22
 Голше А. К. фон 81, 83
 Гольбейн Франц фон 64, 65, 140, 143, 144, 150, 151, 160, 180, 207, 395
 Гольдбек Генрих Юлиус фон 110
 Гольдберг 188
 Гольц Август фон дер 358, 361, 362
 Гораций 25
 Горн Франц 228, 231, 234, 396
 Готье Теофиль 389
 Гофман Кристоф Людвиг 31
 Гофман Эрнст Теодор Амадей

- 5–13, 16, 18–25, 31–41, 47
50, 55–57, 63–65, 73–76,
78, 81–83, 90–97, 99, 100,
102–104, 107–109, 113, 120,
121, 127, 130, 136, 138, 140,
143, 144, 150, 151, 155–159, 163,
164, 167–169, 176–179, 183–
185, 194–196, 211, 213–216,
219, 220, 227–229, 232–
235, 237–242, 244, 245, 248–
254, 256, 257, 259–262, 265,
267, 270, 274–284, 289, 290,
293–296, 298, 307, 314, 315,
317, 321–324, 331, 332, 334–
337, 341–344, 357–370, 375–
382, 383, 385–401
- Гощи 98, 201
Грасгоф 309
Грейм 96
Гретель 157, 161, 162, 163, 165,
241, 396
Гринкуло Эвальд 45
Грольман 301
Грооте 91, 96
Грунер 308
Грутунг 49
Грюневальд 208
Гуаита Георг фон 362
Губиц Фридрих Вильгельм 17,
249, 260, 329
Гумбольдт 236
Гус 313
Гуфеланд 343, 366
Гуцков Карл 65
Гюго Виктор 389
Гюнцель Клаус 5, 6, 10, 13, 400
- Даву 208
Далейрак 184
Дарю 103
Дёбелин Карл 74
Девриент Людвиг 195, 249, 260,
262, 265, 321, 334, 335, 378,
387, 396
Декер Георг Якоб 73
Дёрфер Иоганн Людвиг 49, 55,
74, 394
Дёрфер Иоганна Софи 31
Дёрфер Ловизе Альбертине 31
Дёрфер Луизе Софи 31, 393
- Дёрфер Минна 56, 57, 74, 77,
394
Дёрфер Отто Вильгельм 31, 35,
36, 37
Дитмайер 180, 191
Диттерсдорф 138
Дольчи Карло 207
Дорин 79
Достоевский 389
Дрейсиг 188, 208
Дуранте 112
Дюма 209
Дюма Александр 389
Дюмлер Фердинанд 267, 268,
325, 329, 362
Дюрер Альбрехт 120, 378
- Занд Карл 294, 318
Зебальд 110
Зегерс Анна 391
Зейферт 160
Зекендорф 122
Земан 41, 392
Зоценко Михаил 389
Зюдов 298
- Иванов Всеволод 389
Ифланд Август Вильгельм 65,
69, 107, 116, 191, 232
- Каверин 389
Кайзер 298
Калло Жак 23, 177, 178, 200,
232, 260, 378
Кальдерон 91, 96, 105, 143, 395
Кампц Карл Альберт фон 16,
295, 300–304, 320, 323, 341,
342, 344, 358, 359, 363, 365,
375, 398
Кант Иммануил 30, 39, 41, 49
Каракалла 23
Карельский А. В. 13, 401
Карл Великий 23
Карре Мишель 378
Катилина 67
Кауфман Ангелика 54
Кауш 105, 106
Кауэр 132
Кафка Франц 391
Келлер Иоганн Готфрид 192,

- 195, 202, 205, 207, 208, 210,
213, 216, 217, 218, 388
- Керубини 91, 100
- Кестер 373
- Кинд Фридрих 196, 208
- Кирхэйзен 295, 298, 301, 302,
314, 315, 316, 317, 368, 375
- Киш Эгон Эрвин 378
- Клейст 143, 150, 152, 157, 395
- Клингеман Август Готхильф
195, 334
- Клиндворт Георг 342, 358, 359,
361, 362, 364
- Клуге 214
- Кнобельсдорф 64
- Кнорр Рут 391
- Контесса 232, 236, 239, 241,
273, 283, 284, 289, 360, 397
- Корелли 176
- Корэф Иоганн Фердинанд 273,
283, 284, 319, 329, 397
- Корреджо 54, 63, 69
- Костюшко Тадеуш 10, 73, 102
- Котта 260
- Коцебу Август фон 83, 86, 144,
148, 294, 371
- Краузе 105
- Кретцер Марк 228
- Ксенофонт 37
- Кубин Альфред 391
- Кульмейер 104, 298
- Куно Генрих 120, 121, 122, 126,
143, 180
- Кунради 179, 187, 206, 400
- Кунц Карл Фридрих 121, 132,
133, 140, 141, 151, 152, 155,
160, 161, 162, 164, 165, 166,
169, 177, 178, 179, 180, 185,
188, 194, 200, 201, 207, 212,
219, 221, 229, 231, 240, 325,
395
- Курелла Альфред 391
- Кюс 106
- Кютце Вильгельм 76, 78
- Лаун Фридрих 196, 207, 208,
209
- Лауц 308, 309
- Левин Рахель 64, 66, 110
- Лест Генрих 91, 104, 106
- Либер Франц 294, 312, 313
- Лизер Иоганн Петер 321
- Лиль-Адан Вилье де 389
- Лихтенберг 17, 343, 373
- Лубер 312, 313
- Луиза, королева Прусская 65
- Люттер 313
- Люттер 16, 132, 250, 260, 262,
265, 321, 397
- Маасен Карл Георг фон 390
- Майер Генрих 343, 359, 368,
369
- Мандерле 16, 236
- Манн Томас 391
- Марк Франциска 164, 165, 241
- Марк Юлия 21, 48, 49, 140, 151,
156–168, 169, 177, 241, 274
395, 396
- Маркус Альберт Фридрих 121,
130, 132
- Матушевский 38
- Месмер 214
- Меттерних 321
- Мильо 102
- Михаэлис 302
- Мниох Иоганн Якоб 96
- Молинари Алоиз 56, 60, 394
- Моргенрот Франц Антон 91,
184, 187, 188, 208
- Моретто 231
- Моцарт 19, 26, 41, 65, 91, 92,
100, 105, 108, 135–140, 143,
157, 196, 243, 323, 351, 393
- Мюленфельс Людвиг фон 295,
302, 320, 363, 365
- Мюллер Адам 321
- Мюллер Ганс фон 390
- Мюльнер 144
- Мюрат 102
- Мюссе Альфред де 389
- Нагель 260
- Наполеон 92, 103, 178, 185, 186,
190, 195, 196, 214, 220, 227
- Науман Иоганн Готфрид 48,
187, 188
- Негели 152, 170
- Неберих 325
- Нейман 213

- Нерваль Жерар де 389
 Новалис 7, 8, 19, 20, 57, 91, 322
- Огинский 99
 Опиц 191
 Отгерштедт 360
- Пахельбель 310, 311
 Паэр 103, 200
 Подбельский Христиан 41, 393
 Понятовский Юзеф 102
 Пупп 16, 236
 Пюклер-Мускау Герман фон 273, 282
- Рабенер 343, 371, 377
 Рафаэль 63, 69
 Реберг 69
 Рёдигер Георг Людвиг 295, 301, 304, 365
 Рейль 214, 269, 344, 397
 Реймер Георг 266, 268, 269, 344, 397
 Рейхард Иоганн Фридрих 64, 185, 190, 216
 Рейхенберг 89
 Рельштаб Людвиг 262
 Рихтер Иоганн Пауль Фридрих (Жан Поль) 178, 179, 194, 200, 207, 343, 373, 393
 Роберт 112
 Рорер-Тшцинска Михалина 74, 93, 109, 184, 185, 216, 378, 382, 383, 394, 395
 Ротенхан 122, 152, 160, 161, 166, 169
 Рохлиц Фридрих 136, 137, 153, 184, 191, 192, 216, 218, 219
 Руссо 17, 33, 37, 41, 77, 393
 Руст 267
- Сабин Юлий 69
 Савиньи 301
 Савонарола 88
 Свифт 41
 Секонда Йозеф 155, 177, 179, 183, 184, 185, 189, 190, 192, 193, 194, 196, 199, 207, 208, 210, 212, 214, 218, 221, 396
 Сен-Сир Гивьон 204
- Сервантес 151
 Симанский Иоганн Даниэль 333, 381
 Скотт Вальтер 371
 Смоллетт 343, 393
 Соден 121, 122, 155
 Спонтини 136, 323, 393
 Стерн 41, 393
 Суворов 73
- Тарнов Фанни 166
 Тассо 23
 Тауэнтцин 320
 Тепль Георг Вильгельм Фридрих 120
 Тик Людвиг 7, 20, 22, 57, 64, 91, 99, 120, 122, 228, 231, 234, 241, 396
 Тит 23
 Тициан 69
 Трюшлер Фридрих фон 250, 284, 294, 298
 Турте 309
- Уден 96, 236
 Ульрих Карл 294
- Фабер 38
 Фавье Матье 102
 Фалькенштейн 284
 Фарнхаген Энзе Карл Август фон 107, 112, 296, 301–304, 315, 317–319, 341, 344, 357, 359, 362, 366, 368
 Фафнер 201
 Федин Константин 389
 Фейт Филипп 228, 231, 236, 396
 Фео 112
 Ферстер 301
 Фихте Иоганн Готлиб 107, 112
 Фишер 218
 Флегель 370
 Фоллениус 302
 Фосс Юлиус фон 144
 Фрейд Зигмунд 392
 Фрелих 64
 Фридрих I Прусский 29, 63
 Фридрих II 30, 64, 75, 135, 227, 230
 Фридрих Вильгельм II 64
 Фридрих Вильгельм III 92, 183,

- 185, 186, 295, 297, 298, 303,
367, 397, 398
- Фуке Каролина де ла Мотт 255
- Фуке Фридрих де ла Мотт 88, 136,
141, 142, 143, 159, 211, 228,
231, 232, 234, 235, 236, 241,
243, 244, 247, 254, 256, 273
378, 396
- Хакебек 89
- Хаккерт 68
- Хампе Иоганн Самуэль 56, 91,
109, 394, 395
- Ханзен 192
- Харих Вальтер 390
- Хаспер 311
- Хассе 186
- Хатт Дора 47, 48, 49, 53, 55,
76, 157, 393, 394
- Хель Теодор 208
- Хельвиг 242
- Хельти 372
- Хинрихс 85
- Хитциг Юлиус Эдуард 23, 41,
43, 57, 90–92, 94–96, 99,
101, 104, 105, 110, 112, 121,
132, 141, 142, 189, 216, 228,
231–237, 249, 254, 258, 273,
275, 281, 283, 284, 289, 321,
324, 329, 334, 335, 360, 362,
376–381, 384, 385–387, 394,
396, 397, 400
- Хогарт 97, 178
- Ходовецкий 378
- Хоземанн Теодор 391
- Цастров Вильгельм фон 75, 76, 250
- Цельтер Карл Фридрих 107
- Цицерон 37, 349
- Чернышев 241
- Чернышевский 298, 389
- Чоппе 298
- Шалль 289
- Шамиссо Адельберт фон 23, 91,
107, 112, 228, 231, 232, 234,
236, 241, 249, 273, 281, 396
- Шварц Иоганн Людвиг 74, 75,
76, 77
- Шварценберг 195
- Швейгарт 208
- Шевен 81, 89
- Шези Хельмина фон 249, 250,
251, 269, 397
- Шейдер 110
- Шекспир 65, 140, 144, 146, 148,
149, 393
- Шеллинг Каролина 119
- Шеллинг Фридрих Вильгельм 21,
119, 194, 214
- Шёнеборн Карл фон 130, 163
- Шефер 308
- Шиканедер Эмануэль 142, 143
- Шиллер 41, 63, 69, 148, 333
- Шинкель 229, 254
- Шлегель Август Вильгельм 7, 57,
64, 65, 91, 96, 388
- Шлегель Каролина 57
- Шлегель Фридрих Вильгельм 7,
20, 22, 64, 65, 187, 388
- Шлейермахер 64, 107, 110, 112,
301, 304, 320, 343, 368
- Шметтау Луи 67
- Шмидсек 78
- Шмидт 205
- Шнапп Фридрих 390
- Шонерт 236, 258
- Шопен 91
- Шпейер Фридрих 121, 135, 158,
164, 166, 180, 190, 192, 194,
196, 240, 325
- Шрёдер 148
- Штарке 309, 325
- Штегеман 186
- Штейн Карл 260
- Штенгель 122
- Штеффенс Генрик 119
- Шуберт Готхильф Генрих 21, 120,
195, 201, 214
- Шукман Фридрих фон 295, 298,
301, 303, 318, 320, 342–344,
358, 360, 362, 363, 365, 366,
375
- Шульце 301, 302, 304
- Шуман Роберт 388
- Шюце Штефан 267, 322
- Эйхгорн 236, 308
- Эйхелькраут 196, 207, 208, 212

- Эйхендорф 236
Эленшлегер Адам 242, 256, 325,
331, 397
Эллинггер Георг 390
Эльснер Юзеф 91
Энгельс Фридрих 6, 294
Эренсферд 230
Эсперштедт 260
Этцель 236
Эунике Иоганна 48, 229, 274,
384
- Юнг 302
Юнгер 351
Якоби Конрад 91
Ян Фридрих Людвиг 295, 296, 298,
300–304, 307, 309–318, 320,
398
Янке 307, 308, 309, 310

Е. Кацеева

Э. Т. А. ГОФМАН

Жизнь и творчество. Письма, высказывания и документы

А. Карельский. Жизненные воззрения Э. Т. А. Гофмана . . .	5
Художник в жизни и в искусстве	15
Глава первая. В узах семьи	27
Глава вторая. Искусство и юриспруденция	71
Глава третья. Бамберг	117
Глава четвертая. Среди сражений	181
Глава пятая. Возвращение в "государственное стойло"	225
Глава шестая. К новым берегам	291
Глава седьмая. Незавершенная жизнь	339
Важнейшие даты жизни Э. Т. А. Гофмана	393
Послесловие	400
Н. Литвинец. Комментарий.	401
Е. Кашеева. Указатель имен	456

ИБ 3040
Редактор И. Е. Голик
Художник М. М. Верхоланцев
Художественный редактор А. Н. Алтунин
Технический редактор Е. Ф. Фонченко
Корректор Г. Н. Иванова

Сдано в набор 21. 10. 86. Подписано в печать 31. 08. 87. Формат 84x108/32
Бумага офсетная. Гарнитура Пресс-Роман. Печать офсетная. Усл.
печ. л. 24,36. Усл. кр.-отт. 49,14. Уч.-изд. л. 26,51. Тираж 50000 экз.
Заказ № 1354. Цена 2 р. 90 к. Изд. № 2876.

Издательство "Радуга" Государственного комитета СССР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли.
Москва 119859, Zubovskiy bulvar, 17

Отпечатано с оригинал-макета способом фотоофсет на Можайском
полиграфкомбинате Союзполиграфпрома при Государственном коми-
тете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Можайск, 143200, ул. Мира, 93.